

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

SOCIOLOGY

Издается с сентября 1997 г.
(до 2017 г. – под названием «Социология»)

Выходит один раз в квартал

2

2017

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	ДАНИЛОВ А. Н. – доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: sociology@bsu.by
Заместители главного редактора	ГРИЩЕНКО Ж. М. – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: zhanna0607@mail.ru РОТМАН Д. Г. – доктор социологических наук, профессор; директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: dgrotman@rambler.ru
Ответственный секретарь	КОБЯК О. В. – доктор социологических наук, доцент; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: aleh.kabiak@mail.ru
Бабосов Е. М.	Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Бакиров В. С.	Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Харьков, Украина.
Безнюк Д. К.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Бурова С. Н.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Вятр Е.	Европейская высшая школа права и управления, Варшава, Польша.
Галлиев Г. Т.	Институт непрерывного и дополнительного образования, Уфа, Россия.
Гигин В. Ф.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Головаха Е. И.	Институт социологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Инглхарт Р. Ф.	Мичиганский университет, Анн-Арбор, США.
Кечина Е. А.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Кизима С. А.	Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь
Клингеман Х.-Д.	Берлинский центр социальных наук, Берлин, Германия.
Коростелева Е. А.	Кентский университет, Кентербери, Великобритания.
Курилович Н. В.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Кучко Е. Е.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лапина С. В.	Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Лихачёв Н. Е.	Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Матулионис А.	Институт социологии Литвы, Вильнюс, Литва.
Рубанов А. В.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Рудь В. Г.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь (заведующий редакцией издания «Журнал Белорусского государственного университета. Социология»).
Симхович В. А.	Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
Соколова Г. Н.	Центр политической и экономической социологии Института социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Стёпин В. С.	Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия.
Титаренко Л. Г.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т.	Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Филинская Л. В.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Херпфер К.	Венский университет, Вена, Австрия.
Черняк Ю. Г.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Чурилов Н. Н.	Институт социологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Шавель С. А.	Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Щелкова Т. В.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	DANILOV A. N. , doctor of science (sociology), full professor, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus; head of the department of sociology of the faculty of philosophy and social science of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: sociology@bsu.by
Deputy editor-in-chief	GRISHCHENKO Zh. M. , PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social science of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: zhanna0607@mail.ru
ROTMAN D. G. , doctor of science (sociology), full professor; director of the Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: dgrotman@rambler.ru
Executive secretary	KABIAK A. V. , doctor of science (sociology), docent; professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social science of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: aleh.kabiak@mail.ru
-
Babosov Y. M.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Bakirov V. S.	Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine.
Beznyuk D. K.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Burova S. N.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Vyatr J.	European School of Law and Administration, Warsaw, Poland.
Galliyev G. T.	Institute of Continuous and Additional Education, Ufa, Russia.
Hihin V. F.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Golovakha E. I.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Inglehart R. F.	University of Michigan, Ann Arbor, USA.
Kechina E. A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kizima S. A.	Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Klingemann H.-D.	Berlin Social Science Center, Berlin, Germany.
Korosteleva E. A.	University of Kent, Canterbury, United Kingdom.
Kurilovich N. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kuchko E. E.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Lapina S. V.	Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Likhachyov N. E.	Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Matulionis A.	Institute of Sociology of Lithuania, Vilnius, Lithuania.
Rubanau A. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Rud V. G.	Belarusian State University, Minsk, Belarus (head of the editorial staff of the «Journal of the Belarusian State University. Sociology»).
Simkhovich V. A.	Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
Sokolova G. N.	Centre for Political and Economic Sociology of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Stepin V. S.	Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Titarenko L. G.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T.	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Filinskaya L. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Herpfer K.	University of Vienna, Vienna, Austria.
Chernyak Y. G.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Churilov N. N.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Shavel S. A.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Shchyolkova T. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 316.62

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ РОЛИ НЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В СИСТЕМНОМ РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА

С. А. ШАВЕЛЬ¹⁾

¹⁾Институт социологии Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, д. 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Рассмотрены методологические основания анализа неэкономических факторов экономического роста и системного развития общества. Исследуются семантика факторного подхода, социологические теории факторов, детерминирующих историческую эволюцию общества, экономические теории факторов производства, современные факторные парадигмы. Эксплицируются такие неэкономические ресурсы, как социальный капитал, человеческий капитал, архетипы и другие элементы коллективного бессознательного.

Ключевые слова: фактор; факторные парадигмы; архетипы; мотивация; детерминизм; социальный капитал; человеческий капитал; инновации; психологические факторы.

METHODOLOGICAL GROUNDS FOR RESEARCHING THE ROLE OF NON-ECONOMIC FACTORS IN THE SYSTEMIC DEVELOPMENT OF SOCIETY

S. A. SHAVEL^a

^aInstitute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus,
Surganova Street, 1, building 2, 220072, Minsk, Belarus

Considered are the methodological grounds for analyzing the non-economic factors of economic growth and systemic development of society. Studied are the semantics of the factor approach, sociological theories of factors determining the

Образец цитирования:

Шавель С. А. Методологические основания исследования роли неэкономических факторов в системном развитии общества // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 2. С. 4–16.

For citation:

Shavel S. A. Methodological grounds for researching the role of non-economic factors in the systemic development of society. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 2. P. 4–16 (in Russ.).

Автор:

Сергей Александрович Шавель – доктор социологических наук, профессор; главный научный сотрудник.

Author:

Sergei Shavel, doctor of science (sociology), full professor; principal researcher.
d-v-nazarova@yandex.by

historical evolution of society, economic theories of the factors of production, modern factor paradigms. Explicated are such non-economic factors as social capital, human capital, archetypes and other elements of the collective unconscious.

Key words: factor; factor paradigms; archetypes; motivation; determinism; social capital; human capital; innovations; psychological factors.

С приходом мирового финансово-экономического кризиса, начавшегося в США с краха ипотеки, банкротства ряда крупных банков и финансовых организаций, прошло уже десять лет. Кризис прокатился по всему миру, вызвал множество непредсказуемых негативных последствий, главным из которых стало существенное замедление темпов экономики как развитых, так и переходных и развивающихся стран, включая экономику Китая, «четыре азиатских тигра» (экономику Южной Кореи, Сингапура, Гонконга и Тайваня) и др. Эти последствия не преодолены и сегодня, более того, не вполне ясны причины кризиса. Так, в числе каузальных атрибуций (приписываемых причин) кризиса следующие: рассогласование спроса и предложения; «перегрев» экономики; избыток денег на мировых финансовых рынках; банковские махинации; спекуляции деривативами, т. е. знаками, производными от «правильных» (нормальных) денег, используемых для безналичных расчетов, и т. п. С социологической точки зрения непонятно, почему ведущие страны вопреки многочисленным критическим выступлениям столь упорно уклоняются от обсуждения феномена потребления во всех деталях его идеологии и стратегии.

Для нашей темы, однако, наиболее существенно то, что современный мировой кризис заставляет экономику еще раз, и более пристально, обратиться к неэкономическим факторам собственного роста и системного развития общества в целом. Все более очевидной становится необходимость восстановления и обогащения факторного подхода, реконструкции прежних факторных теорий, ассимиля-

ции содержащихся в них полезных идей, разработки и применения новых подходов с учетом быстро изменяющихся объективных условий и ситуационных обстоятельств. И поскольку экономические факторы – это постоянный предмет исследований экономической теории, социология и другие социогуманитарные науки по своей природе и генезису должны сосредоточиться на факторах неэкономических.

Примечательно также стратегическое использование советским руководством факторного подхода во второй половине Великой Отечественной войны. Так, в декабре 1943 г. состоялось совместное заседание Политбюро ЦК ВКП(б), Государственного комитета обороны СССР и Ставки Верховного главнокомандования. В военное время оно проходило без протоколов. «На заседании, – по словам Е. Цветаева, – тщательно исследовались не только наличие, но и тенденции дальнейшего развития основных факторов, предопределяющих ближайшую перспективу войны и характер стратегических планов Советских Вооруженных Сил» [1, с. 153]. Учитывались следующие факторы:

- 1) перевес СССР в силах и средствах;
- 2) стратегическая инициатива;
- 3) выгодное расположение войск;
- 4) накопление крупных резервов всех видов;
- 5) слаженность работы тыла;
- 6) исключительное моральное превосходство над врагом.

Важно, что действие этих факторов разворачивалось в полную мощь именно сейчас [1, с. 153].

Семантика факторного подхода

Факторное мышление – один из наиболее естественных, понятных и релевантных (направленных к цели) способов поиска решений жизненно важных проблем и задач. Нетрудно понять, что, поскольку любой процесс, в который включен человек, все коллективные и индивидуальные деяния, события и т. д., состоит, как правило, из множества компонентов, выбор пути требует взвешивания каждого из них, оценки силы их взаимных связей, возможности их регулирования, комбинирования и пр. Именно поэтому такой вариант известен и широко используется с древних времен: первоначально – в повседневной практике, позже – в опытной, экспериментальной науке. Очевидно, что еще в период собирательства – начальной стадии социогенеза – человек должен был прежде всего научиться отличать в среде обитания существенное

от несущественного или вредное от полезного. Но для успешного сбора даров природы – трав, грибов, ягод, диких злаков и т. д. – нужно было хорошо знать, в каких местах (лакунах) они произрастают, при каких условиях дают богатый урожай, а когда деградируют. Соответствующий опыт и навыки закреплялись, накапливались и передавались поколениям. Что касается науки, то в ней факторное мышление развивалось по логическим схемам причинно-следственных связей (антецедента – консеквента), унаследованных от Аристотеля и других мыслителей-логиков.

Термин «фактор» (от лат. *factor* – делатель, производитель) на русский язык иногда переводят словом «виновник» [2, с. 545]. На наш взгляд, это не вполне корректно, поскольку ассоциируется с героем рассказа А. П. Чехова «Злоумышленник»,

откручивающим гайки с полотна железной дороги на грузила для рыбной ловли. Конечно, отдельные факторы могут иметь негативный характер – засухи, наводнения, радиация, загрязнение экологии и т. п., – но смысл любого фактора только в том, что он является причиняющей силой, а не виновником в юридическом понимании тех или иных консеквентов. (В конце концов, и чеховский герой нуждался в грузилах, а не в аварии на железной дороге.)

Социологические теории факторов. К ним относят многие концепции, пытающиеся объяснить историческое развитие общества (человечества) детерминирующим влиянием одного или ряда факторов. Однофакторные теории по традиции называют детерминистскими с добавлением предиката, указывающего на то, какой именно детерминизм имеется в виду. К числу наиболее распространенных относят следующие.

1. Географический детерминизм. Утверждает, что решающим фактором исторической эволюции общества является географическая среда как совокупность всех явлений и объектов природы, вовлеченных в жизнедеятельность людей (литосфера, атмосфера, воды и почвы, флора и фауна и др.) Некоторые авторы особо акцентируют роль климата, например Ш. Монтескье [3], великих рек – Л. И. Мечников [4], «кормящего ландшафта» – Л. Н. Гумилёв. Детальный анализ географического детерминизма, как и других детерминистских теорий, в нашу задачу не входит, поэтому мы ограничимся лишь отдельными комментариями. Во-первых, речь не идет о том, чтобы выделить, изучать и использовать географические факторы – ландшафт, реки или климат, что, безусловно, необходимо и полезно. Суть данного вида детерминизма заключается в доказательстве того, что именно среда обитания императивно формирует специфические обычаи и нравы, характер народа и его энергетический потенциал (пассионарность, по Л. Н. Гумилёву). Все это якобы предопределяет деятельность и поведение людей, а через них – ход истории на территории их проживания. Во-вторых, люди – их характеры и диспозиции, как и вся их жизнь – изменяются очень быстро, несмотря на то что географическая среда – это практически неизменяемая величина. В-третьих, давние споры о благоприятных или неблагоприятных условиях оказались тупиковыми. Как известно, одни считали, что лучший для жизни климат – морской, субтропический, ибо он облегчает адаптацию и способствует развитию; другие – что северный морозный, так как он формирует нордический (стойкий) характер, пробуждает активность, прогоняет изнеженность (лень), заставляет мобилизоваться, а значит развиваться. Правых, в общем-то, нет, что доказывает относительность географических факторов. Сегодня о географическом детерминизме вспоминают редко. Зато активно развива-

ются физическая география и другие дисциплины аналогичного направления.

Заслуживает внимания интерпретация старого спора социологов и географов, предложенная известным французским философом и социологом Р. Ароном. Он писал: «Человек не есть ни узник, ни раб своей природной среды, он способствует ее созданию, но пассивно ей не подчиняется. <...> Географ (на упреки в свой адрес. – С. III.) ответит, что он помогает *понять* поведение человека, опирающегося на природу при создании обществ, что он из него выделяет рациональное зерно. Но могли дать – и дали – этой бессильной географической каузальности другую интерпретацию (т. е. детерминистскую. – С. III.). Социологи увидели в ней главную ошибку географического тезиса (который сегодня существует только среди тех, кто с ним воюет). Они отмечают, что данные географии никогда не носят пояснительного характера, ибо порождают то одни последствия, то другие. Можно ли понять, чтобы одна и та же причина в зависимости от разных случаев порождала различные следствия. Это равноценно утверждению, что она не есть причина. Неизбежный провал подтвердит дюркгеймовская школа: “социальный факт обязательно имеет в качестве причины другой социальный факт”» [5, с. 283]. Безусловно, социологический взгляд может быть значительно расширен и уточнен, но принципиально он согласуется с тем, что отметил Р. Арон. Социологи, действительно, часто противопоставляли компаративный метод монографическому, но, как справедливо замечает Р. Арон, «цель у обоих методов различна и поэтому один не исключает другого» [5, с. 384]. Более того, они могут дополнять друг друга, комплексироваться, что особенно важно при изучении веса и роли факторов.

2. Политический детерминизм. Решающим фактором признает политику. Одним из примеров такой позиции был Ж. Сисмонди – швейцарский экономист, критиковавший капитализм с мелкобуржуазных позиций. Г. В. Плеханов, оценивая его учение, отмечал: «Сисмонди приурочивает судьбы народов к одному основному фактору: “к правительству”, т. е. к политическому строю данной страны. Характер народа всецело определяется характером правительства. <...> Он придавал понятию “правительство” преувеличенно широкое значение: оно охватывало у него *решительно все свойства данной социальной среды*, все особенности данных общественных отношений» [6, с. 522–523].

История свидетельствует о том, что с зарождением в рамках родовой (общинно-племенной) организации института государства между политикой и экономикой началась борьба за приоритетную роль в обществе. Первую персонифицировали слуги государства, аппарат власти и управления всех уровней, вторую – собственники экономических ре-

сурсов (земли, капиталов, рабочей силы), владельцы инфраструктурных объектов, транспорта, торговли и других результатов хозяйственной деятельности. Первые государства образовались в эпоху энеолита (медно-каменного века), в конце IV тыс. до н. э., в долинах рек Нила, Тигра и Евфрата. С тех пор процесс государствообразования не прекращается. Сегодня число суверенных стран составляет более 200. Этот показатель вырос с послевоенного времени более чем в три раза.

Любое возникающее государство озадачено в первую очередь укреплением политики, т. е. своей власти, своего административного ресурса. Неслучайно еще Н. Макиавелли, описывая в своем известном трактате «Государь» (1513) способы создания сильного государства, советовал не стесняться в средствах и подчинять политике все, не исключая религию.

Тем не менее при всей значимости политики, при всей важности таких ее функций, как защита территории, укрепление порядка и безопасности, поддержание стабильности и устойчивости развития, социальных гарантий и т. д., термин «политический детерминизм» не прижился ни в научных разработках, ни в обиходе. Выяснилось, что наряду с государством существуют институты гражданского общества, частная жизнь людей, духовные и культурные процессы, прямое регулирование которыми неэффективно или вообще невозможно: для этого нужны иные – более гибкие, опосредованные, мотивирующие – средства, взаимовыгодные партнерские отношения. В то же время гипостазирование политики (в духе «воли к власти» Ф. Ницше), как показывает исторический опыт, чревато системными аномалиями – этатизмом, абсолютизмом (воплощенным в любимой фразе Людовика XIV: «Государство – это я»), тоталитаризмом, фашизмом и т. п.

3. *Антропологический детерминизм.* Приоритетное значение отдает природе человека. Природа человека, как научная категория, чрезвычайно сложна, содержит ряд противоречивых тезисов и потому вызывает бесконечные дискуссии. С древних времен природу человека искали для того, чтобы дать ему строгое определение, т. е. найти такой признак-предикат, который был бы атрибутивен только человеку и тем самым отделял бы его от всех других животных. В историю вошли два примера: 1) Диоген, который в ясный день бродил по рынку с зажженным фонарем и на вопрос, что он делает, отвечал: «Ищу человека»; 2) аргумент против дефиниции «человек – это двуногое без перьев», выдвинутой одним из остроумцев, принесшим на собрание полемистов ощипанного петуха.

В современную науку вошел вариант, предложенный шведским натуралистом, отцом биологической таксономии К. Линнеем. Он дал нашему

виду название *Homo sapiens* – человек разумный – и определил человека как существо, способное к абстрактному мышлению. Здесь уместно учитывать следующие моменты.

Во-первых, несмотря на общепринятость и конституитивность дефиниции К. Линнея, как и ряда предыдущих определений человека, в числе которых *Zoon politikon* – животное политическое (Аристотель), *Homo erectus* – человек прямоходящий, *Homo liber* – человек свободный (Спиноза) и др., поиски и осмысление признаков-атрибутов (собственно человеческого в человеке) продолжались и продолжают. Сегодня имеется около 30 предикативных форм, претендующих на атрибутивность относительно человека. В их числе *Homo faber* – производитель орудий труда (Б. Франклин), *Homo patiens* – человек терпеливый (М. Шелер), *Homo economicus* – человек экономический, *Homo creator* – человек-творец, *Homo pictor* – человек-художник, *Homo symbolicum* – человек символический (Э. Кассирер) и т. д. Возможно, эти формообразования отражают не внешние аспекты, поверхностные стороны, а действительные ипостаси человека как целостного, но многообразного существа, что делает их осмысленными и эвристичными, в соответствии с известным принципом дополнительности Н. Бора.

Во-вторых, по правилам биологической номенклатуры названия подвидов должны быть тринминальными, т. е. состоять из трех слов. Поэтому и в современной литературе иногда используется название человека *Homo sapiens sapientis*, которое отдельные антропологи переводят как «дважды разумный», видимо, имея в виду способность к рефлексии. Но это трехсловное выражение – сегодня практически не употребляемое – понадобилось для отделения современных людей от неандертальцев. По этому поводу Е. Я. Тетушкин пишет: «Авторы, которые его употребляют, считают современных людей одним из подвидов *Homo sapiens*. Обычно он противопоставляется подвиду *Homo sapiens neanderthalensis*, неандертальцу» [7, с. 21]. Далее автор приводит данные геномных исследований и делает вывод: «Поскольку мы все-таки несем множество неандертальских генов (как результат имевших место «относительно редких мезальянсов». – С. III.), благодаря которым наши далекие предки сумели выжить в суровых условиях Евразии, отдадим должное неандертальцам и признаем их одним из подвидов (рас) нашего вида» [7, с. 22].

Интересно, что о возможности их территориального смешивания писал еще Т. де Шарден: «Поверх неандертальцев оказывается *Homo sapiens*, совершивший внезапное нашествие, подгоняемый действиями климата или душевным беспокойством. Откуда пришел этот новый человек?.. При любой гипотезе имеется один безусловный факт,

допускаемый всеми. Человек, которого мы замечаем в конце четвертичного периода (30 тыс. лет до н. э. – С. III.), это уже современный человек во всех отношениях» [8, с. 162].

В-третьих, к методологии исследования природы человека можно отнести и следующие слова К. Маркса: «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, а пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении работника, т. е. идеально. В том, что дано природой, он осуществляет в то же время и свою сознательную цель, которая, как закон, определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинить свою волю» [9, с. 185]. Это положение и сегодня широко используется в социогуманитарных науках. Понятие «идеальное» имеет важное методологическое значение для раскрытия генезиса философского идеализма (Платона, Г. В. Ф. Гегеля, Дж. Беркли и др.), объяснения феномена мышления, создания искусственного интеллекта и, конечно, понимания природы человека. «Идеальное, – по словам Э. В. Ильенкова, – есть не что иное, как форма вещи, но вне вещи, а именно в человеке, в форме его активной деятельности существующая, общественно-определенная форма активности человеческого существа. В природе самой по себе, в том числе и в природе человека как биологического существа, идеального нет» [10, с. 189]. Говоря о природе человека, обычно предполагают, что она неизменна, универсальна, наследуема, дана, а не создаваема, присуща всем и каждому.

Не все из этих модусов другие авторы признают бесспорными. Прежде всего опровергается неизменность человеческой природы. Так, К. Маркс, говоря о формировании неорганического тела человека, отмечал: «Предмет, данный самой природой, становится органом его деятельности, органом, который он присоединяет к органам своего тела, удлинняя таким образом, вопреки библии, естественные размеры последнего» [9, с. 186]. Таких природных «удлинителей» и «усовершенствователей» своих органов человек *ab ovo* (изначально) находил все больше. Палка, очищенная от веток, могла использоваться как бита, пика, каталка, трость и т. п., камень – как молоток, кувалда, метательное ядро и пр., лиана – как бечевка, леска, ловчая петля,

основа плетений и др., отщепы – как скребки, ножи, пилки. И все это – задолго до появления каких-либо металлических инструментов, протезов, очков, средств защиты и др.

4. *Экономический детерминизм.* Это синонимическое название марксизма было введено его противниками Э. Бернштейном, К. Каутским и др. Вообще, классики марксизма не употребляли термин «детерминизм» (в лапласовском смысле) применительно к историческому развитию общества. Они только утверждали определяющую роль способа производства. Абсолютизация этой идеи некоторыми их последователями позволяла интерпретировать марксизм как экономический детерминизм. Неслучайно позже Ф. Энгельс в письмах Й. Блоху пояснял: «Маркс и я отчасти сами виноваты, что молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отвергали, и не всегда находилось время, место и возможность отдавать должное остальным моментам, участвующим во взаимодействии» [11, с. 397]. Как видно, это психологическое объяснение ситуации, но Ф. Энгельс затрагивает и содержательную сторону. Он отмечает: «Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс больше никогда не утверждали» [11, с. 394]. Очевидно, что «воспроизводство действительной жизни» никак не сводится к экономике. Прежде всего это демографический процесс, рождение детей. Воспроизводство жизни включает также воспитание, образование, социализацию, здравоохранение, гражданскую идентичность и др. В реальном процессе они выступают как относительно независимые переменные. Приведенные слова Ф. Энгельса могли бы если не снять, то смягчить критику и дать новое направление дальнейшей разработке теорий. К сожалению, они были опубликованы с большим опозданием и не смогли поколебать ни одну из сторон, участвующих в полемике.

5. *Технологический детерминизм.* Ведущим фактором исторической эволюции общества признает технологию. Однако при всей важности технологии производства детерминировать развитие общественных систем она неспособна. В настоящее время это направление отчасти смыкается с научно-техническим прогрессом, отчасти уходит в другие формы.

Экономическая теория факторов производства

Где бы ни проводилось изучение неэкономических факторов экономического роста и в целом поступательного движения общества, оно нацеле-

но на поиск и расширение пространства тех полезных и эффективных ресурсов, которые могут быть успешно использованы – как для замещения, так

и для дополнения других – в конкретных условиях места и времени. Вполне очевидно, что такой подход требует некоторой имплицитной компаративности, т. е. сопоставления с теми собственно экономическими факторами, которые уже давно вошли в теорию или только вводятся в науку.

Зачатки первых экономических идей, как и первые экономические термины, связывают с философами Древней Греции. Так, Аристотель ввел понятие «экономия» (от греч. *oikonomia*) как искусство ведения домашнего хозяйства, противопоставил его «хрематистике» как безнравственному обогащению. От первого слова произошел термин «экономика», обозначающий сферу общества, научную дисциплину и совокупность отношений. «Хрематистика», к сожалению, не вошла ни в научный аппарат, ни в повседневный обиход, хотя в современном мире широко распространена и имеет тенденцию к росту. Платон и Аристотель ввели для оценки продукта критерий полезности по причине, которая сегодня выглядит абсурдной: они считали физический труд (в основном рабов) неприличным, поэтому даже помыслить о трудовой стоимости товара не могли. Известна следующая оценка вклада Аристотеля в историю экономической мысли: «Простейший анализ особенностей и противоречивого характера обмена – бессмертная заслуга Аристотеля» [12, с. 236]. Вместе с тем К. Маркс отмечал: «Итак, Аристотель сам показывает нам, что именно сделало невозможным его дальнейший анализ: это – отсутствие понятия стоимости» [13, с. 66]. Заметим также, что рабовладельческая идеология и соответствующий ей образ мышления государственной власти и состоятельных граждан Греции создали непреодолимые препятствия и для разработки философами проблематики экономического роста полисов. Труд, например, изначально выносился за пределы анализа, поскольку был уделом рабов. Римские мыслители, как и греческие, не могли представить хозяйственную деятельность – обработку крупных поместий (латифундий), строительство дорог, культовых зданий, морских судов-трирем, вино- и маслоделание, ремесла и промыслы и т. д. – без использования рабского труда. Однако если для свободных греков раб был говорящей вещью, орудием, то ряд римских мыслителей призывали видеть в них людей и соответствующе относиться к ним. Так, крупнейший философ-стоик Луций Сенека писал: «Они рабы, но они люди». Он говорил о равенстве свободных и рабов, правда, не в социально-политическом, а в фаталистическом смысле, т. е. подразумевал равенство перед фатумом как судьбой, роком. Ф. Энгельс назвал Л. Сенеку «дядей христианства», поскольку многие его идеи – не только равенства, но и любви к ближнему, личной добродетели, самосовершенствования и др. – были ассимилированы христианством и вошли в состав его идеологии.

Нельзя не отметить и тот мировоззренческий переворот, который принесло с собой христианство, в том числе и в представлениях о хозяйственной жизни и роли в ней человека. Прежде всего это бескомпромиссное отрицание рабства (естественного в языческом мире) и деятельное утверждение равенства. Так, Апостол Павел в Послании к Галатам утверждает: «Нет уже ни Иудея, ни язычника; нет ни раба, ни свободного; нет ни мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3,28). Здесь выделены лишь некоторые из различий между людьми (социальными группами и категориями), но именно эти различия вызвали в то время самую напряженную рецепцию. Чем отличались, например, иудеи от язычников? Конечно, имеются в виду не этнонациональные, а конфессиональные и ментальные различия. Известно, что иудаизм был первой религией монотеизма (одного бога), высшей в этом смысле по отношению к политеизму. Это позволяло считать политеистов-язычников варварами, т. е. людьми, верующими в такие мистические пережитки, как анимизм, тотемизм, фетишизм и т. п. С принятием христианства эти различия устранились. Аналогично и с различиями между рабами и свободными: декларирование равенства людей перед Богом, безусловно, несовместимо с рабством, хотя оно существовало и у христианских народов вплоть до XIX в., а кое-где точечно имеет место и сегодня. Что касается различий по полу, то, хотя христианство их принципиально отменило, борьба за гендерное равенство не прекращается.

Нельзя переоценить вклад христианства в возвышение труда: именно в нем всякий человеческий труд признается делом богоугодным, а значит, и одним из основных факторов хозяйственной жизни, укрепления сообщества и развития самого человека.

Крайне важное, экзистенциальное значение, в том числе и для современной цивилизации, имеет трудовая мораль, основы которой заложило христианство. Вспомним знаменитое изречение Павла: «Ибо, когда мы были у вас, – обращается он к фессалоникийцам, – то завещали вам *сие*: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фес. 3,10). Эти слова бесконечно повторяются, по-разному интерпретируются, иногда, к сожалению, кощунственно. Но главное, что вытекающее из этих слов осуждение иждивенчества, тунеядства, паразитизма, лентяйства, лихоимства, нетрудовых доходов и прочих пороков твердо вошло в состав общечеловеческих нравственных ценностей. Однако корни таких иждивенческих установок глубоки. Еще Павел замечал: «Но слышали, что некоторые у вас поступают бесчинно, ничего не делают, а суетятся» (2 Фес. 3,11). Он указывает на то, что есть другой, помимо христианского увещания и убеждения, путь исправления тунеядца: если он не слушает слов, «не общайтесь с ним, чтобы устыдить его». И в заключение просит: «Но не считайте его за врага,

а вразумляйте как брата» (2 Фес. 3,15). Увы, этих средств оказалось недостаточно, и только спустя 16 столетий протестантизм – путем профессионального призвания, психологического вознаграждения сотериологического типа, а также (в кальвинизме) угрозой зачисления в категорию «отверженных» – смог создать действенный механизм религиозной мотивации труда. Но это отдельная тема.

Впервые вопрос о факторах как источниках богатства был поставлен в экономическом учении меркантилизма (от фр. *mercantilisme* – торговый, коммерческий; в обиходе – торгашеский, мелочно-расчетливый). Однако сторонники этой теории остановились на однофакторной модели, полагая, что источник богатства находится в сфере обращения и им являются накопленные в стране деньги. О том, откуда вообще берутся деньги (у покупателя товара) и как они превращаются в капитал, они не задумывались. И хотя меркантилизм вошел в историю тем, что ввел в научный оборот термин «политическая экономия» (автор термина – А. М. де Ваттевиль), в поздний период он пришел фактически к отрицанию своей исходной идеи. Тот же А. М. де Ваттевиль писал: «Не обилие золота и серебра делает государство богатым, но наличие предметов, необходимых для жизни и для одежды». Заметим, что сегодня, когда многие страны принимают законы против роскоши (недавно такой закон принят в Испании), интересно его суждение о том, что роскошь есть «для государства чума и роковое разорение» [14, с. 9].

Следующее направление представлено физиократами (провозглашают власть природы). Для них главный фактор экономического роста и источник общественного богатства – земля и труд на ней. Эта идея, безусловно, была правильная, но выделение только земледельческого труда лишало возможности учитывать роль других видов деятельности: торговли, ремесла, позже промышленности, науки. К тому же советский опыт полной национализации земли – вначале помещичьих владений, затем крестьянских наделов путем коллективизации – ведет к тому, что земля становится государственной территорией и все меньше учитывается как экономический фактор.

Классическую триаду основных экономических факторов – *земля, труд и капитал* – ввели и обосновали родоначальники политической экономии как самостоятельной науки А. Смит и Д. Рикардо. В экономической теории эти факторы называют основными, главными, имея в виду их атрибутивный характер, а именно то, что без них невозможна никакая хозяйственная деятельность, никакое производство товаров и услуг, а значит, и воспроизводство, по словам К. Маркса, «действительной жизни». Классическую триаду факторов, в принципе, никто не подвергает сомнению, но в их

число постепенно включаются все новые элементы, претендующие на доминирующую роль. Так, маржинализм преобразовал триаду в квартет, введя предпринимательскую деятельность в качестве четвертого главного фактора. Заметим, что маржинализм (от англ. *marginal* – предельный) исследует не сущность явления, а его преобразования при изменении других величин, например, как изменится удовлетворение потребности при добавлении еще одной единицы оцениваемого продукта. Слова «предел» или «маржинальный» используются экономистами в смысле «дополнительный». В примере П. Самуэльсона, если дополнительный (маржинальный) доход составил 1 тыс. долл., т. е. увеличился, например, с 3 тыс. до 4 тыс. долл., то он распределится так: 890 долл. – на потребление, а 110 долл. – на сбережения [15, с. 263]. Что касается четвертого фактора, то в такой модели, на наш взгляд, есть противоречие. Ведь предпринимательская деятельность, говоря строго логически, это один из видов труда, следовательно, необходимо или не включать ее в число основных экономических факторов, или наряду с ней дополнить модель такими важными для экономики видами деятельности, как торговля, образование, социальное обслуживание, наука и т. д. Собственно, по такому пути и идут многие экономисты, относя к основным факторам, например, управление (в кибернетическом смысле слова), информацию, институты, деньги (монетаристы), собственность (неолибералы).

Следует учитывать и то, что в связи с эволюцией экономики ряд исследователей рассматривает факторные парадигмы как образцы экономических решений и стратегий. Первой факторной парадигмой в истории общества стало выделение двух ведущих факторов производства: природных ресурсов (земли) и труда на ней. В знаковой форме эта модель может быть записана: $\Pi = f(Z, T)$, где Π – продукт, создаваемый производителем, Z – земля, T – труд, f – функция взаимодействия последних. Концептуальное обоснование этой парадигмы осуществили физиократы, позже она получила название «аграрная (крестьянская) экономика». Ей изначально присущи недостатки: во-первых, сведение труда к земледелию; во-вторых, выделение из всего богатства природных ресурсов только земель, пригодных для ведения сельского хозяйства (тех, которые Л. Н. Гумилёв называл кормящим ландшафтом); в-третьих, полное элиминирование роли капитала. Фактически даже на первобытной стадии кочевой жизни – собирательства даров природы, охоты и рыбной ловли – невозможно было обходиться без примитивных орудий и средств труда, и люди их изготавливали, совершенствовали, все более широко использовали. Это и были первые элементы физического протокапитала. Неолитическая революция, приведшая

к возникновению земледелия, домашнего животноводства и оседлости, бесконечно усилила потребность в изобретении новых орудий, особенно в эпоху энеолита (медно-каменного века) в связи с возможностью первого применения металла. Но логику физиократов, т. е. их игнорирование капитала, можно понять: они боролись с меркантилистами, для которых главным фактором (источником богатства) были деньги, а сферой добычи – торговля, обмен.

Второй факторной парадигмой стала классическая триада факторов *земля, труд, капитал*. Сегодня предпринимаются попытки модификации данной модели путем выделения из основных факторов доминирующих, оказывающих регулятивное воздействие на остальные. С помощью таких приемов обосновываются новые парадигмы.

Третья факторная парадигма выделяет в качестве доминирующего фактора капитал. Ее формула: $P = f(K) + f(Z, T)$, т. е. продукт есть функция капитала плюс некоторые вспомогательные функции земли и труда. Согласно данной парадигме все остальное, используемое в производстве, работает на капитал и подчиняется ему. При этом сам капитал все больше конвертируется в денежную форму финансового капитала и виртуализируется в различные деривативы, электронные деньги, пирамиды и проч. Если подчинение труда капиталу известно давно, то претензии на такой фактор, как земля, вызывают недоумение. Имеется в виду не только кормящий ландшафт сельхозугодий, но и такие природные ресурсы, как полезные ископаемые, артезианские и наземные водные бассейны, леса, болота и др. Нельзя не согласиться с антикапиталистами (критиками данной парадигмы), которые считают, что денежный и виртуальный капитал отрывается от реалий жизни, производительных процессов, направленных на удовлетворение разумных потребностей, деформирует общечеловеческие ценности, нормы и правила человеческого общежития, создавая систему примитивного манипулирования индивидами, народами, странами и мировым сообществом в целом.

Четвертая факторная парадигма в качестве доминирующего фактора выделяет человеческий потенциал. Формула данной парадигмы следующая: $P = f(T, K) + f(Z)$, т. е. продукт есть функция труда и капитала плюс дополнительная функция земли. Человеческий потенциал, понимаемый как совокупность реальных возможностей индивида (коллектива) по изготовлению определенных общественно значимых благ и оказанию услуг, представлен в двух классических факторах – труде и капитале. В труде он составляет человеческий капитал: знания, профессиональный опыт, навыки, призвание к данному роду занятий, профессии, здоровье и др. В факторе капитала – это предпринимательская способность, особый вид человеческой

активности, направленной на комбинацию и оптимизацию связей между всеми другими факторами производства. Специфические отличия этой способности от репродуктивной и сугубо исполнительской деятельности состоят в том, что для нее характерны высокая мотивация инновационного поиска, желание и умение внедрять новшества – новые продукты (товары) и услуги, новые технологии и формы организации дела (бизнеса), осваивать новые рынки, искать новых заказчиков и потребителей и т. д. Причем все это осуществляется с характерной для предпринимательства готовностью к риску, по возможности взвешенному, заранее просчитанному. Предпринимательская способность по своему характеру, масштабам и результатам аналогична высококвалифицированному труду, но вместе с тем она представляет собой, в терминологии К. Маркса, «самовозрастающую стоимость». Такое «самовозрастание стоимости» обеспечивается не в последнюю очередь экономией, ресурсосбережением в конкретном производстве. «Предприниматель, – по словам В. В. Градобоева, – выбирает такую технологию производства, при которой дефицитный или сравнительно дорогой фактор производства используется в меньшей мере. Именно этому обстоятельству общество обязано появлением высотных зданий при ограниченности свободной земли, полупроводников, заменителей, многообразных моделей бензиносберегающих машин и т. п. Предпринимательство, таким образом, предполагает использование различных комбинаций факторов производства, руководствуясь потребностями неизбежного снижения издержек производства. Оно исчисляется путем сопоставления рыночной цены и затрат на изготовление предельного продукта» [16, с. 169–170]. Здесь можно заметить отдельные преувеличения, скажем, появление в США первых небоскребов вряд ли связано с нехваткой земли, но общая линия анализа, безусловно, оправдана.

Очевидно, что выделенная здесь четвертая факторная парадигма наиболее перспективна, о чем свидетельствует и пристальное внимание мирового сообщества к индексам человеческого потенциала. Этот потенциал, в отличие от физического капитала, не подвержен моральному устареванию, девальвации, кризисным катаклизмам. Наоборот, общий тезаурус человеческих возможностей имеет тенденцию к экспоненциальному росту, а пространственное распространение обладает кумулятивным эффектом по логике древней мудрости: «Если вы обменялись с кем-то яблоками, то у каждого осталось по одному яблоку, а при обмене идеями (мыслями) у каждого стало две идеи». Заметим также, что эта парадигма неафишированно вводит в экономическую теорию и практику неэкономические факторы, на которые столь долгое время не обращалось внимание.

Социологический смысл неэкономических факторов

Впервые на Западе в экономически развитых странах экономисты, политики, бизнесмены, широкая общественность стали проявлять серьезный интерес к неэкономическим факторам после того, как в научный оборот были введены новые категории – «социальный капитал» и «человеческий капитал». Первая была предложена французским социологом П. Бурдьё. Он определял социальный капитал как сеть основанных на доверии (солидарности, консенсусе) связей между людьми, которые могут быть источником получения выгод, что и делает эту сеть связей капиталом в практическом применении. В отличие от таких исследователей, как Дж. Колман и Р. Патнэм, считавших социальный капитал атрибутом личности, П. Бурдьё видел в нем групповой ресурс, который нельзя измерить на индивидуальном уровне. Экономическое значение социального капитала проявляется в различных аспектах экономических процессов и их результатах, прежде всего в экономии транзакционных издержек. Нетрудно понять, что если партнеры полностью доверяют друг другу, то их соглашение может быть ограничено устной договоренностью и рукопожатием, что значительно уменьшает затраты времени, сил и денег при обычном нотариальном оформлении соглашения, контракта, гранта, ссуды и т. п., сопровождаемом, как правило, неизбежными бюрократическими процедурами. Неслучайно на этом моменте акцентируют внимание социологи и психологи США – страны, имеющей огромную армию адвокатов, помогающих своим клиентам в оформлении любых сделок, разрешении судебных тяжб по гражданским вопросам, в том числе в уплате налогов, разделе имущества (при разводе), наследовании и т. п. Кроме того, этот капитал значительно, хотя и неофициально, повышает конкурентоспособность на рынке труда выпускников престижных учреждений образования за счет университетских связей, друзей и коллег.

Если иметь в виду постсоветские страны, то для них, в том числе и для Беларуси, в настоящее время все еще наиболее важной остается компенсаторно-демпфирующая функция социального капитала. Имеется в виду способность индуцированного в обществе капитала – доверия к людям и органам власти, лояльности, солидарности, консенсуса как готовности к согласованию ожиданий и др. – предотвращать накопление социального напряжения, рост расслоения людей по показателям дохода, образования, собственности (имущества), престижа и др., что на первых этапах формирования рынка далеко не всегда было объективно оправданным и справедливым. В теоретико-практическом плане этот ресурс крайне важно связывать с феноменологией коллективизма. К сожалению, в западной литературе такой подход практически полностью

игнорируется: термин «коллектив» демонстративно заменен словом «группа», его специфические особенности не выявляются. На самом деле коллектив отличается от диффузных групп тем, что в нем «межличностные отношения опосредованы общественно ценным и личностно-значимым содержанием совместной деятельности» [17, с. 227]. Именно поэтому коллектив в наибольшей степени, по сравнению с другими сообществами, является носителем (островом) социального капитала. Кстати, и зарубежные исследователи тех видов деятельности, где необходим коллективистский дух (спортивные команды, экипажи самолетов и других машин, геологические экспедиции и т. д.), используют для их формирования еще советские разработки вопреки своим установкам методологического индивидуализма. Парадоксально то, что отечественные специалисты, скажем, тренеры команд по игровым видам спорта, уже забыли, если и знали, те советские достижения в области теории коллектива, хотя, наверняка усердно ищут подходящие методики за рубежом. Теорию человеческого капитала разработал американский экономист Г. Беккер, получивший в 1992 г. Нобелевскую премию по экономике. По его теории основой человеческого капитала являются знания (умения, навыки), полученные в системе формального и неформального образования и измеряемые в таких единицах, как число лет обучения. Знания формируют не только общую эрудицию, но и компетентность, методологию и потребность в приобретении новых компетенций, жизненную мудрость, многие личностные качества: сообразительность, находчивость, работоспособность, ответственность, обязательность и т. д. Использование знаний повышает эффективность деятельности, приносит экономические дивиденды работодателю (обществу), а значит обеспечивает конкурентоспособность владельцу капитала, облегчает ему продвижение по служебной лестнице, обеспечивает более высокий доход (бонусы, социальные пакеты, прибавки и проч.).

Конечно, позитивная роль знаний была известна издревле, на пути ее экономизации во многих обществах – рабовладельческих, кастовых, феодально-сословных и др. – выстраивались непреодолимые барьеры. Отдавая должное исследованиям Г. Беккера, нельзя не отметить, что намного раньше в нашей стране была высказана аналогичная идея – в знаменитой формуле «кадры решают все», которую уже давно вывешивают над проходными многих компаний в Японии и других развитых странах. Впервые ее высказал И. В. Сталин, и как бы ни относиться к нему сегодня, есть смысл напомнить историю. Выступая 4 мая 1935 г. перед выпускниками военных академий, он сказал: «Раньше

мы говорили, что техника решает все, теперь упор должен быть сделан на людях, на кадрах, на работах. <...> Надо, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, имеющих в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры» [18, с. 528–529]. Справедливости ради, обсуждая генезис категории «человеческий капитал», следовало бы учитывать и эту идею. Другое дело, что она в те годы реализовывалась в кадровой политике далеко не всегда адекватно.

Теория Г. Беккера была принята, особенно в США, более чем благосклонно. Ведь она позволяла перевести «проклятые социальные проблемы» на иной уровень, связать, например, безработицу, текучесть кадров, неудовлетворенность многих людей трудом, зарплатой, жизнью в целом с индивидуальным усердием, способностями в образовании, что снижает их компетентность и делает слабоконкурентными на рынке труда. Но еще тогда ряд американских социологов и экономистов обратили внимание на то, что эта теория строится не на реалистических, а на идеализированных предпосылках о совершенной конкуренции, равном доступе к образованию, поступлению в престижные университеты, одинаковых шансах карьерного роста, вертикальной мобильности.

Приведем рассуждения известного польского социолога Я. Щепаньского об образовании как о культурном процессе, где он не употребляет термин «человеческий капитал», хотя говорит именно об этом. Он пишет: «Сравним двух десятилетних мальчиков. Один из них родился в Лодзи, в семье рабочего текстильной промышленности. Другой – в стойбище эскимосов на северо-восточном побережье Аляски. Первый из них знаком с таблицей умножения, знает, на чем основываются работы автомобиля, знает много дат из истории Польши, знает, как можно перейти улицу с большим движением, умеет объяснить восход и заход солнца и т. д. Обо всех этих вещах мальчик из Аляски не слышал. Зато он умеет строить каяк (эскимосская лодка. – С. Ш.), пользоваться гарпуном, умеет находить дорогу в метель и во время полярной ночи, умеет запрягать собак и т. д., т. е. умеет делать много вещей, о которых наш мальчик из Лодзи не слышал. Он тоже может объяснить восход и заход солнца, но его объяснение совершенно иное, как и его система представлений о жизни, семье, религии, праве и т. д. Вот результаты воспитания в разных культурах. Физиологические процессы, определяющие биологические основы их обучения, идентичны, но результаты обучения совершенно иные, потому что они принадлежат к различным экономическим системам, их семьи по-разному добывают средства удовлетворения потребностей, общности, к которым они принадлежат, культура их обществ различна. <...> Мальчик из Аляски знает, что для того, чтобы оказать кому-то уважение, нужно повернуться к нему спиной;

лодзинец знает, что повернуться к кому-то спиной – оскорбление; таких примеров можно было бы привести еще много» [19, с. 50].

Выражение «неэкономические факторы» можно считать определением через отрицание. Как известно, такого рода дефиниции не раскрывают сущность определяемого явления (денотата) и лишь указывают на то, что по некоторым признакам данное явление не входит в предметное поле исходного понятия (глоссы). Действительно, ни один из неэкономических факторов не может быть прямо включен в классическую триаду (*земля, труд, капитал*), в том числе и во вновь введенные, такие как управление, информация и др., прежде всего потому, что они не являются непосредственными факторами производства, а значит, не эндогенными (внутренними), а экзогенными (внешними) по отношению к экономической системе, т. е. заимствованными из других сфер общества (политики, социальной сферы, культуры) и вводимыми при необходимости в прямой хозяйственный оборот. Тем не менее, не являясь экономическими по своей онтологии, эти ресурсы при умелом использовании способны оказывать критическое влияние на экономическое развитие благодаря своему сильному опосредованному воздействию, правда, требующему более продолжительного времени и более чувствительному к изменению ситуации. Так, например, доверие, солидарность, мотивация могут изменяться гораздо быстрее, чем динамизм основных экономических факторов, причем не только как обратная связь на те или иные общественные мероприятия, стратегические выборы, но и по причинам, не зависящим от общества: из-за природных катаклизмов, международных конфликтов, колебаний мировых цен, конъюнктур спроса и предложения и т. п.

Научные исследования неэкономических факторов в последнее время приобрели широкие масштабы и общественную популярность. Это связано с тем, что под влиянием таких авторов, как нобелевские лауреаты Д. Норт и Г. Беккер, изменилось мышление многих экономистов. Вошли в обиход понятия «социальный капитал» и «человеческий капитал», усилился поиск использования культурных и институциональных факторов для создания более полной и реалистической теории экономического поведения. Это побудило еще раз обратиться к истории науки, начиная с А. Смита, М. Вебера, Дж. М. Кейнса до современных исследователей, и учесть их предложения о включении неэкономических факторов в экономическую теорию.

Однако если говорить о методологии подобных разработок, то можно отметить ряд недостатков, связанных, на наш взгляд, со слабым учетом социологического подхода и соответствующего накопленного материала. Во-первых, *отсутствие* таких *методологических предпосылок*, как сферное строение

общества. Казалось бы, очевидно, что любой неэкономический ресурс, используемый в экономике, может быть заимствован только из других общественных сфер – социальной, духовно-культурной или политической, если не иметь в виду спорные предложения русского космизма или софиологии С. Н. Булгакова [20], поскольку природные ресурсы хозяйствования аккумулируются в ключевых факторах самой экономики. Но что может взять экономика из культуры (и других сфер)? Что предоставить ей? Как осуществляется такой эквивалентный обмен по рыночным правилам? На такие вопросы методологи – не только экономисты, но и другие специалисты – ответа не дают. Отсюда и возникают противоречия: ведь если, скажем, люди посещают театр ради развлечения или ради своего имиджа, то экономический эффект, кроме цены билета, отыскать трудно. Например, нидерландские авторы Ш. Бёгельсдейк и Р. Маселанд в книге «Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения в области практического применения в современности» выделяют четыре области применения культуры для объяснения экономических явлений: предпринимательство, доверие, международный бизнес и корпоративное управление [21]. Отнесение доверия к чисто экономическим явлениям вызывает большие сомнения. Конечно, оно играет определенную роль в процессах обмена, поручительства, обязательств и проч., но по сути, генезису это социологическая категория. Доверие – это особая форма отношений между людьми, институтами, органами власти, предполагающая открытость, честность, прецедентность и позволяющая избегать бюрократических процедур оформления (в экономике – транзакционных издержек). В знаменитой «дилемме заключенного» показано, что у подозреваемых нет никаких экономических отношений, но избежать обвинительного приговора они могут лишь в том случае, если уверены друг в друге. Такое социологическое объяснение доверия характерно и для позиции Ф. Фукуямы [22], рассматривающего данный феномен как неэкономический фактор.

Во-вторых, *уклонение от раскрытия и конкретизации* каждого из исследуемых неэкономических факторов, представляющих собой некоторый агрегированный набор соответствующих компонентов, т. е. блок или таксон взаимосвязанных параметров данного фактора. Так, многие авторы подчеркивают первостепенное значение психологического фактора, особенно при определении краткосрочных темпов экономического роста (на временном интервале до трех лет). Но психологический фактор включает множество компонентов – от бессознательных рефлексов, инстинктов, стереотипов, установок до эмоций и самых высоких чувств, таких как альтруизм, эмпатия, патриотизм и др. Среди

них есть и ситуационные, меняющиеся в зависимости от констелляции обстоятельств, подвижные (настроение), но есть и устойчивые, прирожденные, такие как инстинкты или архетипы, высшие чувства любви, преданности, справедливости или профессионального призвания. Поэтому, не зная содержания каждого из этих компонентов, характеризовать генерализованный психологический фактор можно только относительно. Например, когда говорят о его субъективной природе, это надо понимать так, что все его компоненты связаны с субъектом действия, но не волюнтаристски придуманы человеком. Вообще, влияние неэкономических факторов на экономику осуществляется через человека, путем изменения его стиля жизнедеятельности (этоса), мышления и ценностного сознания (ментальности). Следовательно, считать влияние этих факторов экзогенным (внешним) можно только в том случае, если они непосредственно не рождаются в экономической системе, а заимствуются ею из других сфер общества. Что касается такого признака психологического фактора, как «агрегирования ожиданий и поведенческих рефлексов экономических агентов», то с этим можно согласиться, если иметь в виду не только рефлексы, но и другие компоненты бессознательного в психологии человека. В свое время А. Маслоу выступил решительно против дихотомии «инстинкт – разум», которая якобы всегда продуцирует конфликт между человеком и обществом, между личным и общественным интересом. По его мнению, они не антагонистичны, а *синергичны*. «Здоровый разум и здоровый импульс устремлены к одной и той же цели: «...у здорового человека они ни в коем случае не противоречат друг другу (но у больного они могут быть противоположны, оппозиционны друг другу)» [23, с. 139]. Причину живучести представлений о дихотомичности А. Маслоу видел в том, что «предметом нашего изучения до сих пор были в основном больные люди и люди, живущие в плохих социальных условиях» [23, с. 140]. Понятно, что и о неэкономических ресурсах таких людей говорить затруднительно.

Из российских экономистов классификацию неэкономических факторов одним из первых предложил П. Л. Ипатов. В докторской диссертации по специальности «Экономическая теория» и других работах он выделил четыре неэкономических фактора:

- а) психологический, о котором уже шла речь;
- б) институционально-политический, имеющий надстроечную природу, тесно связанный с экономическими институтами и оказывающий экзогенное воздействие на темпы и качество экономического роста;
- в) физико-географический, включающий географическое положение, климатические условия, полезные ископаемые, световые зоны и др.;

г) инновационно-технологический, характеризующийся интеграцией ресурсов и возможностей их реализации, влияющий на традиционные факторы, особенно на потенциал труда и капитала, воздействующий экзогенно на экономику [24, с. 13–15].

На наш взгляд, предложенная классификация не бесспорна. Во-первых, психологический фактор нуждается в детализации и конкретизации компонентов, образующих данный таксон. Во-вторых, неэкономические ресурсы, заимствованные из политики, это не только институты, как бы они ни понимались – как учреждения, органы или наборы правил, – а прежде всего те цели, механизмы, стратегии, которые политика предлагает экономике, и методы контроля за их реализацией. В-третьих, физико-географический фактор в основном дублирует анализ такого классического фактора, как земля. Климатические условия, которые формально не относятся к земле, еще физиократами учитывались как влияющие на плодородие почвы, состояние флоры и фауны, возможности разведения домашних животных, выращивания тепло- и светолюбивых растений и т. п. На человека климат влияет, как правило, через продолжительность отопительного сезона и соответствующие затраты на обогрев, солнечную иррадиацию, длину световых зон и др. Все это, по-видимому, вполне может быть представлено в теории основных экономических факторов. В-четвертых, аналогичные соображения можно отнести и к инновационно-технологическому фактору, особенно если не затрагивать те технологии, которые не связаны прямо с производством, – образование, общественную безопасность, социальную защиту, здравоохранение.

Иной перечень неэкономических факторов предложил академик М. К. Горшков. Он сформулировал так: «Усложнение структуры общественного воспроизводства требует разработки новых моделей экономического роста, учитывающих влияние на него таких неэкономических ресурсов, как информация, физико-географические условия, институциональные структуры, массовидные духов-

но-психологические образования, качественный и производительный труд, качество жизни, уровень культуры, образования, профессиональных знаний и навыков, состояния здоровья как компонентов человеческого капитала, на деле доказавших свою способность быть “мотиваторами” долгосрочного и стабильного экономического развития» [25, с. 46].

Считаем, что в составе духовно-психологических образований как неэкономических ресурсов целесообразно выделить неосознаваемые компоненты: рефлексy, аффекты, инстинкты, архетипы, установки и стереотипы, а также осознаваемые компоненты: эмоции, переживания, чувства и др. Поскольку некоторые из входящих в структуру бессознательного элемента мы уже рассматривали [26, с. 20–24], отметим только возрастающую популярность исследования архетипов. Так, М. Марк и К. Пирсон создали новую методику исследования, спроектировав концепцию архетипов К. Г. Юнга на поиски маркетологов, предлагая использовать для создания бренда не индивидуальный опыт конкретного человека, а характерные типичные свойства большой группы людей. Они пишут: «Подобно компьютерным программам архетипы находятся в состоянии покоя в подсознании до тех пор, пока их не откроют или не запустят. <...> Столкновение с архетипическими образами во внешней среде – в литературе, искусстве, кино, ТВ или рекламе – со временем приводит архетип из состояния покоя в действие» [27, с. 47]. Это значит, что коллективное бессознательное, представляющее, по К. Г. Юнгу, хранилище латентных следов памяти не одного индивида, а всех тех, у кого было общее эмоциональное прошлое, есть у всех людей, но оно хранится в подсознании до тех пор, пока не будет востребовано новым этапом жизни, изменившимися обстоятельствами, потребностями или импульсами-подсказками. Пробудившиеся архетипы используются для создания эффективного бренда некоторой продукции или услуги, внося тем самым свой вклад в экономический рост.

Библиографические ссылки

1. Цветаев Е. Разгром фашистских войск в Белоруссии: комментарий к операции «Багратион» // Москва. 1984. № 7. С. 152–165.
2. Радов А. Г. Фактор // Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М., 2010.
3. Монтескье Ш. Насколько люди различны в различных климатах // Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 350–352.
4. Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1924.
5. Арон Р. Избранное. Введение в философию истории. М., 2000.
6. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения : в 5 т. М., 1956. Т. 1.
7. Тетушкин Е. Я. Существуют ли расы человека? // Человек. 2015. № 1. С. 5–31.
8. Шарден де Т. Феномен человека. М., 1987.
9. Маркс К. Капитал : в 3 т. М., 1954. Т. 1.
10. Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Очерки теории и истории. М., 1974.
11. Маркс К. Капитал : в 3 т. М., 1956. Т. 2.
12. История философии : в 3 т. ; под ред. Г. Ф. Александрова, Б. Э. Быховского, М. Б. Юдина. М., 1941. Т. 1.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. М., 1965. Т. 37.

14. Экономическая теория (политэкономика) / под ред. В. И. Видяпина и Г. П. Журавлевой. М., 1999.
15. Самуэльсон П. А. Экономика. Вводный курс. М., 1993.
16. Градобоев В. В. Теория факторов производства и распространения факторных доходов // Экономическая теория (политэкономика) / под ред. В. И. Видяпина и Г. П. Журавлевой. М., 1999. С. 169–170.
17. Психологическая теория коллектива / под ред. А. В. Петровского. М., 1979.
18. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 1953.
19. Щепанский Я. Элементарные понятия социологии / общ. ред. и послесл. А. М. Румянцев. М., 1969.
20. Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М., 2004.
21. Бёгельсдейк Ш., Маселанд Р. Культура в экономической науке / пер. с англ. Н. В. Автономовой ; ред. В. С. Автономов. М., 2016.
22. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004.
23. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 2001.
24. Ипатов П. Л. Неэкономические факторы роста национальной экономики. СПб., 2009.
25. Горшков М. К. Об аксиоматической трактовке влияния неэкономических факторов на экономический рост // Эконом. и социал. перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 3 (33). С. 45–56.
26. Шавель С. А. Методологические аспекты социологического исследования социокультурного кода // Социология. 2016. № 2. С. 8–25.
27. Марк М., Пирсон К. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов / пер. с англ. под ред. В. Дожнина, А. Сухенко. СПб., 2005.

References

1. Tsvetaev E. [Defeat of fascist troops in Belarus: the comment to the operation «Bagration»]. Moscow. 1984. No. 7. P. 152–165 (in Russ.).
2. Radov A. G. [Factor]. In: G. V. Osipov, L. N. Moskvichev (eds). [Sociological dictionary]. Moscow, 2010 (in Russ.).
3. Montesquieu Sh. [As far as people are various in various climates]. In: Sh. Montesquieu. [Chosen works]. Moscow, 1955. P. 350–352 (in Russ.).
4. Mechnikov L. I. [Civilization and great historical rivers]. Moscow, 1924 (in Russ.).
5. Aron R. [Favourites. Introduction to history philosophy]. Moscow, 2000 (in Russ.).
6. Plekhanov G. V. [Chosen philosophical works] : in 5 vol. Moscow, 1956. Vol. 1 (in Russ.).
7. Tetushkin E. Ya. [Whether there are races of the person?]. Chelovek. 2015. No. 1. P. 5–31 (in Russ.).
8. Sharden de T. [Phenomenon of the person]. Moscow, 1987 (in Russ.).
9. Marks K. [Capital] : in 3 vol. Moscow, 1954. Vol. 1 (in Russ.).
10. Il'enkov E. V. [Dialectic logic. Sketches of the theory and history]. Moscow, 1974 (in Russ.).
11. Marks K. [Capital] : in 3 vol. Moscow, 1956. Vol. 2 (in Russ.).
12. Aleksandrov G. F., Bykhovskii B. E., Yudin M. B. (eds). [Philosophy history] : in 3 vol. Moscow, 1941. Vol. 1 (in Russ.).
13. Marks K., Engel's F. [Compositions] : in 50 vol. Moscow, 1965. Vol. 37 (in Russ.).
14. Vidyapin V. I., Zhuravleva G. P. (eds). [Economic theory (political economy)]. Moscow, 1999 (in Russ.).
15. Samuel'son P. A. [Economy. Introduction course]. Moscow, 1993 (in Russ.).
16. Gradoboev V. V. [Theory of factors of production and distribution of factorial income] // In: V. I. Vidyapin, G. P. Zhuravleva (eds). [Economic theory (political economy)]. Moscow, 1999. P. 169–170 (in Russ.).
17. Petrovskii A. V. [Psychological theory of collective]. Moscow, 1979 (in Russ.).
18. Stalin I. V. [Leninism questions]. Moscow, 1953 (in Russ.).
19. Shchepan'skii Ya. [Elementary concepts of sociology]. Moscow, 1969 (in Russ.).
20. Bulgakov S. N. [Philosophy of economy]. Moscow, 2004 (in Russ.).
21. Begel'sdeik Sh., Maseland R. [Culture in economic science]. Moscow, 2016 (in Russ.).
22. Fukuyama F. [Trust: social virtues and way to prosperity]. Moscow, 2004 (in Russ.).
23. Maslou A. [Motivation and personality]. Saint Petersburg, 2001 (in Russ.).
24. Ipatov P. L. [Not economic factors of growth of national economy]. Saint Petersburg, 2009 (in Russ.).
25. Gorshkov M. K. On the axiomatic interpretation of the economic factors' impact on economic growth. Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz. 2014. No. 3 (33). P. 45–56 (in Russ.).
26. Shavel' S. A. Methodological aspects of sociological researching the socio-cultural code. Sotsiologiya. 2016. No. 2. P. 8–25 (in Russ.).
27. Mark M., Pirson K. [Hero and rebel. Creation of a brand by means of archetypes]. Saint Petersburg, 2005 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 06.06.2017.
Received by editorial board 06.06.2017.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ПОВЕДЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ М. ВЕБЕРА

О. В. КОБЯК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

В контексте понимающей социологии М. Вебера сформулированы разрешающие условия социологического моделирования: 1) возможность рассматривать мышление индивида как его внутреннее поведение; 2) возможность сравнивать различные констелляции мотивов поведения социальных субъектов; 3) возможность конструировать идеальные типы в ходе социологического анализа отношений между социальными субъектами; 4) возможность прогнозировать поведение социальных субъектов на основе субъективно предполагаемых смыслов и соотносённости с поведением других людей. Незначительное количество субъектов, представляющих генеральную совокупность объекта моделирования, недостаточная изученность этого объекта, а также нераспространимость принципа однозначной детерминации на поведение социальных субъектов рассматриваются как ограничения процесса социологического моделирования. Социологическое моделирование поведения социальных субъектов позволяет, во-первых, определить доминирующий мотив поведения, во-вторых, оценить меру чувствительности поведения к воздействию внешних факторов, в-третьих, охарактеризовать и выразить в количественных показателях (от 0 до 1 или от 0 до 100 %) меру согласованности в поведении взаимодействующих социальных субъектов. Вектор развития социологического моделирования задает базовая аксиома: от равновероятной неизвестной разнородности – к высоковероятной понимаемой определенности.

Ключевые слова: социологическое моделирование; понимающая социология; социальные объекты; социальные процессы; социальные субъекты; социальное поведение.

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF SOCIOLOGICAL MODELING OF BEHAVIOUR OF SOCIAL ACTORS IN THE CONTEXT OF MAX WEBER THEORY

A. V. KABIYAK^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

Permissive conditions of sociological modeling are formulated in the context of Max Weber's interpretive sociology: 1) the ability to consider the thinking of the individual as an internal behaviour; 2) the ability to compare different constellations of motives of behaviour of social actors; 3) the ability to construct ideal types of relations between social actors in the course of sociological analysis; 4) the ability to predict the behaviour of social actors on the basis of subjectively assumed meanings and correlation with the behaviour of other people. A small number of subjects representing the general totality of the modeling object, insufficient knowledge of this object, as well as the non-extensibility of the principle of unambiguous determination on the behaviour of social subjects are considered as limitations of the process of sociological modeling. Sociological modeling of behaviour of social actors allows, first, to determine the dominant motive of motivation, and second, to estimate the measure of the sensitivity of behaviour to external factors, third, to characterize and to quantify (from 0 to 1 or from 0 to 100 %)

Образец цитирования:

Кобяк О. В. Методологические основы социологического моделирования поведения социальных субъектов в контексте теории М. Вебера // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 2. С. 17–24.

For citation:

Kabiak A. V. Methodological foundations of sociological modeling of behaviour of social actors in the context of Max Weber theory. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 2. P. 17–24 (in Russ.).

Автор:

Олег Витальевич Кобяк – доктор социологических наук, доцент; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Aleh Kabiak, doctor of science (sociology), docent; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social science.
aleh.kabiak@mail.ru

a measure of consistency in the behaviour of interacting social actors. The basic axiom defining a vector of development of sociological modeling is following: from equiprobable unknown heterogeneity to highly probable understandable certainty.

Key words: sociological modeling; interpretive sociology; social objects; social processes; social actors; social behaviour.

Бурное развитие компьютерных и мультимедийных технологий обуславливает все более широкое распространение общедоступных практик разнобразного моделирования в социальном пространстве в целом и хозяйственной жизни в частности. С развитием социологии накапливается опыт и совершенствуются методы моделирования феноменов общественной жизни. В социологической науке достаточно всесторонне и глубоко исследованы такие направления, как использование математических методов в моделировании социальных явлений, применение методов статистики, включение в инструментальный набор социологической лаборатории различных психологических приемов. Эти направления, безусловно, не утрачивают своей актуальности и продолжают свое развитие вместе со всем корпусом гуманитарного научного знания. Вместе с тем, по нашему мнению, уже созрели предпосылки к тому, чтобы социология приступила к созданию собственных, имманентно присущих ей методов моделирования как своего главного объекта исследования – общества, – так и отдельных социальных явлений, одним из которых выступает поведение социальных субъектов.

Понимание глубинной природы социального поведения, научно обоснованные представления о факторах его формирования являются обязательным условием подготовки современных квалифицированных специалистов в области социально-экономического управления, способных вырабатывать эффективные программы развития предприятий, отраслей, экономики в целом, что особенно актуально для Беларуси, которая не обладает богатыми природными ресурсами, но имеет значительный промышленно-производственный и кадровый потенциал. В русле сохраняющейся тенденции сокращения доли трудоспособных и увеличения доли пенсионеров в структуре населения Беларуси актуализируется задача повышения эффективности деятельности каждого занятого работника для поддержания конкурентоспособности национальной экономики в системе международного разделения труда.

Начало нового тысячелетия продемонстрировало возвышение роли и значения социальной динамики над социальной статикой. Даже наиболее сильные государства, чья мощь еще вчера была несомненной, сегодня испытывают серьезные затруднения, стараясь преодолеть череду острых кризисов: финансовых, экологических, миграци-

онных и т. д. Все больше регионов планеты становятся горячими точками. Лидеры мировых держав публично признаются, что к ответу на многие вызовы современности ни они лично, ни возглавляемые ими страны не готовы. Все это свидетельствует о необходимости совершенствования стратегии и тактик социального менеджмента, в том числе за счет обогащения инструментального арсенала социологических методов оценки, анализа и прогнозирования развития социальных систем. Важным компонентом этого арсенала выступают методы социологического моделирования социального поведения, которые позволяют выявлять риски возникновения нежелательного или даже опасного поведения социальных субъектов, а также конструировать условия и предпосылки формирования желательных, социально позитивных и ответственных стратегий их поведения.

Понятие «модель» является отправной точкой нашего продвижения к собственным теоретическим построениям. Мы в полной мере солидарны с известным советским ученым В. А. Штоффом, который писал, что «под моделью понимается такая мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте» [1, с. 19].

Чтобы приблизиться к сути понятия *специфики социологического моделирования*, нужно соотнести его с другим весьма распространенным в науке понятием – *моделированием социальных процессов*.

Можно ли моделировать социальные процессы методами, отличными от социологических? В принципе, можно. Это хорошо просматривается, например, в работе Ю. М. Плотинского [2], в которой автор, в частности, рассматривает сугубо математические модели социальных процессов, основанные на дифференциальных уравнениях, и даже клеточные модели, подобные популярной в 1970-е гг. игре «Жизнь».

Можно ли использовать методы социологического моделирования помимо исследования собственно социальных процессов? Или, иными словами, можно ли социологические модели применять за пределами социологической науки¹? И на этот вопрос мы даем положительный ответ.

Во-первых, социологическое моделирование может применяться в случае необходимости отображения мыслительных процессов на индивидуаль-

¹Имеются в виду ныне общепринятые границы социологии, которые в будущем, скорее всего, будут раздвигаться вместе с расширением предметного поля социологической науки.

ном уровне, что отвечает интересам как социологии, так и психологии. Во-вторых, в перспективе социологическое моделирование, по всей видимости, станет одним из неотъемлемых инструментов при создании и научении искусственного интеллекта. В-третьих, обращая наблюдательный взор в сторону живой природы, нельзя не заметить, что многие животные успешно используют очень сложные, сходные с человеческими способы коммуникации. Например, в ходе многочисленных экспериментов уже совершенно точно установлено, что дельфины в общении «называют» друг друга по именам и используют эти имена, даже если с момента предыдущей встречи прошло несколько лет [3]. «Дельфины могут посылать друг другу чрезвычайно сложные звуковые сигналы. <...> И хотя они <...> не могут писать книг, они вполне способны время от времени превращаться в философов и размышлять о смысле своей жизни!» [4, с. 345]. Таким образом, по логическим кругам Эйлера понятия «социологическое моделирование» и «моделирование социальных процессов» имеют обширную область пересечения объемов, но вместе с тем обладают и специфическими понятийными областями.

Рассмотрим основные *ограничения*, с которыми мы сталкиваемся, приступая к социологическому моделированию. Важным ограничением в построении социологической модели может быть не огромное, а напротив, незначительное количество субъектов, представляющих генеральную совокупность объекта моделирования. В таких ситуациях затруднительно использовать количественные методы обработки и анализа данных по причине малого числа наблюдений (метод кейсов). Это не значит, что на статистически небольших группах социологическое моделирование в принципе не применимо. Речь идет о том, что в подобных ситуациях, во-первых, резко возрастает вероятность провоцирования так называемого эффекта репрезентативности [5, с. 14], когда переоценивается надежность малых выборок (об этом следует помнить!) и, во-вторых, существенно снижается возможность использования построенной модели в качестве заготовки (шаблона) при необходимости моделирования формально похожего социального объекта.

Ограничение может быть также связано с недостаточной изученностью объекта моделирования. Ведь, по сути, качественно разработанная модель – это механизм получения адекватных ответов на актуальные вопросы об объекте. Но «чтобы правильно задать вопрос, нужно знать большую часть ответа» [6, с. 43]. Вместе с тем недостаток знаний об объекте при всем своем ограничительном влиянии

на процесс моделирования не может и не должен быть преградой или препятствием для этого процесса. Ведь модель и есть один из способов углубления наших знаний о природе объекта исследования и закономерностях его развития.

Ограничением является также нераспространенность принципа однозначной детерминации на жизнедеятельность социального объекта моделирования. Более того, даже принцип вероятностной детерминации может применяться в отношении социальных объектов со специальными оговорками. И это неизбежно: очень много акторов и слишком много факторов. Даже сверхмощные электронно-вычислительные машины, ставшие на службу человеку, не явились достаточным фактором построения точных, практически ориентированных экономических моделей, которые бы позволяли безошибочно предсказывать экономические кризисы и тем самым эффективно смягчать их негативное воздействие. Все дело в том, что «роботы логичны, но не разумны» [7, с. 31]. Что человек в программу заложит, то он и получит. Искусственный разум мы пока не создали. Да, машины уже сегодня умеют обыгрывать человека в шахматы¹. Но это игра с четко заданными правилами и конечным (хотя и очень большим) количеством вариантов. А что же делать в тех ситуациях, когда правила меняются по ходу игры?

Выходит, что нужно повышать качество или даже менять саму *природу* социологических моделей. А наличная природа такова. Труды ученых в области моделирования социальных явлений и процессов свидетельствуют о традиционном тяготении многих специалистов к математическому (и как производным от него статистическому и экономическому) образам мышления. Мы провели такой эксперимент. Сформулировали в поисковой системе *Google* запрос «моделирование социальных явлений и процессов» и получили около 500 тыс. ссылок. В тройке первых – «математическое моделирование социальных процессов». Это означает, что в актуальном информационном пространстве понятие «математическое» является частотно выраженной атрибутивной характеристикой для понятия «моделирование» (применительно к социальным явлениям и процессам). В следующих 20 ссылках аналогичная по контенту ситуация была обнаружена в 10 случаях, при том что на *математическое* моделирование в запросе указано не было.

Таким образом, тенденция математизации в области моделирования социальных явлений и процессов просматривается совершенно четко. Вместе с тем необходимо также осознавать и то, что

¹«В мае 1997 г. чемпион мира Г. Каспаров, рейтинг которого превышал 2800 единиц Эло, проиграл компьютерной программе *Deep Blue* со счетом 3,5 : 2,5. В октябре 2002 г. матч между чемпионом мира В. Крамником и программой *Deep Fritz* закончился вничью – 4 : 4» [4, с. 27].

в рамках предметного поля социологической науки математическая формализация некоего социального процесса совершенно не гарантирует *понимание* этого процесса. Еще в 1989 г. известный физик и математик Р. Пенроуз убедительно обосновал тезис о том, что «способность *понимать* никоим образом не может сводиться к некоторому набору правил. Более того, понимание является свойством, которое зависит от нашего сознания; и что бы не отвечало в нас за сознательное восприятие – это должно самым непосредственным образом участвовать в процессе “понимания”. Тем самым в формировании нашего сознания с необходимостью есть элементы, которые не могут быть получены из какого бы то ни было набора вычислительных конструкций, что, естественно, дает нам веские основания считать, что сознательное восприятие – процесс существенно “невычислимый”» [4, с. 14].

Многие современные ученые, работающие в области моделирования социальных процессов, идя своими собственными исследовательскими путями, приходят к похожим заключениям. Так, например, российские социологи В. А. Давыденко и Г. Ф. Ромашкина в сотрудничестве с математиком С. Н. Чукановым, занимаясь социолого-математическим моделированием социальных сетей, пришли к выводу: «в то время как мы начинаем *понимать* (курсив наш. – О. К.) некоторые из моделей в структуре сетей реального мира, наши методы анализа сетей – в настоящее время не более чем схваченные различные и несвязанные инструментальные средства. Мы не в состоянии систематически изучать характеристики структуры сети. Требуется выполнить большой объем работы для понимания топологии сложных моделей сетей и определения основы для изучения процессов, происходящих в сетях; некоторые свойства сети (корреляция, транзитивность, структура объединения) далеки от понимания. Эти свойства существенно влияют на поведение систем с сетевой структурой, так что недостаток техники исследования оставляет большой пробел в нашем понимании процессов, происходящих в сетях» [8, с. 79].

Мы ни в коем случае не говорим о редуцировании роли математики в процессе социологического моделирования. Речь идет о том, что *при изучении социальных объектов*, во-первых, сам математический метод (сразу заметим, как и любой другой) не нужно идеализировать; во-вторых, не стоит абсолютизировать объяснительные возможности мо-

делей социальных объектов, построенных исключительно на системе математических уравнений. Примером может служить модель Лотки–Вольтерра, которая представляет собой нелинейную систему дифференциальных уравнений. Применение этой модели даже в случае с изучением взаимодействия популяций животных ограничено «таким серьезным недостатком <...> как неустойчивость решений системы уравнений. Получается, что любое случайное изменение численности одного из видов приводит к изменению траектории развития, тогда как в природных условиях взаимодействие видов протекает достаточно устойчиво» [2, с. 245]. И это на примере популяций животных, что уж тогда говорить о людях! Поэтому мы и настаиваем на том, что объективная социальная реальность не может и не должна подгоняться под абстрактную красоту математических построений. И если в процессе изучения социальной реальности выяснится, что, например, от перемены мест слагаемых сумма *изменяется*, то это означает, что назрела необходимость создавать особую социальную математику.

О необходимости четкого соотнесения уровня исследовательских задач с возможностями используемых методов писали в своей широко известной книге «Теория игр и экономическое поведение» математик Дж. фон Нейман и экономист О. Моргенштерн. «Решающая фаза приложений математики в физике – создание Ньютоном рациональной механики – не может быть отделена от открытия инфинитезимальных исчислений. <...> Важность социальных явлений, обилие и многообразие их проявлений, а также сложность их структуры по меньшей мере такие же, как и в физике. Поэтому следует ожидать (или опасаться), что для достижения в этой области решающих успехов потребуются математические открытия, сопоставимые с открытием инфинитезимальных исчислений¹» [9, с. 31]. Но такие открытия с неба не падают. Для них нужно готовить почву. И почва эта создается на пути продвижения к *пониманию* социальных явлений и процессов. Мы должны понимать, *что* хотим посчитать, смоделировать и т. д. Без такого понимания социальной реальности математика, оперирующая абстракциями, бессильна чем-либо помочь социологии. Да, собственно, и не обязана. Это – задача социологии. Мы предполагаем, что наиболее перспективным направлением дальнейшего развития методологии моделирования социальных явлений и процессов представляется разработка концепции «понимающего» социологического моделирования.

¹Здесь авторы, по нашему мнению, несколько перестраховались. Было бы правильнее изложить эту мысль в следующей редакции: «Важность социальных явлений, обилие и многообразие их проявлений, а также сложность их структуры значительно выше, чем в физике. Поэтому следует ожидать (или опасаться), что для достижения в этой области решающих успехов потребуются математические открытия, превышающие по значимости инфинитезимальные исчисления». Хотя, если учесть, что первые издания указанной книги вышли в свет в 1940-е гг., то для своего времени эти суждения даже в авторской редакции выглядели весьма свежо и перспективно.

Таким образом, мы актуализируем и активизируем методологический фундамент «понимающей» социологии М. Вебера [10, с. 495–499]. Сформулированные этим выдающимся ученым положения выступают в качестве прекрасных разрешающих условий, которые позволяют строить «понимающие» социологические модели.

Перечислим *разрешающие условия* социологического моделирования.

1. Поведение людей может быть внешним и внутренним [10, с. 495]. Это утверждение дает нам основание моделировать мышление индивида именно как его внутреннее поведение, которое затем переходит (или не переходит) в свою внешнюю, наблюдаемую форму. Разобраться с позиций понимающей социологии в том, почему то или иное поведение *не было* реализовано, представляется не менее важным и интересным, чем объяснение фактически наблюдаемого поведения.

2. «Одинаковое по своим внешним свойствам и по своему результату поведение может основываться на самых различных конstellляциях мотивов, наиболее понятная и очевидная из которых отнюдь не всегда является определяющей» [10, с. 495]. Это положение позволяет нам в процессе моделирования теоретически операционализировать компоненты мыслительного процесса и тем самым содержательно конкретизировать эти «различные конstellляции мотивов».

3. «Поведение, доступное рациональному толкованию, в ходе социологического анализа понятных связей очень часто позволяет конструировать наиболее подходящий “идеальный тип”» [10, с. 496]. Введение категории «идеальный тип» в методологическом плане представляется нам чрезвычайно продуктивным, поскольку позволяет в процессе построения социологических моделей переносить зависимости и отношения, эмпирически выявленные в коллективном сознании моделируемого социального субъекта, на уровень типичного индивидуального представителя данного социального субъекта – «идеального типа». Эту процедуру мы определяем как метод *интрополяции*.

4. «Специфически важным для понимающей социологии является прежде всего поведение, которое, во-первых, по субъективно предполагаемому действующим лицом смыслу соотнесено с поведением других людей, во-вторых, определено также этим его осмысленным соотнесением и, в-третьих, может быть, исходя из этого (субъективно) предполагаемого смысла, понятно объяснено» [10, с. 497]. Данное положение является методологическим основанием для ответа на вопрос: в чем, собственно, заключается «социологичность» моделирования? В том, что этот процесс познания объективной реальности как по форме, так и по содержанию отличается однозначной атрибутивной характеристикой, обозначаемой категорией «социальное».

Известный российский философ и социолог Г. В. Осипов, конструируя природу социального, определяет следующий ряд реперных, смыслозадающих точек. Это категории: общественные отношения, общественные структуры, группы индивидов, совместная деятельность, взаимодействие людей. Г. В. Осипов пишет, что «социальное как явление или процесс возникает тогда, когда поведение даже одного индивида оказывается под влиянием другого индивида или групп индивидов независимо от физического присутствия этого индивида или группы. Именно при взаимодействии друг с другом индивиды способствуют интеграции тех или иных свойств общественных отношений. Социальное возникает во взаимодействии людей, детерминруется различиями их места и роли в конкретных общественных структурах, что проявляется в первую очередь в различных отношениях индивидов и групп индивидов к явлениям и процессам общественной жизни» [11, с. 690].

Сознательно принимаемая нами на вооружение деятельностно-процессуальная установка в вышеописанной исследовательской практике и в контексте веберовских разрешающих условий детерминирует расширенную трактовку категории «социологическое моделирование». По нашему мнению, это понятие включает в себя не только процесс и результат построения модели как таковой, но и последующее оперирование с моделью и ее отдельными модулями и компонентами. Более того, авторы социологической модели могут быть включены в деятельность по преобразованию самого объекта моделирования. Такой подход в последние 20 лет получает все большее развитие в контексте разворачивающихся исследований по технологическому форсайту [12; 13]. Таким образом, можно сказать, что социологическое моделирование – это деятельность, которая не завершается, а в известном смысле только начинается с момента построения модели.

Рассмотрим *принципы* построения социологических моделей.

В теоретико-методологическом плане первичными, наиболее глубинными основаниями социологического моделирования выступают общенаучные принципы построения моделей. Во-первых, гносеологический фундамент моделирования составляют «умозаключения по аналогии, понимаемые предельно широко, как перенос информации об одних объектах на другие» [14, с. 74]. Во-вторых, «модель всегда соответствует объекту – оригиналу – в тех свойствах, которые подлежат изучению, но в то же время отличается от него по ряду других признаков, что делает модель удобной для исследования интересующего нас объекта» [14, с. 74]. В-третьих, социологические модели в рассматриваемом нами контексте относятся, в терминологии В. А. Штоффа, к классу *идеальных* моделей: «...модели этого рода остаются мысленными, идеальными

даже в том случае, если они воплощены в какой-нибудь материальной форме, в виде рисунка, чертежа, схемы или просто системы знаков. Идеальный характер этих моделей не ограничивается только тем, что они выступают в виде модельных представлений, конструируются мысленно, в голове. Эти модели могут быть названы идеальными также и потому, что даже тогда, когда их элементы и отношения зафиксированы при помощи знаков, рисунков или других материальных средств, все преобразования в них, все переходы в другое состояние, все преобразования элементов осуществляются мысленно, т. е. в сознании человека, который опирается при этом на определенную семантику и пользуется логическими, математическими, физическими и другими специфическими правилами и законами. Без этого такие рисунки, чертежи, системы знаков и другие конструкции лишаются смысла и вообще значения моделей как образов действительности» [1, с. 26].

Исходными (веберовскими) категориями «понимающего» социологического моделирования, определяющими его идеологию, выступают: поведение, констелляция мотивов, понятные связи, идеальный тип, осмысленное соотнесение. Актуальный (рабочий) понятийный аппарат «понимающего» социологического моделирования включает следующие основные категории: закон, закономерность, тенденция, модель, модуль, компонент, контур, связь, влияние, зависимость, отношение, предпосылка, социальный фактор, условие, благо, потребность, стимул, мотив, интерес, социальный субъект, социальная группа, поведение, деятельность, функция, результат, культура, социальная норма, правило, образец, социальный стереотип, эмоции, сознание, мышление, индивид.

Социологическая модель, как правило, состоит из следующих формальных элементов:

- *компонент* – основной (при необходимости раскладываемый на составляющие) структурный элемент социологической модели. В упрощенном, «механистическом» смысле это кирпичик в кладке, атом в молекуле. В модели выполняет простую функцию;

- *модуль* – блок в социологической модели, который состоит из нескольких компонентов. Может особо рассматриваться в качестве частной социологической модели. Выполняет сложную функцию;

- *базовая структура* – минимальная основа модели, ее стержень. При исключении из базовой структуры любого элемента модель утрачивает свою работоспособность и объяснительный потенциал;

- *контур* – замкнутая цепь, которая может как связывать несколько компонентов внутри модуля, так и объединять несколько модулей в единую цепь. Удобство применения контура состоит в том, что в зависимости от конкретной исследователь-

ской задачи можно выстраивать описательную и объяснительную процедуры, начиная с любого модуля (компонента), входящего в контур.

Социологические модели обладают *объяснительными возможностями*. Охарактеризуем их.

1. Социологическая модель позволяет описать и объяснить доминантность поведения людей. *Доминантность* в модели – это параметр, по которому мы определяем доминирующий в констелляции мотив, т. е. тот самый мотив, который применительно к данной социальной группе и(или) в определенных социальных условиях сыграл решающую побудительную роль в поведении людей. Здесь мы можем использовать метод факторного анализа, в ходе которого возможно количественно и содержательно определить как сами факторы, так и те самые доминантные переменные, которые обладают наибольшими факторными нагрузками. «Эти факторные нагрузки следует понимать как корреляционные коэффициенты между переменными и факторами» [15, с. 371].

Следует иметь в виду, что, во-первых, «интерпретацию результатов факторного анализа иногда имеет смысл расценивать не как финальный этап исследования, а как этап выдвижения гипотез. <...> При той постановке задачи, которая послужила основой для разработки аппарата факторного анализа, факторы в принципе не могут быть определены однозначно. Множество одинаково „хороших“ факторных моделей может быть получено путем ротации некоторого первичного решения. <...> Здесь мы просто сталкиваемся с принципиальной невозможностью однозначного описания социальных явлений формальными методами» [16, с. 93]. Во-вторых, «если нет возможности провести вербальное объяснение факторов, то факторный анализ можно считать неудавшимся» [15, с. 372].

2. Социологическая модель позволяет описать и объяснить эластичность поведения людей. *Эластичность* в модели – это параметр, по которому мы определяем меру чувствительности поведения к воздействию различных факторов. В экономической теории аналогичный термин означает интенсивность реакции покупателей в ответ на изменение цены товара. «Если небольшое изменение цены сильно изменяет объем покупок, то говорят, что спрос эластичен. Если даже очень большое изменение цены лишь незначительно изменяет объем покупок, то говорят, что спрос неэластичен» [17, с. 55]. Заметим, что определение меры чувствительности поведения к тем или иным факторам есть ключ к построению эффективной системы управления этим поведением. В теоретико-методологическом плане, опираясь на типологию социальных действий М. Вебера [10, с. 628], полагаем возможным говорить о четырех видах эластичности: по интересам; по ценностям; по привычкам; по эмоциям.

Если мы оцениваем эластичность поведения по интересам на уровне индивида, то в фокусе нашего внимания будут особенности работы стимуляционно-мотивационного механизма [18, с. 277–279; 19, с. 166]. Если эластичность по ценностям, будем разбираться, насколько в данном случае сильным регулятором поведения является культура. Если эластичность по привычкам, нужно пристально всматриваться в поле социальных стереотипов. Если эластичность по эмоциям, то на индивидуальном уровне регулятором поведения будет комплекс персональных психологических характеристик (экстравертность/интровертность личности; тип нервной деятельности; особенности функционирования психологических механизмов эмоциональной памяти и защиты я-концепции), а на уровне коллективного субъекта, пожалуй, удобнее всего в осмыслении массовых форм поведения использовать категорию «социальное настроение» [20].

В терминах «больше/меньше» мы говорим о высокой эластичности, когда даже незначительное изменение силы и(или) характера действующего(их) фактора(ов) приводит к заметным изменениям в поведении людей. И напротив, если даже значительное изменение фактора(ов) не обусловило заметных изменений в поведении, мы говорим о низкой эластичности.

3. Социологическая модель позволяет описать и объяснить комплементарность [21] поведения людей. *Комплементарность*¹ в модели – это параметр, по которому мы определяем меру согласованности в поведении людей. При оценке комплементарности мы выделяем двух социальных субъектов², демонстрирующих сопряженные формы их поведения. Это могут быть, например, продавцы и покупатели на рынке товаров и услуг, работодатели и работники на рынке труда, образовательные учреждения и учащиеся. Если в ходе социологических исследований мы выявляем высокий уровень

взаимной удовлетворенности субъектов, это говорит о выраженной комплементарности их поведения. И напротив, если уровень удовлетворенности низкий, это говорит о том, что субъекты существуют в разных мирах. Формально, с позиций структурного функционализма, их отношения должны строиться по принципу соответствия, а в реальности субъекты ведут себя по принципу «кто в лес, кто по дрова». В последнем случае есть хороший повод для построения социологической модели в целях поиска способов повышения комплементарности поведения участников данного взаимодействия.

В заключение отметим, что практическая ценность любой социологической модели определяется, во-первых, возможностью ее *верификации* (т. е. эмпирической проверки), во-вторых, объяснительно-прогнозным потенциалом. «Гносеологическим основанием принципа верификации является позитивистская доктрина, согласно которой познание не может выйти за пределы чувственного опыта. <...> В современной логико-методологической литературе <...> верификация рассматривается как момент сложного, противоречивого процесса развития научного знания, как результат многоплановых взаимоотношений между соперничающими теориями и данными экспериментальных проверок» [22, с. 44]. Объяснительные и прогнозные возможности социологической модели составляют ее целостный потенциал, поскольку объяснение есть ключ к прогнозу. Понимание направленности, силы и характера действия основных факторов обеспечивает прояснение перспективных сценариев социальных процессов и будущих состояний социальных объектов. В связи с этим базовую формулу социологического моделирования мы выводим как аксиоматическое положение: *от равновероятной неизвестной разнородности – к высоковероятной понимаемой определенности*.

Библиографические ссылки

1. Штофф В. А. Моделирование и философия. М.; Л., 1966.
2. Плотинский Ю. М. Модели социальных процессов. М., 2001.
3. Quick N., Janik V. Bottlenose dolphins exchange signature whistles when meeting at sea // Proc. the Royal Soc. 2012. 29 Febr. URL: <http://rspb.royalsocietypublishing.org/content/early/2012/02/23/rspb.2011.2537> (date of access: 31.03.2017).
4. Пенроуз Р. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики. М., 2003.
5. Дейнека О. С. Экономическая психология. СПб., 2000.
6. Шекли Р. Избранное. М., 1991.
7. Азимов А. Я, робот. М., 2005.
8. Давыденко В. А., Ромашкина Г. Ф., Чуканов С. Н. Моделирование социальных сетей // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2005. № 1. С. 68–79.

¹Комплементарность мы трактуем как взаимное соответствие, органичную дополняемость в поведении участников взаимодействия. Не следует путать ее с однотипностью и похожестью. Комплементарные виды поведения, упрощенно говоря, не карандаши в наборе, а пазлы в картинке.

²Теоретически количество социальных субъектов может быть более двух. Метод позволяет при необходимости строить модель сопряженных форм поведения трех и более социальных субъектов. Однако на практике исследователя обычно интересует именно пара социальных субъектов.

9. Нейман Дж., Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. М., 1970.
10. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
11. Осипов Г. В. Социальное // Энциклопедический социологический словарь / под. ред. Г. В. Осипова. М., 1995. С. 690.
12. Соколов А. В. Форсайт: взгляд в будущее // Форсайт. 2007. № 1. С. 8–15.
13. Гончаров В. В., Марков А. В., Успенский А. А. Исследования по технологическому предвидению. Минск, 2009.
14. Стёпин В. С., Елсуков А. Н. Методы научного познания. Минск, 1974.
15. Бююль А., Цёфель П. SPSS: искусство обработки информации. Анализ статистических данных и восстановление скрытых закономерностей : пер. с нем. СПб., 2001.
16. Терещенко О. В., Курилович Н. В., Князева Е. И. Многомерный статистический анализ данных в социальных науках. Минск, 2012.
17. Хейне П. Экономический образ мышления. М., 1991.
18. Соколова Г. Н. Механизм стимуляционно-мотивационный // Экономико-социологический словарь / под науч. ред. Г. Н. Соколовой. Минск, 2013.
19. Шавель С. А. Социальная сфера общества и личность. Минск, 1988.
20. Тощенко Ж. Т., Харченко С. В. Социальное настроение. М., 1996.
21. Фатеева С. В. Комплементарность в экономической культуре // Изв. высш. учеб. заведений. Северо-Кавказский регион. Сер.: Обществ. науки. 2005. № 11. С. 7–12.
22. Соколова Г. Н. Верификация // Социологическая энциклопедия / под общ. ред. А. Н. Данилова. Минск, 2003.

References

1. Shtoff V. A. [Modeling and philosophy]. Moscow ; Leningrad, 1966 (in Russ.).
2. Plotinsky Yu. M. [Models of social processes]. Moscow, 2001 (in Russ.).
3. Quick N., Janik V. Bottlenose dolphins exchange signature whistles when meeting at sea. *Proc. Royal Soc.* 2012. 29 Febr. URL: <http://rspb.royalsocietypublishing.org/content/early/2012/02/23/rspb.2011.2537> (date of access: 31.03.2017).
4. Penrose R. [The emperor's new mind. Concerning computers, minds and the laws of physics]. Moscow, 2003 (in Russ.).
5. Deyneka O. S. [Economic psychology]. Saint Petersburg, 2000 (in Russ.).
6. Sheckley R. [Selected works]. Moscow, 1991 (in Russ.).
7. Asimov I. [I, robot]. Moscow, 2005 (in Russ.).
8. Davydenko V. A., Romashkina G. F., Chukanov S. N. [Modeling of social networks]. *Vestn. Tyumenskogo gosudarstvennogo univ.* 2005. No. 1. P. 68–79 (in Russ.).
9. Neumann J., Morgenstern O. [Game theory and economic behaviour]. Moscow, 1970 (in Russ.).
10. Weber M. [Selected works]. Moscow, 1990 (in Russ.).
11. Osipov G. V. [Social]. In: G. V. Osipov (ed.). [Encyclopedic sociological dictionary]. Moscow, 1995. P. 690 (in Russ.).
12. Sokolov A. V. [Foresight: the look into the future]. *Forsait.* 2007. No. 1. P. 8–15 (in Russ.).
13. Goncharov V. V., Markov A. V., Uspenskii A. A. [Researches on technological anticipation]. Minsk, 2009 (in Russ.).
14. Stepin V. S., Elsukov A. N. [Methods of scientific knowledge]. Minsk, 1974 (in Russ.).
15. Byuyul' A., Tsefel' P. [SPSS: information processing art. Analysis of statistical data and restoration of the hidden regularities]. Saint Petersburg, 2001 (in Russ.).
16. Tereshchenko O. V., Kurilovich N. V., Knyazeva E. I. [The multidimensional statistical analysis of data in social sciences]. Minsk, 2012 (in Russ.).
17. Keine P. [The economic way of thinking]. Moscow, 1991 (in Russ.).
18. Sokolova G. N. [The mechanism stimulation and motivational]. In: G. N. Sokolova (ed.). [Economic and sociological dictionary]. Minsk, 2013. P. 277–279 (in Russ.).
19. Shavel S. A. [Social sphere of society and personality]. Minsk, 1988 (in Russ.).
20. Toshchenko Zh. T., Harchenko S. V. [Social mood]. Moscow, 1996 (in Russ.).
21. Fateeva S. V. Complementarity in economic culture. *Izv. vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Seriya: Obshchestvennye nauki.* 2005. No. 11. P. 7–12 (in Russ.).
22. Sokolova G. N. [Verification]. In: A. N. Danilov (ed.). [Sociological encyclopedia]. Minsk, 2003. P. 44 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 05.05.2017.
Received by editorial board 05.05.2017.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ И ПЛЮРАЛИЗМ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Г. Е. ЗБОРОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Институт государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, ул. Мира, 19, 620002, г. Екатеринбург, Россия

Доказывается научная целесообразность использования целого ряда предметных (дисциплинарных) и междисциплинарных методологических подходов на основе применения принципа их плюрализма при проведении теоретического и эмпирического социологического исследования. Характеризуются структурные элементы научного социологического исследования. Плюрализм подходов в социологии рассматривается как составная часть методологии и программы социологического эмпирического и теоретического исследования, как научная, практическая и общественно-политическая проблема. Значительное внимание уделяется анализу соотношения различных методологических подходов в социологии. Обсуждается проблема составления матрицы дисциплинарных и междисциплинарных подходов и ее апробации в ходе изучения конкретных социальных явлений и процессов. Поднимается вопрос об использовании в последние годы в социально-гуманитарных исследованиях естественно-научных подходов (при условии методологической обоснованности их применения).

Ключевые слова: плюрализм; методологические подходы; количественные и качественные подходы; дисциплинарные (предметные) подходы; междисциплинарные подходы; естественно-научные подходы.

Благодарность. Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 16-06-00014.

INTERDISCIPLINARITY AND PLURALISM OF METHODOLOGICAL APPROACHES IN SOCIOLOGICAL RESEARCH

G. E. ZBOROVSKII^a

^aThe Institute of Public Administration and Entrepreneurship Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Mira Street, 19, 620002, Yekaterinburg, Russia

The article proves the scientific expediency of using a number of disciplinary and interdisciplinary methodological approaches to theoretical and empirical sociological research on the basis of the application of the principle of their pluralism. Structural elements of scientific sociological research are characterized. Pluralism of approaches in sociology is viewed as an integral part of the methodology and program of sociological empirical and theoretical research, as a scientific, practical and socio-political problems. Considerable attention is paid to the analysis of the correlation of various methodological approaches in sociology. The problem of compiling a matrix of disciplinary and interdisciplinary approaches and its approbation in the process of studying specific social phenomena and processes is discussed. A question is raised about the use in recent years of socio-humanitarian studies of natural-scientific approaches, provided that they are methodologically sound.

Key words: pluralism; methodological approaches; quantitative and qualitative approaches; disciplinary (subject) approaches; interdisciplinary approaches; natural-scientific approaches.

Acknowledgements. The article has been prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 16-06-00014.

Образец цитирования:

Зборовский Г. Е. Междисциплинарность и плюрализм методологических подходов в социологическом исследовании // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 2. С. 25–31.

For citation:

Zborovskii G. E. Interdisciplinarity and pluralism of methodological approaches in sociological research. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 2. P. 25–31 (in Russ.).

Автор:

Гарольд Ефимович Зборовский – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления.

Author:

Garold Zborovskii, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of sociology and public and municipal administration technologies.
garoldzborovskiy@gmail.com

Аксиомой является признание того обстоятельства, что проведение всякого научного исследования базируется на использовании определенных методологических подходов. Однако обсуждение этого вопроса на страницах изданий (как монографических, так и периодических) и диссертационных работ часто превращается в формальность. Обычно перечисляются традиционно применяемые теоретические и эмпирические подходы, что в ряде случаев сопровождается ссылками на работы известных ученых в конкретной области научного знания и перечнем созданных ими концепций и теорий. После соблюдения этого методологического «ритуала» автор считает свою миссию выполненной и приступает к непосредственному анализу проблемы.

Между тем работа над определением подходов к проведению научного исследования может принести немало пользы, если к ней отнестись с соответствующим пониманием и уважением. Мы имеем в виду учет одного из требований научного исследования – осмысленного и обоснованного выбора методологических подходов к нему на основе использования принципа их плюрализма.

Целью статьи является рассмотрение проблемы выбора научных подходов при соблюдении принципа их плюрализма в рамках подготовки и проведения социологического исследования. Отметим, что многое из сказанного далее вполне может быть применено и в иных видах социально-гуманитарного исследования, связанного с научным изучением конкретных общественных проблем. Известно, что социологическое исследование (как теоретическое, так и эмпирическое) по самой разнообразной тематике можно проводить, используя различные пути (в зависимости от его объекта и предмета, цели, задач и гипотез, работы с накопленной информацией и т. д.). Существует ряд способов проведения такого исследования, которые целесообразно рассматривать как определенный алгоритм его подготовки и осуществления.

Со времен первой чикагской социологической школы (1920-е гг.) этот алгоритм принято называть программой социологического эмпирического исследования, предполагающей принцип плюрализма подходов в изучении конкретных проблем. Согласно этому принципу доказывается возможность попеременного либо одновременного использования количественных и качественных стратегий и соответствующих методологических и методических подходов. Как пишет В. В. Семенова, «методологическое преимущество сочетания двух подходов (качественного и количественного. – Г. З.) состоит в том, что одни и те же социальные объекты рассматриваются с разных позиций. <...> Сущность такого совмещения состоит в комбинировании “подхода, ориентированного на изучение переменных”, и “подхода, ориентированного на человека”» [1, с. 93]. По существу, речь идет о своеобразном

принципе дополнительности как факторе смешанной исследовательской стратегии, когда одни подходы – количественные – дополняют и усиливают другие – качественные (или наоборот). Следовательно, уже в эмпирическом исследовании становится возможным использование принципа плюрализма подходов.

Многие положения методологии (и программы как ее составной части) эмпирического исследования вполне пригодны для осуществления и теоретического исследования. Но специфика последнего требует применения несколько иного алгоритма. В принципе, он существует и в самом общем виде может быть сведен к системе (методологии и методике) любого теоретического социально-гуманитарного, в том числе социологического, исследования.

Теоретическое исследование включает в себя разработку комплекса идей, взглядов, представлений, направленных на анализ и решение конкретных научных проблем, истолкование и объяснение каких-либо социальных явлений и процессов. Признаками такого исследования являются: использование взаимосвязанных суждений, представлений, понятий, гипотез; наличие способа объяснения целого класса объектов; система доказательств, выводов; создание теории (концепции); связь (и взаимосвязь) с другими рядом расположенными теоретическими исследованиями по рассматриваемой проблеме.

Теоретическое исследование подразумевает под собой определенную программу, которая обуславливает его целостность как единой системы знания. Это исследование включает в себя как минимум четыре компонента:

- исходную теоретическую основу, включающую множество первичных допущений, постулатов, аксиом, общих законов, в совокупности описывающих идеализированный объект теории;
- исходную эмпирическую основу, означающую использование множества зафиксированных в данной области знания фактов, требующих теоретического объяснения;
- логику исследования, предполагающую наличие множества допустимых в его рамках правил логического вывода и доказательства;
- совокупность выведенных в исследовании утверждений с доказательствами, составляющими основной массив теоретического знания.

Методологически центральную роль в теоретическом исследовании играет лежащий в его основе идеализированный объект – теоретическая модель существенных связей реальности, представленных с помощью определенных гипотетических допущений и идеализаций [2, с. 676–677]. Эта модель строится на основе научной парадигмы (или нескольких парадигм). Ее создание предполагает использование целого ряда методологических подходов на основе перехода от одного к другому. Это означает, что возникает необходимость учета и применения

принципа их плюрализма. Рассмотрим названный принцип и его реализацию в рамках социологического теоретического исследования.

Специфика такого исследования подразумевает ориентацию социологов на анализ социальных структур, общностей как больших социальных групп, систем и процессов, в них происходящих. Так, социальные общности, выступающие объектом макросоциологического теоретического исследования, – это не только цивилизация и наиболее крупные ее социальные образования, включающие реальные виды обществ и их взаимодействия, но и реально существующие, теоретически и эмпирически фиксируемые, относительно единые и самостоятельные взаимосвязи (совокупности) людей, объединенных по социокультурным, демографическим, экономическим, этническим, территориальным, религиозным, политическим, профессиональным и иным основаниям. Эти социальные общности характеризуются рядом признаков: относительной целостностью, осознанием людьми своей принадлежности к ним (идентификацией и самоидентификацией), схожими условиями жизни и деятельности, наличием определенных пространственно-временных полей бытия, реализацией функции самостоятельного субъекта социального и исторического действия и поведения на основе обладания различными ресурсами и их использования [3, с. 110].

Макросоциологическое исследование не требует детального рассмотрения конкретных проблем и ситуаций, возникающих в социальных общностях, а нацеливает на их комплексный охват, предполагает наличие широкого взгляда на них, позволяющего включить эти локальные процессы, проблемы и ситуации в общетеоретический контекст анализа. Теоретическое социологическое исследование объясняет социальную реальность сквозь призму общих и специфических тенденций ее функционирования и развития, ориентирует на выявление механизмов их действия и форм проявления в различных сферах общественной жизни, позволяет осуществить анализ социального развития, в том числе с позиций преодоления возникающих конфликтов.

Однако социологические теоретические исследования касаются не только общества и его структур (включая социальные общности). В неменьшей степени они охватывают жизнь человека и его поведение, соотношение человеческого действия и социальной структуры.

Любое социологическое теоретическое исследование включает в свою структуру понятия, суждения, переменные и формы [4, с. 567]. Понятия описывают качественное своеобразие изучаемых явлений; суждения отражают закономерные связи в исследуемой области явлений и процессов; переменные (различного уровня общности и зависимости) выражают степень изменения определенно-

го свойства или признака; форма есть логическое структурирование полученных знаний.

Описанный путь теоретического исследования является многократно апробированным, традиционным. Иногда социологи идут по нему осознанно, акцентируя внимание на каждом этапе, стараясь ничего не упустить. Вместе с тем часто они не обращают внимания на последовательное прохождение этих этапов, поскольку алгоритм исследования оказывается прочно усвоенным и вошедшим, что называется, в «кровь и плоть» научной деятельности.

Еще одно важное обстоятельство оказывается упущенным в процессе этой деятельности. Речь идет о невыраженном стремлении (или даже о его полном отсутствии) исследователей к выбору не одного, а нескольких методологических подходов для рассмотрения интересующей их проблемы. Другими словами, упускается возможность использования принципа плюрализма применяемых методологических подходов.

Такая возможность представляется нам крайне важной для проведения теоретического социологического исследования. В этих целях научно оправданным является использование как конкретных дисциплинарных (предметных), так и междисциплинарных (межпредметных) методологических подходов. Собственно, сам социологический анализ конкретной проблемы и есть один из предметных подходов к ее исследованию. В таком же качестве могут выступать философский, экономический, исторический, психологический и иные подходы, тесно сопряженные с социологическим анализом. Взятые в единстве применительно к изучению какой-либо проблемы, они могут придать ее исследованию многоаспектный и глубокий характер.

С этой точки зрения еще более важным является использование междисциплинарных методологических подходов. К их числу мы отнесем в первую очередь системный, институциональный, общностный, деятельностный, социокультурный, ресурсный, пространственно-временной, аксиологический и другие подходы.

По нашему мнению, использование целого ряда научных подходов в социологическом исследовании есть не что иное, как проявление социологического плюрализма. Сегодня подобная постановка вопроса вряд ли вызовет какую-либо дискуссию, но еще некоторое время назад, в середине 1990-х гг., она была предметом серьезных споров. Правда, они разгорелись не вокруг применения различных дисциплинарных и междисциплинарных подходов к изучению какой-то одной проблемы (плюрализм подходов), а в связи с использованием ряда парадигм и теорий. В этом отношении представляет интерес дискуссия между М. Н. Руткевичем (сторонником марксистско-ленинского монизма и борцом против социологического плюрализма) и В. А. Ядовым (сторонником социологического плюрализма),

которая имела место на страницах издания «Социологический журнал» в 1996 г. [5, с. 12; 6].

Предметом для дискуссии послужила небольшая, но крайне важная в методологическом отношении статья В. А. Ядова, вышедшая годом раньше [7]. В ней он доказывал возможность и даже необходимость при исследовании той или иной социологической проблемы, того или иного социального феномена использовать не одну, а несколько парадигм для того, чтобы по-разному интерпретировать тот или иной социальный фактор. По мнению В. А. Ядова, это могло способствовать более глубокому их объяснению. Согласно его позиции наличие ряда теоретических моделей, выступающих в качестве опорных конструкций для исследования, крайне важно для социальных наук. Последовательно переходя от одной объяснительной модели к другой, мы получаем возможность увидеть анализируемый феномен (проблему) под новым углом.

С точки зрения М. Н. Руткевича, подход В. А. Ядова есть не что иное, как эклектика, смешивание того, что не подлежит соединению и тем более совместному использованию. В. А. Ядов же отстаивает – с нашей точки зрения, совершенно обоснованно – необходимость теоретического плюрализма. Упоминая и характеризуя эту дискуссию, не следует забывать о том, что она имела место в 1990-е гг., в период активизации социологической гласности и формирования в российском обществе нового социологического мышления.

После выхода в свет упомянутой статьи В. А. Ядова мы попытались использовать предложенный им принцип плюрализма в анализе образования как социального феномена с позиций ряда парадигм и теорий: обмена, конфликта, структурного функционализма и др. Это позволило получить новые знания о реальных проблемах образования и его концепциях как в отечественной, так и в зарубежной социологии [8].

При рассмотрении социологического плюрализма как принципа теоретической социологии большой интерес представляет точка зрения А. Г. Здравомыслова. Он пишет, что «признание теоретического плюрализма в социологической теории есть прежде всего результат признания “многослойности” социальной реальности» [9, с. 282]. Тем самым он призывает социологов в процессе анализа тех или иных парадигм, теорий, концепций обращаться к выявлению связи между ними и теми реальными социальными фактами, событиями, процессами, которые они отражают и выражают в концентрированном виде. Это важно для того, чтобы анализ принципа плюрализма не превращался в теоретическую игру, «плетение» научных, может быть, даже наукообразных «кружев».

Следует отметить одно весьма значимое обстоятельство: чем более разнообразной, многослойной и мозаичной становится социальная реаль-

ность, тем более заметным оказывается плюрализм ее интерпретаций. Одним из ярких доказательств этой связи стало появление в течение последних 15–20 лет большого количества достаточно разных теорий переходного периода, модернизации, трансформации общества и т. д. Многослойность, мозаичность, плюрализм социальной реальности вызывают ее различные интерпретации и стимулируют тем самым резкое возрастание смыслообразующих возможностей социологических трактовок.

В связи с этим вновь процитируем А. Г. Здравомыслова, который писал, что «этот теоретический плюрализм проистекает из многообразия интересов, стимулирующих социологический поиск, в том числе и из многообразия “партийных” точек зрения. Во всяком случае российскому социологу приходится учитывать наличие противоположных политических ориентаций, сложившихся в обществе, и преодолевать их в своей исследовательской практике или по меньшей мере демонстрировать стремление к преодолению узкопартийных взглядов, в сколь бы прогрессистскую и принципиальную идеологию они не облекались. В настоящее время это представляется условием самосохранения социологии как области научного знания, исследований, преподавания» [9, с. 284].

Выясняется, что проблема социологического плюрализма – это не только внутренняя проблема науки. В определенных обстоятельствах она может вызывать широкий общественный, политический и властный интерес. Чтобы осмыслить эту ситуацию, следует отметить несколько разновидностей плюрализма в социологии. Одна из них – теоретический плюрализм в его чистом, рафинированном виде. Речь идет о концепциях, теориях, парадигмах, имеющих сугубо научный характер, обращенных в сферу эпистемологии, методологии, логики научного исследования и не выходящих напрямую на социальную и политическую проблематику, на отношения социологии и ее конкретных представителей с властными структурами. Другая разновидность плюрализма в социологии связана с ее политическими, идеологическими, религиозными векторами и соответствующей практической направленностью интересов.

Иногда эти разновидности могут пересекаться в деятельности социологов. И тогда мы можем обнаружить, что одни виды плюрализма не вызывают реакции властных структур, а другие, наоборот, привлекают слишком пристальное их внимание, доходящее до готовности принять репрессивные меры против тех или иных социологических структур или отдельных социологов, не согласных с какими-либо политическими решениями.

Приведем в качестве примера деятельность социологов Левада-Центра. Когда они разрабатывают методологические и методические проблемы эмпирических исследований, это никого не вол-

нует, кроме специалистов, работающих в данной области социологической науки. Но как только публикуются результаты исследований, которые показывают нелицеприятные для власти социальные факты (например, заметное падение рейтинга президента в определенные периоды, негативное отношение в обществе к законодательным инициативам депутатов Госдумы РФ), так сразу же ставится вопрос о применении в отношении социологов Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» № 121-ФЗ. Как известно, этот закон позволяет считать научную деятельность в социологии разновидностью политической деятельности, а некоммерческие (неправительственные) организации, ее осуществляющие, рассматривать в качестве иностранных агентов.

В итоге плюрализм подходов в социологии становится не только методологической, но и практической проблемой деятельности исследователей. Наличие такого аспекта проблемы лишний раз свидетельствует о том, что социологическое поле и поле политики оказываются не просто рядом, а частично покрывают друг друга, даже взаимопроникают и заставляют еще раз задуматься над тем, каким образом социологам можно участвовать в создании гражданского общества в России.

Рассматривая плюрализм научных подходов в социологическом исследовании, отметим, что речь не идет о том, нужно или не нужно, важно или неважно, целесообразно или нет применять те или иные дисциплинарные (философский, экономический, исторический, психологический, правовой и др.) либо междисциплинарные (системный, институциональный, деятельностный, общностный, социокультурный, пространственно-временной, ресурсный и др.) подходы. Конечно, нужно, важно и целесообразно. Вопрос состоит в определении возможности делать это в рамках исследования какой-то одной, конкретной, четко сформулированной проблемы или какого-то одного конкретного объекта (процесса). Главное – определить, какие подходы могут или даже должны быть применены в предпринимаемом исследовании. Выявление таких подходов зависит от характера проблемы, уровня ее методологической и методической разработанности, цели и задач исследования, предполагаемых результатов и ряда других обстоятельств. Не последнюю роль могут играть и личные пристрастия и интересы автора.

Существенное значение приобретает понимание того, как соотносятся между собой дисциплинарные (предметные) и междисциплинарные (межпредметные) подходы, какие из последних оптимально соответствуют тем или иным конкретным научно-предметным подходам, а какие – нет. В этом плане интерес может представить констру-

ирование своеобразной матрицы (схемы) обоих видов подходов – дисциплинарных и междисциплинарных, локализованных на горизонтальном и вертикальном уровнях, на пересечении которых обнаруживаются их связи и сочетания. Создание такой матрицы есть, по существу, результат индивидуальных представлений социологов, деятельности их научного сознания относительно самих подходов, их типологии, группировки, классификации, выявления связей и взаимодействий.

В процессе использования того или иного предметного (дисциплинарного) подхода могут быть задействованы любые из междисциплинарных подходов. Это теоретическое допущение. Его реализация возможна лишь тогда, когда исследователь стремится выявить перспективы применения каждого из них для того, чтобы получить как можно более полную и адекватную картину изучаемого феномена либо рассматриваемой проблемы.

Сама схема (матрица) подходов, конструируемая исследователем, позволяет увидеть, что социологический подход рассматривается как один из рядоположенных дисциплинарных (предметных) подходов наряду с философским, экономическим, историческим, психологическим и другими. Важно отметить, что он с ними взаимодействует. Благодаря этому рождается иной тип социологического знания, обогащенного философским, историческим, экономическим, психологическим знанием. Он становится базой для возникновения интегрального знания.

Можно попытаться сформулировать набор требований к полноте социологического знания по той или иной проблеме с учетом смежных подходов. Вместе с тем социологический подход, как и все дисциплинарные, взаимодействует с междисциплинарными (межпредметными) подходами: системным, институциональным, деятельностным, социокультурным, пространственно-временным, общностным, ресурсным и т. д.

Рассмотрим в качестве примера исследование социального феномена волонтерства, представляющего сегодня достаточно сложную и актуальную научную проблему. Из литературы хорошо известно, что волонтерство является объектом изучения ряда конкретных наук и, стало быть, включено в предметное поле многих дисциплинарных подходов. Им интересуются экономисты, психологи, управленцы, правоведы, педагоги, специалисты в области социальной работы и социальной защиты населения, исследователи некоммерческих (неправительственных) организаций и др.

Но в силу нашей профессиональной принадлежности к социологической науке мы обратимся в первую очередь к социологическому аспекту проблемы. До недавнего времени в рамках социологического исследования волонтерство рассматривали исключительно или преимущественно как общественное движение. Использование же ряда

методологических, междисциплинарных подходов (институционального, общностного, деятельностного, системного, аксиологического, социокультурного) позволило охарактеризовать его как социальный институт, социальную общность, социокультурный феномен, рассмотреть деятельность волонтеров как особый вид социальной активности, что существенно обогатило теорию волонтерства [10, с. 110–119].

Проблема плюрализма научных подходов в социально-гуманитарном, более конкретно – социологическом, исследовании получает в последние годы новый импульс для своего рассмотрения в результате усиливающегося взаимодействия социологии с естественно-научными подходами и достижениями естественно-научного знания. Позитивистская ориентация социологической науки с самого начала ее возникновения (первая половина XIX в.) была основной. Одной из доминирующих она осталась и сегодня, что было бы невозможно без стремления социологии (и в целом социально-гуманитарной науки) к тесной связи с естественно-научными подходами. Плюрализм методологических подходов в научном социально-гуманитарном исследовании становится реальностью во многом благодаря этой связи.

Вновь обратимся к конкретному опыту социологического изучения одной проблемы, ставшего возможным благодаря использованию принципа плюрализма подходов, на сей раз естественно-научных. Речь идет о разработке социологических представлений о нелинейных социальных явлениях и процессах на рубеже XX–XXI вв. Они формировались благодаря мощному импульсу, который шел от теорий и концепций, сложившихся в естествознании во второй половине прошлого столетия. Работы выдающихся ученых (Дж. Чу, Д. Бома, И. Пригожина, Г. Хакена и др.) имели важное значение не только для естествознания, но и для социальных наук, поскольку коренным образом изменили представления о мире, частью которого выступают социальные явления [11, с. 103–110; 12].

Рост интереса к нелинейной проблематике вызван не только тенденциями развития и достижениями самой науки, а прежде всего усилением нелинейности окружающей среды, особенно социального мира. Современные общества, совершающие качественный скачок в новое культурное, со-

циальное, цивилизационное состояние, реализуют именно нелинейную логику изменений. Объяснительные схемы естественных и социогуманитарных наук обеспечили адекватное восприятие и понимание этого процесса в научном сообществе. Но они также дают знание того, как можно управлять нелинейными процессами в реальной социальной практике и регулировать поведение различных социальных субъектов в условиях нелинейной динамики социальной системы.

Рассмотренная трактовка нелинейности социальных процессов сквозь призму естественно-научных подходов демонстрирует возможность и продуктивность применения естественно-научной методологии в исследованиях разных проблем, в том числе таких, как социальное время, его динамика и влияние на темпоральные стратегии поведения социальных общностей и их социальное самочувствие [13, с. 63–73]. На основе этой методологии и ее сочетания с социологическим подходом формируется проблематика нелинейного социального времени, вытекающих отсюда противоречий, связанных с переходом от линейного темпорального режима жизнедеятельности людей к нелинейному.

Ориентация социологии на использование естественно-научных методов, достижения естественных наук позволила ей сформулировать новый взгляд на общество как турбулентный социум, который лишен предсказуемых изменений. Их разнонаправленность, многоуровневые темпоритмы, с трудом поддающиеся систематизации структуры социальных пространств, иными словами, сложнейший пространственно-временной континуум этого турбулентного социума обуславливают необходимость активизации его исследования, с одной стороны, и делают этот процесс неизмеримо более сложным, с другой.

Подводя итог, отметим, что мы стремились показать значение проблемы междисциплинарности и плюрализма методологических подходов в научном исследовании, а также возможности и перспективы, которые сулит их использование в анализе конкретных проблем. Задача исследователей, по нашему мнению, состоит в том, чтобы не проходить мимо таких возможностей и не упускать шанса методологического усиления научных работ.

Библиографические ссылки

1. Семенова В. В. Социальная динамика поколений. М., 2009.
2. Философский энциклопедический словарь / под ред. Л. Ф. Ильичева. М., 1983.
3. Зборовский Г. Е. Теория социальной общности. Екатеринбург, 2009.
4. Российская социологическая энциклопедия / под ред. Г. В. Осипова. М., 1998.
5. Руткевич М. Н. О диалектике и эклектике в теоретической социологии // Социол. журн. 1996. № 1/2. С. 82–88.
6. Ядов В. А. Реплика уважаемому оппоненту // Социол. журн. 1996. № 1/2. С. 89–92.
7. Ядов В. А. Два рассуждения о теоретических предпочтениях // Социол. журн. 1995. № 2. С. 70–72.
8. Зборовский Г. Е. Образование: от XX к XXI веку. Екатеринбург, 2000.

9. Здравомыслов А. Г. Поле социологии в современном мире. М., 2010.
10. Певная М. В. Волонтерство как социологическая проблема // Социол. исслед. 2013. № 2. С. 110–119.
11. Амбарова П. А. Дисциплинарные и междисциплинарные подходы к определению понятия нелинейности // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 1: Пробл. образ., науки и культуры. 2014. № 2. С. 103–110.
12. Амбарова П. А. Управление временем в зеркале темпоральных стратегий поведения социальных общностей. Екатеринбург, 2015.
13. Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Темпоральные стратегии поведения социальных общностей как социологическая проблема // Социол. исслед. 2015. № 5. С. 63–73.

References

1. Semenova V. V. [Social dynamics of generations]. Moscow, 2009 (in Russ.).
2. Il'ichev L. F. (ed.). [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow, 1983 (in Russ.).
3. Zborovskii G. E. [The theory of social community]. Yekaterinburg, 2009 (in Russ.).
4. Osipov G. V. (ed.). [Russian sociological encyclopedia]. Moscow, 1998 (in Russ.).
5. Rutkevich M. N. On dialectics and eclectics in sociological theory. *Sotsiologicheskii zhurnal [Sociological journal]*. 1996. No. 1/2. P. 82–89 (in Russ.).
6. Yadov V. A. Reply to my opponent. *Sotsiologicheskii zhurnal [Sociological journal]*. 1996. No. 1/2. P. 89–92 (in Russ.).
7. Yadov V. A. [Two arguments about theoretical preferences]. *Sotsiologicheskii zhurnal [Sociological journal]*. 1995. No. 2. P. 70–72 (in Russ.).
8. Zborovskii G. E. [Education: from the 20th to the 21st century]. Yekaterinburg, 2000 (in Russ.).
9. Zdravomyslov A. G. [The field of sociology in the modern world]. Moscow, 2010 (in Russ.).
10. Pevnaya M. V. [Volunteering as a sociological problem]. *Sotsiologicheskie issled.* 2013. No. 2. P. 110–119 (in Russ.).
11. Ambarova P. A. [Disciplinary and interdisciplinary approaches to the definition of the concept of nonlinearity concept]. *Izv. Ural Fed. Univ. Ser. 1: Issues in Educ., Sci. and Cult.* 2014. No. 2. P. 103–110 (in Russ.).
12. Ambarova P. A. [Time management in the mirror of temporal behaviour strategies of social communities]. Yekaterinburg, 2015 (in Russ.).
13. Ambarova P. A., Zborovskii G. E. Social communities' temporal behaviour strategies as a sociological problem. *Sotsiologicheskie issled.* 2015. No. 5. P. 63–73 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 19.06.2017.
Received by editorial board 19.06.2017.

УДК 94(5)

ФРАГМЕНТАЦИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО РЫНКА РОССИИ: РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВЫВОДЫ

Л. Г. ТИТАРЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

На основе анализа материалов двух крупных социологических форумов, проведенных в России в конце 2016 г., автор размышляет о состоянии современного рынка идей, развиваемых социологами, которые принадлежат к разным сегментам многообразного социологического поля России. Дана краткая характеристика основным группам, представленным в современной социологии России. Группы выделены по критерию репрезентации четырех типов социологического знания по классификации М. Буравого. Раскрыты основные достижения каждой из них. Фрагментация представлена как важная черта современного состояния этого социологического поля. Показаны исторические корни и универсальная природа фрагментации производства социологического знания. В качестве актуального примера проявления фрагментации социологического знания представлена социология образования. Делается вывод о том, что фрагментация может способствовать процессу интеграции российской социологии в международное социологическое сообщество.

Ключевые слова: социологический рынок; Россия; фрагментация производства социологического знания; теоретическая социология; эмпирическая социология; социология образования.

Благодарность. Работа выполнена при поддержке БРФФИ, грант Г17АРМ-017.

Образец цитирования:

Титаренко Л. Г. Фрагментация социологического рынка России: размышления и выводы // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 2. С. 32–40.

For citation:

Titarenko L. G. Fragmentation of sociological market in Russia: thoughts and conclusions. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 2. P. 32–40 (in Russ.).

Автор:

Лариса Григорьевна Титаренко – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Larisa Titarenko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social science.
larisa166@mail.ru

FRAGMENTATION OF SOCIOLOGICAL MARKET IN RUSSIA: THOUGHTS AND CONCLUSIONS

L. G. TITARENKO^a

^a*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

On the basis of the analysis of two large sociological events that took place in Russia in the end of 2016 the author reflects on the state of the modern «market» of ideas developed by sociologists belonging to different segments of the multiform sociological field in Russia. The article gives a brief description of the main groups, represented in Russian modern sociology, singled out by the criterion of representation of four types of sociological knowledge according to M. Burawoy's classification. The main achievements of each selected group are revealed. Fragmentation is presented as an important feature of the current state of this sociological field. The historical roots and the universal nature of the fragmentation of the production of sociological knowledge are shown. Sociology of education is presented as an actual example of the manifestation of fragmentation of sociological knowledge. It is concluded that fragmentation can contribute to the process of integration of Russian sociology into the international sociological community.

Key words: sociological market; Russia; fragmentation of the production of sociological knowledge; theoretical sociology; empirical sociology; sociology of education.

Acknowledgements. The article was prepared with the support of BRFRF (grant Г17APM-017).

Эта статья – результат авторского осмысления двух крупных мероприятий: V Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость» (г. Екатеринбург, 19–21 октября 2016 г.), организованного Российским обществом социологов (РОС), и Международной научной конференции «Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке. К 100-летию Русского социологического общества им. М. М. Ковалевского» (г. Санкт-Петербург, 10–12 ноября 2016 г.). Оба события в социологическом мире России были довольно содержательными, привлекли большое число специалистов со всей страны и гостей из зарубежных стран (на съезде было представлено около тысячи человек, на конференции – несколько сотен) и послужили поводом к анализу нынешнего состояния российской социологии. Кратко резюмируя результаты размышлений, скажем: судя по разнообразной тематике, теоретическому и эмпирическому разбросу выступлений и наличию разных по своему уровню научных исследований на российском социологическом поле, а также довольно непростым (иногда непримиримым) взаимоотношениям членов этого поля, социология в России была и остается фрагментированной, разграниченной глубокими «водоразделами» между ее основными игроками (сегментами социологического рынка).

Данная черта российской социологии анализировалась не единожды в разных теоретических и политических ракурсах, изначально такими авторами, как Н. Кареев и Е. Де Роберти, чуть позже – П. Сорокиным, во второй половине XX в. – Б. Грушиным, В. Ядовым, А. Алексеевым, в годы постсоветского развития социологии – Б. Фирсо-

вым, Б. Докторовым, А. Здравомысловым, наконец, А. Филипповым и Б. Гудковым. В последнее время она по-новому рассматривалась представителями более молодого поколения российских социологов М. Соколовым, П. Сорокиным и др. На наш взгляд, современная фрагментация во многом определяет границы развития российской социологии и возможность достижения в ее рамках новых результатов, способных продвинуть российскую социологию на международном уровне.

Фрагментация не является чисто российским феноменом. Эта черта не уникальна ни для России, где траектории социологического развития всегда зависели от социально-политических условий, ни для глобальной социологии. Современный мир только называется глобальным, в реальности не только страны и регионы, но и сообщества внутри каждой страны разделены по многим важным критериям (политическим, теоретическим, этическим и т. п.). Сегодня глобальная социология «настолько сильно диверсифицирована, дезинтегрирована и фрагментирована, что единственной общей чертой профессионального сообщества в современных условиях является общее желание стать каким-либо образом более интересной для общества»¹ [1, р. 6]. Даже одна из лидирующих в мировом мейнстриме социологий, американская, не избежала фрагментации. Как утверждает ее представитель С. Тернер, нынешняя американская социология – это не идеи и программы исследований, как было раньше, а «политически идентифицированная дисциплина, ориентированная на факты» [2, р. 98], что позволяет ей сохранять внутри себя касты, т. е. особые группы внутри социологического сообщества, которые пытаются навязывать свои профессиональные предпочтения и интересы всем

¹Здесь и далее перевод наш. – Л. Т.

остальным группам [2, р. 100]. Фрагментация не способствует эффективному развитию социологии ни в национальных, ни в глобальных рамках: неслучайно в XXI в. ни одна парадигма или макросоциологическая теория не пользовалась поддержкой большинства в социологическом сообществе; единства нет даже внутри представителей одной и той же метапарадигмы [3; 4].

Где лежат истоки социологической фрагментации в России? Чтобы их найти, надо вспомнить историю. Резкая поляризация внутри интеллигенции XIX в. отличала Россию от ряда других европейских стран, в которых более демократический политический режим оставлял больше возможностей для свободного интеллектуального развития. В России главным камнем преткновения всегда было именно отношение различных «лагерей» социологов к существующей власти и к вопросу о том, каким путем следует развиваться стране. Несмотря на обилие социологических школ в XIX в. (субъективная, марксистская, неокантианская, позитивистская и др.) и их внутреннее противостояние (западники и славянофилы, марксисты и позитивисты), лишь немногие в середине–конце XIX в., когда социология была на этапе становления, проявляли лояльность к царскому режиму. Это объяснялось тем, что не только открытие социологических кафедр и факультетов было запрещено царским правительством, но и публичное упоминание социологии было невозможно. После европейских революций 1848 г. социология числилась в разряде революционных дисциплин [5]. Книги по социологии изымались, многие ученые уезжали за границу, чтобы заниматься профессиональной деятельностью (Е. Де Роберти, М. Ковалевский). Поэтому первыми социологами в учебных заведениях стали преподаватели истории, права, географии, которые в своих лекциях доносили до студентов определенные социологические теории (в основном западноевропейские). Правда, социологические идеи и будущее страны косвенным образом обсуждались (в рамках возможного) общественно-литературными журналами. Можно сказать, что социология и развивалась в те годы прежде всего как публичная сфера деятельности. К концу XIX в. с большими трудностями социология начала пробивать себе путь как академическая дисциплина. Но лишь после первой русской революции в негосударственном Неврологическом институте Санкт-Петербурга появилась первая кафедра социологии. Институционализация дисциплины пришлось на годы Первой мировой войны.

Именно во втором десятилетии XX в. социология стала бурно развиваться и в Петербурге, и в других российских центрах. По понятным причинам политические разногласия между представителями разных направлений после революций 1917 г. усилились, чтобы еще через десятилетие быть во-

все прекращенными почти на 30 лет тоталитарного сталинского правления в СССР.

Возрождение (а по сути, второе рождение) социологии произошло в конце 1950-х гг. и было связано с именами так называемых шестидесятников: В. Ядова, И. Кона, А. Здравомыслова, В. Шубкина, Б. Грушина, Ю. Левады, Г. Осипова и др. В советской социологии тоже были свои западники и консерваторы, сторонники развития социологии как самостоятельной науки (Б. Грушин, Ю. Левада) и те, кто считал социологию эмпирическим приложением исторического материализма и пытался развивать ее именно в этом статусе (М. Руткевич). Во многом по политическим причинам социология так и не была полностью институционализирована в СССР. В постсоветское время споры о статусе социологии в России между разными профессиональными группами возобновились с еще большей ожесточенностью и стали более открытыми. Сначала появилось два профильных института в Москве, по-разному интерпретировавших задачи социологии в новых постсоветских условиях, затем возникли разные профессиональные ассоциации, позиции которых доходили вплоть до противостояния внутри одного города: такая ситуация в Санкт-Петербурге с его тремя разными «социологическими островами» описана М. Соколовым [6]. В последние годы федеральный закон об иностранных агентах, в число которых был включен ряд негосударственных исследовательских социологических организаций, усилил поляризацию и в отношениях с властью, и между социологами разных направлений, по своему трактующих свою миссию в обществе.

Таким образом, социология в России во все периоды своего существования характеризуется непрерывным политическим противостоянием внутри самой дисциплины и весьма противоречивыми (часто конфронтационными) отношениями с властью. Современные российские социологи утверждают, что это связано с тем, что господствующий тип общества, государства и политического режима определяет базисную характеристику ситуации в российской социологии [4, с. 195]. Власть определяет границы, в которых развивается социология, и держит дисциплину под своим контролем, то усиливая, то ослабляя его в зависимости от конкретно-исторических условий.

Анализ проблемы фрагментации вызывает много исследовательских вопросов. В чем суть российской фрагментации сегодня? Если она неизбежна, то является ли корректным утверждение, что, чем больше в России самых разных социологов, тем лучше, так как на современном социологическом рынке нужны и теоретики, и прикладники, а в политизированном российском обществе неизбежно востребованы и социологи-либералы, и социологи-консерваторы? Все ли они находят свою нишу для деятельности? Что нового и специфического

вносит каждый сегмент социологического сообщества в процесс производства знания о современном российском обществе? Насколько продукты их профессионального труда могут способствовать пониманию этого общества извне, т. е. дают ли они достаточно информации о России для зарубежного читателя? Имеют ли они ценность для властных структур, так или иначе использующих социологические данные при принятии управленческих решений? Насколько получаемое разными сегментами социологического сообщества знание повышает социальный статус социологов и престиж науки в собственном обществе?

Необходимо прояснить, какие сегменты можно выделить в нынешнем социологическом сообществе. Если следовать известной схеме М. Буравого [7], это четыре сегмента: прежде всего академические, т. е. профессиональные, социологи; социологи, занятые эмпирическими исследованиями, а также работающие по самым разным заказам; критические социологи, рефлексирющие по поводу не только общества, но и самой научной дисциплины; публичные социологи (называемые еще активистами). Однако это чистые типы, в реальной российской социологии выделяются несколько иные группы.

Среди огромного многообразия «предложений» на российском рынке социологии можно отыскать всего несколько десятков теоретиков, занятых преподаванием или исследовательской деятельностью и работающих в университетах и академических институтах (как правило, в крупных центрах России, причем львиная доля их приходится на Москву). Эти авторы широко известны своими трудами отечественным социологам, а некоторые и зарубежным. Правда, как показывают наукометрические исследования, список тех, кто известен в России, практически не совпадает с перечнем тех, кто публикуется за рубежом, но и те и другие по крайней мере знают друг друга [8]. Именно среди этих наиболее продвинутых на международной и/или отечественной арене социологов идут самые ожесточенные баталии – не всегда видимые извне, далеко не всегда громкие, но от этого не менее непримиримые, судя по статьям Б. Гудкова [9], Е. Здравомысловой и В. Воронкова [10], дискуссии Ж. Тощенко и В. Вахштайна [11; 12]. Они по-разному объясняют прошлое и настоящее российского общества, причины конкретных социальных проблем и пути их решения, по-разному оценивают достигнутый уровень российской социологии. Даже тематика их исследований различна: теоретики-либералы акцентируют внимание на развитии демократии и гражданского общества в России, государственники – на социальном неравенстве, структуре общества, бедности, других острых актуальных проблемах (в последние годы сюда добавились миграция, международный тер-

ризм, интернет). Этот научный сегмент российских социологов, как утверждал В. Ядов, мог бы повысить престиж российской социологии, если бы попытался внести вклад в создание новаторских макросоциологических теорий на международной арене [13, с. 128]. Такие попытки были [14; 15], но мирового признания не получили.

На крупных социологических форумах, упомянутых в начале статьи, представители данной группы были заметны более других участников, поскольку выступали на пленарных заседаниях (хотя научные дискуссии по поводу их докладов ввиду нехватки времени часто проходили уже в кулуарах, а не на трибунах). Так, пленарные выступления директора Института социологии Российской академии наук М. Горшкова на конференции и особенно на съезде РОС раскрывали многие социальные проблемы российского общества, исследуемые сотрудниками института в режиме мониторинга [16]. Последнее дало возможность М. Горшкову представить проблемы в динамике, в сравнительном ракурсе на основе динамических данных за много лет, т. е. описать, как изменяется самочувствие россиян, их удовлетворенность уровнем жизни, ходом политических изменений в современном контексте. Однако концептуально (в рамках определенной парадигмы развития российского общества) эти обширные данные пока не были рассмотрены. В подходе проявляется так называемая проблемная ориентация российской социологии: анализ острой социальной проблемы в темпоральной динамике с акцентом на ее морально-этическую оценку, а не в рамках теоретической парадигмы.

Исследование актуальных социальных проблем официально провозглашалось главной задачей социологии в советские времена, второй ее задачей считалось целенаправленное воздействие на общество, т. е. включенность данных в управленческие отношения [17, с. 43]. Очевидно, что эти задачи представляются многим российским социологам адекватными и поныне. Сущностный анализ причин тех или иных явлений, мотивация людей оказываются вне их поля зрения, поскольку для управленческих решений это знание не требуется [18]. В какой-то мере в данном подходе проявляется характерная черта постсоветской социологии, выявленная еще в 1990-е гг., – обилие массовых опросов без их глубокого осмысления. Превалируют конструируемые из опросных данных эмпирические модели: фиксируется динамика бедности и неравенства, отмечается изменение соотношения основных социальных страт, измеряется уровень доверия институтам, но не ставится вопрос о том, можно ли эти проблемы решить или смягчить, следуя нынешним принципам социальной политики. Подобная ситуация сложилась и с другими известными неакадемическими исследовательскими институтами – Всероссийским центром

изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Левада-Центром, – которые создают богатейшие базы данных, остающиеся не востребованными теоретиками. Последние не всегда участвуют в массовых социологических форумах, предпочитая выступать на своих конференциях по более конкретной профессиональной тематике. В этом также проявляется фрагментация российской социологии: группирование вокруг частных проблем и обсуждение их в коллективах, где собираются единомышленники, работающие в одной области исследований (например, ежегодные Грушинские чтения, организуемые ВЦИОМ).

Разумеется, среди российских теоретиков есть и те, кто рассматривает процессы и явления в социуме в соответствии с принципами избранной ими парадигмы: можно напомнить теорию общества риска О. Яницкого или теорию российской модернизации, разработанную Н. Лапиным. Оба подхода позволяют концептуально, вписывая национальную специфику в универсальные схемы, объяснить происходящие процессы и дать практические рекомендации для социальной политики. Однако по ряду причин эти теоретики уже не выступают на крупных общероссийских и международных конференциях, хотя и регулярно публикуются в российских изданиях [19; 20].

Иногда масштабные конференции организуются вокруг знаковых фигур в российской социологии (из той когорты, которая обозначена как наиболее известная). Так, начиная с середины 1990-х гг. по инициативе Т. Заславской и Т. Шанина стали регулярно проводиться международные симпозиумы, где обсуждались пути развития России в широком историческом и междисциплинарном контексте. Тематика симпозиума была изначально сформулирована с прицелом на масштабность и новизну: «Куда идет Россия?». Она сразу привлекла к себе внимание ученых многих стран. Издаваемые по итогам каждого симпозиума сборники пользуются популярностью у социологов, принадлежащих к разным сегментам: к либералам и умеренным, работающим в государственных и негосударственных учреждениях, молодым и зрелым, российским и зарубежным. В нынешнем году очередной, 24-й, международный симпозиум был посвящен анализу столетнего юбилея Октябрьской революции 1917 г. Возможно, усилиями и этого, и многих других научных мероприятий, посвященных революции, российским ученым удастся наконец концептуализировать этот выдающийся исторический феномен и предложить убедительную интерпретацию и революции, и причин распада советской цивилизации как воплощения одного из вариантов модерна. По крайней мере, задача по осмыслению причин и следствий возникновения и падения советской империи представляется зарубежным социологам как первоочередная именно для российских ученых

[21; 22]. Однако до настоящего времени данная задача не решена: российская социология «не смогла помочь нашему обществу <...> ответить на исторический вызов кризиса советской модели» [23, с. 73].

Сегмент эмпирической социологии представлен в России тысячами исследователей, занятых повседневным рутинным научным трудом и, как правило, не принимающих участия в политических спорах, равно как и теоретических дебатах наподобие тех, что велись около 20 лет назад вокруг заявления А. Филиппова о том, что в России вообще нет теоретической социологии [24]. Именно эти социологи составляют основную базу рядовых членов РОС – самой многочисленной из российских профессиональных организаций социологов, пользующейся признанием на родине и являющейся коллективным членом Международной социологической ассоциации. Насчитывая около 4,5 тыс. членов, РОС объединяет и эмпириков, и теоретиков, работающих в научных институтах, университетах, и даже тех, кто является социологом формально. Большинство рядовых социологов заняты повседневным профессиональным трудом и потому не особо интересуются проблемами парадигмального уровня: их деятельность касается обеспечения научного либо образовательного процесса. Этому способствует плюрализация социологического знания: разнообразные современные теории и школы сосуществуют друг с другом, внося свою лепту в многообразие социологии. На указанных социологических форумах в поле интереса данного сегмента были такие проблемы: социальное неравенство в образовании (Ю. Вишневский, Л. Беляева, Г. Ключарев), труде (В. Бочаров), семье (А. Антонов, Т. Гурко), медицине и здоровье (И. Журавлева), экологии (И. Сосунова), профессиональной сфере (В. Мансуров), неравенство между городскими и сельскими поселениями (Е. Заборова), этническими группами (Ф. Файзуллин, Л. Дробижева), социокультурное неравенство (Н. Розов, Ю. Волков), общественное мнение о социальном неравенстве (А. Андрееенкова, С. Зырянов), прекариат (Г. Еремичева), волонтерство (М. Певная, Е. Воронова), человеческий и трудовой потенциал (Г. Гриценко, Ю. Пасовец, Р. Валиахметов), патриотизм (Н. Дулина, И. Халий), конфликт (Л. Цой) и др. Этот сегмент обеспечивает приращение прежде всего практического социологического знания и тем самым существенно обогащает и обновляет образ современного российского общества, однако, как правило, это знания «для внутреннего пользования». Если они и озвучиваются на международных форумах, то вне широкого российского контекста представляют ограниченный интерес, без которого невозможно международное продвижение российской социологии.

На конференции Русского социологического общества им. М. М. Ковалевского в отличие от съезда РОС в центре внимания были вопросы реф-

лекции по поводу развития социологии: мировая и отечественная классика, современные теории, а также возможности и ограничения социологии в решении социальных проблем, гендер, интернет, молодежь. Слишком широкий тематический охват проблематики приводил к нестыковке докладов по уровню анализа проблем, подходов, что создавало впечатление мозаичности исследований, проводимых в российской социологии, иногда даже к непониманию друг друга и тем самым не способствовало общему обсуждению главных проблем ее развития, усиливая эффект фрагментарности. Тем не менее были переосмыслены проблемы развития социологии в России (оценка ее отдельных этапов), подчеркивался приоритет социологов царской России в постановке ряда важных вопросов, включая публичность как миссию социологии, полипарадигмальность, влияние на российскую социологию современной западноевропейской социологии. На прикладном уровне много внимания уделялось как исследованию традиционных проблем, так и изучению новых, в частности достоверности данных электоральных опросов, возможностей наукометрического анализа в социологии.

Многочисленные группы представителей постакадемической социологии, т. е. тех, кто непосредственно занят получением практических, прикладных знаний в рыночной сфере (проводит маркетинговые, электоральные исследования, опросы общественного мнения), работает по заказам региональных и локальных властных структур, вообще не интересуются теоретическими проблемами и не участвуют в политических спорах. Это так называемая сервильная социология, полностью зависящая от заказчиков, а потому бесправная и безголосая. Как правило, эти социологи и на всероссийские научные конференции не собираются: у них свой круг общения. И в этом также проявляется фрагментация социологического рынка. Можно выделить следующие группы социологического сообщества:

- малые сегменты теоретиков;
- многолюдные академические и образовательные круги, еще не оторванные от горячих споров «верхнего эшелона» социологии, но уже не участвующие в них активно;
- еще более многочисленные эмпирики;
- постакадемические социологи, занятые прикладными исследованиями на любые темы и ориентированные на социальные технологии или узкие прагматические интересы [23, с. 74].

Между этими группами мало общего, хотя все их представители называют себя социологами. Часть социологов, принадлежащих прежде всего к первым двум сегментам, активно включена в жизнь гражданского общества, что позволяет им проявлять свою гражданскую позицию и выступать экспертами в ряде практических противоречий

социальной жизни (например, включаться в отстаивание гражданского статуса Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге, Химкинского леса под Москвой, выступать против закрытия Европейского университета в Санкт-Петербурге и т. п.). Именно в таком ключе публичная миссия социолога переосмыслена в современной российской социологии: социолог – эксперт проблемы и активный гражданин [25]. Подобная общественная активность всегда выделяла российских социологов от М. Ковалевского до В. Ядова, активно выступавшего в начале нынешнего века в поддержку прав студентов социологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, гражданских инициатив и т. п.

Что касается социологической фрагментации по регионам, к чести России, этого не происходит: разломы социологии по этим линиям неочевидны. Все регионы представлены в РОС, присутствуют на любых крупных конференциях и т. п. И все же фрагментация была и остается важной чертой, «родимым пятном» социологии в России.

На примере проблем социологии образования, активно обсуждавшихся на указанных форумах, покажем, как фрагментация отражается в представленности тех или иных идей на социологическом рынке.

Социологи всех указанных направлений констатируют резкое падение мотивации молодежи на получение высшего образования и отмечают, что студенты прагматично ориентированы не на знания, а на диплом, т. е. рассматривают университет как обычный вид сервиса, который можно купить как любую другую услугу на рынке. Эмпирические подтверждения этой тенденции констатировали и социологи из российских национальных университетов (Н. Покровский, Н. Осипова, Н. Скворцов) и регионов (этому был посвящен пленарный доклад Г. Зборовского на съезде РОС, ученый представил данный процесс как типичный для рынка в России).

Были радикальные предложения разделить всю систему образования на массовое и элитарное: первое должно быть на платной основе и доступно всем, поскольку вузовский диплом в скором времени при развитии экономики якобы будет необходим любому молодому человеку при трудоустройстве, как сегодня необходим сертификат о получении среднего образования. Элитарное же образование должно быть доступно только для тех, кто показал отличные результаты в школе и имеет мотивацию на получение качественного образования. Иными словами, выпускник элитарного вуза будет обладать высоким инновационным потенциалом, который позволит ему в любой сфере деятельности проявить себя творческим, инициативным специалистом. Это будущая элита профессионалов. Учеба для таких студентов должна быть бесплатной.

Только подобным способом можно противостоять массовизации и коммерциализации образования, снижающим качество образования.

Однако большинство социологов поддержало идею социального равенства в образовании и ратовало за улучшение государственного финансирования всей системы высшего образования. Этот эгалитарный подход реализуется в нынешних российских условиях таким образом, что при снижении уровня финансирования вузов и их открытости для всех, кто может заплатить за учебу, неминуемо падает качество обучения. Многие вузы закрываются, так как при падении спроса рынка на некоторые специальности учебные заведения становятся экономически неэффективными. Однозначного выхода из данной критической ситуации не могут предложить ни теоретики, ни прикладники. Тем более трудно ожидать при этом важных достижений в сфере социологии образования.

На Санкт-Петербургском международном форуме труда, прошедшем в начале 2017 г., дискуссия об образовании продолжилась, ведь образование – база для подготовки квалифицированных специалистов. Российские социологи вновь и вновь возвращались к старым и новым проблемам в сфере образования: качественного обучения студентов в условиях увеличения педагогической нагрузки, мотивации их на трудоустройство по полученной профессии за пределами крупных городов, убеждения студентов в необходимости получения не только прикладных, но и фундаментальных знаний, проведения реформ образования (Г. Меншикова, Н. Пруель, Е. Доброхотова, Н. Авдошина). Вновь единодушно было отмечено, что современные преподаватели не могут ожидать от студентов высоких результатов. Студенты же в большинстве своем хотят получать только знания, которые сразу будут востребованы в прикладной сфере деятельности, тогда как в перспективе перехода экономики России на уровень четвертой промышленной революции субъектам труда, включая и социологов, и представителей других специальностей, будут нужны всесторонние теоретические знания (Р. Карапетян).

На этом фоне многие социологи считают актуальной проблемой, потенциально ведущей к потере значительного числа научных кадров, ужесточение требований Министерства образования и науки Российской Федерации к уровню публикационной активности преподавательского состава. Такие новшества могут увеличить социальное неравенство между вузами и внутри них, т. е. косвенно стимулировать фрагментацию по критерию учреждения образования (национального, федерального, регионального). В ряде ведущих российских вузов уже озвучены новые требования к проходящим по конкурсу доцентам и профессорам, направленные на рост рейтинговых показателей, но не учитывающие высокой загруженности

российских преподавателей и их ограниченных возможностей проводить масштабные научные исследования, конкурировать за получение международных грантов и т. п. Отметим, однако, что в кулуарных беседах представители престижных национальных вузов поддерживали дифференциацию в оплате труда преподавателей, которая, по их мнению, должна поднять уровень российского образования.

Очевидно, что современный прагматичный мир, ориентированный на коммерческий успех и маркетинговую всех сфер деятельности, уже превратил высшую школу (и академию) в социальный институт, накрепко связанный как с институтом экономики, так и политики. Если экономика не требует большого числа специалистов, их подготовка в университетах неминуемо сокращается, тем более в условиях уменьшения финансирования высшего образования в целом. Сегодня это справедливо и по отношению к подготовке социологов: спрос на них падает во всем мире. Даже в американской социологии, где эта дисциплина на уровне бакалавриата широко преподается в вузах, преподаватели сетуют на снижение числа студентов, желающих специализироваться по социологии. Современная жизнь заставляет социологов искать новые подходы к решению проблем. В качестве выхода из ситуации снижения интереса абитуриентов к социологии предлагается обеспечить междисциплинарность студенческой подготовки, т. е. ввести «сдвоенные» специализации. В ряде американских вузов уже практикуется выпуск, например, социолога-криминолога, социолога-психолога, социолога-антрополога: такие специализации дают выпускникам больше вариативности в поисках работы [26]. Несмотря на многие принципиальные различия в системе образования, такой подход к дальнейшему развитию социологического образования может быть интересен и России. Он позволит избежать закрытия социологических кафедр и факультетов, а также расширить потенциальный рынок для трудоустройства выпускников первой ступени послешкольного образования. Недаром в США такой подход практикуют и престижные, и рядовые вузы. Именно новые подходы к социологическим исследованиям и преподаванию данной дисциплины дают ей шанс развиваться. Можно напомнить, что П. Штомпка давно указывал на то, что в развитии социологического образования необходим акцент на «межтеоретические и междисциплинарные связи» [27, с. 71].

Разнообразие в социологическом поле, связанное с его фрагментарностью, в идеале должно способствовать росту новизны и оригинальности применяемых теорий и методик исследования, инновационности методов анализа, а также открытию новых тем и проблем в изучении российского общества. В определенной мере так и есть: каждый

сегмент российского социологического рынка идей разрабатывает свою «делянку», находит в ней оригинальные моменты: теоретики конструируют новые концепции, опирающиеся на своеобразие российского опыта (например, теория матриц С. Кирдиной, теория колеи Н. Розова) или совпадающие с универсальными тенденциями в развитии социологии (теория человека играющего С. Кравченко, социология жизни Ж. Тощенко), эмпирики вводят новые методы сбора и анализа данных или их комбинирования, новые показатели замеров процессов и явлений. Каждый сегмент разрабатывает темы и использует методы, интересные для него. Так, социологи, работающие по грантам, специализируются на новых качественных методиках, делают акцент на междисциплинарности, обращаются к изучению групп, которые ранее не были в фокусе исследования (теневой рынок precarious труда, историческая память о репрессиях и периоде застоя, городской активизм), широко обсуждают последствия для социологии закона об иностранных агентах, академические социологи по-прежнему ориентируются на выявление закономерностей развития больших социальных групп (бедные, средние слои) и т. д. Однако ввиду неразвитости научных коммуника-

ций между сегментами социологического сообщества научные достижения друг друга остаются незамеченными или непризнанными, а выход на международный уровень осуществляется, как правило, либо в соавторстве с западными коллегами (Е. Омельченко), либо при разработке актуальных для социологического мейнстрима тем (В. Волков, А. Темкина), либо при условии отличного владения иностранными языками (П. Сорокин), либо при хотя бы временном трудоустройстве на Западе (В. Гельман).

В принципе, последний способ – давняя российская традиция: М. Ковалевский и Е. Де Роберти подолгу жили и работали во Франции, П. Сорокин прославился именно в эмиграции, Г. Гурвич стал классиком социологии, переселившись во Францию. Эмиграция способствовала тому, что они внесли значительный вклад в развитие социологии стран, где работали, и опосредованно – в развитие мировой социологии. Вопрос о том, каким образом российские социологи, живущие в России, могут внести весомый научный вклад в процесс производства социального познания, не покидая родину, остается открытым. Фрагментация является лишь контекстом творчества социологов, но не детерминантой результатов их труда.

Библиографические ссылки

1. Sorokin P. Vision and mission of sociology: learning from the Russian historical experience // *Am. Sociol.* 2017. Vol. 48, issue 2. DOI: 10.1007/s12108-016-9303-3.
2. Turner S. American sociology: from pre-disciplinary to post-normal. N. Y., 2014.
3. Sztompka P. One Sociology or Many? // S. Patel (ed.). *The ISA Handbook of Diverse Sociological Traditions*. London, 2010. P. 21–28.
4. Зборовский Г. Е. Отечественная социология на пути к гражданскому обществу. Екатеринбург, 2014.
5. Голосенко И. А. Евгений Де Роберти: интеллектуальный профиль // *Социол. исслед.* 2001. № 2. С. 99–107.
6. Соколов М. М. Изучаем локальные академические сообщества // *Социол. исслед.* 2012. Vol. 6. С. 76–82.
7. Burawoy M. For public sociology // *Am. Sociol. Rev.* 2005. Vol. 70, issue 1. P. 4–28.
8. Соколов М. М. Российские социологи на международном и национальном рынке идей (социометрический анализ) // *Социол. исслед.* 2009. № 1. С. 144–152.
9. Гудков Л. А. О положении социальных наук в России [Электронный ресурс] // Новое литератур. обозр. 2006. № 77. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/77/gu23.html> (дата обращения: 16.10.2012).
10. Voronkov V., Zdravomyslova E. Emerging political sociology in Russia and Russian transformation // *Curr. Sociol.* 1996. Vol. 44. No. 3. P. 40–52.
11. Romanovsky N. V., Toshchenko Zh. T. On the real state of sociology in Russia: opposing Vakhshayn 's polemics [Electronic resource] // *Global Dialogue*. 2012. Vol. 2, issue 5. URL: <http://isa-global-dialogue.net/on-the-real-state-of-sociology-in-russia-opposing-vakhshayn%E2%80%99s-polemics/> (date of access: 16.10.2012).
12. Vakhshayn V. On the lamentable state of post-Soviet sociology [Electronic resource] // *Global Dialogue*. 2012. Vol. 2, issue 3. URL: <http://isa-global-dialogue.net/the-lamentable-state-of-post-soviet-sociology/> (date of access: 15.08.2012).
13. Ядов В. А. По поводу статьи А. И. Малинкина // *Социол. исслед.* 2006. № 8. С. 126–129.
14. Иванов Д. В. Глэм-капитализм. СПб., 2008.
15. Покровский Н. Е., Нефедова Т. Г. «Клеточная глобализация» и тенденции в сельских сообществах ближнего севера России // *Социол. исслед.* 2013. № 4. С. 13–23.
16. Горшков М. К. О национальной самобытности российской социологии // Российское социологическое общество: история, современность, место в мировой науке (к 100-летию Русского социологического общества им. М. М. Ковалевского) : материалы междунар. науч. конф. (СПб., 10–12 нояб. 2016 г.). СПб., 2016.
17. Осипов Г. В. Основные черты и особенности марксистской социологии // Г. В. Осипов. *Социология в СССР*. М., 1965.
18. Филиппов А. Ф. Советская социология как полицейская наука [Электронный ресурс] // Новое литератур. обозр. 2013. № 5 (123). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3973#sthash.mBXvAyJs.ohQPq7uC.dpuf> (дата обращения: 03.10.2016).
19. Yanitsky O. Principles of complex environmental analysis // V. Mansurov (ed.). *The futures we want. Global sociology and the struggle for a better world*. Moscow, 2016. P. 196–208.
20. Лапин Н. И. Развилки процессов модернизации и взаимопонимания в российском обществе (обсуждение проекта) // *Социол. исслед.* 2017. № 1. С. 137–147.

21. Терборн Й. Социология: профессия и призвание / Беседовала Л. Г. Титаренко // Журн. социологии и социал. антропологии. 2013. Т. XVI. № 1 (66). С. 5–19.
22. Arnason J. Civilizations in dispute: historical questions and theoretical traditions. Leiden ; Boston, 2003.
23. Локосов В. В. Российская социология в контексте академической и постакадемической науки // Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке (к 100-летию Русского социологического общества им. М. М. Ковалевского) : материалы междунар. науч. конф. (СПб., 10–12 нояб. 2016 г.). СПб., 2016. С. 72–76.
24. Filippov A. F. A final look back at Soviet sociology // Int. Sociol. 1993. Vol. 8, issue 3. P. 355–373.
25. Подвойский Д. Г. «Публичная социология» в прошлом и настоящем: уточнение координат // Социол. исслед. 2009. № 5. С. 13–23.
26. Sweet S. Mauksch Address: how departments can respond to the changing popularity of the sociology major // Teach. Sociol. 2016. Vol. 44, issue 1. P. 3–16.
27. Штомпка П. Формирование социологического воображения. Значение теории // Социол. исслед. 2005. № 10. С. 64–72.

References

1. Sorokin P. Vision and mission of sociology: learning from the Russian historical experience. *Am. Sociol.* 2017. Vol. 48, issue 2. DOI: 10.1007/s12108-016-9303-3.
2. Turner S. American sociology: from pre-disciplinary to post-normal. N. Y., 2014.
3. Sztompka P. One Sociology or Many? In: S. Patel (ed.). *The ISA Handbook of Diverse Sociological Traditions*. London, 2010. P. 21–28.
4. Zborovskii G. E. [National sociology on its way to civil society]. Ekaterinburg, 2014 (in Russ.).
5. Golosenko I. A. [Yevgeny De Roberti: intellectual profile]. *Sotsiologicheskie issled.* 2001. No. 2. P. 99–107 (in Russ.).
6. Sokolov M. M. [Learning the local academic community]. *Sotsiologicheskie issled.* 2012. No. 6. P. 76–82 (in Russ.).
7. Burawoy M. For public sociology. *Am. Sociol. Rev.* 2005. No. 70, issue 1. P. 4–28.
8. Sokolov M. M. [Russian sociology on the international and national market of ideas (sociometric analysis)]. *Sotsiologicheskie issled.* 2009. No. 1. P. 144–152 (in Russ.).
9. Gudkov L. [About the situation of the social sciences in Russia]. *Nov. lit. obozr.* 2006. No. 77. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/77/gu23.html> (date of access: 16.10.2012) (in Russ.).
10. Voronkov V., Zdravomyslova E. Emerging political sociology in Russia and Russian transformation. *Curr. Sociol.* 1996. Vol. 44, No. 3. P. 40–52.
11. Romanovsky N. V., Toshchenko Zh. T. On the real state of sociology in Russia: opposing Vakhshayn's polemics. *Global Dialogue*. 2012. Vol. 2, issue 5. URL: <http://isa-global-dialogue.net/on-the-real-state-of-sociology-in-russia-opposing-vakhshayn%E2%80%99s-polemics/> (date of access: 16.10.2012).
12. Vakhshayn V. On the lamentable state of post-Soviet Sociology. *Global Dialogue*. 2012. Vol. 2, issue 3. URL: <http://isa-global-dialogue.net/the-lamentable-state-of-post-soviet-sociology/> (date of access: 15.08.2012).
13. Yadov V. A. [Regarding the article of A. I. Malinkin]. *Sotsiologicheskie issled.* 2006. No. 8. P. 126–129 (in Russ.).
14. Ivanov D. V. [Glam-capitalism]. Saint Petersburg, 2008 (in Russ.).
15. Pokrovskii N. E., Nefedova T. G. «Cellular globalization» and tendencies in rural communities of Russia's Near-North. *Sotsiologicheskie issled.* 2013. No. 4. P. 13–23 (in Russ.).
16. Gorshkov M. K. [About national identity of Russian sociology]. In: [Russian sociological community: history, the present, the place in world science] : materials of the int. sci. conf. (Saint Petersburg, 10–12 Novemb., 2016). Saint Petersburg, 2016. P. 38–44 (in Russ.).
17. Osipov G. V. [Main features and peculiarities of Marxist sociology]. In: G. V. Osipov. [Sociology in the USSR] : in 2 vol. Moscow, 1966. Vol. 1 (in Russ.).
18. Filippov A. F. [Soviet sociology as a police science]. *Nov. lit. obozr.* 2013. No. 153 (2). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3973> (date of access: 03.10.2016) (in Russ.).
19. Yanitsky O. Principles of complex environmental analysis. In: V. Mansurov (ed.). *The Futures we want. Global sociology and the struggle for a better world*. Moscow, 2016. P. 196–208.
20. Lapin N. I. Bifurcations of modernization process and mutual understanding in Russian society (discussion a project). *Sotsiologicheskie issled.* 2017. No. 1. P. 137–147 (in Russ.).
21. Therborn G. [Sociology: profession and Vocation. Interview with Professor Göran Therborn]. *Soc. Anthropol.* 2013. Vol. XVI, No. 1 (66). P. 5–19 (in Russ.).
22. Arnason J. Civilizations in dispute: historical questions and theoretical traditions. Leiden ; Boston, 2003.
23. Lokosov V. V. [Russian sociology in the context of academic and post-academic science]. In: [Russian sociological community: history, the present, the place in world science] : materials of the int. sci. conf. (Saint Petersburg, 10–12 Novemb., 2016). Saint Petersburg, 2016. P. 72–76 (in Russ.).
24. Filippov A. F. A final look back at Soviet sociology. *Int. Soc.* 1993. Vol. 8, issue 3. P. 355–373.
25. Podvoisky D. G. [Public sociology in the past and present. Refinement of the coordinates]. *Sotsiologicheskie issled.* 2009. No. 5. P. 13–23 (in Russ.).
26. Sweet S. Mauksch address: how departments can respond to the changing popularity of the sociology major. *Teach. Sociol.* 2016. Vol. 44, issue 1. P. 3–16.
27. Sztompka P. Shaping sociological imagination. The importance of theory. *Sotsiologicheskie issled.* 2005. No. 10. P. 64–72 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 22.05.2017.
Received by editorial board 22.05.2017.

СТОЛЕТИЕ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 г. (статья вторая)

И. И. АНТОНОВИЧ¹⁾

¹⁾Институт социально-политических исследований Российской академии наук,
ул. Фотиевой, 6, корп. 1, 119333, г. Москва, Россия

Обосновывается тезис о том, что ленинское революционное наследие было узурпировано и растрчено представителями политической верхушки, у которых личные интересы сохранения власти преобладали над защитой целей революции. Показано, что И. В. Сталин победил Л. Д. Троцкого во внутрифракционной борьбе, выдвинув идею строительства социализма в одной конкретной стране. Ее поддержала в основном вся партийная масса, так как идея продолжения мировой революции, исповедуемая троцкистами, отторгалась населением, измученным Гражданской войной и революционными преобразованиями. Главная мысль исследования этих процессов состоит в том, что насильственное устранение противников brutальными методами подорвало жизнеспособность государственных и общественных институтов. Делается вывод о том, что социально-историческая порча общественной системы и сознания так и не была преодолена, что и предопределило трагический исход перестройки и конец величайшего исторического эксперимента по созданию общества социальной справедливости.

Ключевые слова: мировая революция; строительство социализма; перестройка.

ONE HUNDREDTH ANNIVERSARY OF THE RUSSIAN REVOLUTIONS OF 1917 (second article)

I. I. ANTONOVICH^a

^aInstitution of Socio-Political Researches of the Russian Academy of Sciences,
Fotievoi Street, 6, building 1, 119333, Moscow, Russia

It is the authors intention to prove that Lenins revolutionary heritage was usurped and squandered by the people who stayed at the apex of political power, but whose personal interests of keeping it outweighed 5 the tasks of the defense of the goals of the revolution. It is the authors conviction that Stalin gained the upper hand over Trotsky when he put forward the idea of the victory of socialism. It was supported by the majority of the members of the bolshevik party members because the idea of the continuation of the world revolution, that was the aim of trotskists was rejected by the population exhausted by the civil war and the revolutionary that social and historical damage upheavals. It is the authors conclusion that social and historical damage having penetrated social system and consciousness, has not been overcome and that had tragic consequences which resulted in the tragic fate of the perestroika and preordained the end of the greatest historical experiment to create the social justice society.

Key words: world revolution; the creation of socialism; perestroika.

Стихия Февральской революции быстро исчерпала себя. Грозная и авторитарная вертикаль имперской власти, погрузившая страну в жесткий административный режим и полицейский про-

извол, пережив ряд потрясений в двух столицах, во многом сохранилась в российской глубинке и даже научилась кое-где сотрудничать с Советами рабочих, крестьянских и солдатских депута-

Образец цитирования:

Антонович И. И. Столетие русских революций 1917 г. (статья вторая) // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 2. С. 41–51.

For citation:

Antonovich I. I. One hundredth anniversary of the Russian revolutions of 1917 (second article). *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 2. P. 41–51 (in Russ.).

Автор:

Иван Иванович Антонович – доктор философских наук, профессор; главный научный сотрудник.

Author:

Ivan Antonovich, doctor of science (philosophy), full professor; principal researcher.
iantonovich@mail.ru

тов. Губернаторы, земство быстро приспособились к демократической риторике, научились не воспринимать ее всерьез. Им почему-то казалось, что социальные неурядицы – дело имперских столиц Петрограда и Москвы и все как-то само собой успокоится. Земства только забрасывали центральные органы просьбами прислать казаков для усмирения крестьянских волнений. Им казалось, что казацкая нагайка сделает свое дело и все вернется на круги своя. Они не ожидали грядущих социальных катаклизмов, ибо не понимали, что потеря организованности и дисциплины в условиях мировой войны по своим последствиям намного опаснее для государства и общества, чем даже военное поражение. Ситуация радикализовала рабочий класс Петрограда, многонациональный по своему составу. Питерские рабочие (преимущественно поляки, выходцы из Прибалтики, финны, а позднее китайцы) составляли в 1917 г. почти 16 % от общего числа питерского пролетариата. Пролетарии столицы к тому же отличались сравнительно высоким образовательным уровнем: число грамотных среди рабочих достигало 88 %, среди работниц – 56 %.

Большая часть полумиллионной рабочей армии Петрограда не была объединена профсоюзами. Семьи рабочих страдали от голода и холода, несмотря на рост расценок за работу в военное время. К 1917 г. реальная заработная плата большинства рабочих страны составляла не более 77–78 % от довоенного уровня. Дело, впрочем, даже не в материальном положении, которое продолжало ухудшаться, а в том оцепенении и страхе, которые испытывали рабочие и их семьи от распада страны, грядущего хаоса, который может положить конец историческому существованию России.

Эти времена и настроения прекрасно понял и уловил вернувшийся из эмиграции В. И. Ленин. Он сразу же нацелил большевистскую партию на немедленную подготовку к захвату власти. Многие из нынешних исследователей биографии В. И. Ленина, революционных событий 1917 г., строительства советской власти в условиях после Гражданской войны откровенно и сознательно фальсифицируют личность этого политического деятеля, представляя его кровожадным индивидом, жаждущим исключительно личной власти.

От внимания этих горе-исследователей ускользает главное в личности В. И. Ленина: он был человеком идеи, революционером по определению, подчинившим свою жизнь именно задаче освобождения России от феодально-монархического абсолютизма, раскрепощения трудового народа России и строительства государства нового социалистического типа. Власть в этих условиях была для него лишь средством достижения целей. Личными выгодами, соображениями престижа или корыстными интересами членов своей партии В. И. Ленин не руководствовался никогда.

Это был человек долга. И первый в истории мыслитель, оказавшийся способным реализовать на практике свою идейную систему. Его революционная риторика, которую характеризуют слова «повесить», «расстрелять», «обращаться пожестче, потверже» (причем повесить он обещал даже своего ближайшего соратника А. В. Луначарского), говорила лишь о темпераменте и обостренной реакции на ситуацию. О своей смерти он говорил спокойно, ведь и его могут «укокошить». Ленинские излишества, безусловно, диктовались колоссальным нервным напряжением в революционной ситуации. Это была дань радикализму эпохи, и она ни в коей мере не выражала личной склонности и предпочтений В. И. Ленина. Эпоху он чувствовал остро, реагировал на нее всегда адекватно, не колеблясь, меняя стратегию и тактику в зависимости от реальных социально-исторических условий.

Революция, как неумолимая схватка классов, требовала жесткости, а часто – и безжалостности к побежденному врагу. Такова логика всех революций. Жалость считалась безусловным проявлением слабости и могла моментально привести к гибели революции. В. И. Ленин этого допустить не мог. Крайне трагические обстоятельства его действий всегда были продиктованы необходимостью защиты революционных завоеваний. У него хватило силы ответить на террор террором.

Во время своего приезда в Петербург в апреле 1917 г. он хорошо знал, что делать. И был едва ли не единственным как в тогдашнем руководстве большевиков, так и в Государственной думе, кто обладал таким знанием. Если в феврале-марте, сразу после свершения революции, его переписка свидетельствовала о том, что если у него еще не хватает информации о реальном положении дел в России, то план действий с самого начала не вызывает никаких сомнений: В. И. Ленин призывает немедленно начать организацию боевых вооруженных отрядов для свержения буржуазно-демократической власти, пытающейся воцариться на российских просторах после свержения монархии.

Он был не романтиком, не мечтателем, а строгим ученым, сверяющим свои планы и прогнозы с конкретными данными российской социальной ситуации. Он отнюдь не считал Россию страной победившего капитализма, а лишь видел, что в государстве было товарное хозяйство, достаточно мощная индустрия, сформировавшая рабочий класс, происходило быстрое разложение крестьянства на безземельную массу середняка, наемных работников и местную буржуазию в виде кулаков, что говорило о прогрессивной миссии капитализма в России. Из этого В. И. Ленин сделал вывод: «Прогрессивную политическую роль капитализма можно резюмировать двумя краткими выражениями: повышение производительных сил общественного труда и обобществление его» [1, с. 597].

К моменту свершения в России буржуазно-демократической революции капитализм продвинулся по этим двум направлениям весьма существенно. Однако Первая мировая война помешала ему довести дело до конца. Сознание незрелости российского капитализма, незавершенности многих из его исторических задач преследовало В. И. Ленина на всем пути свершения пролетарской революции, Гражданской войны и после ее победы. Его революционная стратегия была основана не на признании «зрелости» российского капитализма, а на учете его своеобразия.

К важнейшим выводам В. И. Ленин пришел после поражения революции 1905 г. «Своеобразие русской революции заключается именно в том, – писал он в докладе, – что она была по своему социальному содержанию буржуазно-демократической, а по средствам борьбы являлась пролетарской. Она была буржуазно-демократической по цели, к которой непосредственно стремилась и которую могла достигнуть непосредственно своими собственными силами» [2, с. 310]. Такой целью должна была стать демократическая республика с восьмичасовым рабочим днем, конфискацией колоссального крупного дворянского землевладения и другими мерами, которые в полном объеме осуществила Великая французская революция.

Приехав в Петроград в апреле 1917 г., В. И. Ленин понимал, что специфика революции 1905 г., окончившаяся разгромом демонстраций и наступлением реакции, воспроизвела себя в буржуазно-демократической революции 1917 г. Российский пролетариат не являлся главной силой этой революции, а лишь активизировал основную массу населения. В марте 1917 г. революционная «раскачка» проходила самопроизвольно: крестьянство, не ожидая решения Временного правительства о земле, начало захватывать помещичьи земли, а пожар крестьянских войн и неповиновение охватили всю Россию. Это немедленно подсказало В. И. Ленину, что движущими силами революции должен быть пролетариат в союзе с крестьянством при руководстве большевистской партии.

На четвертый день своего приезда В. И. Ленин появился на партийном совещании большевистской организации Петроградского комитета РСДРП, где долго и нудно обсуждался вопрос о сотрудничестве с Временным правительством, коалиционных союзах и блоках и т. д. В. И. Ленин сломал колеблющихся, резко раскритиковал маловеров, неспособных реально оценить ситуацию, и нацелил большевиков на подготовку к захвату власти собственными силами путем революционного переворота, который произвел в октябре. О нем написано так много, что добавить к деталям происходившего в ту пору сейчас уже почти невозможно.

Сегодня в русскоязычной литературе на тему Октябрьской революции получили возможность

высказаться и ее сторонники, и ее враги. Ранее на эту тему высказались многие участники. Для нас чрезвычайно важно отметить следующее: все понимали, что по своему историческому значению революция выйдет далеко за рамки российских событий и российской судьбы только в том случае, если ее руководящей силой станет пролетариат.

На заседании ЦК партии большевиков 4 октября 1917 г. В. И. Ленин отверг всякое предложение об образовании правящей коалиции с представителями левых партий, согласившись лишь на участие нескольких эсеров. Он заставил ЦК партии большевиков принять решение, согласно которому большевики стали главной руководящей силой революционного процесса, который В. И. Ленин направил по пути захвата власти. Благодаря этому большевики, как партия пролетариата, собственными силами, не деля власть ни с кем, взяли на себя историческую ответственность обеспечения роли пролетариата на начальных этапах социалистических преобразований. Октябрьский переворот стал первым этапом социалистического реструктурирования противоречивой реальности воюющей России, а большевики обеспечили ему руководящую силу.

В. И. Ленин был последователен и непреклонен. Он выполнил обещание, данное на II съезде Советов о том, что будет создано Учредительное собрание. Действительно, выборы в его состав были проведены с минимальными нарушениями законности. Однако оно было разогнано немедленно после созыва, потому что главной задачей была не парламентская, а советская республика как законодательная власть нового типа. Последовательность и непреклонность В. И. Ленина вынуждены были признать все, кто резко выступил против разгона Учредительного собрания и против других радикальных действий.

В марте 1918 г. В. И. Ленин написал работу «Девять тезисов советской власти», в которой условиями победы советской власти назвал «объединение рабочих и беднейших крестьян-полупролетариев в один общий революционный союз, выделение из них наиболее образованной и сознательной части для составления боевого отряда, способного управлять государством, уничтожение буржуазного парламентаризма как отдельного этапа законодательной работы и слияния управления с законодательством, обеспечение тесной связи управленческого аппарата с государственной властью, создание вооруженной силы рабочих и крестьян как „наименее оторванной от народа“» [3, с. 311].

Сюда же было добавлено учреждение Советов как органа народной власти, установление системы народной демократии, обеспечение наименьшей формальности выборов, легкого отзыва депутатов, ограничение всевластия депутатов, перенесение

центра тяжести в вопросах демократии с формального равенства буржуазии и пролетариата, бедных и богатых на фактическое использование принципа свободы. Советскую республику В. И. Ленин характеризовал как федерацию наций, обеспечивающую сознательное взаимодействие, взаимопроникновение и сотрудничество, которые дают возможность подняться выше национальной розни и этнических различий. Свобода и демократия не для всех, а для трудящихся, эксплуатируемых масс в интересах освобождения от эксплуатации – таков был главный демократический тезис В. И. Ленина. Так демократию до него не интерпретировал никто. И мало кто после него.

Начала демократии, заложенные в Древней Греции, гласили: «Все граждане Афин равны». Однако не все жители Афин были гражданами. Буржуазная демократия легализовала социальное неравенство. Для В. И. Ленина это было неприемлемо.

В десятках крупных произведений, в сотнях статей, выступлений перед рабочими и солдатами, на пленумах ЦК, на съездах В. И. Ленин настойчиво и неуклонно развивал эти тезисы, выверял их на конкретном ходе революционных событий, не забывая размышлять о них даже в суровые времена Гражданской войны. Обо всем этом сегодня говорится много неверного и откровенно тенденциозного. Например, В. И. Большаков пишет: «В сущности борьба между красными и белыми была борьбой между разными политическими движениями, одинаково чуждыми русской идеологии. Массы бойцов с той и другой стороны играли жертвенную роль победы своих лидеров, рвущихся к власти» [4, с. 205].

Пожалуй, можно согласиться с тем, что цели борьбы на фронтах Гражданской войны были плохо совместимы с идеалами русской идеологии (тем более что и до сих пор наши исследователи не могут определить, что же это на самом деле такое). Можно согласиться и с тем, что красный и белый террор выражали бескомпромиссность борьбы, смертельную схватку, в которой действовал принцип «око за око, зуб за зуб». Однако, на наш взгляд, нельзя согласиться с тем, что борьба шла за власть лидеров. Большевики к тому времени уже держали эту власть в своих руках. Белые же фактически добивались взять ее обратно. И в этом была большая разница. Борьба велась, безусловно, за классовые интересы, о которых говорят лозунги сражающихся. Вопреки современным представлениям в рядах сражающихся в белой армии не было монархистов. Большая часть генералитета, командующего белым движением, происходила из революционно-разночинной интеллигентской среды и до революции жила не за счет наследственного богатства, а на

жалование. Лозунг их был следующий: «За единую и неделимую Россию». Это, естественно, не могло понравиться Антанте, которая ко времени разгрома Гражданской войны в России надежно отгородилась от ее ужасов кордоном из пограничных государств Румынии, Чехословакии и Польши. Лидеры Антанты мечтали только о том, чтобы белая армия свергла большевиков, а отнюдь не о том, чтобы белые пришли к власти и вновь создали сильную Россию.

Стратегия большевиков в Гражданской войне была намного более точно рассчитана социально-политически. Их лозунг: «Фабрики рабочим, земля крестьянам» имел конкретного адресата – рабочих и крестьян, которые поддерживали большевиков в их борьбе. В этом – главный секрет успеха революции. Большевики боролись не за власть, а за установление нового революционного государства для трудящихся масс. Они сумели донести этот посыл до народного сознания. Доносили они его, как известно, самыми разными методами, в том числе и силой, когда другие средства оказывались недейственными. Однако сегодня вопрос не в том, сколько и каких именно мер необходимо было для того, чтобы социалистическая революция победила в России в ходе Гражданской войны, как нужно было дозировать соотношение революционного насилия и революционного сознания. Пока эти вопросы у нас обсуждаются с повышенной эмоциональностью. Объективную истину трудно установить. В свое время английский историк Т. Карлейль писал о Великой французской революции: «Весьма несчастным является то достаточно естественное обстоятельство, что история этого периода <...> в основном излагается исторически, преобладает эмоциональный накал проклятий, оплакиваний и в целом темнота»¹ [5, р. 124]. Увы, весь аспект эмоций – от лютой ненависти до апологетического восхваления – пришелся и на долю Октябрьской революции.

Именно поэтому сегодня важно привлекать свидетельства современников, обращать больше внимания на конкретные документы, фиксирующие революционные шаги. Это позволит, постепенно освободившись от истерии, описать величественную революционную историю России XX в. такой, какой она была на самом деле. Уже сегодня многое достаточно ясно. Один из выдающихся деятелей западной культуры Г. Уэллс, посетивший В. И. Ленина в Кремле после революции, по итогам этого визита достаточно точно обрисовал западное отношение к революционным событиям. В нем не было сочувствия к страданиям российского народа, не было поддержки ни одной из борющихся сил, как бы они этого ни хотели. Запад беспокоила гибель цивилизации в России по той западной матрице, которую Россия копировала последнее десятилетие. Запад

¹Здесь и далее перевод наш. – И. А.

боялся ее вырождения в «крестьянское варварство», которое на долгие годы закрыло бы Европе доступ ко всем богатствам русских недр – к сырью, зерну и прочим ресурсам. Г. Уэллс был уверен, что это повлечет за собой обнищание Западной Европы. Именно железный, холодный, прагматичный англо-саксонский национализм заставил его сделать вывод, столь часто цитируемый историками Октябрьской революции. Мы не удержимся, чтобы не повторить его: «Единственное правительство, способное в данный момент спасти Россию от окончательной гибели, – это теперешнее большевистское правительство, если только Америка и западные державы окажут ему помощь. Никакого другого правительства там сейчас нет и быть не может» [6, с. 113].

Нужно, однако, отметить, что и в годы преодоления послереволюционной разрухи и трагических событий Второй мировой войны, и в годы застоя западные правительства если и оказывали помощь в развитии советской экономики, то она всегда была тщательно дозирована и непременно сопровождалась жесткими политическими условиями, направленными якобы на либерализацию политического режима, а на самом деле – на ослабление устоев социалистического государства. Заметим, эти политические требования смены режима соблюдались даже еще более жестко, чем сроки выплаты процентов на выданные займы. Даже после развала СССР помощь эта была весьма ограниченной, оговаривалась условиями уничтожения советских оборонных систем, истощения военно-стратегических арсеналов и т. д. Структуры криминально-олигархического, бюрократического капитализма, которые получили жизнь на постсоветском пространстве, практически несовместимы с социально-экономическими организациями развитого капитализма, его парламентскими системами, политической и деловой культурой.

Из послевоенной разрухи Россия выходила собственными силами и средствами, и, может быть, в этом – одна из причин успеха принятых мер. Начало, как мы знаем, было положено политикой НЭПа, объявленной В. И. Лениным на X съезде РК КПБ. Контуры этой политики созрели у него задолго до победы социалистической революции. Ее он разрабатывал и в период лихолетья Гражданской войны. Еще в марте 1918 г. он писал, что умения организовать крупнейшие производства по типу трестов, как и сами тресты, и подготовить специалистов для работы в них партии и пролетариату неоткуда взять, кроме как у капиталистов. Он уже тогда видел, что главенствующей задачей после революции будет не политика, а экономика. Таковой эта задача осталась и сегодня, ибо именно экономические неудачи реального социализма в СССР, неспособность развить производственно-экономическую систему достаточной производительности лежат в основе краха СССР.

Говоря о турбулентном периоде конца Первой мировой войны, многие исследователи писали, что власть в России в то время было легче взять, чем сохранить. До сих пор некоторые высказывают удивление, что большевикам удалось Октябрьский переворот, что они сумели удержать власть в руках, построить свое государство и с опорой на него реализовать планы развития. Сегодня можно сказать, что планы осуществились потому, что процесс послереволюционного восстановления контролировал В. И. Ленин, который ясно видел ход дальнейших событий. Причем задачи были выполнены в ходе длительной и упорной работы с учетом опыта мировой истории, места в нем России, реальных возможностей страны, истощенной мировой войной и революцией.

В. И. Ленин реализовал далеко не все свои планы. Однако в момент его смерти Россия в основном уже вырвалась из болота послереволюционной разрухи, преодолела наиболее острые проблемы, угрожавшие не только существованию молодого государства, но и историческому существованию народов. Российская империя была преобразована в Союз Советских Социалистических Республик – государство принципиально нового типа, характер природы и образования которого не перестают удивлять западных исследователей.

Даже сегодня, после развала СССР, можно отметить, что в знаменитом Своде законов Евросоюза «Общее обретение» (*«Acquis Commantaire»*) объемом в 70 тыс. страниц угадываются принципы федеративного образования, которые были свойственны СССР. Главный недостаток этого многостраничного юридического фолианта – отсутствие принципов политической централизации, которые были очень четко определены в Договоре об образовании СССР. Именно это является, по нашему убеждению, одной из главных причин кризиса Евросоюза. Если не удастся добиться политической централизации, у Евросоюза нет будущего.

Важно отметить, что новое государство – СССР – в своем названии не имело национально-этнической определенности. По своей сути оно было открытым государственно-историческим образованием, к которому по тем или иным причинам могли присоединяться (и присоединялись) нации, народы, вставшие на путь социализма. Этому новому историческому образованию была предназначена трагическая судьба не из-за принципов его организации и существования, а из-за того, что социалистическая революция победила в условиях отсталой полуфеодальной страны, только начавшей осваивать принципы капиталистического хозяйствования. Российский капитализм не успел наработать материально-экономических условий для строительства общества на принципах социального равенства, справедливости и добра. Производственно-экономической системе реального

социализма компенсировать эту недоработку российского капитализма тоже не удалось.

В период Гражданской войны речь о социалистическом строительстве на территории России не шла. Все задачи сводились к военной победе над белой армией. Цель была достигнута дорогой ценой. Историки этого периода сегодня совершенно неправомерно приписывают экстраординарные форс-мажорные меры, принимаемые большевиками в ходе Гражданской войны, к особенностям социализма. Большевикам в ту эпоху социализм только предстояло строить.

Незадолго до смерти В. И. Ленин успел дать только самые общие установки на этот счет, но и они сегодня чрезвычайно интересны. Он писал: «Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе» [7, с. 305]. В этом и была суть НЭПа: от учебы у капиталистов хозяйствованию, обучению всех участников социалистического строительства в целях достижения среднеевропейского культурного уровня – до овладения наукой и техникой для создания устойчивого общества социалистического типа. Социализм должен строиться реальными силами России – рабочим классом и крестьянством. Именно поэтому В. И. Ленин яростно и неустанно требовал «смычки» пролетариата и крестьянства, бережного отношения к середняку и, самое главное, не торопил, не ускорял, не форсировал события. Такая стратегия была бы чрезвычайно актуальной и сегодня.

Исторический распад СССР не был окончанием дела социализма. Он компенсирован успехами социалистического строительства в Китае, которые, если их соотнести с предначертаниями В. И. Ленина, представляют собой реализацию форм того же НЭПа, но в исторических условиях Китайской Народной Республики. Становление общества «средней зажиточности», заявленное китайским руководством, в какой-то мере повторяет (с учетом китайской специфики) тезис В. И. Ленина о достижении среднеевропейского уровня развития.

Ленинское наследие и судьбы революции оказались в руках людей, стремившихся форсировать происходящее, решительно вмешиваться в исторические процессы как в своей стране, так и в мировом масштабе. К сожалению, многие из этих действий были мотивированы не целью защиты судеб революции и ее торжества, а личными выгодами. В большевистской партии разгоралась острая борьба за власть. Первый сигнал подал Г. Е. Зиновьев в острополюемической брошюре «Большевизм или троцкизм», где указал на начало политической борьбы в среде большевиков, подчеркнув, что опасность ее в том, что каждая из борющихся сторон прикрывается именем В. И. Ленина. Г. Е. Зиновьев резко выступил против попыток Л. Д. Троцкого

играть самостоятельную роль в партии после смерти В. И. Ленина, совершенно точно указав на цель политических нападок: если В. И. Ленин – классический тип пролетарского революционера, то Л. Д. Троцкий – классический тип интеллигентного революционера.

В итоге борьба сфокусировалась между двумя личностями – И. В. Сталиным и Л. Д. Троцким. Последний боролся против И. В. Сталина как отдельной личности, а тот боролся против троцкизма, т. е. целой тенденции в партии, сохраняющей ориентацию на мировую революцию от имени всей структуры и в защиту ленинского наследия. В речи на Объединенном пленуме ЦК КПК 1 августа 1926 г. Л. Д. Троцкий объявил: «1924 год – год великого переворота. Весной этого года И. В. Сталин повторяет еще старые формулы о невозможности построения социализма в отдельной стране, тем более в отсталой. Осенью того же года И. В. Сталин порывает с Марксом и Лениным в основном вопросе пролетарской революции строить „свою теорию“ социализма в отдельной стране. Кстати сказать, нигде у И. В. Сталина эта теория в положительной форме не развернута и даже не изложена. Все обоснования сводятся к двум заведомо ложным цитатам из Ленина. Ни на одно из возражений И. В. Сталин не ответил. Теория социализма в отдельно взятой стране имеет административное, а не теоретическое обоснование» [8, с. 307].

Почти все из сказанного верно, за исключением одного: это не было государственным переворотом И. В. Сталина. Его идея о строительстве социализма в одной стране была закреплена решением XIV съезда ВКПБ и отвечала желанию и настроению как партийных масс, так и всего народа, смертельно уставшего от войны, понимавшего, что главное в том, чтобы залечить раны, нанесенные войной, – восстановить минимум благополучия, затем, возможно, обратить свои планы и взоры на мировую революцию.

Эта позиция, между тем, произвела эффект разорвавшейся бомбы в ленинской гвардии (определение это придумано не В. И. Лениным, а самими оппозиционерами). Дело не только в том, что сама идея мировой революции оказывалась как будто подорванной. Многие из тех, кто совершал Октябрьскую революцию, находились в руководящих органах ВКПБ, молодого государства и были совсем не готовы к тому, чтобы строить социализм, заниматься будничными делами – индустриализацией и строительством, созданием железных дорог, восстановлением заводов, организацией сельскохозяйственного производства и т. д. Они уже неплохо устроились в качестве мэтров-оракулов светлого будущего, заняли роскошные особняки, жены «героев революции» плодотворно работали в наркомпросах, культпросветах и пр. В особняки к ним потянулись и многочисленные родственни-

ки и прихлебатели из местечек и провинциальных городов России.

Это новое племя властителей организовало себе «закрытые распределители», ездило учиться за рубеж, «на воды», в Германию или Швейцарию. Даже само занятие мировой революцией не представлялось в этом контексте столь уж хлопотным. Получая командировочные (как об этом писал К. Б. Радек) иногда килограммами бриллиантов, конфискованных у дворянских семей, они жили в шикарных отелях культурных центров Европы, встречались, беседовали, организовывали, выступали и т. д. Иначе говоря, жизнь трибунов революции, ее «буревестников» в Европе их вполне устраивала. И тут с сибирских и других просторов на них повеяло холодом. К тому же они не ожидали от И. В. Сталина столь быстрых действий. Тот редко выступал на их собраниях и даже когда выступал, из зала слышались выкрики типа: «Перестань, Коба. Теория – не твоя сильная сторона».

Борцам за власть ленинской гвардии так и не удалось доказать партийным массам, пополнившим ряды коммунистов в годы Гражданской войны и после ее победы, что они, эти спорщики, были соратниками В. И. Ленина. Они не смогли серьезно опорочить И. В. Сталина и вырвать из его рук бразды правления. Только самым пронизательным из них стало понятно, какую жесткую, но невидимую грань между ними и собой провел И. В. Сталин своим высказыванием, прозвучавшим на похоронах В. И. Ленина: «Помните, любите, изучайте Ильича – нашего учителя, нашего вождя». Этими словами он определил для себя совершенно особое место в стране и партии: не соратника, а ученика и, следовательно, продолжателя дела В. И. Ленина.

В этом качестве он оказался признанным ВКПБ, страной и народом. И. В. Сталин был не очень ловок в полемике, которой блистал Л. Д. Троцкий. Зато простой, даже местами кондовый стиль изложения И. В. Сталина оказался доходчивым и понятным для масс. Пока оппозиционеры спорили между собой и нападали на И. В. Сталина, он обращался к массам, убеждая их, что победить весь мир в мировой революции невозможно. Это было уже тогда достаточно очевидным для многих в СССР. Кто только ни объявлял себя строителем социализма в ту пору: И. Пилсудский в Польше, Б. Кун в Венгрии, Ян Масарик, Э. Бенеш в Чехословакии и др. Тем не менее признаков реального социализма там не было. Попытки России ускорить революционный процесс в Германии, Венгрии не привели к положительному результату. Нападение на Польшу в целях, покорив ее, пройти в Германию и поднять там рабочий класс на революцию окончилось разгромом. Всем было ясно: сначала надо восстановить разрушенное хозяйство, заставить работать экономику, а потом будет видно.

И. В. Сталина услышали и партия, и народ. Он отказался от политдогм мировой революции, исхо-

дя из реального положения в стране, факта стабилизации капитализма в мире. В 1927 г. он говорил об индустриализации и коллективизации как о задаче на перспективу, в мае 1928 г. – как о неотложной задаче, а в 1929 г. уже приступил к действиям. Дорого обошлась эта спешка народу и стране. Когда изучаешь сегодня зафиксированные в документах перегибы и крайности, понимаешь, что строить социализм в одной стране или во многих странах никто из лидеров большевистской партии тогда не умел. Многие даже не понимали, что такое социализм. Однако ясно, что милитаристский социализм, который «пролетарские революционеры», по замыслу Л. Д. Троцкого, должны были строить руками рабочих и крестьян, сгоняемых в военно-трудовые коммуны, отторгался народом однозначно. Народ и так был истощен военным коммунизмом, войной. Ему нужна была передышка.

Политическое наследие И. В. Сталина неоднозначно и вызывает большие споры. Действительно, ошибок сделано немало. И цена побед чудовищно высока. До сих пор историки так и не могут понять, почему он решил прибегнуть к террору против собственной партии, народа в условиях, когда его победа была полной. То ли его пугало, что в стране осталось еще много троцкистов, то ли он был жертвой паранойи. На XVII съезде ВКПБ в 1934 г., «съезде победителей», против И. В. Сталина в ходе тайного голосования было подано несколько сотен голосов. Он, наверное, помнил запальчивую и истеричную речь Л. Д. Троцкого на ноябрьском пленуме ЦК ВКПБ в 1927 г., когда тот обещал, что, придя к власти, «расстреляет банду безмозглых, тупых бюрократов», под которыми имел в виду И. В. Сталина и его сторонников. Обращаясь к И. В. Сталину, И. Д. Троцкий воскликнул тогда: «Вы тоже хотели бы нас расстрелять, но не посмеете, а мы посмеем». Тот, как видим, посмел. Вряд ли история прояснит нам суть этого мрачного периода. Жаркие споры, ведущиеся в наше время, слишком эмоционально насыщены и слишком мало обращаются к изучению фактов того периода. И. В. Сталин жаждал власти не меньше Л. Д. Троцкого, но учел социально-экономические условия страны и сумел бороться за нее более успешно. Пока оппозиционеры занимались яростной полемикой, он старательно подводил идеологическую основу под свое всевластие.

Со смертью И. В. Сталина революционный период развития России закончился. Сейсмические потрясения, вызванные русскими революциями во всем мире, произвели такие исторические достижения, как крушение колониальной системы империализма, обретение независимости многими странами и народами, создали исторический шанс для трудящихся масс во многих странах построить свое государство. Мировой капитализм извлек из победы Октябрьской революции свои реальные выводы. Его воротилам пришлось делиться с рабочим

классом. Создав общество массового потребления в развитых капиталистических странах, они надолго укрепили иллюзию в том, что капитализм способен принести растущее благосостояние, свободу мысли, обеспечить надежное будущее. Догоняющее развитие, которое СССР пытался осуществить после смерти И. В. Сталина, поставило Россию в положение вечно отстающего, вынужденного довольствоваться теоретическими рецептами и моделями, мало согласующимися с реальной ситуацией в стране.

Время настойчиво стучалось в двери общественно-экономической системы, господствовавшей в Советском Союзе, а историческая миссия СССР как второй державы мира требовала постоянных серьезных и глубоких изменений в системе общественного производства, социальных отношений, научно-технического обновления с тем, чтобы реагировать на меняющуюся ситуацию. «Построенный в годы сталинских пятилеток социально ориентированный государственный капитализм, – пишет современный исследователь И. Я. Фроянов, – обеспечивавший оборону страны в условиях постоянной внешней опасности со стороны Запада, исчерпал свой исторический ресурс после того, как было создано ракетно-ядерное оружие, сделавшее невозможным нападение на СССР [9, с. 25].

Обеспечивая стратегический паритет, Советский Союз упрочил дело мира во всем мире, противопоставив агрессивным империалистическим силам войны экономическую мощь социалистического государства. Это было уникальное историческое достижение советского народа (современные исследователи называют дату 1974 г., когда Соединенные Штаты Америки вынуждены были заключить с СССР ряд важных договоров о противоракетной обороне как свидетельство того, что военный паритет был достигнут). Однако это великое достижение истощило страну экономически.

Выход был в том, чтобы срочно обновить производственную систему за счет внедрения научно-технических достижений, совершенствовать общественные отношения, развивать социалистическую демократию. Все это оказалось невозможным в период правления Н. С. Хрущёва, сопровождавшегося хаотичным импульсивным реформизмом. В период застоя за 18 лет правления Л. И. Брежнева люди, пришедшие к власти в СССР, думали только о том, как удержать ее. Они старели, вместе с ними старело общество. Общественная система костенела. Этот период назван застоем. Во многом такое определение оправдано. То время ознаменовалось и крупными научно-техническими достижениями, культурными успехами, но сдвинуть общество со стагнационного состояния они не смогли.

Знаменитым «Письмом к вождям Советского Союза» А. И. Солженицын попытался разбудить сознание группы, находящейся у власти, предупреж-

дая о неминуемой национальной катастрофе. Та ничего не услышала, как не смогла внять и другим подобным предупреждениям. Только с приходом к власти Ю. В. Андропова правящая верхушка как будто встрепенулась. Однако его быстрая и до сих пор загадочная смерть помешала совершить задуманное. Программа, разрабатывавшаяся Ю. В. Андроповым, реализуется сегодня в Китае. Перестройка обозначилась политическим итогом развала общественно-экономической системы реального социализма в СССР, хотя и подавалась первоначально как совершенствование социализма на собственной арене. Великое дело структурных реформ в целях роста общественной производительности и совершенствования социально-экономической системы М. С. Горбачёв подменил его имитацией – перестройкой, принципы которой так нигде полностью и не изложил.

Партийные комитеты и органы государственного управления советского государства вместо того, чтобы решать конкретные задачи экономического обновления, втянулись в яростную полемику, вынуждены были переходить к обороне, увязли в идеологических хитросплетениях, с трудом отбивались от напрасных и все более циничных обвинений в том, что они никогда не совершали. В 1988 г. XIX партийная конференция КПСС под давлением этого острого напора изъяла из Конституции СССР статью о КПСС как руководящей силе Советского Союза. СССР вступил в зону медленного, но верного распада. В числе критиков выступила хорошо организованная сила, назвавшая себя либералами и демократами, готовая, но не умевшая реализовать общественную систему капитализма свободного предпринимательства.

Анализируя перестроечные процессы в последний год существования Советского Союза, за пять дней до образования ГКЧП бывший госсекретарь США Г. Киссинджер потребовал, чтобы Америка порвала всякие отношения с М. С. Горбачёвым. «США не могут повлиять на то, чего они не могут предсказать, – писал Г. Киссинджер. – США не могут предсказать сегодня характер советской экономики в конце декады, форму правительства Советского Союза и то, где будут проходить его границы. США должны исполнить свою историческую обязанность и помогать демократизации правительств в центре и в его республиках. Но если США окажутся слишком сильно вовлеченными во внутренние советские конфликты, они могут породить действия, о которых позже пожалеют» [10].

Летом этого же года, выступая в Осло по случаю присуждения Нобелевской премии мира, М. С. Горбачёв торжественно вещал: «Мне представляется очевидным: будет успех перестройки в СССР – будет реальная возможность строить новый мировой порядок. Сорвется перестройка – исчезнет и перспектива выхода к мирному периоду в истории,

по крайней мере в обозримом будущем» [11, с. 34]. И это он говорил, когда общественная система, построенная в Советском Союзе, трещала по всем швам.

Сегодня опубликованы десятки мемуарных изданий прямых участников событий, которые не столько объясняют, сколько оправдывают свое поведение в те времена. Великолепно оформленные на мелованной бумаге книжки наполнены эгоизмом, инстинктом самосохранения, жадой власти, корыстью и себялюбием. Это обличающие документы. Однако выяснению истины не служат совсем. Наоборот.

Пожалуй, самыми интересными мемуарами в этом потоке самооправдания, лжи и искажения действительности являются мемуары посла США в СССР в этот период Дж. Мэтлока под характерным названием «Аутопсия империи». Последовательно и аккуратно, шаг за шагом он описывает, как по ходу перестройки США наращивают свое влияние, контролируют каждый политический шаг М. С. Горбачёва и его окружения, направляют деятельность агентур влияния, американских общественных деятелей, постоянно посещающих Советский Союз, многочисленных визитеров из западных стран на все более активное вмешательство в процессы перестройки, явно нацеленные на ослабление СССР. Распад великой страны был не случайностью, а хорошо задуманным проектом, организованным извне [12, р. 18–24].

Итальянский журналист и общественный деятель Дж. Кьеза писал по поводу развала СССР: «Третий Рим, или, вернее, страна, претендовавшая на этот титул, сворачивает свои знамена. Первый пал под ударами варваров, второй – под ударами Востока, который с рождения пропитывал его. Этот Рим уничтожается на наших глазах Западом. Единственное отличие от двух других состоит в том, что падение совершается тихо, необратимо и без боя. Россия со всей своей хваленой духовностью смиряется с приходом скупого царства прагматизма, успеха и материализма» [13, с. 257].

Какой будет новая дорога в будущее, трудно сказать. Однако уже сейчас ясно, что успех может быть достигнут не путем прямого копирования государственных общественно-экономических институтов развитого капитализма, а создания своей неповторимой, уникальной общественно-экономической исторической системы, воплощающей мировой опыт, но не копирующей его и не склоняющейся к некритическому восприятию команд извне.

Перестройка, конечно, имела колоссальный общественный всемирно-исторический резонанс. Она демонстрировала стремление социализма к самообновлению, освобождению от политического радикализма и крайностей реформирования общественной системы в соответствии с изменяющейся историей. Однако злой волей ее руководите-

лей, некомпетентностью бюрократии, незрелостью общественных сил был предопределен ее провал.

Общественное мнение большинства стран мира так и не смогло понять, как вчерашние коммунисты вдруг стали антикоммунистами. Граждане Запады удивлялись, видя, как высшие деятели Коммунистической партии СССР и советского правительства на голубом глазу клялись в основном на страницах западноевропейских и американских газет, на экранах мировых средств массовой информации, что задумали разрушение социалистической системы во имя западных ценностей еще раньше, находясь на пике могущества и власти. Они и сегодня не понимают, почему эти деятели, прямо повинные в военных конфликтах на постсоветском пространстве, страданиях миллионов людей, гибели десятков тысяч человек, не привлечены к ответственности.

Если итоги перестройки повергли многих в шок, то социально-политическая и экономическая ситуация во многих постсоветских государствах после развала СССР вызывает недоумение, а кое-где – даже презрение и насмешку. В России уже в первые месяцы нахождения у власти Б. Н. Ельцина обнажился буржуазно-компрадорский характер нового режима. За плутовскими формами приватизации, ваучеризации скрывался процесс безнаказанного грабежа национального богатства. Б. Н. Ельцин управлял страной в неправовом режиме, указаниями прямого действия, почти все из которых противоречили российской конституции. Собственно, поначалу-то ее и не было, ибо Конституцию РСФСР великий демократ Б. Н. Ельцин не мог признать, а новому документу еще предстояло родиться после кровавой бойни 1993 г.

Известный диссидент В. К. Буковский выразил свое потрясение от событий 1993 г. хлесткой фразой: «Демократии в этой стране не было и нет» [14].

Армия советников из-за рубежа, в основном из США, расплотившаяся на советских просторах после развала СССР, чтобы реформировать Россию по западному типу, была шокирована тем, что никто в руководстве и не помышлял о реформах. Все заботились о самообогащении, растаскивании по зарубежным банкам финансово-экономического богатства страны. Другой известный диссидент В. Е. Максимов, придя в отчаяние из-за этих событий, предупреждал, что в западном подходе к СССР антикоммунизм был тесно переплетен с русофобией. Он предрекал, что антикоммунизм угаснет, а русофобия останется. Так оно и случилось.

Суть происходящих процессов жестко охарактеризовал А. И. Солженицын в книге с соответствующим названием «Россия в обвале». Как всегда, откровенный и бескомпромиссный, А. И. Солженицын во всем обвинил новую власть: «Между Властью и Народом глубинится пропасть, а Власть не хочет увидеть и осознать, что никакие полки

и десятки тысяч охранников не поддерживают ее авторитета. Нынешняя центральная Власть слепо и равнодушно пренебрегает всеми разрушительными процессами, текущими в стране. Она живет только собой, для себя» [15, с. 54].

Он подчеркивал, что если власть живет только собой и для себя и при этом не останавливает разрушительных процессов, происходящих в стране, значит, эти процессы так или иначе работают на нее, порождены ею, выгодны ей. Новая власть сделала государство своей частной собственностью. Бюрократы спешно становились владельцами бывших государственных предприятий. Коррумпированные чиновники продавали недвижимость, недра за бесценок невесть откуда взявшимся предпринимателям и деловым лицам. Шайка проходимцев, считавших себя новыми русскими, брала у государства многомиллионные и многомиллиардные кредиты и тратила их на свои нужды. А оставшиеся средства срочно перекачивала за рубеж.

Преступный синклит, образовавшийся вокруг Б. Н. Ельцина, брал все новые и новые займы у международных организаций якобы для проведения реформ, а на самом деле – для затыкания дыр там, где самому существованию власти создавалась угроза, и, конечно, для личного обогащения. Подобного в мировой истории не было, как не было и общественно-экономической системы, обозначившейся в России и характеризующейся сегодня как криминальный олигархо-бюрократический капитализм. Эта новая система не имеет ни малейшего шанса органично внедриться в существующие глобальные процессы интеграции и взаимозависимости.

«Экономическая система, в которой отсутствуют законы распределения национального богатства и собственности, – писал американский социолог С. Козн, – а утечка за границу во много раз превышает вложения в собственную экономику; система, которая является одной из самых коррумпированных в мире, эта система именуется капитализмом. Российские граждане, получившие наибольшую выгоду от распродажи государственной собственности и расхищения общественных благ (грабители, по мнению сограждан), почитаются “благородными разбойниками”, баронами грабежа, словно они русские рокфеллеры и карнеги, заложившие основу национального достояния» [16, с. 44].

Народ, правда, разобрался в реальной сути «благородных разбойников». Понадобились кровопролития 1993 г.: расстрел российского парламента

и его разгон, Чеченская война и многое другое, чтобы удержать эту власть на плаву. Старейший, не всегда трезвый, больной Б. Н. Ельцин с самого начала плохо понимал происходящее. Чем больше окружала его тесным и порочным кругом «семья», тем больше сумерки коррупции, криминала и бедности опускались на Россию.

Чтобы выжить, вырваться из смертельных объятий порочной власти, России надо восстановить свое мировое значение и роль, ибо только так она может вернуться в историю на равных. Страна стала медленно приходить в себя лишь после добровольного ухода патриарха, грабительских реформ в 1999 г. Правда, Б. Н. Ельцин ушел, а «семья» осталась. Аппетиты ее не уменьшились. В ней появляются новые потомки, одержимые все той же алчностью и жадной обогатиться. Чтобы очиститься от них, России понадобится еще немало времени и много усилий.

Попытки страны подняться с колен в течение XXI в. натолкнулись на яростное сопротивление Запада. Хотя США и не удалось построить однополярный мир, существующий мировой порядок они хотели бы оставить неизменным, ибо это дает им возможность диктовать направление и условия всему миру. В этих целях Америка продолжает опутывать мир паутиной военного присутствия, единой финансово-биржевой структурой, управляемой из американских и английских центров, системой союзов и международных организаций, находящихся в подчинении у США. Сегодня очевидно, что ни под каким предлогом Америка не намерена допустить появления государства, способного составить ей конкуренцию на мировой арене. Основной принцип ее внешней политики – предотвратить появление в мире союзов и государств, составляющих угрозу национальным интересам США. Угрозой же для них считается ситуация, когда другие государства пытаются идти своим путем.

В XXI в. стало очевидно, что многочисленные союзы, образуемые Соединенными Штатами и под их руководством и диктатом, не могут обеспечить единой стратегии мирового развития. Ведущую роль по-прежнему играют государства с глобальным геополитическим целеполаганием. С этой точки зрения и попытки России занять подобающее место в мире, и стратегия Китая по реализации собственного пути развития составляют угрозу национальным интересам Соединенных Штатов и будут наталкиваться на их отчаянное сопротивление. Однако другого пути у них нет.

Библиографические ссылки

1. Ленин В. И. Миссия капитализма // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений : в 55 т. М., 1971. Т. 3.
2. Ленин В. И. Доклад о революции 1905 г. // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений : в 55 т. М., 1973. Т. 30.
3. Ленин В. И. Девять тезисов советской власти // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений : в 55 т. М., 1969. Т. 36.
4. Большаков В. И. Грани русской цивилизации. М., 1999.

5. *Carlyle T.* The French revolution : in III vol. Oxford ; N. Y., 1989. Vol. II.
6. Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1970.
7. Ленин В. И. О кооперации // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений : в 55 т. М., 1970. Т. 45.
8. Троцкий Л. История русской революции : в 2 т. М., 1997. Т. 2.
9. Фроянов И. Погружение в бездну. СПб., 1998.
10. *Kissinger H.* Does America need a new foreign policy? N. Y. ; London ; Toronto ; Sydney, 2001.
11. Горбачёв М. С. Нобелевская лекция: 5 июня 1991 г. Осло. М., 1991.
12. *Matlock J. F.* Autopsy on an empire: the American Ambassador's Account of the collapse of the Soviet Union. N. Y., 1995.
13. Къеза Дж. Прощай, Россия! М., 1998.
14. Буковский В. Сейчас недостаточно просто говорить правду // Труд. 1992. 2 авг.
15. Солженицын А. Россия в обвале. М., 1998.
16. Коэн С. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. М., 2001.

References

1. Lenin V. I. [Capitalism mission]. In: V. I. Lenin. [Complete works] : in 55 vol. Moscow, 1971. Vol. 3 (in Russ.).
2. Lenin V. I. [Report on revolution of 1905]. In: V. I. Lenin. [Complete works] : in 55 vol. Moscow, 1973. Vol. 30 (in Russ.).
3. Lenin V. I. [Nine tezist of the Soviet power]. In: V. I. Lenin. [Complete works] : in 55 vol. Moscow, 1969. Vol. 36 (in Russ.).
4. Bol'shakov V. I. [Sides of the Russian civilization]. Moscow, 1999 (in Russ.).
5. Carlyle T. The French revolution: in III vol. Oxford ; N. Y., 1989. Vol. II.
6. Uells G. [Russia in a haze]. Moscow, 1999 (in Russ.).
7. Lenin V. I. [About cooperation]. In: V. I. Lenin. [Complete works] : in 55 vol. Moscow, 1970. Vol. 45 (in Russ.).
8. Trotskii L. [History of the Russian revolution] : in 2 vol. Moscow, 1997. Vol. 2 (in Russ.).
9. Froyanov I. [Immersion in a chasm]. Saint Petersburg, 1998 (in Russ.).
10. Kissinger H. Does America need a new foreign policy. N. Y. ; London ; Toronto ; Sydney, 2001.
11. Gorbachev M. S. [Nobel lecture: on 5 June, 1991. Oslo]. Moscow, 1991 (in Russ.).
12. Matlock J. F. Autopsy on an empire: the American Ambassador's Account of the collapse of the Soviet Union. N. Y., 1995.
13. K'eza Dzh. [Farewell, Russia!]. Moscow, 1998 (in Russ.).
14. Bukovskii V. [Now it is insufficiently simple to tell the truth]. *Trud*. 1992. 2 August (in Russ.).
15. Solzhenitsyn A. [Russia in a collapse]. Moscow, 1998 (in Russ.).
16. Koen S. [Crusade failure. USA and tragedy of postcommunist Russia]. Moscow, 2001 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 22.05.2017.
Received by editorial board 22.05.2017.

РАЗВИТИЕ МАРКСИЗМА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ СИНЕРГЕТИКИ

В. С. МИХАЙЛОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Выявлены методологические возможности синергетики для развития марксизма. Методологическая основа исследования – общенаучные методы (исторический, компаративный, системный), а также частный метод социальной науки (контент-анализ). Проанализировано поэтапное развитие марксистской мысли. Выявлены особенности методологического синтеза марксизма с фрейдизмом, экзистенциализмом, феноменологией, структурализмом, семиотикой. Установлены методологические затруднения современного марксизма при описании глобального порядка и методологические возможности синергетики для их преодоления. Предлагается становление новой методологии социального познания – синергетического марксизма. Указываются его объект, предмет, цели и задачи. Материалы статьи могут использоваться в учебном процессе и научных исследованиях.

Ключевые слова: марксизм; развитие марксизма; неомарксизм; направления неомарксизма; синтез марксизма; синергетический марксизм.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке БРФФИ (договор № Г16КАО/А-006).

MARXISM DEVELOPMENT: METHODOLOGICAL POSSIBILITIES OF SYNERGETICS

V. S. MIKHAILOUSKI^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

Objective of the article is to reveal methodological synergy opportunities for the development of Marxism. Methodological basis of the research contained general scientific methods (historic, comparative, system method) and a private method of social science (content-analysis). Phased formation of the Marxism was analyzed. Particular methodological synthesis of Marxism and Freudianism, existentialism, phenomenology, structuralism and semiotics were revealed. Methodological difficulties of modern Marxism in describing the global order and the methodological possibilities of synergy to overcome them were determined. New methodology of social cognition – synergistic Marxism – was proposed. Object, subject, aim and tasks of synergistic Marxism were indicated. Materials of the article may be used in educational process and scientific research.

Key words: marxism; development of Marxism; neo-Marxism; direction of neo-Marxism; synthesis of Marxism; synergistic Marxism.

Acknowledgements. The article was prepared with the support of BRFRF (agreement No. Г16КАО/А-006).

Вопрос о развитии марксизма требует предварительного уточнения. Что мы понимаем под марксизмом? Если имеем в виду текст, который принадлежит только К. Марксу и Ф. Энгельсу, то мы говорим о том, что французский философ Ж. Дер-

рида называл «след», – о форме одновременного присутствия и отсутствия [1, с. 199]. След марксизма указывает, с одной стороны, на то, что марксизм умер, а с другой – что он посмертно бытует. Проблема вечного возвращения марксизма не толь-

Образец цитирования:

Михайловский В. С. Развитие марксизма: методологические возможности синергетики // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 2. С. 52–58.

For citation:

Mikhailouski V. S. Marxism development: methodological possibilities of synergetics. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 2. P. 52–58 (in Russ.).

Автор:

Вадим Сергеевич Михайловский – кандидат политических наук; доцент кафедры политологии юридического факультета.

Author:

Vadzim Mikhailouski, PhD (political science); associate professor at the department of political science, faculty of law. vadim2010minsk@mail.ru

ко в феноменологическом посыле – невозможно установить, чем было прошлое в собственную бытность настоящим, – но и в том, что история марксизма рассказывается кем угодно, но только не К. Марксом и Ф. Энгельсом. Марксизм принадлежит основателям только в их речи и письме (на чертании, как сказал бы Ж. Деррида). Во всех остальных случаях марксизм был организован извне посредством внесленного рассказчиком контекста. Это лишь означает, что марксизм всегда существует для нас и при нас, он всегда настоящий. Тем самым марксизм есть текст, который принадлежит не только К. Марксу и Ф. Энгельсу. Происходит постоянное становление этого текста в рамках определенной социокультурной практики. Ф. Энгельс по этому поводу писал: «Наша теория – это теория развития, а не догма, которую надо учить наизусть и механически повторять» [2, с. 504].

Возникает вопрос об этичности развития марксизма. И этот вопрос должен быть поставлен не перед К. Марксом и Ф. Энгельсом, а перед нами. Если марксизм принадлежит говорящему о нем, то каковы границы нашего вмешательства в марксистское наследие? Где привнесение новшеств в марксизм его развивает, а где преодолевает? Никакого критерия, кроме как критерия коллективной согласованности, не видится. Однако кто выступает этим марксистским коллективом (сообществом) и где выражена его позиция в вопросе развития марксизма? Искать тех, кто является большими марксистами, нежели другие, – дело неблагодарное. Коллективная согласованность выражается в коллективной практике, поэтому, с нашей точки зрения, именно традиция развития марксизма допускает вмешательство в наследие К. Маркса и Ф. Энгельса.

Таким образом, цель данной статьи – обосновать возможность дальнейшего развития марксизма в рамках синтеза с синергетикой.

Марксистское учение, несмотря на идейное единство, характеризовалось постоянным научным поиском и вариативностью предмета исследования. Укажем лишь на оригинальность ранней работы ученого «Экономическо-философские рукописи 1844 года». Эта работа была опубликована в 1932 г. и оказала сильное влияние на восприятие К. Маркса в первую очередь как эволюционирующего мыслителя. Столь поздняя публикация объясняется тем, что после смерти К. Маркса три четверти его произведений не были опубликованы [3, с. 14]. Хорошо разработанная экономическая теория капиталистического способа производства не дополнялась сравнимой социальной теорией, выходящей на осмысление стратегий и тактик политической борьбы. В таком виде марксизм не мог полностью претендовать на роль теории революционного движения, что и обусловило необходимость в адаптации учения к реальным политическим нуждам рабочего движения. К. Каутский, Л. Лабриола, Ф. Меринг, Г. В. Плеханов занимались систематизацией и обобщением марксизма. О. Бау-

эру, В. И. Ленину, Р. Люксембург, Л. Д. Троцкому необходимо было распространить марксизм на те сферы, которые не получили концептуального обобщения в классическом марксизме, но актуализировались в реальной общественной практике начала XX в.

Можно сказать, что после смерти К. Маркса и Ф. Энгельса содержательно их стало больше, чем при жизни. Дело в том, что марксизм есть учение о капитализме, бурное развитие которого во всем многообразии классовых противоречий пришлось как раз на начало XX в. Классовые противоречия капиталистического общества обострились в реалиях монополизации, империалистической экспансии, стремительного накопления капитала. В это время возникли партии пролетариата как работников промышленности и марксизм стал востребован как революционная теория.

Влияние марксизма на политическую практику не осталось незамеченным и в академических кругах. Следуя установке Э. Бернштейна о необходимости выделения в марксизме двух составляющих (идеологической и научной), ряд ученых обратились к марксизму в рамках академических исследований. Этот процесс начался в Летней академии в Тюрингии, организованной венгерским философом Д. Лукачем в начале 1920-х гг. В работе академии принимали участие многие будущие сотрудники франкфуртской школы (немецкий социолог К. Виттфогель, немецкий социолог и философ Ф. Поллок и др.). Уже в конце 1920-х гг. марксистский дискурс окончательно закрепился в исследовательских институтах и на университетских кафедрах. Российский исследователь Б. Ю. Кагарлицкий образно назвал этот процесс уходом марксизма «в академическое гетто» [4, с. 65]. Началась профессионализация и академическая институционализация марксизма.

Развитие марксизма как социальной теории и методологии познания на протяжении XX в. шло по трем направлениям. К первому можно отнести работы, в которых внимание тем или иным проблемам классического марксизма и внесение инноваций посредством его творческой интерпретации предполагали сохранение марксистской аналитической проблематики. При этом происходила своеобразная акцентуация на те или иные стороны, проблемы марксизма и на дальнейшее развитие высказанных К. Марксом идей, что и придавало исследованиям определенную оригинальность, новизну. К теоретикам, внесшим такой вклад в развитие марксизма, относятся Л. Коллетти, К. Корш, А. Лабриола, А. Лефевр, Д. Лукач (философия), Г. Гроссман (политэкономия). Это направление следует отличать от марксологии как исследования работ и эволюции идей К. Маркса.

Второе направление объединяет научные работы, в которых используется марксистский понятийно-категориальный аппарат и марксистские руководящие идеи (трактовки), но одновременно происходит отход (в разной степени) от классическо-

го марксизма. Именно такие работы демонстрируют развитие марксизма как результата использования марксистской методологии для познания современности. В рамках этого направления широким кругом авторов были сформированы самостоятельные концептуальные разработки. Среди наиболее известных ученых: С. Амин, Э. Балибар, А. Грамши, Г. Дебор, Ф. Поллок, Т. дус Сантус, Ю. Хабермас.

Третье направление развития отличается оригинальностью теоретических поисков на основе обращения к марксизму через его синтез с другими самостоятельными концепциями. В результате такого синтеза получались своеобразные «гибриды» марксизма и другого философского или социально-политического знания. Это направление является наиболее актуальным в вопросе развития марксизма в силу широкого потенциала для привнесения новшеств в марксизм.

Фрейдомарксизм австрийского психолога В. Райха стал первым результатом такого синтеза. В этом направлении работали и теоретики франкфуртской школы Т. Адорно, Г. Маркузе и Э. Фромм. Франкфуртцам в рамках углубленного изучения марксистского концепта отчуждения необходимо было ответить на вопрос: как и почему индивидами усваиваются ложные представления о социальной действительности? Это определило их обращение к потенциалу социологизированного психоанализа. Г. Маркузе по этому поводу писал, что «в своем глубинном измерении “биологизм” Фрейда является социальной теорией» [5, с. 10]. Обращение к З. Фрейду было важнейшим фактором, определившим логику развития марксизма в XX в. Э. Фромм отмечал, что К. Маркс нигде и никогда не показывал, как базис переходит в надстройку. «Этот пробел в марксистской теории можно восполнить средствами психоанализа» [6, с. 327].

Отчуждение также стало предметом изучения Ж.-П. Сартра, однако уже в рамках синтеза марксизма и экзистенциализма. Французский философ обратился к марксистской критической теории общества и рассмотрел ее через проблему свободного человеческого действия и субъективности человека. Отрицая экономический детерминизм, Ж.-П. Сартр в итоге писал о возможностях человека в рамках социальной тотальности [7, с. 114].

Идея человеческого действия и сознания стала основной темой и в феноменологическом марксизме. В частности, французский философ М. Мерло-Понти синтезировал феноменологическую интенциональность (центральное свойство сознания быть направленным на предмет) с концептом марксистской исторической практики, а итальянские философы П. Роватти, А. Вигорелли разрабатывали проблематику человеческих потребностей и революционного субъекта истории.

У фрейдистов, феноменологов, экзистенциалистов, равно как у основателей неомарксизма Д. Лукача, К. Корша и А. Грамши, человек становился главным субъектом диалектики капитализма. От-

сюда – углубленное внимание к вопросу классового сознания (Д. Лукач, К. Корш), культурной гегемонии (А. Грамши), субъективного и экзистенции. У названных теоретиков не было цели опровергнуть марксизм его же идеалистическими гегельянскими корнями или внешними концептуальными разработками. Речь шла о целостности марксизма. Обстоятельный анализ неомарксистской литературы позволяет сделать вывод о том, что в этом синтезе неомарксисты видели не преодоление К. Маркса, а его идентификацию. По своей сути все эти внешние привнесения в марксизм были дописыванием трудов философа в целях уравнивания марксистского материализма и идеализма, теории базиса и надстройки. Новая парадигмальная установка на диалектическое единство отдельного человека и целого социального в рамках их взаимной и противоречивой детерминации делала марксизм всеохватывающим и методологически неуязвимым.

Иного подхода в вопросе синтеза марксизма придерживался французский философ Л. Альтюссер. С одной стороны, он также признавал установку взаимной детерминации элементов социального бытия. С другой стороны, в этой марксистской диалектической «сверхдетерминации», по его мнению, не было место человеку (субъекту). Подобный антигуманизм стал визитной карточкой Л. Альтюссера. Он утверждал: «Идеи исчезли как таковые (т. е. как обладающие идеальным, духовным существованием), поскольку оказалось, что их существование является частью практических поступков» [8, с. 46]. Нет человека и его субъективности – есть лишь структуры, презентующиеся в человеческих практиках, а также иерархия этих структур, структурная причинность и господствующая структура (способ производства). Л. Альтюссер считал, что обращение к методологическому потенциалу структурной антропологии К. Леви-Стросса и структурной лингвистики Ж. Лакана поможет лучше понять концепцию классовых противоречий. Именно поэтому проблема структуры у Л. Альтюссера становится проблемой принуждения в марксистском понимании.

Развитие марксизма в рамках его синтеза с другими концепциями не ограничивалось интеллектуальным противоборством марксистских гуманистов и антигуманистов (кроме Л. Альтюссера, это Н. Пуланзас, М. Годелье и др.). Были предприняты попытки синтезировать марксизм с аналитической философией, семиотикой и теорией систем.

В аналитическом марксизме группа исследователей (Дж. Коэн, Э. О. Райт, Дж. Ремер, Ю. Эльстер) ставила задачу переосмысления марксистской теории на основе общепринятых научных методов, в первую очередь на современном математическом и экономическом инструментарии (теория рационального выбора, теория игр). В результате были получены оригинальные концепции исторического материализма (Дж. Коэн), классов (Э. О. Райт), эксплуатации (Дж. Ремер).

Синтез марксизма и семиотики был осуществлен Ж. Бодрийяром. В фокус его внимания попала культура потребления как код капиталистической эксплуатации современного общества. Отсюда и призыв французского философа изучать общественный дискурс в его «классовой грамматике» [9, с. 40]. В результате такого подхода анализ политэкономии знака заменил собой анализ публичной политики [10, с. 16], а капитализм начал изучаться как воспроизводящая символическая модель [11, с. 45].

Внедрение марксистского знания в проблематику международных отношений шло посредством использования методологического потенциала теории систем. Мир-системный анализ американского социолога И. Валлерстайна стал лицом неомарксизма конца XX в. Мир-система – понятие, отражающее систему, взаимно связывающую мир в единую структуру и имеющую единую функциональную направленность. Эта функциональная направленность мир-системы есть гегемонистический характер мирового порядка, который существует только в силу глобальной согласованности капиталистических государств. И. Валлерстайн подготовил марксизм для восприятия глобализации как проявления классовой борьбы, порожденной всемирным распространением капитализма.

Логика системного подхода была положена в основу исследований глобального порядка американского философа М. Хардта и итальянского философа А. Негри. Однако это происходило в русле экстраполяции в марксизм теории систем немецкого социолога Н. Лумана. Была предложена неомарксистская концепция *Империя*, согласно которой мир представляет собой закрытую самовоспроизводящуюся, самореферируемую репрессивную капиталистическую систему. Увлечение аутопоэтичностью глобального капитализма привело М. Хардта и А. Негри к объяснению мира как самостоятельного субъекта бытия. В таком понимании *Империя* описывалась как наиболее эффективный и тоталитарный порядок в сравнении «со всеми предшествовавшими формами правления» [12, с. 318]. Однако после создания подобного метатеоретического конструкта М. Хардт и А. Негри отступают от дальнейшей разработки темы. Вместо этого они пишут, что в их концепции речь идет не о конце истории, а о диалектике внутреннего движения в рамках глобального порядка; обозначают *Империю* «как понятие, которое предполагает главным образом теоретический подход» для описания «нынешнего положения вещей» [13, с. 15]; указывают на глобальность лишь как на уровень самого общего понимания социальной [13, с. 196]; познают имперский порядок не через дальнейшие разработки его онтологических характеристик, а через анализ отдельных имперских политических практик. С нашей точки зрения, это теоретико-методологическая капитуляция. Дело в том, что все (без сомнения, эвристически важные) разработки М. Хардта и А. Негри (концепции геополитики, политики безопасности, глобальной войны)

познавательны не нуждаются в таком массивном метатеоретическом подкреплении, как концепция *Империя*. Эта теоретическая конструкция обладает собственной познавательной значимостью.

Онтология *Империи* начинается с того момента, где она была закончена М. Хардтом и А. Негри. Указание на то, что в *Империи* «даже господствующие государства <...> зависят от мировой системы» [13, с. 267], требует отдельного аналитического внимания. Радикальность этой мысли в том, что она вносит коренные изменения в марксистский дискурс. Все теоретики марксизма, несмотря на те или иные новшества, писали в рамках бинарной оппозиции. Неважно, шла ли речь о буржуазии и пролетариате (К. Маркс, Ф. Энгельс), буржуазии и интеллигенции (А. Грамши), эксплуататорах и маргиналах (Г. Маркузе), новом классе и эксплуатируемых (М. Джилас), властвующей элите и обычных людях (Р. Миллс), неоимпериалистах и глобальном пролетариате (С. Амин), эксплуататорах и глобальном множестве (М. Хардт, А. Негри), у марксистов всегда было две противоборствующие стороны. При этом реальный мир (формация, культурная гегемония, порядок, мир-система, пространство) всегда был миром одной из сторон – эксплуататоров, а должный (правильный) мир – миром эксплуатируемых. Поэтому идея глобальной системы как независимой от воли эксплуататоров раскрывает иную картину расстановки сил в пространстве капитализма. Формируется триада: эксплуататоры, эксплуатируемые и «новый третий» – сама капиталистическая система, и у всех свои интересы в рамках социального пространства. М. Хардт и А. Негри связали эту ситуацию с вопросом коммуникации, объявили суверенность *Империи* «виртуальной» [13, с. 50] и разрешили проблему в лучших традициях франкфуртской школы. Рассуждения авторов *Империи* о том, что «в действительности мы – хозяева мира, потому что наше желание и труд непрерывно его обновляют и возрождают» [13, с. 358], есть ремейк на призыв Г. Маркузе к *Великому отказу* от ценностей капитализма.

Рассмотрение капиталистической системы как в итоге зависимой от практики и воли акторов – типично неомарксистское, но в рамках неомарксизма оно и было преодолено. После Октябрьской революции марксистские интеллектуалы (начиная с Д. Лукача и К. Корша) сделали ставку на проблему диалектики сознания, другими словами, на проблему просвещения. Революция в неомарксистском понимании – это «полная переоценка ценностей, пересмотр потребностей и задач» [14]. И сам неомарксизм должен был стать актом просвещения, радикальным актом в марксистском понимании – как зрение в корень. Не зря один из первых программных трудов франкфуртской школы назывался «Диалектика просвещения» (Т. Адорно, М. Хоркхаймер). Однако словенский культуролог, неомарксист С. Жижек в книге «Возвышенный объект идеологии»

описал этого нового просвещенного агента революции. В современном обществе человек вполне отдает себе отчет в дистанции между манипуляцией и социальной действительностью, понимает, что за идеологическими универсалиями скрываются социальные интересы, но не отказывается, тем не менее, от ложных представлений. Если пользоваться пониманием ложного сознания, относящим иллюзию исключительно к сфере представлений, то современное общество выглядит как деидеологизированное. Поэтому С. Жижек писал о необходимости изучения не иллюзорного представления людей, а «фантазма, структурирующего саму социальную действительность» [15, с. 40]. Важность этих концептуальных выводов в том, что обращено внимание на сохранение капиталистического порядка даже тогда, когда его противоречие осознается акторами.

Неомарксистский проект дописывания марксистского идеализма создал эффективный инструмент познания новых форм капиталистической эксплуатации, но стал теорией и методологией познания только развития капитализма. Можно сказать, что неомарксизм повторил судьбу марксизма. Они оба познавательного деконструировали капиталистическую систему и осмыслили факторы ее трансформации. Интересно, что в обоих случаях эти факторы явились в реальной жизни и воплотились в марксистской Октябрьской революции в России и неомарксистской студенческой революции во Франции. Однако марксизм и неомарксизм оказались «теоретическими банкротами» в объяснении постреволюционной реставрации капиталистических противоречий. Исходя из этого, на наш взгляд, проблему современного развития марксизма можно назвать проблемой становления методологии марксистского познания пограничных состояний капиталистической системы, методологии познания того момента, когда капиталистическая система, будучи дестабилизированной, упорядочивается в измененной по деталям, но прежней по существу форме. Необходимо оттолкнуться все же от Л. Альтюссера, Ж. Бодрийяра, М. Хардта и А. Негри и смотреть на капитализм не как на тотальный монолит, который репрессирует человека и движется к своей формационной катастрофе, а как на структуру постоянного становления, а следовательно, постоянного отклонения от системного равновесия, как на каскад постоянных микрокатастроф. И начать надо с оставленной М. Хардтом и А. Негри проблемы самостоятельного существования порядка по отношению к воспроизводящим его акторам.

Идея независимости капитализма от господствующего класса высказывалась и другими неомарксистами и также была ими оставлена. Немецкий философ Ю. Хабермас писал о самостоятельном функционировании, оторванности мировой системы «от наглядно идентифицируемых классовых структур» [16, с. 157]. Л. Альтюссер указывал на самостоятельность идеологии господствующего

класса в отрыве от самого господствующего класса [17, с. 333–334].

Наша гипотеза состоит в том, что в пограничном состоянии, когда эксплуатируемые просвещены, а эксплуататоры разоружены, именно «новый третий» удерживает социальность от смены формации. Описание этой третьей стороны капиталистического антагонизма требует специфически нового для неомарксизма категориального аппарата. Если наши предположения верны, то имеет место «суперструктура» по отношению к тотальности капиталистического порядка. Подбор методологического инструментария для изучения феномена структурообразующего по отношению к тотальному и определяет следующий этап в развитии марксизма.

М. Хардт и А. Негри подошли к изучению капиталистического порядка как сложной неравновесной системы. Они смотрели на капитализм как на оперативно закрытую систему. Для них капиталистический порядок эффективно реагирует на конфликты и противоречия, потому что сам их создает и допускает как способ собственной стабилизации [17, с. 191–192]. Однако здесь непонятно, как при такой самоорганизации системы есть (как пишут сами М. Хардт и А. Негри) некий дискретный суверенитет, который функционирует словно робот, контролирует глобальный порядок и вмешивается «в случае поломки в системе» [17, с. 50]. Интенция на все-таки открытое понимание капиталистической системы наблюдается и в том, что М. Хардт и А. Негри пишут о силах сопротивления – о множестве, способном преодолеть тотальность капитализма. М. Хардт и А. Негри утверждали, что «акт отказа от отношений с сувереном есть своего рода исход, уход от сил подавления, порабощения и угнетения в поисках свободы» [18, с. 401]. Но это означает наличие внешнего пространства по отношению к капиталистическому порядку. Познавательное оперирование концептом закрытой системы подходит для аналитической критики тотальности капитализма, но неэффективно для познания трансформации капитализма. Марксизм не марксизм, если не оперирует внешним по отношению к капитализму. В противном случае теряется марксистский нормативно-ценностный посыл об итоговом преодолении капитализма.

Проблема неомарксистского подхода в том, что для него характерен поиск элемента, способного стать деструктивным по отношению к капиталистической системе. Но неомарксистская логика капиталистической тотальности по своей сути отвергает такую возможность. И здесь мы указываем на необходимость изучить не конкретный субъект сопротивления, а сумму случайных факторов, на которые может реагировать капиталистическая система в пограничном (сильно неравновесном) состоянии. «Под случайностью в философско-социологическом смысле понимают такие взаимосвязи в окружающем мире, в которых не проявляются прямые закономерные взаимодействия в функционировании тех

или иных систем» [19, с. 8]. Речь идет о своеобразном возвращении к К. Марксу: происходит поиск объективных причин трансформации капитализма, но не в глубине его структурных противоречий, а в моменты наибольшего восприятия внесистемных факторов. Наша гипотеза в том, что трансформационный элемент созревает не в недрах старого порядка, а появляется в момент, когда порядок уже начал изменение под влиянием своих внутренних противоречий. Именно в момент «выбора ветвей эволюции» тотальная система капитализма и имеет отношения с «новым третьим». Описать взаимодействие случайного трансформационного элемента капитализма и «суперструктуры» капитализма и призван следующий этап в развитии марксистской методологии.

С нашей точки зрения, методологическим потенциалом, способным повысить эвристическую значимость современных марксистских исследований, обладает синергетика. Обозначенные нами проблемы соотносятся с положениями синергетического подхода.

Во-первых, синергетика изучает процессы самоорганизации сложных неравновесных систем. В фокус ее аналитического внимания попадают в первую очередь состояния случайного поведения открытых систем в результате воздействия внешних случайных факторов и отклонений (флуктуаций) [20, с. 19]. «Имманентный потенциал самоорганизации, – как пишет белорусский исследователь М. А. Можейко, – есть фундаментальный критерий синергетики» [21, с. 16]. Такой подход может направить марксизм на изучение ранее не учтенных элементов окружения капиталистического порядка, выявить их функции и значение для воспроизводства капитализма.

Во-вторых, неомарксизм есть методология познания отрицательной обратной связи, т. е. того, что обеспечивает сохранение структуры капитализма и его стабильности. Однако синергетика направлена на изучение именно положительной обратной связи, которая и приводит к новой самоорганизации системы [22, с. 74]. Такой подход может помочь объяснить, как антикапиталистическая практика в итоге приводит к реорганизации капитализма.

В-третьих, то, что нами было обозначено как «новый третий», в синергетике называется аттрактором. Это состояние, к которому тяготеет система, несмотря на широкий спектр вариантов развития [22, с. 84].

Синтез марксизма и синергетики является органичным этапом в развитии марксизма. Каких-либо научно-этических или методологических препятствий, как мы показали, для подобного синтеза нет. По сути, речь идет о преемственности и продолжении антигуманистического направления в развитии марксизма, начатого Л. Альтюссером. Однако синергетический марксизм не должен формироваться как искусственное развитие марксизма. В фокусе аналитического внимания следует держать проблему социального познания, а синергетический марксизм рассматривать как его возможное направление.

Объект синергетического марксизма – глобальный капиталистический порядок. Предмет – системная трансформация капитализма. Главная проблема изучения – системное развитие капитализма как эволюционное торможение глобального общества. Главная задача – выявление случайной игры структур как фактора системной самоорганизации капитализма.

Цель проекта синергетического марксизма – доказать случайность капиталистической судьбы человечества не в аксиологических рамках классового антагонизма, а в рамках системного моделирования отчужденного включения человека в капиталистический порядок вне зависимости от классовой принадлежности и уровня развития классового сознания. Марксизм возможен в синергетическом контексте при отправном рассмотрении марксистской проблемы отчуждения не как проблемы негативного состояния человека, а как случайной структурной позиции. При этом марксистский дискурс эксплуатации сохраняется, но она рассматривается как эксплуатация всех классов системой капитализма. Такая эксплуатация функциональна, может быть выявлена и оценена акторами, но сама по себе нейтральна, так как есть результат случайной системной конфигурации.

Тем самым в синтезе марксистского концепта отчуждения и эксплуатации, альтюссеровского концепта структурной позиции и синергетического концепта случайных факторов самоорганизации системы и формируется методология синергетического марксизма.

Познавательная проблема синергетического марксизма – это проблема, в том числе и политологическая. Эволюция глобального общества есть возможность глобального публичного проектирования и направленного развития, это проблема целедостижения, публичной власти и коллективного действия (политического участия). Синергетический марксизм может стать методологией более глубокого познания политического как отношений не между людьми в капиталистической системе, а между людьми и капиталистической системой.

Мы исходим из того, что история марксистской мысли продолжается и марксистская методология может служить на благо социального познания. Для этого необходимо рассматривать марксизм как открытую теорию, способную аккумулировать лучшие достижения других методологических подходов. Методологический потенциал синергетики активно используется в социальных науках. Его синтез с марксизмом – дело сегодняшнего времени. К началу XXI в. современный марксизм подошел к осмыслению глобальности, однако без должного методологического инструментария. Синергетика может дать марксизму математический аппарат, а марксизм синергетике – социализацию в рамках критической теории общества. Синергетический марксизм – это возможность марксистской мысли в условиях ее методологического предела.

Библиографические ссылки

1. Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000.
2. Энгельс Ф. Ф. Энгельс – Ф. Келли-Вишневецкой. 27 января 1887 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения : в 50 т. ; 2-е изд. М., 1964. Т. 36. С. 503–505.
3. Андерсон П. Размышления о западном марксизме. М., 1991.
4. Кагарлицкий Б. Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М., 2005.
5. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. М., 2003.
6. Фромм Э. Из плена иллюзий. Как я столкнулся с Марксом и Фрейдом // Душа человека / ред.-сост. П. С. Гуревич. М., 1992. С. 299–374.
7. Сартр Ж.-П. Проблемы метода. М., 1993.
8. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкоснов. запас. Дебаты о политике и культуре. 2011. № 3. С. 14–58.
9. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М., 2007.
10. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000.
11. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2009.
12. Негри А. Наступает ли кончина государства-нации? «Империя» как высшая стадия империализма // Анархия. Антология современного анархизма и левого радикализма : в 2 т. ; сост. А. Цветков. М., 2003. Т. 2. С. 315–320.
13. Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004.
14. Маркузе Г. Пересмотр концепции революции [Электронный ресурс] // Скепсис. URL : http://sceptsis.net/library/id_3442.html (дата обращения: 28.01.2017).
15. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999.
16. Хабермас Ю. Догоняющая революция и потребность в пересмотре левых идей. Что такое социализм сегодня? // Политические работы / сост. А. В. Денежкина. М., 2005. С. 147–178.
17. Альтюссер Л. За Маркса. М., 2006.
18. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006.
19. Бабосов Е. М. Актуальные направления применения теории сложности в социологических исследованиях // Социология. 2016. № 1. С. 6–16.
20. Хакен Г. Синергетика: иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М., 1985.
21. Можейко М. А. Постмодернизм и синергетика: формирование методологии нелинейного моделирования в философии и науке // Социология. 2013. № 4. С. 15–33.
22. Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. М., 1990.

References

1. Derrida J. [Of grammatology]. Moscow, 2000 (in Russ.).
2. Engels F. [F. Engels – F. Kelli-Vishnevetskoi. 27 January 1887]. In: K. Marx, F. Engels. [Collected works]. Moscow, 1964. Vol. 36. P. 503–505 (in Russ.).
3. Anderson P. [Considerations on Western Marxism]. Moscow, 1991 (in Russ.).
4. Kagarlitskii B. Yu. [Marxism: not recommended for training]. Moscow, 2005 (in Russ.).
5. Marcuse H. [Eros and civilization]. Moscow, 2003 (in Russ.).
6. Fromm E. [Beyond the chains of illusion: my encounter with Marx and Freud]. In: P. S. Gurevich (ed.). [The soul of man]. Moscow, 1992. P. 299–374 (in Russ.).
7. Sartre J.-P. [Method problems]. Moscow, 1993 (in Russ.).
8. Althusser L. [Ideology and ideological state apparatuses (notes towards an investigation). *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*. 2011. No. 3. P. 14–58 (in Russ.).
9. Baudrillard J. [A critique of the political economy of the sign]. Moscow, 2007 (in Russ.).
10. Baudrillard J. [The transparency of evil]. Moscow, 2000 (in Russ.).
11. Baudrillard J. [Symbolic exchange and death]. Moscow, 2009 (in Russ.).
12. Negri A. [Is the demise of the nation state coming? «Empire» as the highest stage of imperialism]. In: A. Tsvetkov (ed.). [Anarchy. Anthology of modern anarchism and left radicalism]. Moscow, 2003. Vol. 2. P. 315–320 (in Russ.).
13. Hardt M., Negri A. [Empire]. Moscow, 2004 (in Russ.).
14. Marcuse H. [Re-examination of the concept of revolution]. *Skepsis*. URL: http://sceptsis.net/library/id_3442.html (date of access: 28.01.2017) (in Russ.).
15. Zizek S. [The sublime object of ideology]. Moscow, 1999 (in Russ.).
16. Habermas J. [The rectifying revolution and the need for new thinking on the left. What does socialism mean today?]. In: A. V. Denezhkina (ed.). [Political works]. Moscow, 2005. P. 147–178 (in Russ.).
17. Althusser L. [For Marx]. Moscow, 2006 (in Russ.).
18. Hardt M., Negri A. [Multitude: war and democracy in the age of Empire]. Moscow, 2006 (in Russ.).
19. Babosov E. M. Actual directions of using the theory of complexity in sociological researches. *Sotsiologiya*. 2016. No. 1. P. 6–16 (in Russ.).
20. Haken G. [Synergetics, instability hierarchies of self-organizing systems and devices]. Moscow, 1985 (in Russ.).
21. Mozheiko M. A. Postmodernism and synergy: formation of methodology of nonlinear modelling in philosophy and science. *Sotsiologiya*. 2013. No. 4. P. 15–33 (in Russ.).
22. Prigogine I., Nicolis G. [Exploring complexity]. Moscow, 1990 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 29.05.2017.
Received by editorial board 29.05.2017.

РОЕВАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ИСКУССТВЕННЫЕ СЕТИ ФИЛАМЕНТОВ АКТИНА

А. Н. ШУМАН¹⁾

¹⁾ Университет информационных технологий и управления, ул. Сухарского, 2, 35-225, г. Жешув, Польша

Рассматривается искусственная сеть филаментов актина как среда вычисления с позиции информатики. Эта сеть является самым важным элементом в удержании формы клетки и обеспечении ее подвижности. Показано, что сеть филаментов актина ответственна за все изменения формы клетки, например за деление одной клетки в две дочерние, за деформации клетки посредством растущих псевдоподий во время питания. Указывается на то, что филаменты актина собираются и демонтируются с течением времени, и, как следствие, мы сталкиваемся с постоянной сборкой и разборкой сетей филаментов актина. Алгоритмы данной сети реализуются в роевом поведении, примерами которого являются: рой насекомых, стая птиц, табун лошадей, косяк рыб. Отмечается, что с позиции бихевиоризма данное поведение считать социальным можно, однако с позиции символического интеракционизма – нельзя. Представлены примеры роевого (несоциального коллективного) поведения среди людей.

Ключевые слова: роевая рациональность; филаменты актина; роевое поведение; социальное поведение.

SWARM INTELLIGENCE AND ARTIFICIAL NETWORKS OF ACTIN FILAMENTS

A. N. SCHUMANN^a

^a University of Information Technology and Management, Suharskaga Street, 2, 35-225, Rzeszow, Poland

In the paper we consider an artificial network of actin filaments as a computational medium from the point of view of computer science. This network is a main factor in keeping the cell shape and in the cell motility. The matter is that the actin filament network is responsible for the cell deformation, e. g. for the cell division into two cells, for growing pseudopodia for feeding. Meanwhile, actin filaments assemble and disassemble in course of time. As a consequence, we face the permanent appearing and disappearing filaments. This network possesses algorithms which are realizable in any swarm behaviour. Its examples are as follows: insect swarm, bird flock, horse herd, fish school. From the standpoint of behaviourism, this behaviour is social. However, from the standpoint of symbolic interactionism, it is not. In the paper there are given examples of swarm (non-social collective) behaviour of human beings.

Key words: swarm intelligence; actin filaments; swarm behaviour; social behaviour.

Поведение клетки достаточно разумно. Она постоянно обменивается информацией со средой: получает извне сигналы, чаще механические или химические, и реагирует на них изменением своей структуры или перемещениями. Особенно хорошо видны реакции клетки на внешние сигналы на примере одноклеточных организмов, таких как

амеба (*Amoeba proteus*). Этот организм в зависимости от появления новых стимулов постоянно меняет форму или локализацию.

Актин – это белок, который отвечает за реакции клетки на внешние раздражители. При некоторых условиях он образует филаменты – небольшие нити, которым свойственна поляризация.

Образец цитирования:

Шуман А. Н. Роевая рациональность и искусственные сети филаментов актина // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 2. С. 59–64.

For citation:

Schumann A. N. Swarm intelligence and artificial networks of actin filaments. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 2. P. 59–64 (in Russ.).

Автор:

Андрей Николаевич Шуман – кандидат философских наук, доцент; заведующий кафедрой когнитивистики.

Author:

Andrew Schumann, PhD (philosophy), docent; head of the department of cognitive science.
andrei.shumann@gmail.com

Последние, в свою очередь, могут сплетаться в деревья или образовывать решетку.

В случае появления сигнала происходит полимеризация актинов в филаменты и образование сетей актиновых филаментов. Например, амeba сталкивается с аттрактантом (феромонами, которые сигнализируют о еде). В этот момент начинают синтезироваться сети филаментов актина, которые вытягивают мембрану амебы так, чтобы образовались псевдоподии (щупальца). Они окружают предполагаемый участок с едой и захватывают пищу. Механизм этого перемещения сводится к реакциям актина. При наличии химического сигнала для амебы, который исходит от еды, актин собирается в сети филаментов, чтобы создать у стенок мембраны напряжение, достаточное для того, чтобы мембрану вытянуть в щупальце.

Образованием сетей филаментов на нужных участках актин помогает клетке реагировать на внешние раздражители. Сети филаментов отвечают за защиту мембраны от механических повреждений. Фактически сети филаментов актина служат мобильным скелетом клетки.

В своем исследовании мы попытаемся разработать динамическую сеть – *искусственную сеть филаментов* (ИСФ) [1] – по аналогии с искусственной нейронной сетью. Для этого необходимо выявить класс вычислительных задач для ИСФ, таких как обработка информации, управление процессами больших данных, навигация, распознавание образов и т. д. ИСФ может найти в последующем огромное число различных коммерческих приложений. Дело в том, что ИСФ – это сильное обобщение искусственных нейронных сетей и может использоваться более эффективно, чем последние. Предлагаем представить ИСФ как новую теорию игр, которая может быть применена в формализации судебных процессов в рамках электронного правосудия.

В ходе проекта *PhyChip*¹ мы разработали схему, которая может программировать поведение плазмодиев [2]. Расширим ее до общей теории ИСФ как теории массивно-параллельного поведения появляющихся и исчезающих агентов с постоянным изменением топологии их связей.

В основе инновационной идеи ИСФ лежит программирование структуры больших данных и представление их как процесса вычисления. Филаменты актина станут биовдохновленной моделью больших данных. Предварительные результаты можно охарактеризовать как новую теорию игр, способную моделировать системы связей между миллионами подвижных агентов. Эти результаты могут использоваться не только в электронном правосудии, но и в анализе рынков, интеллектуальном анализе и т. д.

В ходе проекта *PhyChip* мы выяснили, что в поведении плазмодия действуют те же алгоритмы стимулирования поведения через репелленты и аттрактанты, что и у любого роя. Например, *prokaryote*, одноклеточный организм с отсутствием четкой мембраны для ядра (*karyon*), может создавать колонии в форме плазмодия. Эти колонии называются биофильмами [3]. Клетки в биофильмах организованы в динамические сети и могут передавать сигналы (так называемое считывание кворума). Данные бактерии считаются социальными. Социальные насекомые могут быть проиллюстрированы на примере муравьев – насекомых семьи *Formicidae*. Они способны к разделению труда: строят полноценное общество своего гнезда даже с возможностью делать муравьев иных колоний рабами [4]. Кроме того, *Synalpheus regalis sp.*, разновидность креветок, которые обычно живут в коралловых рифах, демонстрируют коллективное поведение наподобие поведения муравьев [5]. Среди креветок той же колонии есть размножающаяся самка и рабочие креветки. Подобное муравьям устройство колонии наблюдается и среди некоторых млекопитающих, например среди голых землекопов (*Heterocephalus glaber sp.*) [6]. В каждой колонии есть только одна королева и от одного до трех самцов для воспроизводства, в то время как другие члены колонии – только рабочие. Такое же коллективное поведение типично для дамарских пескороев (*Fukomys damarensis sp.*), другой разновидности млекопитающего: у них тоже есть одна королева и много рабочих [7].

Все эти типы поведения роя можно моделировать поведением плазмодия, изученным нами. Иными словами, это поведение формализуемо как ИСФ.

Группа людей, например пешеходов, также может следовать поведению роя, такому как табуны лошадей или косяк рыб: пешеходы предпочитают избегать человека, условно назначенного ими в качестве потенциального хищника; если существенная часть группы (не менее чем 5 %) меняет направление, то остальные следуют в этом новом направлении (например, следуют за не менее чем 5 % пешеходов, идущими на красный сигнал светофора) [8]. Основываясь на муравьином алгоритме, можно объяснить регистрацию пассажиров на авиарейсы [9]. При условии панического бегства большая часть людей реализует поведение роя [7]. Известно, что любым роем можно управлять, размещая в нужных местах раздражители: аттрактанты и репелленты. Это было выявлено нами в ходе проекта *PhyChip*, т. е. мы можем даже проектировать логические цепи, основанные на топологии раздражителей [10–12].

¹Подробнее см.: www.phychip.eu.

Данная модель интеллекта, воплощенная в любом роде, зависит от сетей филаментов актина. Дело в том, что на уровне филаментов актина мы имеем дело с главными механизмами роевого интеллекта в оптимизации перемещений [13–15]:

- боковой активацией (lateral activation, LA), являющейся структурированием сети, при которой определенные единицы активизировали своих соседей для увеличения их собственной реакции;
- боковым торможением (lateral inhibition, LI), являющимся структурированием сети, при котором определенные единицы запрещали своим соседям возбуждаться.

Таким образом, модель сетей филаментов актина становится фундаментальной для всех роев: от бактерий до людей, потому что LA и LI в реакциях на побудители протекают на подклеточном уровне филаментов актина (и именно LA и LI отвечают за оптимизацию логистики).

В судебных процессах также имеют место LA и LI. Так, в модели предпочтения в гражданских делах, которую условно можно назвать компромиссной, действует LA, а в модели предпочтения в уголовных делах, которую условно можно назвать бескомпромиссной, действует LI. Дело в том, что в гражданских делах объекты предпочтения равномерно рассредоточены, поэтому возможны компромиссы. А вот в уголовных делах объекты предпочтения сконцентрированы и компромисса быть не может.

В машинном обучении используются некоторые биологически инспирированные сети – искусственные нейронные сети, имеющие фиксированный набор процессоров, которые вовлечены в вычисления. Однако элементарные вычислительные единицы, понимаемые как процессоры, в реальных биологических или социальных сетях никогда не зафиксированы. Они постепенно собираются и разбираются в реакциях на различные напряжения и выступают внешними условиями. Один из лучших примеров таких единиц в биологических сетях представлен сетями филаментов актина. Их сети являются самыми важными элементами в удержании формы клетки и обеспечении ее подвижности. Дело в том, что сети филаментов актина ответственны за изменения формы клетки, например за деление одной клетки в две дочерние, деформацию клетки посредством растущих псевдоподий во время питания. Филаменты актина собираются и демонтируются с течением времени. Как следствие, мы сталкиваемся с постоянной сборкой и разборкой сетей филаментов актина.

Подвижность плазмодия *Physarum polycephalum*, которая вполне разумна и может быть запрограммирована при использовании хемотаксиса для проектирования компьютеров на их средах, основана на сетях филаментов актина. Эти сети являются универсальным механизмом при при-

еме и дальнейшей передаче внешних побудителей/напряжений в любом биологическом организме. Химическими веществами можно управлять путем полимеризации и деполимеризации актина, т. е. сборки и разборки их филаментов. Например, с одной стороны, *cytochalasin B* строго запрещает формирование сетей филаментов актина; с другой стороны, *muscotoxin* *Mухомора phalloides* строго активизирует скопление всего G-актина клетки в филаменты, которые становятся Ph-актином и не могут более деполимеризоваться, и таким образом этот токсин устраняет любую динамику цитоскелета. Следовательно, теоретически мы можем предположить, что синтезировать и затем управлять/программировать ИСФ вполне возможно. Эта сеть фундаментальна при любой реакции клетки на раздражители. В результате эту искусственную сеть можно считать биологическим компьютером/чипом. Его вычислительные процессы магистральны для органического интеллекта в принципе. ИСФ обладает следующими вычислительными особенностями.

1. Речь идет о системе N_0, V_0, w_0 , где:

- N_0 является нефундированным набором процессоров, названных филаментами. Этот набор нефундирован, потому что невозможно разделить N_0 на атомы или хотя бы на исключающие подмножества n_j , которые формируют разбиение N_0 . Другими словами, процессоры постепенно перепроектируются и могут появляться, исчезать, менять собственные свойства;

- V_0 – ряд кортежей $\{(i_t, j_t): i_t, j_t \in N_0\}$, чьи элементы являются соединениями между филаментом i_t и филаментом j_t во временном шаге t . Следовательно, набор V_0 нефундирован, он может меняться, как и число его процессоров, с течением времени t ;

- w_0 – функция от V_0 до *R , где *R – множество гиперреальных чисел такое, что $w_0({}^*i, {}^*j)$, где ${}^*i = i_0, i_1, i_2, i_3, \dots, i_n$ и ${}^*j = j_0, j_1, j_2, j_3, \dots, j_n$, называют весом соединения между филаментом *i и филаментом *j при поэтапном движении ($t = 0, 1, 2, 3, \dots$). Заметим, что филамент *i может быть скрыт (не существовать) в фактическом времени.

2. Каждый филамент ведет себя как искусственный организм (например, как искусственная клетка):

- он может расти;
- его поведение может быть привлечено/направлено хемотаксисом. В клетках всегда есть филаменты актина, некоторые из них умирают, некоторые рождаются.

3. Каждая неустойчивая сеть филаментов актина ведет себя как искусственный рой:

- она может расти;
- ее поведение может быть привлечено/направлено хемотаксисом;
- может происходить сплав двух роев (двух сетей филаментов актина) в один рой (одну сеть);

• может наблюдаться расщепление одного роя (одной сети) в два роя (две сети). В клетках всегда существуют сети филаментов актина.

4. Каждая связанная сеть филаментов актина ведет себя как метарой: реагирует на механические внешние побудители и может быть лишь частично реорганизована. Поперечно связанные сети используются в клетках для того, чтобы передать механический сигнал, возбуждавший поверхность клетки. Эти силы генерируют волны напряжения ниже предела упругости. Последние быстро распространяются через слои напряжения актина. Такие внешние механические напряжения могут подразумевать диффузию сетей филаментов актина. Так, вращение вокруг их оси, соударяющее сети филаментов, может распрямлять сети, но в случае цитоскелета механический сигнал передается по сетям, не разрушая их. Как следствие, в ответ на физическую силу смещение слоя напряжения активизируется в цитоскелете.

Сети филаментов актина ответственны за разумные клеточные реакции на все внешние сигналы. Так, если будет создан искусственный белковый бульон, который станет роботом, решающим комплекс различных задач (обучение, ориентация в пространстве, принятие решений о перемещениях и т. д.), то он будет состоять из филаментов актина, управляемых нами. Для нас ИСФ – математическая модель самопрограммируемой социальной сети. В частности, процессоры могут включаться и выключаться так, что сама топология сети может сильно меняться со временем. В данной динамической сети реализуется массивно-параллельная игра. Именно в таком направлении можно реализовать искусственную сеть автоматического принятия, например судебных решений.

И вот здесь появляется важный социологический вопрос. Мы можем моделировать социальное поведение бактерий, муравьев, пчел, отдельных млекопитающих с помощью ИСФ. Является ли их поведение социальным?

Все эти образцы коллективного поведения, подобного муравьиному (уход за выводком и разделение труда на репродуктивные и нерепродуктивные группы), считаются формой полноценной социальности – высшим уровнем организации общения животных [16]. Тем не менее довольно спорно считать коллективное поведение роя социальным. Это возможно, если концентрироваться, во-первых, на внешних стимулах, управляющих людьми, и, во-вторых, на социальных ролях (рабочий, королева и т. д.) людей как функций полезности для группы как таковой, т. е. только в том случае, если мы следуем, во-первых, за бихевиоризмом, представляющим любое коллективное поведение как сложную систему, которой управляют с помощью стимулов (особенно поощрения и наказания) [17], во-вторых, если мы разделяем идеи

структурного функционализма, рассматривающего целостность общества как систему функций (ролей) ее элементов [18]. Когда мы принимаем и бихевиоризм, и структурный функционализм, мы можем заявлять, что коллективное поведение животных, от социальных бактерий до социальных насекомых и млекопитающих, имеет те же основные паттерны поведения, которые проявляются и у людей.

Однако существуют различные подходы к социальному. Один из подходов, альтернативных бихевиоризму и структурному функционализму, представлен символическим интеракционизмом. Согласно ему коллективное поведение считается социальным, если в процессе взаимодействия возникают символические значения, проистекающие из взаимодействия агентов [19]. Другими словами, социальное поведение невозможно без материальной культуры, например без использования некоторых инструментов, всегда имеющих символические значения. Очевидно, в этом смысле коллективное поведение муравьев не может быть расценено как социальное. Для муравьев нет никаких инструментов и символических значений.

Но не только люди реализуют социальное поведение в значении символического интеракционизма. Известно, что дикие афалины (*Tursiops sp.*) «очевидно пользуются морскими губками в качестве инструментов для добывания еды» (перевод наш. – А. Ш.) [20], т. е. и такое поведение не может быть объяснено генетически или экологически. Перед нами – пример материальной культуры, и эта культура передается, по-видимому, матерями [20].

Кроме того, шимпанзе привлекают в свое взаимодействие инструменты – большие и маленькие палки и камни [21]. Обнаружено 39 различных моделей поведения шимпанзе, включающего использование инструмента [21]. Довольно интересный факт: некоторые образцы поведения шимпанзе в одном сообществе отсутствуют в других сообществах, т. е. можно говорить о различных традициях материальных культур шимпанзе [21]. Следовательно, коллективное поведение шимпанзе может быть оценено как отчасти социальное.

Так, в пределах символического интеракционизма нельзя рассматривать сложное коллективное поведение муравейника как социальное. Несocialное устойчивое коллективное поведение мы будем называть роевым. Его можно продемонстрировать на примере роя насекомых, стаи птиц, табуна лошадей, косяка рыб. В рое животные ведут себя коллективно. Так, в косяке или стае каждое животное старается двигаться в том же направлении, что и его сосед, оставаясь поблизости со своими соседями, но избегая столкновений с ними [22].

Группа людей, например пешеходов, также может следовать поведению роя [23]. Основанный на муравьях алгоритм может объяснить поведение посадки на самолет [9]. В ситуации паники

большинство людей также следуют алгоритмам поведения роя [23]. Дело в том, что риск перед хищником является главной особенностью роя [24], и в условиях риска (таких как террористический акт) быстро уменьшаются символические значения для возможных человеческих взаимодействий. Как следствие, социальное поведение преобразовывается в поведение роя.

Таким образом, стоит отличать поведение роя от социального поведения. Первое реализуется без символических взаимодействий, хотя может быть сложным и иметь элементы коллективного принятия решения. Риск перед опасностью является главной причиной сворачивания символических взаимодействий в человеческом коллективном поведении, но существуют иные факторы – факторы зависимости. Зависимость повышает роль внешних стимулов, т. е. аттрактантов. Стимулы, вызывающие зависимость – алкоголь, морфий, кокаин, половые сношения, азартные игры и т. д.

Известно, что любым роем можно управлять путем распределения стимулов (аттрактантов и репеллентов) [2], т. е. можно проектировать логические схемы, основанные на топологии стимулов [10]. Для роя нет символических значений, поведение полностью определяется внешними стимулами.

Зависимость от алкоголя воплощает версию роевого интеллекта для оптимизации действий по распитию алкоголя. Совместно с В. Фрисом, представителем частного медицинского унитарного предприятия «Исцеление» (г. Минск, Беларусь) мы проводили исследование, в ходе которого были опрошены 107 человек, страдающих алкоголизмом.

Все респонденты подтвердили, что предпочитают распивать алкогольные напитки в небольших компаниях от 3 до 7 человек, но при этом они готовы присоединиться к другим небольшим группам. Количество стабильных друзей для алкогольного возлияния – от 2 до 5. Анализ показал, что 63 % опрошенных считают, что семья и работа препятствуют им в употреблении алкоголя.

Эти небольшие группы от 3 до 7 человек могут рассматриваться как человеческий рой, помогающий его участникам распивать спиртное в безопасности, а также оптимизировать задачу распития спиртных напитков. 85 % респондентов отметили, что, если у них нет денег, члены группы всегда готовы заплатить за напитки; 91 % опрошенных считают, что могут купить алкоголь для кого-либо из группы, не имеющего на данный момент средств.

То есть присутствует некая солидарность в оптимизации совместного распития спиртного.

В группах, состоящих только из мужчин, распивают 35 % респондентов, в группах смешанного пола – 65 %. Половое поведение в таких случаях невеличается.

В случае вовлечения новых участников в группы доминируют следующие причины: эти новые участники – соседи или коллеги; они готовы расплатиться за алкоголь. Вход в новые группы возможен по приглашению друга или знакомого. Группы достаточно дружелюбны, единственная причина конфликтов – ссоры из-за регулярного нежелания платить. Так, 32 % опрошенных отметили, что готовы исключить одного участника из своей группы.

Только 28 % респондентов заявили, что в их группах есть лидеры. Это мужчины или женщины, перешагнувшие 40-летний рубеж. Лидерство состоит в поддержке группового интереса совместного распития спиртного.

Алкоголики формируют сеть, состоящую из нескольких небольших групп. И задача оптимизации совместного распития алкоголя решается не малой группой, а целой сетью, т. е. несколькими группами. Каждая небольшая группа зависимых появляется и исчезает при различных условиях. Сеть алкоголиков реализует алгоритмы ИСФ: рои сливаются и разделяются перед аттрактантами для оптимизации их эксплуатирования. Внешние стимулы (аттрактанты) для амебы – куски питательных веществ. Аттрактанты для алкоголиков представляются местами, где они могут безопасно выпивать в небольших группах. Это квартира или определенное место на улице. При этом 38 % опрошенных предпочитают пить в одном и том же месте, 62 % – в различных местах.

Как видим, зависимые от алкоголя люди реализуют версию роевого интеллекта для оптимизации распития спиртных напитков при различных условиях. В случае, если группы разделяются, мы сталкиваемся с LA, а в случае, если группы объединяются, мы имеем дело с LI.

Небольшие группы алкоголиков рассматриваются нами как вид человеческого роя. Эти рои строят сеть, в пределах сети алкоголики могут свободно перемещаться от одного роя к другому.

Таким образом, роевое поведение следует отличать от социального. Социальное поведение строится на символических значениях. В роевом поведении людей эти символические значения редуцируются.

References

1. Schumann A. Toward a Computational Model of Actin Filament Networks. *Proc. of the 9th Int. Joint Conf. on Biomed. Eng. Syst. and Technol.* 2016. Vol. 4. P. 290–297.
2. Adamatzky A., Erokhin V., Grube M., et al. Physarum Chip Project: Growing Computers From Slime Mould. *Int. J. Unconv. Comput.* 2012. Vol. 8, No. 4. P. 319–323.

3. Costerton J. W., Lewandowski Z., Caldwell D. E., et al. Microbial biofilms. *Annu. Rev. Microbiol.* 1995. Vol. 49. P. 711–745.
4. D’Ettorre P., Heinze J. Sociobiology of slave-making ants. *Acta Ethol.* 2001. Vol. 3, issue 2. P. 67–82. DOI: 10.1007/s102110100038.
5. Duffy J. E. The ecology and evolution of eusociality in sponge-dwelling shrimp. In: T. Kikuchi (ed.). *Sapporo Genes, Behavior, and Evolution in Social Insects*. Japan, 2002. P. 1–38.
6. Jarvis J. U. M., Bennett N. C. Eusociality has evolved independently in two genera of bathyergid mole-rats but occurs in no other subterranean mammal. *Behav. Ecol. Sociobiol.* 1993. Vol. 33, issue 4. P. 253–260. DOI: 10.1007/BF02027122.
7. Jacobs D. S., Bennett N. C., Jarvis I. U. M., et al. The colony structure and dominance hierarchy of the Damara-land mole-rat, *Cryptomys damarensis* (Rodentia: Bathyergidae) from Namibia. *J. Zool.* 1991. No. 224 (4). P. 553–576. DOI: 10.1111/j.1469-7998.1991.tb03785.x.
8. Helbing D., Keltsch J., Molnar P. Modelling the evolution of human trail systems. *Nature*. 1997. No. 388. P. 47–50.
9. John A., Schadschneider A., Chowdhury D., Nishinari K. Characteristics of ant-inspired traffic flow. *Swarm Intell.* 2008. Vol. 2, issue 1. P. 25–41. DOI: 10.1007/s11721-008-0010-8.
10. Schumann A. p-Adic valued logical calculi in simulations of the slime mould behavior. *JANCL*. 2015. No. 25 (2). P. 125–139.
11. Schumann A. Syllogistic Versions of Go Games on Physarum Polycephalum. In: A. Adamatzky (ed.). *Advances in Physarum Machines. Emergence, Complexity and Computation*. United Kingdom, 2016. P. 651–685.
12. Schumann A., Akimova L. Syllogistic System for the Propagation of Parasites. The Case of Schistosomatidae (Trematoda: Digenea). *Stud. Log. Gramm. Rhetor.* 2015. Vol. 40, issue 1. P. 303–319.
13. Jones J. D. Towards Lateral Inhibition and Collective Perception in Unorganised Non-Neural Systems. In: K. Pancerz, E. Zaitseva (eds). *Computational Intelligence, Medicine and Biology*. Berlin, 2015.
14. Schumann A., Akimova L. Syllogistic System for the Propagation of Parasites. The Case of Schistosomatidae (Trematoda: Digenea). *Stud. Log., Gramm. Rhetor.* 2015. Vol. 40, issue 1. P. 303–319.
15. Schumann A., Woleński J. Two Squares of Oppositions and Their Applications in Pairwise Comparisons Analysis. *Fund. Inform.* 2016. Vol. 144, issue 3–4. P. 241–254.
16. Michener Ch. D. Comparative Social Behavior of Bees. *Annu. Rev. Entomol.* 1969. Vol. 14. P. 299–342. DOI: 10.1146/annurev.en.14.010169.001503.
17. Skinner B. F. *About Behaviorism*. N. Y., 1976.
18. Parsons T. *Social Systems and The Evolution of Action Theory*. N. Y., 1975.
19. Blumer H. *Symbolic Interactionism. Perspective and method*. Englewood Cliffs, 1969.
20. Krützen M., Mann J., Heithaus M. R., et al. Cultural transmission of tool use in bottlenose dolphins. *PNAS*. 2005. Vol. 102, issue 25. P. 8939–8943. DOI: 10.1073/pnas.0500232102.
21. Whiten A., Goodall J., McGrew W. C., et al. Cultures in Chimpanzees. *Nature*. 1999. Vol. 399 (6737). P. 682–685.
22. Viscido S., Parrish J., Grunbaum D. Individual behavior and emergent properties of fish schools: a comparison of observation and theory. *Mar. Ecol. Prog. Ser.* 2004. No. 273. P. 239–249.
23. Helbing D., Keltsch J., Molnar P. Modelling the evolution of human trail systems. *Nature*. 1997. Vol. 388. P. 47–50.
24. Abrahams M., Colgan P. Risk of predation, hydrodynamic efficiency, and their influence on school structure. *Env. Biol. Fishes*. 1985. Vol. 13, issue 3. P. 195–202.

Б

IOGRAPHIES OF SCIENTISTS

УДК 929 Каценбоген +316(476)(092)

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССОРА С. З. КАЦЕНБОГЕНА (1889–1946)

А. Н. МАКСИМЧИК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Посвящена известному советскому социологу и философу С. З. Каценбогену. На основе архивных документов раскрывается его деятельность в сфере науки и педагогики, на посту заместителя ректора Белорусского государственного университета, на высоких должностях ряда российских университетов. Приводятся ранее неизвестные факты его биографии, а также хронологический указатель его трудов.

Ключевые слова: С. З. Каценбоген; история социологии; Белорусский государственный университет.

LITTLE KNOWN PAGES OF BIOGRAPHY AND ACTIVITIES OF PROFESSOR S. Z. KATSENBOKEN (1889–1946)

A. N. MAKSIMCHIK^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article is devoted to the prominent Soviet sociologist and philosopher C. Z. Katsenbogen. On the basis of archival documents reveals its activity in the sphere of science and pedagogy in the post of deputy rector of the Belarusian State University and other Russian universities. Contains previously unknown facts of his biography and chronological list of his works.

Key words: C. Z. Katsenbogen; history of sociology; Belarusian State University.

Образец цитирования:

Максимчик А. Н. Малоизвестные страницы биографии и деятельности профессора С. З. Каценбогена (1889–1946) // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 2. С. 65–86.

For citation:

Maksimchik A. N. Little known pages of biography and activities of professor S. Z. Katsenbogen (1889–1946). *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 2. P. 65–86 (in Russ.).

Автор:

Андрей Николаевич Максимчик – кандидат исторических наук; доцент кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени исторического факультета.

Author:

Andrey Maksimchik, PhD (history); associate professor at the department of Modern and Contemporary history of Belarus, faculty of history.
forest_child@list.ru

В летопись Белорусского государственного университета Соломон Захарович Каценбоген¹ вписан как первый заместитель первого ректора. Он занимает заслуженное место в ряду отцов-основателей ведущей альма-матер Беларуси. Полагаем, 95-летний юбилей со дня рождения БГУ – хороший повод задаться вопросом: а что мы знаем о первых сотрудниках университета? Когда и почему они сделали свой выбор в пользу работы в его стенах? Как сложилась их судьба? Какой след они оставили после себя? Ответы на эти, как и на многие другие вопросы, не будут исчерпывающими и однозначными, в каждом из них живет своя не до конца раскрытая логика и история. Однако попытки приблизиться к поиску ответов с помощью документов и других свидетельств той эпохи могут предоставить крайне важную, оригинальную и ценную информацию для осмысления не только истории становления высшей школы в Беларуси, но и той пространственно-временной среды, в которой жили и работали университетские педагоги. Адресуя эти вопросы к личности С. З. Каценбогена, невольно приходишь к мысли о том, что ответы на них получить практически невозможно, поскольку биографические сведения о нем и его деятельности сужены до формата энциклопедической статьи², которую к тому же не всегда можно встретить в соответствующих изданиях³. Структура и содержание статей, в свою

очередь, очень похожи на личный листок по учету кадров, заполнение пунктов которого объективно не позволяет раскрыть многогранную личность этого человека.

Частично дефицит информации о деятельности Соломона Захаровича в разные периоды времени восполняется благодаря публикациям, посвященным кругу его научных интересов⁴ и местам работы⁵. Впечатления о педагогическом стиле, а также любопытные штрихи к его портрету оставили в своих воспоминаниях студенты С. З. Каценбогена⁶. Широта его научно-исследовательского кругозора восстанавливается на основе составления перечня статей, опубликованных в газетах и журналах, трудов, изданных отдельными брошюрами, книгами и в тематических сборниках.

Работа с архивными документами показала, что за скобками остался внушительный пласт информации, позволяющий существенно заполнить пробелы в его биографии, а также скорректировать уже известные данные о нем. К тому же в процессе сбора материала удалось найти внуков Соломона Захаровича, в личных архивах которых хранятся уникальные документы, принадлежавшие их известному деду (личные вещи, фотодокументы, удостоверения, письма и т. д.). Этот комплекс критически осмысленных исторических источников положен в основание данной статьи, целью которой

¹В документах встречается двоякое написание фамилии: Каценбогин и Каценбоген. Точных объяснений этому нет, требуются дополнительные исследовательские изыскания по генеалогии его семьи.

²Каценбоген // *Беларуская савецкая энцыклапедыя* : у 12 т. Мінск, 1972. Т. 5. С. 523; Прафесары і дактары навук Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, 1921–2001 / склад. А. А. Яноўскі. Мінск, 2001; *Елсуков А. Н., Данилов А. Н.* Каценбоген // *Соціологічная энцыклапедыя* / А. Б. Александрова [и др.] ; под общ. ред. А. Н. Данилова. Минск, 2003. С. 134; *Уральский государственный университет в биографиях* / сост. В. А. Мазур ; под общ. ред. А. В. Подчиненова. Екатеринбург, 2010; *Каценбоген // Культура Беларусі : энцыклапедыя* : у 6 т. / рэдкал.: У. Ю. Аляксандраў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2013. Т. 4. С. 428; *Набойченко С. С.* История высшей школы Свердловской области. Екатеринбург, 2013. С. 129.

³Отдельной статьи о нем нет в 6-томном издании «Энцыклапедыя гісторыі Беларусі» (Мінск, 1993–2003) и 18-томном издании «Беларуская энцыклапедыя» (Мінск, 1996–2004).

⁴*Вайтовіч А. У., Курловіч-Бяляўская П. С.* «Если бы на мою долю выпала честь преподавать первобытную культуру и археологию в Белгосуниверситете...», або Універсітэцкая археалогія ў 1921–1931 гг. // *Росс. и славян. исслед. : науч. сб. / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. ред.) [и др.].* 2015. Вып. 10. С. 240–248; *Елсуков А. Н., Гуцаленко Л. А., Титаренко Л. Г. и др.* Социология в Белорусском государственном университете: этапы становления и развития // *Вестник БГУ. Сер. 3. Гісторыя. Эканоміка. Права.* 2010. № 1. С. 3–6; *Социология в Белорусском государственном университете: история, факты, документы* / А. Н. Данилов [и др.]. Минск, 2006; *Яновский О. А., Баранова Е. В.* Истоки университетской социологии в Беларуси: архивные материалы и размышления историков // *Социология.* 2007. № 4. С. 10–20; *Яноўскі А. А.* Замежныя камандзіроўкі гісторыкаў БДУ: творчыя здабыткі і зломы лёсаў // *XXI век: актуальныя праблемы гістарычнай навуцы : материалы міжнарод. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ (Минск, 15–16 апр. 2004 г.)* / редкол.: В. Н. Сидорцов. (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2004. С. 5–8; *Новік І.* Апалагетыка, пошукі саюзнікаў і барацьба за артадоксію ў 1920-я гады. Роля беларускіх савецкіх філосафаў у паўстанні канону савецкага марксізму // *Палітыч. сфера.* 2013. № 21. С. 29–54; *Аникин Л. С.* Возвращение забытых имен: С. З. Каценбоген // *Социология жизни: преемственность и развитие исследовательских традиций* : сб. науч. тр. / под ред. Н. В. Шахматовой. Саратов, 2010. С. 5–12.

⁵*Семенов В. Н.* Ректоры Саратовского университета: факты жизни и деятельности. Саратов, 1999; *История Саратовского университета. 1909–2009* : в 2 т. / А. И. Аврук [и др.]. Саратов, 2009. Т. 1; *Попов М. В., Суворов М. В.* Подготовка учительских кадров в Свердловске во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. // *Педагог. образ. в России.* 2014. № 7. С. 155–161; *Аникин Л. С., Немерюк Е. Е.* С. З. Каценбоген и развитие социологии в Саратове // *Российское общество в зеркале социологии* : сб. науч. тр. / под ред. Г. В. Дильнова. Саратов, 2007. С. 260–265.

⁶*Полторацкая М. А.* Советская аспирантура (из пережитого) // *Записки русской академической группы в США.* 1967. Т. 1. С. 23–46; *Улашчык М.* Краязнаўства : нататкі пра бадзяні ў 1924–1929 гг. 3 рукапіснай спадчыны / падрыхт. тэксту і камент. Я. М. Кісялёвай, В. У. Скалабана ; рэдкал.: Н. М. Дзятчык [і інш.]. Мінск, 1999; *Черноухов А. В.* Исторический факультет Свердловского университета. 1938–1945. Екатеринбург, 2008; *Ермолаев В. А.* Без гнева и пристрастия. Записки историка / подгот. текста Т. В. Широкова ; вступ. ст. В. Н. Парфенова, В. А. Соломонова. Саратов, 2009.

является создание качественно нового, объемного портрета человека, сделавшего карьеру всесоюзного университетского управленца и оригинального ученого-энциклопедиста.

Информации о корнях и детстве Соломона Захаровича не так много. Установлено, что фамилия *Каценбогин* встречается в архивных документах г. Минска с 1834 г. Но если тогда в городе проживала только одна семья с такой фамилией, то уже к 1894 г. их количество выросло до пяти [1, с. 27, 38]. В одной из них и родился будущий всесоюзно известный вузовский управленец, ученый и педагог. В метрической книге о родившихся евреях в г. Минске раввином Авраамом Ханелесом была сделана запись следующего содержания: «...тысяча восемьсот восемьдесят девятого года десятого мая у минского мещанина Зусмана Шимоновича Каценбогина от его законной жены Гаиды Нисановны родился в г. Минске сын, коему семнадцатого того же мая при совершении над ним обряда обрезания по Моисеевому закону дано имя “Соломон”»¹ [2, л. 8]. Отец, по сведениям С. З. Каценбогена, до Октябрьского переворота примыкал к народолюбцам, за что вынужден был несколько лет скрываться в Германии [3, т. 3, л. 8], по возвращении служил бухгалтером в частной банкирской конторе, после 1917 г. – бухгалтером в Главлескоме. Мать Соломона Захаровича была домохозяйкой. В 1915 г. она умерла, а в 1927 г. умер отец [3, т. 1, л. 23; 4, л. 6]. О братьях и/или сестрах Соломона Захаровича точных сведений нет.

Найденные архивные документы предоставляют крайне интересные сведения и о годах учебы С. З. Каценбогена. В 1898 г. в девятилетнем возрасте он поступил в Седлецкую мужскую гимназию, но проучился там только до 1903 г., когда по рапорту попечителя Варшавского учебного округа А. Н. Шварца был исключен за организацию забастовки учащихся в Привисленском крае [3, т. 3, л. 8; 5, л. 36]. В этот период С. З. Каценбоген знакомится с основными идеями социал-демократии и в 1904 г. вступает в ряды еврейской социалистической партии «Бунд». Вернувшись в Минск, он принимает активное участие в забастовках и демонстрациях, ведет по заданию Бунда политработу. В конце 1904 г. вопреки желанию родителей Соломон переехал в Киев, где поступил в частную мужскую гимназию В. И. Петра. На новом месте юноша продолжил заниматься агитационной работой, за что в скором времени был отчислен. Во время одной из демонстраций в Киеве в 1905 г. был схвачен полицией, жестоко избит и административно выслан в Минск [3, т. 3, л. 8].

Пробыв около полугода в Минске, так и не получив заветного аттестата, Соломон решил попытаться счастья в частной еврейской гимназии М. М. Иглиц-

кого в Одессе. Однако и здесь он страстно «разбавлял» учебу агитационной работой среди учащейся молодежи: вел кружки по политической экономии, был частым гостем на рабочих собраниях. Не проучившись и года, он был отчислен и направился к родственникам в Гродно. В 1907 г. 18-летний юноша поступил в одну из частных гимназий города, которую благополучно окончил в 1910 г. Однако и там, как писал сам С. З. Каценбоген, «вел агитационную работу, будучи на нелегальных собраниях, читал доклады <...> энергично боролся с сионистами» [3, т. 1, л. 24], «был активнейшим организатором [агитационной работы среди. – А. М.] рабочих табачной фабрики Шерешевского» [3, т. 3, л. 8]. Отчетливое понимание того, что знания являются эффективным оружием в руках агитатора, мотивировало его к дальнейшей учебе.

В 1910 г. С. З. Каценбоген поступает на экономическое отделение Киевского коммерческого института, которым руководил известный белорусский историк М. В. Довнар-Запольский. Будучи студентом, Соломон обнаружил в себе склонность к «ученым исследованиям» и талант журналиста. В 1911 г. в популярном в молодежной среде киевском журнале «Огни» он опубликовал свою первую статью «Маховое колесо истории», также писал статьи на злободневные политические темы для одной из нелегальных газет Брест-Литовска. За время учебы опубликовал две одобренные институтом работы: «Крестьянские войны в Германии» (1912) и «Производственные силы Германии. К пересмотру русско-германского торгового договора» (1914). В институте состоял в религиозно-философском обществе, «вел педагогическую работу на различных курсах по истории культуры и социологии» [5, л. 37]. Как покажет дальнейшее профессиональное «вызревание» С. З. Каценбогена, киевский период в его жизни четко обозначил вектор будущей научной деятельности, выявив в нем качества педагога и ученого. Несмотря на загруженность в учебе, он успевал участвовать во всех политических выступлениях студентов. В ноябре 1910 г. с делегацией студенчества С. З. Каценбоген выезжал в Ясную Поляну на похороны Л. Н. Толстого [3, т. 1, л. 24].

Получив в 1914 г. свой первый диплом о высшем образовании, 25-летний экономист принял решение о продолжении учебы и направился в российскую столицу, где поступил на третий курс юридического факультета Петербургского психоневрологического института [2, л. 4]. Не исключено, что выбор места обучения был обдуманным и целенаправленным. Испытывая дефицит знаний в области социологии, Соломон Захарович связывал с этим учебным заведением заполнение пробелов в знаниях, поскольку именно в нем в 1911 г. была открыта первая в Российской империи ка-

¹Здесь и далее в цитатах сохранены орфография и пунктуация первоисточников. – А. М.

федра социологии, которую возглавляли ведущие специалисты того времени: М. М. Ковалевский, Е. В. Де Роберти, К. Н. Тахтарев. «Все время, – писал Соломон Захарович, – усиленно изучал политическую экономию, историю первобытной культуры и социологию» [3, т. 3, л. 8]. В институте он получил высокую профессиональную подготовку не только по праву, но и по другим областям знаний, что затем в полной мере проявилось в педагогической и научной деятельности.

Учебу он совмещал с работой: с августа по декабрь 1915 г. служил статистиком в страховом агентстве на Бакинских нефтяных промыслах, с января 1916 по декабрь 1917 г. – секретарем на кожевенном заводе «Земсоюза» в Бобруйске [3, т. 1, л. 23, т. 3, л. 8; 4, л. 6 об.]. Во время работы секретарем в жизни С. З. Каценбогена произошло важное событие: он познакомился со своей будущей женой Надеждой Зиновьевной, с которой оформил брачные отношения в 1916 г. От счастливого союза родилось трое детей: Евгений (1916, умер в младенческом возрасте?), Михаил (1917) и Эсфирь (1923) [6, л. 11].

Окончание института и получение второго диплома по специальности «Экономика и право» совпало с годом начала глубинных и масштабных трансформаций на всем постимперском пространстве, вызванных революционными потрясениями 1917 г. Для Соломона Захаровича, как человека, не успевшего запятнать свое реноме в служении рухнувшему режиму и имеющего высокий образовательный уровень на фоне острого дефицита специалистов для новой советской власти, открывались перспективы. Не будучи равнодушным ко всему происходящему в стране, он с головой окунулся в революционную работу. «При взрыве Февральской революции был одним из трех товарищей, организовавших первый Совет рабочих и солдатских депутатов в г. Бобруйске; товарищем Председателя Совдепа; гласным и секретарем гор. думы, заведующим отделом труда и биржей труда. Был членом, а в 1918 г. председателем Бобруйского комитета Бунда» – отмечал Соломон Захарович в автобиографии 1923 г. [3, т. 3, л. 8; 7, с. 261; 8, с. 138–139]. Карьера С. З. Каценбогена продолжала стремительно идти в гору: с июля 1918 по июнь 1919 г. он трудился в должности заместителя заведующего отделом социального обеспечения в Бобруйске, а затем был назначен заместителем Народного комиссариата социального обеспечения Литвы и Беларуси (июнь–август 1919 г.). Чуть меньше года С. З. Каценбоген являлся заместителем председателя особой продовольственной комиссии Западного военного округа (август 1919 – июль 1920 г.) в Смоленске [4, л. 9], одновременно работая в должности председателя Смоленской организации Бунда [9, с. 1146].

В этот период он активно начинает сотрудничать с ВКП(б), по предложению Смоленского комитета партии избирается членом Смоленского Совета рабочих депутатов. Тогда же, в 1920 г., Соломон Захарович сделал для себя очень важный в политическом смысле слова шаг – вступил в ряды ВКП(б).

После освобождения Минска от польских войск в июле 1920 г. Соломон Захарович, имевший за плечами богатейший опыт в области управления и выполнявший в себе качества руководителя, был назначен наркомом социального обеспечения ССРБ, в июле 1921 г. его перевели на должность заместителя наркома просвещения республики [4, л. 9; 10, л. 106].

Отношение подчиненных к своему начальнику, а также личные качества С. З. Каценбогена наглядно демонстрирует прощальное пожелание коллектива Народного комиссариата социального обеспечения по случаю перехода Соломона Захаровича на службу в Народный комиссариат просвещения (далее – Наркомпрос. – А. М.) в 1921 г. На оформленном с любовью листе бумаги было написано: «Высшие Советские органы нашли необходимым <...> вручить Вам судьбы Народного комиссариата просвещения, чтобы использовать Ваши научные познания и ценный административный опыт на поприще родной Вам по духу школы. <...> В трудное время пришлось Вам, Соломон Захарьевич, принять на себя организацию комиссариата социального обеспечения в июле п/г., когда Советская власть вступила в разоренную неоднократно и продолжительными оккупациями Белоруссию. Много сил потратили Вы тогда на приобретение необходимых Вам помощников и создание аппарата Учреждения. Преодолевая, однако, все организационные затруднения, Вы с полным сознанием важности стоящих перед Нарком СОБ задач, со свойственной Вам энергией, отдались их завершению. <...> Ваши отношения к многочисленным просителям носили всегда ровные и объективные формы. Нужда Ваших сотрудников постоянно находила в Вас живой отклик»¹ [1].

Несмотря на колоссальную административную загруженность, Соломон Захарович находил время для научной и педагогической работы, ведя ее преимущественно в партшколах и Коммунистическом университете Беларуси им. В. И. Ленина. В одной из минских школ он преподавал предмет «Пролетарская революция» [6, л. 1], в 1920 г. опубликовал книгу «Пролетариат и крестьянство (социологический труд)». Данное издание можно считать первым историко-социологическим исследованием в Беларуси, где автор, учитывая новые мировоззренческие тенденции, попытался оценить динамику хозяйственной жизни республики с позиций движения рабочей силы.

¹Материал извлечен из личного архива внука С. З. Каценбогена Григория Ефимовича Вершкайна.

С назначением С. З. Каценбогена на должность заместителя комиссара и заведующего административно-организационным центром в аппарате Наркомпроса республики (его возглавлял В. М. Игнатовский) начался новый виток в его жизни, который стремительно стал сближать советского чиновника с бурно развернувшимися мероприятиями по созданию университета в Минске. На страницах газет он активно отстаивал необходимость существенных преобразований в области просвещения ввиду наметившегося партийного курса в этом вопросе. Так, сущность реформы в области высшего образования сводилась к тому, что высшая школа, дававшая раньше строго научное образование, оторванное от жизни, перестала быть таковой и должна была служить прежде всего практическим государственным и местным жизненным потребностям, обеспечивать массовую подготовку специалистов для различных отраслей советского строительства.

Входя в состав коллегии Наркомпроса, С. З. Каценбоген 9 июля 1921 г. поставил свою подпись под постановлением наркомата о назначении в правление университета В. И. Пичеты, В. М. Игнатовского, М. Я. Фрумкиной и Ф. Ф. Турука, а также об утверждении кандидатуры В. И. Пичеты на пост ректора [11, л. 72]. Уже через два дня на торжественном собрании по случаю открытия университета С. З. Каценбоген выступил с инициативой отправить благодарственные телеграммы В. И. Ленину, Российской академии наук, Всеукраинской академии наук, Московскому государственному университету, Петроградскому государственному университету, Киевскому университету [12, с. 22].

Вопрос о переходе С. З. Каценбогена в университет выходил далеко за пределы его собственных пожеланий. Значение его фигуры в государственных делах республики и политическая благонадежность делали интеллектуала-чиновника востребованным в руководстве БГУ. На X отчетной конференции Центрального бюро КП(б)Б значительное внимание было уделено политическому соответствию профессоров и преподавателей первого белорусского университета. В целях усиления марксистской части педагогического процесса в БГУ С. З. Каценбогену вместе с В. М. Игнатовским и В. Г. Кнориным было предложено читать соответствующие учебные курсы [13, с. 4]. Для создания противовеса В. И. Пичете, как и всей приглашенной «старой» профессуре, заместителями ректора были назначены преподаватели-партийцы. И первым на эту должность был назначен С. З. Каценбоген. Однако интерес к профессионализму уже проявившего себя ученого высказало и руководство университета. БГУ нуждался в опытном управленце и администраторе, в человеке, имеющем широкий круг общения во властных кругах республики, в специалисте с двумя дипломами о высшем образовании, не уступающем

по своим знаниям лучшим ученым того времени. Стремление к работе в университете проявил и сам С. З. Каценбоген, который видел возможность в полной мере реализовать свой творческий потенциал. «Будучи в течение 20 лет партийным работником и в то же время не переставая заниматься наукой, – писал он, – считаю своим подлинным призванием научную деятельность» [3, т. 3, л. 8 об.].

Согласно архивным документам Соломон Захарович числился сотрудником БГУ уже с 9 сентября 1921 г. [6, л. 19]. Период его работы в университете можно разделить на определенные сферы деятельности в соответствии с теми должностными функциями, которые были на него возложены. При таком рассмотрении его многогранная деятельность может быть представлена под разными углами зрения: заместитель ректора и член правления БГУ, многопрофильный педагог-новатор, ученый-энциклопедист и популяризатор знаний.

С 1 октября 1922 г. С. З. Каценбоген вступил в должность заместителя ректора по хозяйственно-административной деятельности. На этом посту он проработал до 13 июля 1925 г., когда на общем собрании студентов и руководства университета был избран заместителем ректора по академической части [14, л. 51; 15, с. 13]. Высокая и ответственная должность предполагала приложение колоссальных усилий по укреплению чуть ли не всех важнейших основ университетской деятельности. О том, что представлял собой университет на первых порах своей истории, лаконично описано в воспоминаниях профессора С. Я. Вольфсона: «Белорусский государственный университет родился... Правда, условия его существования в первые месяцы были суровыми. Аудитории нередко представляла, напряженно слушая лектора, сотенная толпа, которая стояла между четырех стен. Стояли студенты – отсутствовали скамейки, стоял профессор – отсутствовало кресло. В галошах, в пальто, в шубах, некоторые с поднятыми воротниками. А в факультетской канцелярии писали в перчатках и карандашами: чернила замерзли. Но университет жил...» [16, с. 53].

Перед заместителем ректора стояло нескончаемая череда проблем и вопросов, которые требовали безотлагательного решения. Университет испытывал трудности с учебными и административными помещениями, а вместе с этим – и их ремонтом. Необходимо было приобрести соответствующую мебель, оборудовать учебно-вспомогательные учреждения, лаборатории, кабинеты. Многие преподаватели не были обеспечены не только квартирами, но хотя бы жилыми помещениями. Доходило до того, что профессорско-преподавательский состав практически не получал продуктов питания, поскольку академические пайки на них не распространялись. Порой им нечем было платить заработную плату. Обращаясь к руководству республики, С. З. Каценбоген констатировал: «Лишенные

какой бы то ни было продпомощи <...> не получая по целым месяцам положенного им содержания, сотрудники БГУ влачат жалкое существование, но стойко переносят все лишения и безропотно выполняют свои обязанности. В то время как сотрудники всех Наркоматов получают пайки, служащие БГУ, который подобно этим Наркоматам не снят с госснабжения, лишены пайков. Между тем Бел. Гос. Университет является также государственным учреждением, значение его для Края общепризнанно и никем уже не оспаривается» [17, л. 50]. С данной просьбой заместитель ректора неоднократно ходатайствовал перед Президиумом ЦИК Беларуси и добивался положительных результатов. Так, благодаря настойчивости С. З. Каценбогена в вопросе распределения продовольственных посылок для профессорско-преподавательского персонала, получаемых по линии американской администрации, пайки были выданы С. М. Некрашевичу, писателям Янке Купале и Якубу Коласу [18, л. 21]. Размашистая подпись заместителя ректора требовалась даже на такого рода заявлениях: «Согласно распоряжению Народного комиссара продовольствия, Правление Университета просит не отказать в зависящем распоряжении Продбазе № 1 об обмене выданного в счет майского академического пайка гороха, в количестве 11 пуд. 5 фун., на соответствующее количество гречневой крупы» [17, л. 29]. А осенью 1922 г. он озвучил предложение о необходимости приобретения лошади, упряжи и экипажа «для служебных командировок профессорско-преподавательского персонала и ответственных работников административного персонала», заложив тем самым основу для будущего автопарка университета [18, л. 66].

На заседаниях правления БГУ С. З. Каценбоген постоянно поднимал проблемы, связанные с жилищными нуждами сотрудников, делился результатами их решения, докладывал о распределении финансовых средств, поступивших на счет университета. Ставя защиту интересов университета во главу угла, он никогда не забывал о своих коллегах и студентах. Так, в письме С. З. Каценбогена в Народный комиссариат здравоохранения Беларуси от 23 марта 1923 г. настоятельно рекомендовалось: «Так как были случаи, что профессора-медики Белгосуниверситета назначались для участия в Комиссии по освидетельствованию здоровья лиц, подлежащих приему на военную службу, Правление просит сделать распоряжение Военно-санитарному отделу Наркомвоена Белоруссии, чтобы профессора медики не назначались в эти Комиссии, ибо это нарушает нормальный ход учебных занятий в Университете» [19, л. 22]. Заместитель ректора

участвовал и в решении вопроса о необходимости немедленной вакцинации студентов в связи с возросшей угрозой эпидемии оспы [20, л. 39].

Будучи тактичным и уважительным, дисциплинированным и ответственным, Соломон Захарович требовал того же и от своих подчиненных. В качестве примера можно привести случай, произошедший на заседании правления БГУ в начале марта 1923 г. Во время своего выступления С. З. Каценбоген поднял вопрос о недобросовестной деятельности заведующего финансовым отделом П. Г. Жемчужина, который не успел подготовить в срок общую и квартальную смету. Соломон Захарович назвал это необъяснимой медлительностью и халатностью и предложил объявить строгий выговор. Однако, когда некоторые члены университетского руководства не только поддержали предложение, но и высказались за увольнение нерадивого работника, сам С. З. Каценбоген убедил коллег все же ограничиться выговором, желая сберечь целостность коллектива и солидарность в принятии решений [21, л. 19–22].

Немаловажной чертой его должностного портрета служит также и тот факт, что в моменты отсутствия в стенах университета В. И. Пичеты он постоянно исполнял функции ректора. Ректор «возлагал на него общее управление делами Белгосуниверситета, председательствование в Правлении, распоряжение кредитами БГУ с подписыванием всех денежных документов, общее руководство и распоряжения по хозяйству БГУ и другие административно-хозяйственного характера функции деятельности Ректора» [22, л. 17 об.–18, 19–20].

Именно С. З. Каценбогену принадлежат первые обобщающие отчеты о деятельности и развитии университета, поскольку он вникал во все вопросы и хорошо знал общую картину происходящего. Благодаря этим годовым отчетам мы сегодня имеем ценную и всестороннюю информацию о годах становления флагмана белорусского образования и науки¹. Университетская библиотека во многом комплектовалась стараниями и связями Соломона Захаровича. Уже к 1922 г. она располагала более 100 тыс. томов. В 1924 г. по предложению С. З. Каценбогена за немалые деньги были куплены издания из личного собрания книг профессора К. К. Случевского, касающиеся правовой и социологической тематики.

В историю университета и всей Беларуси С. З. Каценбоген вошел также как один из первых профессоров: с первого учебного года он стал читать на факультете общественных наук социально-экономические дисциплины и числился в штатном

¹Каценбогин С. З. Белорусский государственный университет за 1921–1922 академ. год: итоги и перспективы // Працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. 1922. № 2/3. С. 326–364; Каценбоген С. З. Белорусский государственный университет за 1922–1923 академ. год: итоги и перспективы // Працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. 1923. № 4/5. С. 230–281.

расписании БГУ «состоявшим по кафедре социологии и первобытной культуры» (тогда понятие кафедры отличалось от современного и означало прежде всего лекционный курс профессора). Вместе с В. М. Игнатовским 27 сентября 1922 г. Главное управление профессионального образования РСФСР утвердило С. З. Каценбогена в звании профессора БГУ [18, л. 68]. На протяжении четырех лет (1922–1925) он являлся деканом факультета общественных наук, а также председателем предметной исторической комиссии педагогического факультета. Помимо конкретных социологических дисциплин «Общая социология» и «Генетическая социология» Соломон Захарович читал курсы «Пролетарская революция», «История революционных движений на Западе в связи с историей научного социализма», «История социалистической мысли», «История развития общественных форм». В период работы в университете профессора-социолога студенты факультета общественных наук, а также педагогического факультета в обязательном порядке слушали его курс «Генетическая социология».

В педагогической работе С. З. Каценбоген стремился идти в ногу со всеми методическими новациями, углубляя практические ориентиры учебного процесса. Он постоянно выписывал заграничные периодические издания для ведения курса по генетической социологии и первобытной культуре. По предложению ученого историческая предметная комиссия разрешила вместо лекционного курса «Генетическая социология» вести для студентов второго курса практические занятия. На основании семинариев, которые вел С. З. Каценбоген, студенты готовили доклады, выступали, публиковались в студенческом журнале «Чырвоны сцяг», редактором которого являлся сам профессор¹.

На своих лекциях в духе тацитовской формулы *Sine ira et studio* (с лат. – без гнева и пристрастия) Соломон Захарович подчеркивал, что «жизнь и историю человеческого общества надо изучать в том ее подчас суровом и неприглядном виде, в каком она развивалась и развивается сейчас» [23, с. 7]. По его мнению, социология стала наукой только тогда, когда под нее был подведен солидный исторический, этнографический и археологический фундамент. Ученого более всего интересовала первобытная культура, с которой он постоянно связывал последующие и современные тенденции в развитии человечества. Можно предположить, что понятия и общественные процессы, анализировавшиеся на его лекциях, служили делу революционного преобразования общества, особенно когда речь заходила о понятии «первобытный коммунизм». Он отмечал, что «теория первобытного

коммунизма является единственно правильной исходной точкой зрения, отправляясь от которой мы в состоянии наметить более или менее правильное решение сложных вопросов генеомии» [24, с. 289]. Вместе с неизбежной конъюнктурной составляющей, присутствующей в исследованиях С. З. Каценбогена (характер осмысления революционного и постреволюционного времени), и сегодня заметны давняя увлеченность и компетентность ученого в том, что он знал более всего, – в истории первобытной культуры.

Сложность положения профессора-лектора заключалась в том, что требовалось доказывать необходимость социологии для решения задач социалистического строительства и в то же время решительно отмежевываться от ее основоположников, которые, по мнению адептов нового строя, были величайшими идеологами буржуазии. Следовало представить социологию как важную составную часть марксистско-ленинского мировоззрения [25, с. 261]. Соломон Захарович считал, что марксизм представлял собой такое мировоззрение, которое на основе диалектического метода устанавливало единую всеобщую закономерность в природе и обществе. «Главные положения марксистской социологии, – писал он, – признание примата общества над личностью, признание исторически преходящего характера всякой экономической структуры, признание доминирующей роли производства» [26, с. 37–38]. Будущий известный историк выпускник БГУ Н. Н. Улащик, слушавший его лекции, вспоминал: «Это был мужчина еще молодой и здоровый, на голове его росла куча густых черных кучерявых волос. <...> Говорил он писклявым голосом, как-то ненормально повышенным. Лекцию читал так, как будто перед ним сидели не первокурсники, плохо искушенные в науках, но высокообразованное общество. Со всеми предшественниками в социологии и философии Каценбоген обходился очень круто: Спенсер, Ковалевский, Сорокин и некоторые другие были полностью разрушены за одну лекцию. Про существование большинства этих ученых мы вообще не слышали. Они промелькнули перед нами, были в момент разбиты, растоптаны и выброшены. Каценбоген шел, как победитель через разбитые армии. Через десять минут от такой лекции в голове начало все путаться, все имена, системы смешивались в кучу, а к концу делалась такая каша, что разумнее было сбежать» [27, с. 12].

Положение усугублялось тем обстоятельством, что изначально отсутствовала необходимая литература, используя которую студенты могли бы подготовиться к успешной сдаче экзаменов и зачетов по читаемым курсам. Только в 1925 г. Белгос-

¹Тамаркин А. Классовые противоречия перед Октябрьской революцией // Чырвоны сцяг. 1925. № 2. С. 22–28; Шаповалов Н. Ленин и пролетарская культура // Чырвоны сцяг. 1925. № 2. С. 14–21; Шлёзберг С. Психология и марксизм // Чырвоны сцяг. 1925. № 3/4. С. 51–62.

издат опубликовал работу С. З. Каценбогена «Что такое марксизм (философские и социологические основания)». Это существенно упростило положение студентов. Они сами проявили инициативу, подготовив на печатной машинке в двух частях курс лекций Соломона Захаровича по предмету «Марксистская социология», прочитанных им в 1924/1925 академическом году на педагогическом факультете. «Только уступая многократным настойчивым просьбам моих слушателей, я решился дать согласие на печатание выпускаемых записок», – пояснил свою позицию в предисловии лектор [28, л. 1]. Единственный экземпляр курса, который для студентов в те далекие годы к началу сессии становился дорожке золота, хранится в Национальной библиотеке Беларуси. Не вдаваясь в анализ его структуры и проблематики, обратим внимание на запись, оставленную ученым в конце первой части курса: «Прочитал и прослезился. 26.V.1925 г.». Что подтолкнуло его сделать эту запись? Сделал ли он ее специально для внимательного читателя? Какую мысль он пытался до него донести? Однозначного ответа нет. Остается предполагать (об этом будет сказано чуть позже, когда речь пойдет об уходе С. З. Каценбогена из университета).

Студенческая инициатива объяснялась требовательностью профессора к подготовке студента, отвечавшего на экзамене. Н. Н. Улащик писал: «...Каценбоген наводил панику на весь университет, в частности на первый курс, который должен сдавать ему зачет по социологии. Каценбоген держал у себя студентов по часу, у студенток были истерики, говорили, что они даже падали в обморок там. Чтобы сдать зачет, необходимо было прочесть целую кучу книг и уметь разносить все предшествующие философские системы так же удало, как это делал сам Соломон Захарович» [27, с. 17]. Со слов Н. Н. Улащика, С. З. Каценбогена боялись, но уважали за то, что он всегда высоко держал образовательную планку.

Пытаясь упростить и сделать более наглядным содержание своих лекций, Соломон Захарович вынашивал идею создания при университете музея первобытной культуры и истории религии, который бы использовался для «демонстрации студентам в связи с курсами генетической социологии и др. дисциплин, а также для демонстрации различным школам, краткосрочным курсам и всякого рода иным профессиональным и другим учреждениям и коллективам» [29, л. 9 об.]. Идею поддержало правление БГУ. В 1923 г. в Москве Соломон Захарович вел переговоры с известным археологом В. А. Городцовым на предмет передачи экспонатов по археологии из Московского исторического музея [30, л. 37]. В следующем году он подписал договор с Художественной мастерской наглядных учебных пособий при Петроградском губернском отделе народного

образования, которая обязалась изготовить 350 моделей, воспроизведенных с оригиналов коллекций, хранящихся в Эрмитаже и Академии наук СССР предметов по истории первобытной культуры, египетской и буддийской религии. Кроме того, в Ленинграде им было закуплено специальное оборудование, шкафы, витрины, подставки и тумбы [20, л. 10]. О результатах проделанной работы 2 апреля 1924 г. С. З. Каценбоген сообщил в отдел агитации и пропаганды ЦК КП(б)Б: «Настоящим Правление Белорусского государственного университета доводит до Вашего сведения об открытии при Университете музея по истории культуры и религии. В настоящее время в музее представлены: Египет, Ассирия-Вавилония, первобытная культура (каменный и бронзовый века), а также буддизм и примитивные религиозные культы (колдовство, шаманизм и др.). Для университетских экскурсий музеев открыт в следующие дни: по воскресениям от 11-ти до 3-х час., вторникам от 12-ти до 4-х и пятницам от 6-ти до 10-ти час. вечера. Экскурсии проводятся по предварительной записи у хранителя музея в часы его открытия. Плата взимается в размере 5-ти коп. с каждого участника. Музей помещается в здании ФОНа БГУ (Университетская, 27, 4-й этаж). Принимая во внимание огромное культурное значение музея, вообще и в частности возможность его использовать в целях антирелигиозной пропаганды, Правление Белорусского государственного университета ставит Вас в известность в целях наибольшего использования его всеми подведомственными Вам учебными заведениями и культурно-просветительными организациями» [31, л. 17].

Первым директором музея стал его инициатор [32, л. 3]. Несмотря на высокую загруженность, он всегда находил время для улучшения и пополнения музея новыми экспонатами. Музей был визитной карточкой С. З. Каценбогена, которая ярко и недвусмысленно демонстрировала его ученый и педагогический статус. В 1925 г. Соломон Захарович уехал в командировку в Германию изучать «социологическую литературу и материалы по первобытной культуре», музейное дело, а также заниматься поиском «всевозможных предметов оборудования по антропологии и археологии» [33, с. 5; 6, л. 10, 13; 34, л. 21]. На фундаменте, заложенном С. З. Каценбогеном, в последующие годы шло развитие как исторического музея БГУ, так и других университетских музеев.

Яркой гранью личности Соломона Захаровича являлась его научно-исследовательская работа не только в стенах университета, но и в других научных учреждениях республики. Следует сказать, что он свободно говорил, читал и писал на немецком и французском языках. Это позволило ему в 1923 г. перевести с французского языка работу писателя и поэта Р. Марана «Батуала» и опубликовать ее в Минске, написав к ней комментарии

и размышления [23]. С немецкого языка он перевел и издал очерки по истории первобытной культуры немецких историков и этнографов Г. Кунова и А. Левин-Дорш. На их идеи белорусский ученый часто ссылался при чтении университетских курсов и в своих статьях [35].

В условиях развернувшейся в республике белорусизации С. З. Каценбоген чувствовал себя несколько неловко. В личной карточке сотрудника Наркомпроса в графе «родной язык» он указал русский [6, л. 1]. Белорусский язык он понимал, но не мог выражать на нем свои мысли. Отметим, это было время, когда БГУ активно включился в процесс белорусизации, периодически проводя проверки среди профессоров и преподавателей на знание белорусского языка. Профессору нередко приходилось прибегать к помощи переводчика с русского на белорусский язык при публикации своих работ¹.

Энциклопедизм научного кругозора Соломона Захаровича хорошо виден в тематике его докладов, выступлений и статей. Например, в конце сентября 1921 г. он вместе с В. И. Пичетой выступал на II Всебелорусском съезде работников просвещения, а 12 февраля 1922 г. – на университетском диспуте, посвященном обсуждению нашедшего сборника статей представителей российской эмиграции «Смена веков» (Прага, 1921)². Только за первый учебный 1922/1923 год С. З. Каценбоген выступил с докладами на темы: «Проблема большевизма и Советского государства в западноевропейской литературе», «Опыт социологического анализа этнографического романа Рене Марана “Батуала”», «Огюст Бланки и его учение», «Плеханов как историк русской общественной мысли»³, прочел публичные лекции на темы «Эволюция любви, брака и семьи» и «Мировой хаос и международные договоры». В день революционного студенчества на торжественном заседании в городском театре выступил с докладом «Основные этапы истории революционного студенчества». В годовщину Февральской революции прочел публичную лекцию «История и ход Февральской революции в свете новейшей литературы»⁴. На заседании факультета общественных наук, посвященном чествованию Янки Купалы, оценил лирику песняра как подлинное зеркало жизни белорусского народа⁵, а на публичном заседании БГУ, посвященном пятилетию

со дня смерти М. Богдановича, выступил с докладом о творчестве поэта и его значении для белорусской литературы⁶.

С. З. Каценбоген систематически публиковался в журналах и газетах республики на различные темы, наглядно показывающие необъятные границы его научных интересов. Обозначим лишь некоторые: «Спорные вопросы генеомии» (1923), «Сложная форма брака у племени Арусси-Галласов в Абиссинии» (1923), «Генезис и эволюция украшений и одежды» (1924), «Очерки по истории первобытной культуры Беларуси» (1924), «Вузы и материалистическое мировоззрение» (1924), «Историческое значение Ленина» (1925), «Ленин о государстве» (1925), «Правовое положение евреев в Белоруссии накануне революции 1917 г.» (1925), «Место высшего социально-экономического образования в системе советского строительства» (1925), «К вопросу о закономерностях гражданской жизни» (1925) и др.

Соломон Захарович успевал сотрудничать с ежемесячником Центрального бюро КП(б)Б «Вперед», был редактором серии изданий «Библиотека “Советская Белоруссия”», являлся членом общества воинствующих материалистов в г. Минске, стоял во главе этнографической секции Инбелкульта [36, с. 11, 49; 37, с. 105], вместе с В. И. Пичетой, В. Д. Дружичем входил в состав президиума историко-археологической секции Инбелкульта [38, с. 225], был председателем комиссии по охране памятников старины [5, л. 37]. При его участии была организована и проведена первая этнографическая экспедиция в 1922–1923 гг. в целях подготовки белорусского этнографического отдела для Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве. На историко-археологической секции Инбелкульта он выступил с докладом «К вопросу о доисторической культуре Беларуси»⁶. Его вклад в развитие краеведческого движения в Беларуси получил высокую оценку во время выступления В. И. Пичеты на Всебелорусской краеведческой конференции 1924 г. [39].

В 1925 г. в динамичной научно-исследовательской и педагогической карьере С. З. Каценбогена произошел резкий поворот. Занимая высокий пост в БГУ, Соломон Захарович довольно часто бывал в Москве на расширенных заседаниях союзного Наркомпроса. Во время одного из них в ноябре 1925 г. он получил предложение от заместителя

¹Каценбоген С. З. Нарысы па гісторыі першабытнай культуры Беларусі // Палымя. 1924. № 1. С. 156–162; Каценбоген С. З. Сялянскі рух на Захадзе. Да 400-годдзя сялянскага паўстання ў Нямецчыне – 1525–1925 г. / пер. на бел. мову У. Міхалевіч // Палымя. 1925. № 3. С. 85–97.

²Вальфсон С. Я. Марксісцкая навуковая работа ў БССР за 10 гадоў (1918–1928) // Марксісцкі зборнік. Менск, 1929; Хроніка // Працы Беларус. дзярж. ун-ту. 1922. № 1. С. 208–216.

³Каценбоген С. З. Белорусский государственный университет за 1921/1922 академ. год: итоги и перспективы // Працы Беларус. дзярж. ун-ту. 1923. № 415. С. 230–281.

⁴Хроніка // Працы Беларус. дзярж. ун-ту. 1922. № 1. С. 208–216; Чествование Янки Купалы // Звезда. 1922. 16 марта. С. 2.

⁵Па Менску // Савец. Беларусь. 1922. 25 ліст. С. 2.

⁶Інстытут беларускай культуры / апрац. А. І. Цвікевіч. Мінск, 1926.

Наркомпроса РСФСР И. И. Ходоровского о смене места работы. Судя по всему, предложение было заманчивым, поскольку уже 25 ноября 1925 г. на заседании правления БГУ рассматривалось заявление С. З. Каценбогена об освобождении его от занимаемых должностей в связи с откомандированием в Москву в распоряжение ЦК РКП(б) [40, л. 36].

Просьба была удовлетворена: «Правление БГУ выражает профессору С. З. Каценбогену искреннюю благодарность за работы по Университету» [6, л. 18 об.]. Что же послужило причиной столь быстрого решения? Желание расти!? Или были другие, менее видимые факторы, способствовавшие его уходу из университета? Вернемся к ранее приведенной записи Соломона Захаровича: «Прочитал и прослезился». Частично ответ на многие вопросы можно найти все у того же Н. Н. Улащика. В своих воспоминаниях он описывает очень нелицеприятный случай, произошедший с профессором во второй половине 1925 г. На книгу С. З. Каценбогена «Что такое марксизм» в газете «Звезда» была опубликована острая и едкая рецензия заместителя заведующего отделом печати ЦК КП(б) В. А. Сербенты. Из ее содержания выходило, что профессор не сведущ во многих вопросах философии, его трактовка марксизма является ошибочной и извращенной. При этом подобная оценка исключалась другой рецензией на эту же работу, подготовленной авторитетным специалистом – профессором кафедры философии факультета общественных наук Московского государственного университета Л. И. Аксельрод, которую хорошо знали в партийном и научном сообществе под псевдонимом *Ортодокс* [41].

Поэтому заставить прослезиться С. З. Каценбогена в подобной ситуации вполне могли студенты, которым он не давал спуска на экзаменах, но в глубине души ратовал за их высокий, университетский уровень знаний. Н. Н. Улащик пишет: «Утром, когда слухи о рецензии разошлись по Университету, все, кто мог, ринулись к газетчикам, чтобы купить газету. Рецензию читали, как гениальную поэму. Читали, млея от радости. Такие счастливые дни приходят редко. После кому-то пришла в голову мысль, что вот мы читаем, а Соломон Захарович, может, ничего не знает – следует сообщить и ему. Предложение принимается. Рецензию вырезали, положили в конверт и толкнули в почтовый ящик, другому захотелось сделать тоже самое, и скоро целая толпа студентов вырезала рецензии, клали в конверты и писали адрес – Каценбогену. Писем натолкали целый ящик. Звонили друг другу по телефону, передавали на улице и со всех концов города Каценбогену сыпанули еще писем. Под конец нагло слали уже письма без марок – пусть сам выкупает, он богаче за своих студентов. Слава Каценбогена исчез-

ла в один день. Он оставался заместителем ректора, был профессором, как и раньше, но на него уже смотрели, как на живого мертвеца, дело которого окончено. Учить социологию кинули, сдавать почти не ходили» [27, с. 18].

Эту издевку со стороны студентов нельзя сбрасывать со счетов при выяснении мотивов ухода Соломона Захаровича из БГУ. Будучи мудрым и опытным человеком, он расценил данную рецензию как сигнал к началу процесса «вымывания» его заслуг и авторитета, а также очернения его личности в глазах государственных и партийных инстанций. И что самое ужасное, санкция на это была получена с согласия в верхах республики. Несмотря на такие волевые черты характера, как прямолинейность и отсутствие боязни высказывать свое мнение, в постоянно дрейфующих идеологических течениях второй половины 1920-х гг. его фигура была уязвимой. В сложившейся ситуации принятие предложения И. И. Ходоровского для С. З. Каценбогена могло открыть новую, не запятнанную страницу биографии.

После удовлетворения заявления профессора уже на следующий день он выступил с докладом в научном обществе БГУ на тему «Марксистская диалектика и механистическое мировоззрение». По окончании выступления решением участников Соломон Захарович был избран почетным другом научного общества БГУ [42, с. 98] и Инбелкульта [43, с. 182]. В знак уважения и признательности деятельности ученого редакционная коллегия журнала «Працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту» в 1926 г. опубликовала этот доклад¹. Коллеги устроили пышные проводы. Поезд с семьей С. З. Каценбогена тронулся на восток.

С отъездом Соломона Захаровича из Минска социология в чистом виде – как предмет – стала менее востребованной. Читать подобные курсы желающих не находилось: и в силу неподготовленности, и из-за боязни исказить существенные характеристики уже столь отчетливо наметившегося крутого перелома. К тому же курс и соответствующий проект марксистской социологии С. З. Каценбогена носили в себе яркие черты индивидуально-авторского характера и выступали в качестве уникальной разработки белорусской марксистской философии 1920-х гг., придавая ей определенную исключительность в общесоветском масштабе [44, с. 13]. Однако в 1929 г. в Институте философии Коммунистической академии был сделан категоричный вывод о том, что социология – это лженаука, выдуманная французским реакционером О. Контом, и само слово «социология» не должно использоваться в марксистской литературе. Социология надолго попала в опалу и наряду с генетикой и кибернетикой называлась буржуазной лженаукой. Возрождение бе-

¹Каценбоген С. З. Диалектический материализм и механистическое мировоззрение // Працы Беларус. дзярж. ун-ту. 1926. № 11. С. 1–17.

лорусской республиканской и университетской социологии началось лишь в 1960-е гг.

Новым местом работы С. З. Каценбогена стал Саратовский государственный университет (СГУ). Ему предложили стать деканом только что образованного факультета права и хозяйства и заведующим кафедрой диалектического материализма [45, с. 6, 23]. 12 декабря 1925 г. Соломон Захарович был утвержден профессором по курсу исторического материализма и почти сразу прочел на ученом совете университета свою первую пространную лекцию «Марксизм и социология» в качестве обзора курса «Диамат», предложенного для преподавания студентам всех факультетов [46, с. 106]. В университете он также читал курсы «Основные этапы истории материализма, идеалистической философии и социологии», «Основания марксистской социологии», «Основные элементы генетической социологии» [47, с. 55]. Будущий доцент кафедры истории средних веков СГУ В. А. Ермолаев, а в 1920-е гг. – студент этого учреждения образования, вспоминал, что Соломон Захарович достаточно хорошо читал лекции, «имел хорошо подвешенный язык, большое честолюбие <...> среди университетских партийцев он был авторитетной фигурой» [48, с. 140].

В Саратове С. З. Каценбоген вскоре был избран председателем научного общества воинствующих материалистов и состоял председателем Ассоциации научно-исследовательских учреждений и организаций Нижневолжского края, для которой разработал положение о работе [5, л. 37, 46–46 об.]. Прослыл активным на общественном поприще: являлся депутатом городского Совета рабочих и красноармейских депутатов нескольких созывов. В 1930 г. С. З. Каценбоген был утвержден действительным членом Нижневолжского института краеведения им. М. Горького при СГУ. На одном из заседаний института выступил с докладом «Социология первобытного искусства»¹. Был председателем философской секции Нижневолжского института марксизма-ленинизма, членом секции культурной революции, заместителем директора института по научно-исследовательской части [49, с. 14–15].

Молодого, но опытного и энергичного профессора сразу же заметили. В 1928 г., когда встал вопрос о новом ректоре, кандидатура С. З. Каценбогена, который к тому времени уже являлся заместителем ректора С. Р. Миротворцева, была одной из первых. И уже 1 апреля 1928 г. он был назначен ректором СГУ. На этом посту в отличие от своих ближайших преемников Соломон Захарович пробыл довольно долго – до 4 июня 1932 г. [50, с. 269].

В годы работы в Саратове он не забывал о Беларуси, Минске, БГУ. Так, в связи с празднованием пятилетнего юбилея Белорусского государственного университета профессор С. З. Каценбоген направил поздравление с пожеланиями дальнейшего укрепления и процветания флагмана белорусского образования и науки [51, с. 208]. В 1929 г. по инициативе ректора С. З. Каценбогена студенты факультета права и хозяйства СГУ вызвали на соревнование своих коллег из БГУ [52, с. 41].

В первом томе издания «История Саратовского университета» (2009) его руководство вузом было охарактеризовано следующим образом: «Четыре года, в течение которых С. З. Каценбоген был первоначально ректором, а затем директором СГУ, – один из самых тяжелых периодов в истории нашего университета. Это была не вина ректора-директора, а его беда» [15, с. 136]. Дело в том, что этот период совпал с периодом существенной трансформации, охватившей систему высшего образования в стране. 23 июля 1930 г. вышло постановление ЦИК и СНК СССР «О реорганизации высших учебных заведений, техникумов и рабочих факультетов», которое узаконило реорганизацию подразделений университетов в самостоятельные учреждения образования и закрытие гуманитарных факультетов. В течение лишь одного года СГУ потерял ряд ключевых структурных подразделений. Подобные разрушительные тенденции были характерны и для БГУ. Видя, как происходит децентрализация учреждения, Соломон Захарович в знак протеста подал заявление об уходе со своего высокого поста.

Новым местом работы стал Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена, где с июля 1932 г. по март 1935 г. С. З. Каценбоген являлся директором [4, л. 9]. Практически сразу он возглавил общество педагогов-марксистов. На новом месте он очень быстро зарекомендовал себя как опытный управленец в вопросах организации высшей школы. О его работе в этот период можно узнать не только на основании обзорно-отчетных публикаций в журналах «Коммунистическое просвещение» и «Педагогическое образование»², но и из автобиографии, в которой он отмечал, что за свою деятельность в должности директора от Всесоюзного комитета по соревнованию вузов при ЦК ВЛКСМ дважды получал почетные грамоты (в 1933 и 1934 гг.), а в 1935 г. «получил звание мастера педпрофессии в результате специальной проверки преподавания в Вузах Ленинграда» [4, л. 9]. С. З. Каценбоген продолжал читать курсы по философии, всячески вовлекая в эту область знаний студентов и аспирантов. Бывшая

¹Краткий отчет о работе Нижневолжского института краеведения им. М. Горького при Саратовском государственном им. Н. Г. Чернышевского университете за 1930 год // Изв. Нижневолж. ин-та краеведения им. М. Горького. 1931. Вып. 4. С. 5–8.

²Каценбоген С. З. О реализации постановления ЦИК о высшей школе Педагогическим институтом имени А. И. Герцена // Коммунист. просвещение. 1933. № 4. С. 103–107; Каценбоген С. З. Узловые вопросы высшего педагогического образования // Педагог. обозр. 1934. № 6. С. 4–16.

аспирантка Ленинградского научно-исследовательского института языкознания М. А. Полторацкая вспоминала, что «на марксистскую философию приходилось тратить так много времени, что научная специальность оставалась в загоне. Из-за этого в Химическом институте вспыхнул “бунт”. К проф. Каценбогену обратились профессора-химики (Верховский, Крестинская и др.) с протестом, что им приходится закрывать лаборатории, так как их аспиранты корпят не над колбами, а над Спинозами. Но, конечно, этот протест был быстро подавлен спецотделом» [53, с. 27]. Несмотря на это, аспиранты очень ценили профессионализм С. З. Каценбогена, поскольку он всегда старался идти навстречу молодым коллегам. Каждому аспиранту он выбирал философскую тему, непосредственно связанную с его научной специальностью.

Однако динамичный темп деятельности 45-летнего профессора в скором времени стал давать сбои. После убийства в декабре 1934 г. С. М. Кирова Соломон Захарович попал в водоворот Кировского потока – репрессий и политических арестов в Ленинграде. В статье «За большевистскую бдительность!», опубликованной в журнале «Под знаменем марксизма», в его адрес была высказана неаргументированная и нелицеприятная фраза. Анонимный автор назвал его двурушником и бывшим троцкистом. В опровержительном письме ученый написал: «Эта позорящая меня как коммуниста фраза абсолютно не соответствует действительности. Из решения партколлегии КПК при ЦК ВКП(б) по моему делу очевидно, что я никогда ни в каких антипартийных группировках не состоял. В своей партийной, педагогической и литературной работе я всегда боролся с контрреволюционным троцкизмом и правым оппортунизмом, за генеральную линию партии. Моя работа как директора ленинградского пединститута им. Герцена положительно оценена специальной комиссией, назначенной тов. Бубновым А. С. и детально изучившей состояние пединститута им. Герцена» [54, с. 208]. Многие личностные и профессиональные качества во второй половине 1930-х гг. делали фигуру С. З. Каценбогена очень уязвимой. Видные и активные люди становились удобной мишенью для завистников и недоброжелателей. И снова, как десять лет назад, появилось чувство тревоги и страха, которое толкало к переменам.

В 1935 г. С. З. Каценбоген переехал в Свердловск, где на непродолжительное время стал сначала проректором, а затем и директором Свердловского педагогического института. Однако и здесь он не мог спокойно работать и заниматься наукой, постоянно ощущая, как злопыхатели, конкуренты

и завистники следят за каждым его поступком, контролируют чуть ли не каждое слово. «За критику экономической политики советской власти» в 1936 г. его понизили в должности и перевели на преподавательскую работу. Неоднократно ставился вопрос об его исключении из рядов ВКП(б), что в реалиях советской системы было равносильно политической смерти. Подобный ostracism был невыносим, поскольку вокруг человека сразу образовывался вакуум и он превращался в живой труп.

В очередной, но последний в жизни раз Соломон Захарович вынужден был сменить место работы. С 1939 г. он стал преподавать в Уральском государственном педагогическом университете, где в 1943 г. организовал кафедру философии и стал ее заведующим. В университете он удостоился быть одним из первых научных руководителей открывшейся аспирантуры [55], а в 1945 г. ему было присвоено почетное звание «Отличник народного просвещения» [56, с. 398]. Впечатления о его преподавании сохранились в записных книжках одной из студенток университета: «...читал курс истории философии, диалектического и исторического материализма, мы сдавали два экзамена по этому курсу. Мне кажется, что историю философии он любил читать больше. Лекции его мы тоже любили, т. к. они были весьма насыщены сведениями о философии и философах. У С. З. Каценбогена была несколько приподнятая, торжественная речь, весьма витиеватый, необычный язык, что тоже импонировало. Но его эрудиция и большие знания меня, например, несколько подавляли, он, мне казалось, стоял как бы над аудиторией» [57, с. 106].

В мае 1945 г. после очередной неудавшейся попытки навесить на Соломона Захаровича ярлык троцкиста он тяжело заболел. Через год с небольшим (1 сентября 1946 г.) незаурядный ученый и выдающийся организатор высшей школы Беларуси и всего Советского Союза скончался [58]. Траурные мероприятия прошли в Свердловске в стенах университета.

Соломон Захарович Каценбоген – личность неординарная во всех отношениях. Интеллектуал своего времени, он оставил значительный след в развитии социогуманитарных наук первой половины XX в. Результаты его научной деятельности имели и продолжают иметь высокий индекс научного цитирования¹. На многих специальностях в университетах Беларуси студентам читаются общие и специальные курсы по социологии. Современные преподаватели, излагая истоки социологической мысли в республике, непременно называют имя С. З. Каценбогена.

¹Чагин В. И., Клушин В. И. Борьба за исторический материализм в СССР в 20-е годы. Л., 1975; Развитие марксистско-ленинской философии в БССР (20–70-е годы) / Т. Н. Адуло [и др.]. Минск, 1984; Социология в Саратове / под общ. ред. Л. С. Аникина, Г. В. Дыльнова. Саратов, 2006; Колосов В. А. Социология как наука: дискуссии в отечественной литературе 20-х – начала 30-х годов XX века. Архангельск, 2005.

В Партбюро Свердловского Педагогического
Института. Кандидат В. С. К. В. 1938, Кандидат
18/18 Кандидат С. З. Каценбоген
Выводимые.
Находясь в рядах ВКП(б) в течение двадцатилетия
(с 1920 г.) и будучи членом Партийного бюро
при ЦК ВКП(б) с 1938 г. перевел срок на время
в Кандидат, красн. профессора, В. С. К. В. 1938.
Обладая тем же достоянием члена партии
который гласит и в курсе своего В. С. К. В. 1938.
Знающий и опыт, а также потребности, и знания.
12 мая 1940 г.
г. Свердловск.
С. З. Каценбоген

Заявление С. З. Каценбогена
в Партбюро Свердловского педагогического института
с просьбой перевода его из кандидатов в члены ВКП(б).
12 мая 1940 г. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 25. Д. 1500. Л. 8

Statement by S. Z. Katsenbogen in the Party Bureau of the
Sverdlovsk Institute with a request to transfer him from the
candidates for membership in the All-Union Communist Party
(Bolsheviks). 12 May, 1940. The Center for documentation
of social organizations of the Sverdlovsk region.
F. 4. Op. 25. D. 1500. L. 8.

БОБРУЙСКИЙ
Городской Голова
Юлия 30 дня 1917 года.
012508
Милостивый Государь!
С. З. Каценбогену
Симъ извѣщая Васъ, что Вы избраны
въ гласные Бобруйской Городской Думы
на срокъ 1917—1918 г. г., прошу пожа-
ловать въ помѣщеніе ^{геро} театра Рабтина на
первое засѣданіе Городской Думы, имѣ-
ющее быть 1 Августа въ 8 час. вечера.
Городской Голова *В. М. М.*

Извещение С. З. Каценбогену об избрании его
гласным Бобруйской городской думы. 30 июля 1917 г.
Личный архив внука С. З. Каценбогена Г. Е. Верикайна

Notification by S. Z. Katsenbogen about his election
as a vowel of the Bobruisk City Parlament. 30 July, 1917.
Personal archive of grandson S. Z. Katsenbogen G. E. Vershkaia

Выдана. Инварі 9 для 1912 г.

Декан.
(Зубинский)
Матрикуль № 2018
СЛУШАТЕЛЯ
Кіевского Коммерческаго Института
Инициалы
(Коммерческое отделение).

Подготовлено
(Фамилия) Каценбоген
(Имя) С. З.
(Отчество) Зубинский
Сред. учеб. оценок
Годъ поступления 1912
Подпись слушателя
С. З. Каценбоген

Подготовлено обобщенно послѣ зачисления на него слушателя, обязательно не
ранѣе 5-го семестра.
Всѣ записи и подписи студента обязаны сдѣлать въ этой книжкѣ по мѣрѣ
поступления.

4	2	Всѣмъ семестръ	1917 года.	3.	5
Наименованіе предметовъ (курсовъ обязательныхъ и необязательныхъ, практическихъ занятій и знаній).	Фамилія препода- вателя.	Число заче- тныхъ очковъ	Отмѣтки по испи- танию за подписью преподавателя.	Отмѣтки по практиче- скимъ занятіямъ за подписью пре- подавателя.	
1. Ист. экон. В. А. Кошман	В. А. Кошман	4	5 (хорошо)	В. А. Кошман	
2. Ист. экон. В. А. Кошман	В. А. Кошман	2	5 (хорошо)	В. А. Кошман	
3. Экон. экон. Россій. экон. экон.	Россій. экон. экон.	1	3 (хорошо)	Россій. экон. экон.	
4. Ист. экон. экон. экон. экон.	Ист. экон. экон. экон. экон.	1	5 (хорошо)	Ист. экон. экон. экон. экон.	
5. Ист. экон. экон. экон. экон.	Ист. экон. экон. экон. экон.	1	5 (хорошо)	Ист. экон. экон. экон. экон.	
6. Ист. экон. экон. экон. экон.	Ист. экон. экон. экон. экон.	2	5 (хорошо)	Ист. экон. экон. экон. экон.	
7. Ист. экон. экон. экон. экон.	Ист. экон. экон. экон. экон.	2	5 (хорошо)	Ист. экон. экон. экон. экон.	
8. Ист. экон. экон. экон. экон.	Ист. экон. экон. экон. экон.	3	5 (хорошо)	Ист. экон. экон. экон. экон.	
9. Ист. экон. экон. экон. экон.	Ист. экон. экон. экон. экон.	3	5 (хорошо)	Ист. экон. экон. экон. экон.	
10. Ист. экон. экон. экон. экон.	Ист. экон. экон. экон. экон.		5 (хорошо)	Ист. экон. экон. экон. экон.	
11. Ист. экон. экон. экон. экон.	Ист. экон. экон. экон. экон.		5 (хорошо)	Ист. экон. экон. экон. экон.	
12. Ист. экон. экон. экон. экон.	Ист. экон. экон. экон. экон.		5 (хорошо)	Ист. экон. экон. экон. экон.	
13. Ист. экон. экон. экон. экон.	Ист. экон. экон. экон. экон.		5 (хорошо)	Ист. экон. экон. экон. экон.	
14. Ист. экон. экон. экон. экон.	Ист. экон. экон. экон. экон.		5 (хорошо)	Ист. экон. экон. экон. экон.	

Матрикул (зачетная книжка) С. З. Каценбогена – студента Киевского коммерческого института. 1912 г.
Публикуется впервые. Музей БГУ

Matricul (student's record-book) of S. Z. Katsenbogen – student of the Kiev Commercial Institute. 1912.
Published for the first time. Museum of the BSU

Членский билет Саратовского городского Совета рабочих и красноармейских депутатов XVII созыва. 1929 г.

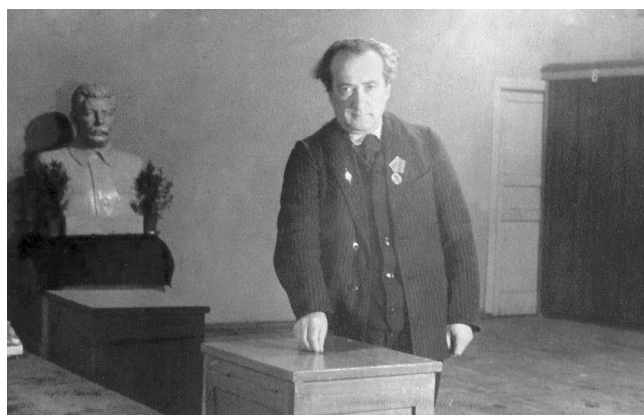
*Личный архив внука
С. З. Каценбогена Г. Е. Вершкайна*

Membership card of the Saratov city council of workers and Red Army deputies of the XVII convocation. 1929. *Personal archive of grandson S. Z. Katsenbogen G. E. Vershkajna*

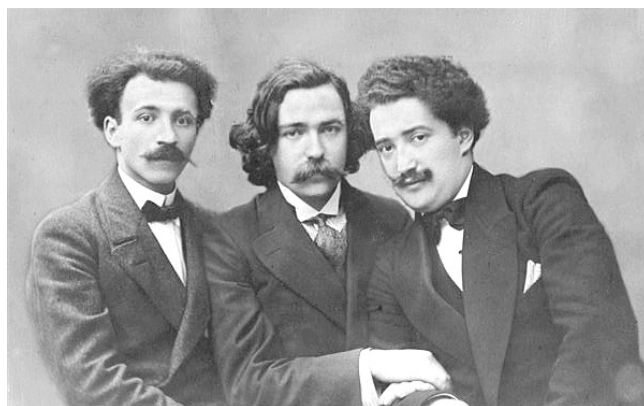
Со студентами [1930-е гг.]. Публикуется впервые.
Личный архив внука С. З. Каценбогена Г. Е. Вершкайна

With students [1930s]. Published for the first time.
Personal archive of grandson S. Z. Katsenbogen G. E. Vershkajna

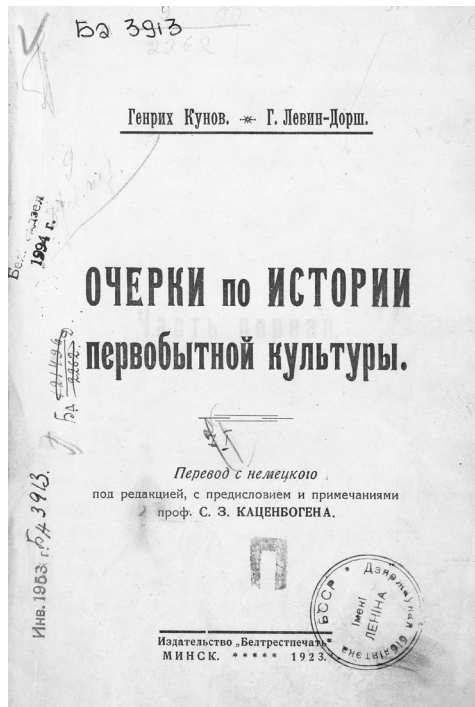
На избирательном участке Свердловска по выборам в Верховный Совет СССР [1946 г.].
Личный архив внука С. З. Каценбогена Г. Е. Вершкайна

At the polling station of Sverdlovsk for elections to the Supreme Soviet of the USSR [1946].
Personal archive of grandson S. Z. Katsenbogen G. E. Vershkajna

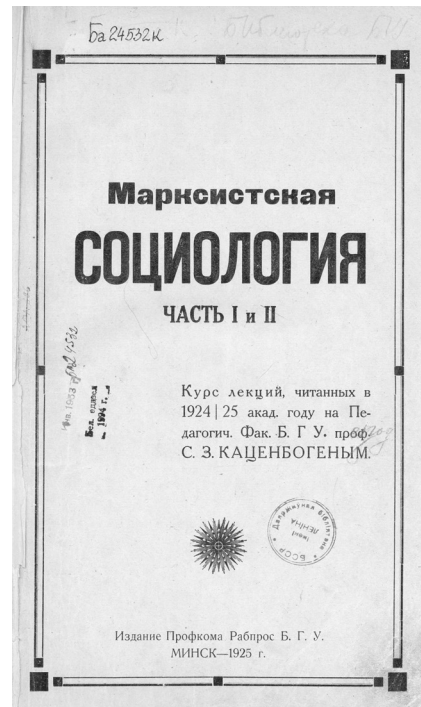
С. З. Каценбоген с друзьями [1910-е гг.].
Личный архив внука С. З. Каценбогена Г. Е. Вершкайна

S. Z. Katsenbogen with friends [1910s].
Personal archive of grandson S. Z. Katsenbogen G. E. Vershkajna

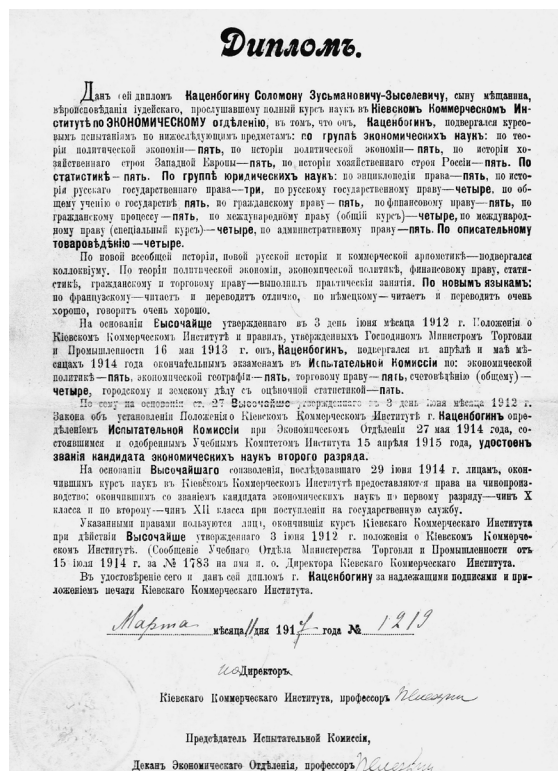
Титульный лист книги С. З. Каценбогена
«Очерки истории первобытной культуры»

The title page of the book S. Z. Katsenbogen
«Essays on the history of primitive culture»

Титульный лист набранного конспекта лекций
С. З. Каценбогена «Марксистская социология»

The title page of the summary of lectures
S. Z. Katsenbogen «Marxist sociology»

Диплом об окончании Киевского коммерческого
института [1914 г.]. Публикуется впервые.
Личный архив внука С. З. Каценбогена Г. Е. Вершакйна

Diploma of the Kiev Commercial Institute [1914]. Published for the first time.
Personal archive of grandson S. Z. Katsenbogen G. E. Vershkajin

С. З. Каценбоген – студент юридического факультета
Петербургского психоневрологического института [1914].
Публикуется впервые. ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 4143. Л. 1

S. Z. Katsenbogen – student of the faculty of law of the Saint
Petersburg Psychoneurological Institute [1914]. Published for the
first time. *Central State historical archive of Saint Petersburg.*
F. 115. Op. 2. D. 4143. L. 2

Деканат факультета общественных наук БГУ.
Слева направо: профессор психологии
и педагогики С. М. Василейский (?),
декан факультета С. З. Каценбоген
и его заместитель профессор
С. Я. Вольфсон [1925 г.]. Музей БГУ

Dean's office of the faculty of social sciences of the BSU.
From left to right: professor of psychology and pedagogics
S. M. Vasilevsky (?), dean of the faculty S. Z. Katsenbogen and
his deputy professor S. Ya. Wolfson [1925].
Museum of the BSU

С. З. Каценбоген за работой [1920-е гг.].
Публикуется впервые. Музей БГУ

S. Z. Katsenbogen at work [1920s].
Published for the first time. *Museum of the BSU*

Жена С. З. Каценбогена Надежда Зиновьевна с детьми
[2-я пол. 1920-х гг.]. Публикуется впервые.

Личный архив внука С. З. Каценбогена Г. Е. Вершкайна

Nadezhda Zinovyevna with children
[the second half of the 1920s]. Published for the first time.
Personal archive of grandson S. Z. Katsenbogen G. E. Vershkajin

Хронологический указатель трудов профессора С. З. Каценбогена

1911

Каценбогин С. З. Маховое колесо истории // Огни. 1911. № ?

1912

Каценбогин С. З. Крестьянские войны в Германии. Киев, 1912.

1914

Каценбогин С. З. Хозяйственные силы Германии. К пересмотру русско-германского торгового договора. Киев, 1914.

1920

Каценбогин С. З. Пролетариат и крестьянство (социологический труд). Минск, 1920.

1921

Каценбогин С. З. Наши задачи // Вестн. Нар. комиссариата просвещения ССРБ. 1921. № 1. С. 2.

Каценбогин С. З. Задачи просвещения в связи с новой экономической политикой // Вестн. Нар. комиссариата просвещения ССРБ. 1921. № 1. С. 5–7.

Каценбогин С. З. Просвещение и партия. Народное просвещение и партия. Тезисы, принятые Центральным бюро к X конференции КПБ // Вестн. Нар. комиссариата просвещения ССРБ. 1921. № 1. С. 33–35.

Каценбогин С. З. Народное просвещение и задачи партии. Доклад на X конференции КП Белоруссии // Вестн. Нар. комиссариата просвещения ССРБ. 1921. № 2. С. 3–10.

1922

Каценбогин С. Пролетариат и крестьянство // Вперед. 1922. № 1. С. 23–40.

Каценбогин С. З. Инициатива, энергия, общественность. Народное просвещение и наши хозяйственные затруднения // Вестн. Нар. комиссариата просвещения ССРБ. 1922. № 1. С. 3–4.

Каценбогин С. З. Белорусский государственный университет за 1921–1922 академ. год: итоги и перспективы // Працы Беларус. дзярж. ун-ту. 1922. № 2/3. С. 326–364.

Каценбогин С. З. Белорусский государственный университет. Итоги 1-го учебного года // Вестн. Нар. комиссариата просвещения ССРБ. 1922. № 5/6. С. 35–38.

1923

Каценбоген С. З. Первобытный человек. Опыт социологического анализа этнографического романа Рене Марана «Батуала». Минск, 1923.

Каценбоген С. З. Белорусский государственный университет: за 1922–1923 академ. год: итоги и перспективы // Працы Беларус. дзярж. ун-ту. 1923. № 4/5. С. 230–281.

Каценбоген С. З. Спорные вопросы генеомии // Працы Беларус. дзярж. ун-ту. 1923. № 4/5. С. 282–304.

Каценбоген С. З. Сложная форма брака у племени Арусси-Галласов в Абиссинии // Працы Беларус. дзярж. ун-ту. 1923. № 4/5. С. 305–307.

Каценбоген С. З. Классификация каменного века // Очерки по истории первобытной культуры : в 3 ч. / пер. с нем., ред., предисл. и примеч. С. З. Каценбогена. Минск, 1923. Ч. 1. С. XXIX (приложение).

Каценбоген С. З. Археология и этнография и их значение для изучения доистории человечества // Очерки по истории первобытной культуры : в 3 ч. / пер. с нем., ред., предисл. и примеч. С. З. Каценбогена. Минск, 1923. Ч. 2. С. I–VIII.

Каценбоген С. З. Огонь, способы его добывания и связанные с ним религиозные верования и переживания // Очерки по истории первобытной культуры : в 3 ч. / пер. с нем., ред., предисл. и примеч. С. З. Каценбогена. Минск, 1923. Ч. 2. С. IX–XVII.

Каценбоген С. З. История развития жилищ // Очерки по истории первобытной культуры : в 3 ч. / пер. с нем., ред., предисл. и примеч. С. З. Каценбогена. Минск, 1923. Ч. 2. С. XVIII–XL.

Каценбоген С. З. Самоочищение, а не самоубийство // Звезда. 1923. 25 дек. С. 4.

1924

Каценбоген С. З. Великий диалектик революции // Звезда. 1924. № 22.

Каценбоген С. З. Эволюция оружия // Очерки по истории первобытной культуры : в 3 ч. / пер. с нем., ред., предисл. и примеч. С. З. Каценбогена. Минск, 1924. Ч. 3. С. I–XV.

Каценбоген С. З. Генезис и эволюция украшений и одежды // Очерки по истории первобытной культуры : в 3 ч. / пер. с нем., ред., предисл. и примеч. С. З. Каценбогена. Минск, 1924. Ч. 3. С. XVI–XXVIII.

Каценбоген С. З. Краткий библиографический указатель по истории первобытной культуры // Очерки по истории первобытной культуры : в 3 ч. / пер. с нем., ред., предисл. и примеч. С. З. Каценбогена. Минск, 1924. Ч. 3. С. XXIX–XXXI.

Каценбоген С. З. Ленин, 1 мая и международное рабочее движение. Минск, 1924.

Каценбогин С. З. Библиографическое обозрение литературы о В. И. Ленине // Вперед. 1924. № 1. С. 86–93.

Каценбоген С. З. Нарысы па гісторыі першабытнай культуры Беларусі // Полымя. 1924. № 1. С. 156–162.

Каценбоген С. З. Ленин и Октябрьская революция // Вперед. 1924. № 2. С. 34–40.

Каценбоген С. З. Вузы и материалистическое мировоззрение // Белорус. студент. 1924. 8 окт.

Каценбоген С. З. В. И. Ленин – великий диалектик революции // Голос пролетар. студенчества. 1924. № 1. С. 3–4.

Каценбоген С. З. Голос пролетарского студенчества // Голос пролетар. студенчества. 1924. № 1. С. 5–6.

1925

Каценбоген С. З. Что такое марксизм (философские и социологические основания). Минск, 1925.

Каценбоген С. З. Марксистская социология : в 2 ч. Минск, 1925.

Каценбоген С. З. Месца сацыяльна-эканамічнае асьветы ў сыстэме савецкага будаўніцтва // Чырвоны сыцяг. 1925. № 2. С. 6–13.

Каценбоген С. З. Сялянскі рух на Захадзе. Да 400-годдзя сялянскага паўстання ў Нямеччыне – 1525–1925 г. / пер. на бел. мову У. Міхалевіч // Полымя. 1925. № 3. С. 85–97.

Каценбоген С. З. Историческое значение Ленина // Вперед. 1925. № 4. С. 54–66.

Каценбоген С. З. [Рецензия] // Вперед. 1925. № 4. С. 91–93. Рец. на кн.: Эферот, Гуго. Библия безбожника. М., 1924.

Каценбоген С. З. Ленін і Кастрычніцкая рэвалюцыя // Чырвоны сыцяг. 1925. № 5/6. С. 16–21.

Каценбоген С. З. Ленин о государстве // Працы Беларус. дзярж. ун-ту. 1925. № 6/7. С. 1–18.

Каценбоген С. З. Правовое положение евреев в Белоруссии накануне революции 1917 г. // Працы Беларус. дзярж. ун-ту. 1925. № 6/7. С. 189–200.

Каценбоген С. З. Пяць год існавання Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту // Савец. Беларусь. 1925. 30 кастр. С. 5.

Каценбоген С. З. Место высшего социально-экономического образования в системе советского строительства // Первый выпуск Белорусского государственного университета, 20 февраля 1925 года : докл. и выступления. Витебск, 1925. С. 3–12.

Каценбоген С. З. Н. Г. Чернышевский и искусство // Саратовский государственный театр им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1925. С. 8–10.

Володкович Ф. С., Шубин А. М. Кредитные учреждения Союза ССР и Белорусской ССР. Минск, 1925.

Игнатовский В. М., Смолич А. А. Белоруссия. Территория, население, экономика. Важнейшие моменты истории: экономический очерк советской Белоруссии и ее округов / под ред. С. З. Каценбогена, В. Шульмана, И. А. Петровича. Минск, 1925.

Переход В. И. Леса и лесное хозяйство БССР : краткий очерк / под ред. С. З. Каценбогена, В. Шульмана, И. А. Петровича. Минск, 1925.

1926

Каценбоген С. З. Да пытання аб заканамернасці грамадзянскага жыцця // Полымя. 1926. № 1. С. 87–96.

Каценбоген С. З. Диалектический материализм и механистическое мировоззрение // Працы Беларус. дзярж. ун-ту. 1926. № 11. С. 1–17.

Каценбоген С. З. Михаил Александрович Бакунин. К 50-летию со дня смерти // Саратов. изв. 1926. 1 июля.

Каценбоген С. З. Марксизм и социология. Саратов, 1926.

1928

Каценбоген С. З. О воззрениях Н. Г. Чернышевского на первоначальные формы полового сожительства // Николай Гаврилович Чернышевский. 1828–1928. Неизданные тексты, материалы и статьи / под общ. ред. С. З. Каценбогена. Саратов, 1928. С. 79–82.

Каценбоген С. З. Философские воззрения Н. Г. Чернышевского // Николай Гаврилович Чернышевский. 1828–1928. Неизданные тексты, материалы и статьи / под общ. ред. С. З. Каценбогена. Саратов, 1928. С. 113–150.

Каценбоген С. З. К столетию со дня рождения Н. Г. Чернышевского // К юбилею Чернышевского : сборник. Саратов, 1928. С. I–IV.

Каценбоген С. З. Первый в России воинствующий материалист и революционер // Поволж. правда. 1928. № 141.

Николай Гаврилович Чернышевский. 1828–1928. Неизданные тексты, материалы и статьи / под общ. ред. С. З. Каценбогена. Саратов, 1928.

1929

Каценбоген С. З. Чернышевский в науке. К 40-летию со дня смерти // Поволж. правда. 1929. № 247.

Каценбоген С. З. Л. Н. Толстой (социально-политические и философские воззрения) // Литератур. беседы. 1929. Вып. 1. С. 5–14.

1930

Каценбоген С. З. Программа по диалектическому материализму. Саратов, 1930.

Каценбоген С. З. К новому учебному году. Структура факультетов и их развертывание. – Вопрос о помещениях – важнейший. – Кадры для кадров. – Мобилизовать // За пролетар. кадры. 1930. 6 июля. С. 3.

Каценбоген С. З. Социалистическое строительство, вредительство, право-«левацкий» блок и оппортунистические вылазки // За пролетар. кадры. 1930. 2 дек. С. 2.

1931

Каценбоген С. Итоги современной философской дискуссии // На культур. фронте. 1931. № 7/8. С. 40–44.

Каценбоген С. О Нижневолжском краевом научно-исследовательском институте марксизма-ленинизма // На культур. фронте. 1931. № 9/11. С. 53–57.

Каценбоген С. О Нижневолжском краевом научно-исследовательском институте марксизма-ленинизма // Вестн. Коммунист. акад. 1931. № 5/6. С. 11–20.

Каценбоген С. З. Международное значение письма тов. Сталина // На культур. фронте. 1931. № 20/24. С. 7–9.

1932

Каценбоген С. З. Ленинградская кузница педкадров: к 15-летию Октябрьской революции // На фронте коммунист. просвещения. 1932. № 10/11. С. 64–73.

1933

Каценбоген С. З. О реализации постановления ЦИК о высшей школе Педагогическим институтом имени А. И. Герцена // Коммунист. просвещение. 1933. № 4. С. 103–107.

1934

Каценбоген С. З. Узловые вопросы высшего педагогического образования // Педагог. образ. 1934. № 6. С. 4–16.

1935

Каценбоген С. З. Письмо в редакцию // Под знаменем марксизма. 1935. № 4. С. 208.

1939

Каценбоген С. З. Чернышевский как философ (к 50-летию со дня смерти) // Ученые зап. Сverdлов. гос. педагог. ин-та. История, философия, лингвистика. 1939. Вып. 2. С. 5–14.

Каценбоген С. З. Марксистско-ленинская теория познания // Ученые зап. Сverdлов. гос. педагог. ин-та. История, философия, лингвистика. 1939. Вып. 2. С. 221–259.

Библиографические ссылки

1. Рабинович Э. Е. Фамилии, основы родословных евреев Минской губернии в XVIII – начале XX века : в 2 кн. Минск, 2010. Кн. 1.
2. Центр. гос. истор. арх. Санкт-Петербурга. Ф. 115. Оп. 2. Д. 4143. Личное дело С. З. Каценбогина. 1915–1916 гг.
3. Рос. гос. арх. социал.-полит. истории. Ф. 589. Оп. 3. Д. 5000. Личное дело С. З. Каценбогена.
4. Центр документации обществ. орг. Сverdлов. обл. Ф. 4. Оп. 25. Д. 1500. Личное дело С. З. Каценбогена. 1945–1946 гг.
5. Арх. Саратов. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. Д. 62. Личное дело № 4183 С. З. Каценбогена. 1925–1932 гг.
6. Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 205. Оп. 3. Д. 3615. Личное дело С. З. Каценбогена. 1921–1925 гг.
7. Башко П. К. Бабруйскі Савет рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. Мінск, 1993. Т. 1. С. 261.
8. Пільман І. 1917 год у Бабруйску // Кастрычнік на Беларусі : зб. арт. і дак. Мінск, 1927. С. 136–146.
9. Бунд. Документы и материалы. 1894–1921 / сост. Ю. Амиантов [и др.]. М., 2010.
10. Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 42. Оп. 1. Д. 91. Приказы, циркуляры и инструкции Военревкома и СНК БССР, Компроса, Наркомпроса, Наркомвоендела и НКВД БССР. 1921 г.
11. Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1. Материалы об открытии университета (постановления, протоколы, докладные записки, телеграммы, отчеты). 1920–1921 гг.
12. Н. Б. Открытие Белорусского государственного университета // Вестн. Нар. комиссариата просвещения ССРБ. 1921. № 1. С. 20–22.
13. От X конференции к XI конференции (отчет ЦБ КПБ) // Изв. Центр. бюро коммунист. партии (большевиков) Белоруссии. 1922. 8 марта.
14. Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 205. Оп. 12. Д. 6. Протоколы заседаний президиума Исполбюро профсекции БГУ и общих собраний студентов. 1924–1925 гг.
15. Пічэта В. І. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт напярэдадні 10-годдзя Кастрычнікавай рэвалюцыі // Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1921–1927. Да 10-й гадавіны Кастрычніцкай рэвалюцыі. Менск, 1927. С. 5–46.
16. Вальфсон С. Я. Адрывкі з успамінаў і думкі // Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1921–1927. Да 10-й гадавіны Кастрычніцкай рэвалюцыі. Менск, 1927. С. 52–56.
17. Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 205. Оп. 1. Д. 57. Списки профессорско-преподавательского состава и переписка с ЦИК и Наркомпродом БССР о назначении академических пайков профессорско-преподавательскому составу. 1922 г.

18. Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 205. Оп. 1. Д. 38. Протоколы заседаний Правления университета. 1922 г.
19. Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 205. Оп. 1. Д. 102. Протоколы заседаний Правления университета и деканатов факультетов, списки научных сотрудников и переписка с Главпрофобротом РСФСР об утверждении в должности преподавателей. 1923 г.
20. Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 205. Оп. 1. Д. 79. Протоколы заседаний Правления университета. 1923–1924 гг.
21. Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 205. Оп. 1. Д. 75. Протоколы заседаний Правления университета и списки профессорско-преподавательского состава. 1923 г.
22. Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 205. Оп. 1. Д. 45. Приказы ректора по административно-хозяйственным вопросам и личному составу. 1922–1927 гг.
23. Каценбоген С. З. Первобытный человек. Опыт социологического анализа этнографического романа Рене Марана «Батуала». Минск, 1923.
24. Каценбоген С. З. Спорные вопросы генеомии // Працы Беларус. дзярж. ун-ту. 1923. № 4/5. С. 282–304.
25. Аникин Л. С., Немерюк Е. Е. С. З. Каценбоген и развитие социологии в Саратове // Российское общество в зеркале социологии : сб. науч. тр. / под ред. Г. В. Дыльнова. Саратов, 2007. С. 260–265.
26. Каценбоген С. З. Что такое марксизм (философские и социологические основания). Минск, 1925.
27. Улашчык М. Краязнаўства. Нататкі пра бадзянні ў 1924–1929 гг. 3 рукапіснай спадчыны / падрыхт. тэксту і камент. Я. М. Кісялёвай, В. У. Скалабана; рэдкал. : Н. М. Дзятчых [і інш.]. Мінск, 1999.
28. Каценбоген С. З. Марксистская социология : в 2 ч. Минск, 1925. Ч. 1.
29. Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 205. Оп. 1. Д. 127. Протокол заседания комиссии по проведению 3-й годовщины университета и сведения о работе университета. 1924 г.
30. Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 205. Оп. 1. Д. 77. Протоколы заседаний Правления университета. 1923–1924 гг.
31. Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1168. Протоколы заседания Центрального бюро и общего собрания членов белорусских землячеств пролетарского студенчества вузов г. Москвы, общего собрания членов фракции КП(б)Б педагогического факультета Белгосуниверситета, пленума Белорусского бюро пролетарского студенчества при Центральном бюро профсоюзов БССР. 1923–1924 гг.
32. Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1150. Протоколы заседаний исторической предметной комиссии и заявления студентов об утверждении тем дипломных работ. 1924 г.
33. Яноўскі А. А. Замежны камандзіроўкі гісторыкаў БДУ: творчыя здабыткі і зломы лёсаў // XXI век : актуальные проблемы исторической науки : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ / редкол.: В. Н. Сидорцов (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2004. С. 5–8.
34. Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 205. Оп. 1. Д. 178. Отчет о работе университета за 1924–1925 уч. г. и списки студентов, окончивших университет в 1925 году. 1925 г.
35. Очерки по истории первобытной культуры : в 3 ч. / пер. с нем., ред., предисл. и примеч. С. З. Каценбогена. Минск, 1923–1924.
36. Институт белоруской культуры / апрац. А. І. Цвікевіч. Мінск, 1926.
37. Научно-организационные связи Академии наук СССР и Академии наук БССР: 1929–1941 гг. : сб. док. / сост.: Л. Д. Бондарь, Н. В. Токарев, Г. К. Шишкина. Минск, 2015.
38. Несцяровіч Ю. Навуковы аспект вырашэння праблемы выкарыстання спрэчных культурных каштоўнасцей камісіямі Інбелкульту // Рэстытуцыя культурных каштоўнасцей: праблемы вяртання і сумеснага выкарыстання (юрыдычныя, навуковыя і маральныя аспекты) / рэдкал.: А. Мальдзіс (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск, 1997. С. 224–232.
39. Усебеларуская краязнаўчая канферэнцыя // Савец. Беларусь. 1924. 3 снежня. С. 3.
40. Нац. арх. Респ. Беларусь. Ф. 205. Оп. 1. Д. 171. Протоколы заседаний Правления университета. 1925–1926 гг.
41. Аксельрод-Ортодокс Л. [Рецензия] // Чырвоны сыцяг. 1925. № 7. С. 85. Рец. на кн.: С. З. Каценбоген. Что такое марксизм (философские и социологические основания). Минск, 1925.
42. Хроніка // Чырвоны сыцяг. 1925. № 7. С. 98–101.
43. Хроніка беларускай культуры // Польша. 1925. № 1. С. 182–186.
44. Яновский О. А., Баранова Е. В. Истоки университетской социологии в Беларуси: архивные материалы и размышления историков // Социология. 2007. № 4. С. 10–20.
45. Научные учреждения и научные работники г. Саратова : справ. Саратов, 1927.
46. Семенов В. Н. Ректоры Саратовского университета: факты жизни и деятельности. Саратов, 1999.
47. Саратовский государственный имени Н. Г. Чернышевского университет в 1925 году: краткие сведения о состоянии и работе. Саратов, 1926.
48. Ермолаев В. А. Без гнева и пристрастия. Записки историка / подгот. текста Т. В. Широкова ; вступ. ст. В. Н. Парфенова, В. А. Соломонова. Саратов, 2009.
49. Каценбоген С. О Нижневолжском краевом научно-исследовательском институте марксизма-ленинизма // Вест. Коммунист. акад. 1931. № 5/6. С. 11–20.
50. Саратовский университет. 1909–1959. Саратов, 1959.
51. Хроніка ўніверсітэцкага жыцця // Працы Беларус. дзярж. ун-ту. 1927. № 13. С. 198–210.
52. Кожушков А. И., Яновский О. А. Белорусский государственный университет. Хроника событий (1919–1989) / под ред. Ф. Н. Капуцкого [и др.]. Минск, 1990.
53. Полторацкая М. А. Советская аспирантура (из пережитого) // Записки русской академической группы в США. 1967. Т. 1. С. 23–46.
54. Каценбоген С. З. Письмо в редакцию // Под знаменем марксизма. 1935. № 4. С. 208.
55. Славный путь научной жизни: навстречу 70-летию юбилею аспирантуры УрГПУ // Нар. учитель. 2013. № 2 (1310). С. 2.
56. Уральский государственный университет в биографиях / сост. В. А. Мазур ; под общ. ред. А. В. Подчиненова. Екатеринбург, 2010.
57. Черноухов А. В. Исторический факультет Свердловского университета. 1938–1945. Екатеринбург, 2008.
58. С. З. Каценбоген [некролог] // Сталинец. 1946. 12 сент. С. 2.

References

1. Rabinovich E. E. [Surnames, the foundations of the genealogies of the Jews of the Minsk province in the XVIII – early XX century] : in 2 books. Minsk, 2010. Book 1 (in Russ.).
2. [The Central state historical archive of St. Petersburg. F. 115. Op. 2. D. 4143. Personal file of S. Z. Katsenbogin. 1915–1916] (in Russ.).
3. [The Russian state archive of social and political history. F. 589. Op. 3. D. 5000. Personal file of S. Z. Katsenbogen] (in Russ.).
4. [The Center for documentation of social organizations of the Sverdlovsk region. F. 4. Op. 25. D. 1500. Personal file of S. Z. Katsenbogen. 1945–1946] (in Russ.).
5. [The archive of Saratov State University. D. 62. Personal file of S. Z. Katsenbogen. 1925–1932] (in Russ.).
6. [The National archive of the Republic of Belarus. F. 205. Op. 3. D. 3615. Personal file of S. Z. Katsenbogen. 1921–1925] (in Russ.).
7. Bashko P. K. The Bobruisk Soviet of Workers', Soldiers' and Peasants' Deputies. In: [*Encyclopedia of the history of Belarus*] : in 6 vol. Minsk, 1993. Vol. 1. P. 261 (in Belarus.).
8. Pilman I. [1917 year in Bobruisk]. In: [*October in Belarus*] : collection of articles and documents. Minsk, 1927. P. 136–146 (in Belarus.).
9. Amiantov Y., etc. [Bund. Documents and materials. 1894–1921]. Moscow, 2010 (in Russ.).
10. [The National archive of the Republic of Belarus. F. 42. Op. 1. D. 91. Orders, circulars and instructions of the Military Revolutionary Committee and the Council of People's Commissars of the BSSR. 1921] (in Russ.).
11. [The National archive of the Republic of Belarus. F. 205. Op. 1. D. 1. Materials about the opening of the university (regulations, protocols, memoranda, telegrams, reports). 1920–1921] (in Russ.).
12. N. B. [The opening of the Belarusian State University]. *Vestnik Nar. komis. prosveś. SSRB [Bull. of the People's Commissariat of Education of SSRB]*. 1921. No. 1. P. 20–22. (in Russ.).
13. [From the X conference to the XI conference (report of the Central Bureau of the Communist Party of Belarus)]. In: [*News of the Central Bureau of the Communist party (Bolsheviks) of Belarus*]. 1922. 8 March (in Russ.).
14. [The National archive of the Republic of Belarus. F. 205. Op. 12. D. 6. Minutes of the sessions of the Presidium of the Executive Bureau of the Trade Union Section of the BSU and general meetings of students. 1924–1925] (in Russ.).
15. Picheta V. I. [Belarusian State University on the Eve of the 10th anniversary of the October Revolution]. In: [*Belarusian State University. 1921–1927. By the 10th anniversary of the October Revolution*]. Minsk, 1927. P. 5–46 (in Belarus.).
16. Val'fson S. Ja. [Excerpts from memories and thoughts]. In: [*Belarusian State University. 1921–1927. By the 10th anniversary of the October Revolution*]. Minsk, 1927. P. 52–56 (in Belarus.).
17. [The National archive of the Republic of Belarus. F. 205. Op. 1. D. 57. Lists of professors and teachers and correspondence with the Central Executive Committee and the People's Commissariat of supply of the BSSR. 1922] (in Russ.).
18. [The National archive of the Republic of Belarus. F. 205. Op. 1. D. 38. Minutes of the meetings of the University Board. 1922] (in Russ.).
19. [The National archive of the Republic of Belarus. F. 205. Op. 1. D. 102. Minutes of the meetings of the University Board and minutes of dean's offices of faculties, lists researchers and correspondence with the chief of the Office of Professional Court of the RSFSR on the approval as a lecturers. 1923] (in Russ.).
20. [The National archive of the Republic of Belarus. F. 205. Op. 1. D. 79. Minutes of the meetings of the University Board. 1923–1924] (in Russ.).
21. [The National archive of the Republic of Belarus. F. 205. Op. 1. D. 75. Minutes of the meetings of the University Board and lists of professors and teachers. 1923] (in Russ.).
22. [The National archive of the Republic of Belarus. F. 205. Op. 1. D. 45. Orders of the Rector for Administrative and Economic Affairs and Personnel. 1922–1927] (in Russ.).
23. Katsenbogen S. Z. [Primitive man. The experience of sociological analysis of the ethnographic novel by Rene Maran "Batuala"]. Minsk, 1923 (in Russ.).
24. Katsenbogen S. Z. [Controversial issues of geneonomy]. *Pracy BDU [Proc. of the BSU]*. 1923. No. 4/5. P. 282–304 (in Russ.).
25. Anikin L. S., Nemeryuk E. E. [S. Z. Katsenbogen and development of sociology in Saratov]. In: [Dyl'nov G. V. *Russian society in the mirror of sociology: collection of scientific papers*]. Saratov, 2007. P. 260–265 (in Russ.).
26. Katsenbogen S. Z. [What is Marxism (philosophical and sociological grounds)]. Minsk, 1925 (in Russ.).
27. Ulashchik M. [Local studies. Notes on studies in 1924–1929. From the Manuscript Heritage]. Minsk, 1999 (in Belarus.).
28. Katsenbogen S. Z. [Marxist sociology] : in 2 parts. Minsk, 1925. Part 1 (in Russ.).
29. [The National archive of the Republic of Belarus. F. 205. Op. 1. D. 127. Minutes of the meeting of the commission for the 3rd anniversary of the university and information about the work of the university. 1924] (in Russ.).
30. [The National archive of the Republic of Belarus. F. 205. Op. 1. D. 77. Minutes of the meetings of the University Board. 1923–1924] (in Russ.).
31. [The National archive of the Republic of Belarus. F. 4p. Op. 1. D. 1168. Minutes of the meeting of the central offices and the general meeting of members of the Belarusian local associations of proletarian students of Moscow universities, the general meeting of members of the pedagogical faculty of the BSU, the plenum of the Belarusian Bureau of Proletarian Students at the Central Bureau of Trade Unions of the BSSR. 1923–1924] (in Russ.).
32. [The National archive of the Republic of Belarus. F. 205. Op. 1. D. 1150. Minutes of meetings of the historical subject commission and statements of students about the approval of the themes of the final works. 1924] (in Russ.).
33. Janowski A. A. [Foreign trips of historians of BSU: creative achievements and fate]. [*XXI century: actual problems of historical science*] : materials of the int. sci. conf. dedicated to the 70th anniversary of the faculty of history of the BSU. Minsk, 2004. P. 5–8 (in Belarus.).
34. [The National archive of the Republic of Belarus. F. 205. Op. 1. D. 178. Report on the work of the University for the 1924–1925 academic year and lists of students who graduated from the university in 1925. 1925] (in Russ.).
35. Katsenbogen S. Z. (ed.). [Essays on the history of primitive culture] : in 3 parts. Minsk, 1923–1924 (in Russ.).
36. Cvikevich A. I. [The Institute of Belarusian Culture]. Minsk, 1926 (in Belarus.).

37. Bondar' L. D., Tokarev N. V., Shishkina K. G. (eds). [Scientific and organizational relations of the Academy of Sciences of the USSR and Academy of Sciences of the BSSR: 1929–1941]. Minsk, 2015 (in Russ.).
38. Nescjarovich Ju. [The scientific aspect of the decision problem of the use of controversial cultural values Commissions of the Institute of Belarusian Culture]. In: Mal'dzis A. [*Restitution of cultural property: problems returning and sharing (legal, scientific and ethical aspects)*]. Minsk, 1997. P. 224–232 (in Belarus.).
39. All-Belarusian Regional Studies Conference. *Saveckaja Belarus'* [*The Soviet Belarus*]. 1924. 3 Dec. P. 3 (in Belarus.).
40. [The National archive of the Republic of Belarus. F. 205. Op. 1. D. 171. Minutes of the meetings of the University Board. 1925–1926] (in Russ.).
41. Aksel'rod-Ortodoks L. [Review]. *Chyrvony s'cjag*. 1925. No. 7. P. 85. [Book review : Katsenbogen S. Z. What is Marxism (philosophical and sociological grounds). Minsk, 1925] (in Russ.).
42. [Chronicle]. *Chyrvony s'cjag*. 1925. No. 7. P. 98–101 (in Belarus.).
43. [Chronicle of Belarusian culture]. *Polymja*. 1925. No. 1. P. 182–186 (in Belarus.).
44. Yanovsky O. A., Baranova E. V. [The origins of university sociology in Belarus: archival materials and reflections of historians]. *Sotsiologiya* [*Sociology*]. 2007. No. 4. P. 10–20 (in Russ.).
45. [Scientific institutions and scientific workers of Saratov] : catalogue. Saratov, 1927 (in Russ.).
46. Semenov V. N. [Rectors of Saratov University: facts of life and activities]. Saratov, 1999 (in Russ.).
47. [Saratov State University named by N. G. Chernyshevski in 1925]: a summary of the status and work. Saratov, 1926 (in Russ.).
48. Ermolaev V. A. [Without anger and predilection. Notes of the historian]. Saratov, 2009 (in Russ.).
49. Katsenbogen S. Z. [About Nizhnevolzhsky Regional Research Institute of Marxism-Leninism]. *Vestnik Kommunisticheskoi akademii* [*Bull. of the Communist Acad.*]. 1931. No. 5/6. P. 11–20 (in Russ.).
50. [The Saratov University. 1909–1959]. Saratov, 1959. (in Russ.).
51. [Chronicle of university life]. *Pracy BDU* [*Proc. of the BSU*]. 1927. No. 13. P. 198–210 (in Belarus.).
52. Kozhushkov A. I., Yanovskii O. A. [The Belarusian State University. Chronicle of events (1919–1989)]. Minsk, 1990 (in Russ.).
53. Poltoratskaya M. A. [Soviet graduate school (from the experience)]. *Zapiski russkoi akademicheskoi gruppy v SShA* [*Transactions of the Association of Russian-American scholars in the USA*]. 1967. Vol. 1. P. 23–46 (in Russ.).
54. Katsenbogen S. Z. [The letter of editorial office]. *Pod znamenem marksizma* [*Under the banner of Marxism*]. 1935. No. 4. P. 208 (in Russ.).
55. [The glorious path of scientific life: towards the 70th anniversary of postgraduate study of the Urals State Pedagogical University]. *Nar. uchitel'* [*The People's Teacher*]. 2013. No. 2 (1310). P. 2 (in Russ.).
56. Podchinenov A. V. (ed.). [The Ural State University in biographies]. Ekaterinburg, 2010 (in Russ.).
57. Chernouhov A. V. [The faculty of history of Sverdlovsk University. 1938–1945]. Ekaterinburg, 2008 (in Russ.).
58. [S. Z. Katsenbogen]. *Stalinec*. 1946. 12 Sept. P. 2 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 05.06.2017.
Received by editorial board 05.06.2017.

ДИСКУССИЯ

DISCUSSION

УДК 101 (091)

НА ПУТЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

В. Ф. БЕРКОВ¹⁾

¹⁾Республиканский институт высшей школы,
ул. Московская, 15, 220007, г. Минск, Беларусь

Показано, что на рубеже XX–XXI вв. общественно-гуманитарные науки оказались в состоянии серьезного методологического кризиса. Под давлением социума и соответствующего идеологического воздействия поставлена под сомнение концепция материалистического понимания истории: ей на смену пришли разные вариации давно изжившего себя позитивизма. Высказывается мысль о том, что преодоление кризиса связано с возвращением к диалектике в марксистском, деятельностно-практическом, понимании.

Ключевые слова: общественно-гуманитарные науки; методологический кризис; принцип всесторонности рассмотрения; материалистический принцип деятельности; понятие интереса; материалистическое понимание истории.

METHODOLOGICAL CRISIS IN THE SOCIAL AND HUMAN SCIENCES AND WAYS TO OVERCOME THE CRISIS

V. F. BERKOV^a

^aNational Institute for Higher Education,
Maskowskaja Street, 15, 220007, Minsk, Belarus

The article shows that at the turn of XX–XXI centuries social and human sciences are found to be in a serious methodological crisis. Under pressure from society with corresponding ideological influence the materialist conception of history was

Образец цитирования:

Берков В. Ф. На путях преодоления методологического кризиса в социально-гуманитарных науках // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 2. С. 87–94.

For citation:

Berkov V. F. Methodological crisis in the social and human sciences and ways to overcome the crisis. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 2. P. 87–94 (in Russ.).

Автор:

Владимир Федотович Берков – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии и методологии университетского образования.

Author:

Vladimir Berkov, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy and methodology of university education.
vlad-berkov@yandex.ru

put to the question and replaced by the different variations of exploded positivism. Overcoming the crisis is associated with a return to the dialectics in its Marxist, activity-practical sense (using such categories as «need», «interest», «value», «goal», «mean», «result» etc.).

Key words: social and human sciences; methodological crisis; comprehensive consideration principle; materialistic principle of activity; notion of interest; materialist conception of history.

Великая Октябрьская социалистическая революция – событие, определившее историю XX в. Оно позволило нашей Родине совершить беспрецедентный рывок в развитии производительных сил, выстоять в борьбе с самым жестоким, коварным и человеко-ненавистническим врагом в Великой Отечественной войне, достичь наивысшего расцвета в области науки, образования и культуры, сделать многое для осуществления мечты человечества о Справедливости, Правде, Добре. Нельзя не признать, что лозунги, написанные на знаменах социалистической революции, вновь становятся актуальными, обладают огромной притягательной силой.

Столетний юбилей Октябрьской революции вызывает стремление осознать значение, смысл, характер прошедшего периода истории, дать критический анализ его переломных моментов. Настало время с позиций высоких идеалов бросить взгляд и на историю, хотя весьма короткую, нашей родной независимой Беларуси.

В данной статье ставится весьма скромная и достаточно узкая задача – осветить состояние решающего фактора в развитии научного знания, а именно методологического инструментария, который используется, в частности, в социально-гуманитарных науках на постсоветском пространстве.

Методологический кризис в социально-гуманитарных исследованиях на рубеже XIX–XX вв.

Революционные преобразования, начатые на постсоветском пространстве в 1990-е гг., затрагивали прежде всего экономическую и социальную сферы нашего жизнеустройства. Вместе с тем возникла ситуация, позволяющая надеяться на освобождение духа, реализацию способности пробуждающегося сознания к самоопределению и творчеству. И уже казалось, что положено начало концу эпохи бессилия, безвластия людей, неспособных повлиять на собственную жизнь и ход событий в условиях административно-бюрократического произвола, что мы начинаем «как бы заново самостоятельно мыслить и говорить то, что думаем, без страха, не оглядываясь по сторонам, выражать свое и выслушивать чужое мнение <...> постепенно освобождаемся от гнетущего чувства не востребованности своей личности, ума и воли, которыми привыкли манипулировать все, кому не лень» [1, с. 3–4].

Однако на практике все оказалось намного сложнее. Благородные цели, которые долгие годы вынашивала интеллектуальная элита, в ходе общественных преобразований оказались забытыми или превратились в пустой звук. Победу одержали иные ценности. «Мы чуть-чуть допустили элементы товарного производства, и уже начал, как во времена первоначального накопления капитала, развиваться дикий ростовщическо-купеческий, допотопный, ублюдочный капитализм. Трудно даже было ожидать, что такое может быть», – сетовал известный российский экономист А. В. Бузгалин [2, с. 297].

Наряду с экономическими и социальными проблемами в обществе стали проявляться симптомы глубокого мировоззренческого кризиса. Они обна-

руживали себя в растерянности, смятении, раздвоенности сознания даже либерально настроенных интеллектуалов – инициаторов осуществляемых общественных преобразований, а в своем крайнем выражении – в разгуле самых реакционных идей, направленных на глубокое поражение общественного сознания, в огульном охаивании советского наследия, в откате к самым примитивным представлениям о развитии общества, к иррациональным действиям по его реформированию.

Кризисные явления глубоко проникают в сферу методологии научного познания. В итоге исследовательский процесс, как способ производства нового знания, замещается его имитацией. Резко обостряется «застарелая болезнь» обществоведческой литературы – ее описательность, фрагментарность и эклектизм. В соответствии с природой и требованиями социальной среды на задний план уходят навыки рационального мышления: для общества потребления они попросту излишни. Прилагается немало усилий, чтобы опорочить стержень всякого теоретического мышления, диалектику, и ее важнейший компонент, диалектическую логику. Труды классиков марксизма, особенно те, которые имеют большое методологическое значение и призваны быть настольными книгами каждого исследователя-обществоведа («Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Гражданская война во Франции», «Диалектика природы» и др.), исчезают с библиотечных полок. Раздел о марксистской философии исключается из учебного процесса [3].

Дело доходит до того, что наличие теоретических аспектов в учебном материале провозглашается не достоинством, а недостатком [4]. В сфере образования на роль новой парадигмы претендует пришедшая к нам с Запада точка зрения, известная как компетентностный подход, предполагающий резкую переориентацию всего учебного процесса с понятий «образованность», «общая культура», «воспитанность» на понятия «полезность», «успешность», «мобильность», «решительность», «конкурентоспособность».

В обществоведческой научной и учебной литературе преобладают подходы, претендующие на внесубъектное предъявление объекта, рассматривающие его в естественном состоянии. Таков, в частности, учебный курс политологии. При освещении политики как ключевого содержательного компонента курса авторы учебников ограничиваются лишь освещением явленческих ее сторон, не выходящим за грани описания политических институтов (государства, партий, общественных объединений и т. д.) и политических процессов, реализующихся в идеологии и соответствующих актах политической деятельности, политических решениях, социальных конфликтах, международных отношениях и т. д. Эти описания статичны, поверхностны, бессистемны и, естественно, не позволяют вскрыть глубинные, сущностные свойства. Поэтому отсутствие формулировок законов политической науки представляется неслучайным, как неслучайно, вследствие этого, отсутствие процедур основательного объяснения в учебных курсах.

Не лучше дело обстоит в сфере социологии. Здесь наблюдается сдвиг исследовательского внимания с изучения объективных социальных процессов, общностей, структур и их связей на анализ их отражения в сознании отдельных групп лиц. Пересматривается предмет социологии – им провозглашается сознание как отражение социальной сферы. Звучат призывы не к отображению социальной жизни в качестве реальности как таковой, к вскрытию господствующих там закономерностей, а к реконструкциям социального процесса исходя из точек зрения, мнений его участников. Анкетные опросы – решающий и едва ли не единственный методологический ориентир в подобного рода исследованиях. Неудивительно, что их результаты обладают крайне ограниченной ценностью и пригодны разве что для создания или коррекции общественного мнения (пиара) во время предвыборных кампаний. Сетования отдельных авторов на отсутствие теоретического осмысления общественных процессов остаются без должной реакции, да и решение этого вопроса в рамках принятой методологии не имеет перспективы. Вслед за К. Марксом можно сказать, что нынешняя социология не

может его решить, «не сбросив своей буржуазной кожи» [5, с. 552].

В начале 1990-х гг. происходит резкий поворот в экономической науке. Под предлогом приобщения к мировой экономической мысли она уходит от постановки и обсуждения многих актуальных вопросов общего характера. Парадигмальную окраску приобретают неоклассические и неoinституциональные подходы, несоразмерные, как правило, с нашей действительностью. Научная литература заполняется наспех сколоченными компиляциями концепций западных идеологов. Руководящей нитью научных занятий становится методологический плюрализм, допускающий множественность «правд» с претензией каждой из них на роль абсолютной истины. Создается реальная почва для развития антинауки, лженауки и всего, что с ними связано. Практико-ориентированная направленность преподавания экономической теории сводится к конкретным рецептам, нацеленным прежде всего на сиюминутный и очевидный успех. Явно снижается культура мышления, отчетливо проявляется неспособность молодых специалистов ориентироваться в социально-экономической среде.

Налицо – парадокс деисторизации исторической науки. На фоне справедливых высказываний о ее значимости происходит процесс противоположного свойства – отказ от принципа объективности исторического знания, от поиска критериев его истинности. Под лозунгом деидеологизации объявляется потерпевшей крушение марксистская концепция материалистического понимания исторического процесса. В противовес ей навязываются методологические установки, почерпнутые из ресурсов давно изжившего себя позитивизма и представленные в глянцево-упаковках постмодернизма, постструктурализма, деконструктивизма и прочих концепций, которые якобы не только новы, но и более прогрессивны [6, с. 71–101]. Теперь, оказывается, не надо вскрывать глубинные причинно-следственные связи событий, вникать в соотношение сущности и явлений, давать им объяснения, отделять необходимое от случайного, общее от особенного и т. д.

Таким образом, инновации, внедряемые новыми идеологами в науки социально-гуманитарного профиля, привели не к их прогрессивному развитию, а к глубокому системному кризису. Пораженным оказался прежде всего их фундамент – научная методология. При этом решающую роль сыграло внешнее влияние. Линия фундаментальных исследований оказалась искусственно оборванной. По словам одного авторитетного автора, «восторжествовала обезьянья манера “тяготения к чужому”, то, что можно назвать ксенофобией на оборот, рабская подражательность, изнурительное эпигонство» [7, с. 317].

Методологический плюрализм и критерий истинности социально-гуманитарного знания

Важнейший принцип диалектической логики – всесторонность рассмотрения исследуемого предмета. «Чтобы действительно знать предмет, – писал В. И. Ленин, – надо охватить, изучить все его стороны, все связи и “опосредования”. Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвления» [8, с. 290]. Но нередко всесторонность понимается слишком плоско, односторонне – как требование, имеющее отношение лишь к внешним, явленческим сторонам исследуемого предмета, в отвлечении от его внутренних, глубинных, сущностных связей. Последние же могут быть раскрыты лишь в процессе деятельности человека, при ответах на его запросы, порождении интересов и удовлетворении его потребностей. Эти связи являются определяющими в отношении внешних сторон. Успех целеполагания и творчества с необходимостью зависит от понимания внутренних, существенных связей и отношений, ориентация лишь на внешние неизбежно чревата крахом намеченных планов и программ.

Но чаще всего наблюдается не только упрощенное понимание принципа всесторонности, но и полное его замещение принципом разносторонности, или, в современной терминологии, принципом методологического плюрализма. Гносеологические корни его уходят в мировоззренческо-идеологическую и философскую сферу. Например, разные картины российской истории у С. М. Соловьева и у В. О. Ключевского родились в силу различий их исходных философских позиций, гегелевской позиции у первого, позитивистской – у второго [9, с. 102–113].

Для постижения сущности некоторая «правда» может оказаться пригодной и полезной, но лишь временно. Как заметил В. И. Ленин при конспектировании «Науки логики» Г. В. Ф. Гегеля, «отдельное бытие (предмет, явление etc.) есть (лишь) **одна сторона** идеи (истины). Для истины нужны еще другие стороны **действительности**, которые тоже лишь кажутся самостоятельными и отдельными (*besonders für sich bestehende*). Лишь в их совокупности (*zusammen*) и в их *отношении* (*Beziehung*) реализуется истина» [10, с. 178]. Таким образом, различные точки зрения, или «правды», суть не что иное, как «ступеньки», ведущие к истине в процессе восхождения от абстрактного к конкретному, к синтезу многих определений, к «единству многообразного» (К. Маркс).

Вместе с тем ориентация на методологический плюрализм порождает опасность появления «ступенек» как пустых абстракций, т. е. отдельных «правд», далеких от истины. Поскольку, как счита-

ют некоторые авторы, предыдущая историография представила историю белорусского народа в искаженном виде, постольку требуется ее коренное переосмысление. В их понимании истину следует искать, освещая проблемы этногенеза белорусского этноса, становления и развития его государственности, культуры, освободительной борьбы *с национальной точки зрения*, в соответствии с *нашей национальной идеологией*. При этом в качестве дополнительного аргумента приводится соображение о том, что под этим углом зрения исторические труды создаются у наших соседей. А то, что при таких подходах история из науки превращается в субъективное представление о прошлом, этих авторов не особенно заботит. Вполне очевидны и практические (идеологические и политические) последствия такого рода ориентаций. Яркий пример – ситуация в Украине.

Методологический плюрализм разрешает использование любых приемов и процедур, в том числе, наряду с рациональными, привнесенных, интуиционистских и даже иррациональных. В качестве критериев выбора исследовательских тем и методов могут оказаться местнические интересы, модные поветрия, личные пристрастия и т. д. В последние годы в белорусской исторической публицистике стала модной «земляческая» проблематика. Подход при этом следующий: если некий исторический персонаж – наш земляк, то он едва ли не национальный герой и, естественно, с полным правом должен занимать почетное место в ряду выдающихся представителей белорусского народа. При этом не так важно, кто он – гений или злодей. Как правило, авторы идут на «просеивание» личностных качеств своих подопечных, выпячивая положительные и «забывая» об отрицательных. Искажённое представление о действительности (переписывание истории) – естественное следствие таких ориентаций.

Например, журнал «Беларуская думка» опубликовал материал о белогвардейском генерале В. З. Май-Маевском, выходец из Могилёвской губернии [11, с. 43–51]. Он представлен личностью, которой можно только восхищаться: патриот России, блестящий полководец, любимец солдат, пример мужества и хладнокровия. Однако при этом «за скобки» вынесено главное, существенное. Ведь В. З. Май-Маевский был одним из тех, кто стремился повернуть колесо истории вспять, установив военную диктатуру и реставрировав монархию. Своими гнусными делами, связанными с массовыми расстрелами без суда и следствия, грабежами, он удивлял даже своего шефа, генерала А. И. Деникина [12].

По всей вероятности, приверженцы концепции методологического плюрализма постараются оправдать авторов, представивших В. З. Маймаевского в таком завидном свете: у них, мол, своя правда. И тут неизбежно и крайне остро встает кардинальный вопрос о критериях истинности социогуманитарного познания, прежде всего в его первоначально-бытийной форме: существуют ли они, эти критерии?

Полагаем, что все же существуют. Их непосредственную основу составляют ценности, выражающие интересы всего человечества. Надо иметь в виду исторически преходящий характер этих ценностей. На стадии становления капиталистической общественной формации они концентрировались вокруг лозунга «свободы, равенства и братства», сегодня сосредоточиваются в глобалистике – совокупности теоретических взглядов

и представлений о наиболее важных и острых проблемах существования человечества на нынешней стадии развития (предотвращение мировой ракетно-ядерной войны, устранение угроз, связанных с загрязнением окружающей среды, истощением природных ресурсов, продовольственными проблемами и т. д.). Опосредованно за ними стоят факторы, имеющие основополагающее, законосообразное и решающее значение: движение человечества по восходящей линии, демократизация социальных институтов, раскрытие сущностных сил всех и каждого человека в отдельности [13, с. 56–58]. На повседневно-практическом уровне не каждая социальная группа или ее представитель способны придерживаться общечеловеческих ценностей. Нередко их деятельность всецело подчинена другим, часто сиюминутным, корыстным интересам.

Материалистический принцип деятельности – ориентир преодоления методологического кризиса в социально-гуманитарных науках

Решающую роль в преодолении методологического кризиса, который постиг социально-гуманитарные науки на рубеже XX–XXI вв. и продолжает сотрясать их до сих пор, следует отвести принципу деятельности. Материалистическая традиция разработки этого принципа восходит к К. Марксу [14, с. 264–266].

Объективную основу материалистического принципа деятельности составляет особый предмет, а именно *история как деятельность преследующего свои цели человека*. Будучи отраженной в теоретическом сознании, история в соответствии с законом оборачивания в методе (нем. *Umschlag in der Methode*) [15, с. 55–57] становится самостоятельным исходным пунктом нового процесса, имеющего познавательный характер. Как следствие, в философии и методологии науки оформляется идея историзма – познания вещей и явлений в их становлении и развитии, в органической связи с порождающими их условиями. В качестве определенного способа теоретического исследования историзм есть фиксация такого изменения, в котором выражается формирование специфических свойств и связей вещей, определяющих их сущность и своеобразие. Здесь объект – уже не внесубъектный, естественный, застывший фрагмент внешнего мира, каким он представляется при недействительном, созерцательном подходе. В категориях деятельностно-практической концепции возможно наиболее полное раскрытие сущности всякого общественного явления. Эта концепция составляет философскую основу материалистического понимания истории.

Деятельностно-практическая концепция отображает активную сторону общественных отношений. В ее свете знание в форме объекта является

производным, вторичным, выводным по отношению к знанию о предмете как сгустку человеческого труда, к знанию в форме деятельности. Подобно тому, как объективные характеристики всякой человеческой деятельности опредмечиваются и угадывают в свойствах ее продуктов, знание в форме деятельности опредмечивается и кристаллизуется в знании в форме объекта [16, с. 209–231]. Представляя собой результат познания, знание в форме объекта трактуется не только старым, но и нынешним, созерцательным, материализмом и соответствующей ему методологией как внутренне присущее предмету без какого бы то ни было отношения к породившей его практической деятельности. Но такая установка является познавательно ограниченной, а потому объективной лишь по видимости.

Деятельностно-практическая концепция воплощается в особой системе понятий, одни из которых – понятия цели, средства, результата – суть узловые элементы, *категории* этой системы, другие же – понятия противоречия, сущности и явления, необходимости и случайности, возможности и действительности, части и целого – находятся в отношении подчинения к узловым, наполняются содержанием последних. Например, в процессе производства нового знания нечто существенное в одних случаях может быть средством, а в других – стать целью или результатом, или наоборот. То же можно сказать и о других подчиненных понятиях, которые, в свою очередь, имеют продолжение в частных дисциплинах – социологии, экономической теории и т. д.

В философской литературе советского периода названные понятия категориального уровня (цель, средство, результат и др.) долгое время были в тени. Например, в многочисленных исследованиях

по вопросам взаимосвязи категорий диалектики в 1950–70 гг. эти понятия даже не упоминаются¹. Положение изменилось лишь в связи с публикацией на русском языке в начале 1960-х гг. ранних рукописей К. Маркса. В прорывных работах Г. П. Щедровицкого, В. С. Стёпина, И. С. Алексеева, Э. Г. Юдина, В. М. Межуева и других ученых было показано, что проблема происхождения теоретического знания, принципы и способы его построения могут быть осознаны только с позиций заложенной К. Марксом фундаментальной идеи о деятельностно-практической природе познавательного процесса. Эта идея нашла серьезную поддержку и у представителей частных дисциплин. Среди них особо следует отметить С. Л. Рубинштейна, который предложил принцип деятельности как средство осмысления процессов, изучаемых в психологии и педагогике; Л. С. Выготского, автора культурно-исторической концепции развития высших психических функций; В. П. Зинченко, В. М. Мунипова и других исследователей, продемонстрировавших продуктивность деятельностного подхода к изучению процессов оптимизации средств и условий труда; А. Н. Колмогорова, одного из создателей конструктивистского направления в логике и математике.

В частных дисциплинах социально-гуманитарного профиля, ориентирующихся на марксистский метод, на первый план выходит общенаучное понятие *интереса* (конкретизирующее категорию цели) как форма проявления потребности, обеспечивающей направленности деятельности личности, социальной группы. Поэтому исследование общественной жизни начинается с абстракций, как бы лежащих на поверхности изучаемого предмета, – с интересов той или иной социальной группы, и ни одно действие группы не может быть понято, если не выяснены интересы, его породившие. По этому поводу можно вспомнить классическое высказывание В. И. Ленина: «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов» [17, с. 47].

Первой и весьма удачной попыткой объяснить целый период французской истории на основе деятельностно-практического принципа была работа К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» [18, с. 5–110]. Она крайне важна не только в историографическом, но и в методологическом плане.

Период 1848–1850 гг. К. Маркс с полным правом называл революционным в истории Франции. Бо-

лее того, он показал, что «революция шла вперед и прокладывала себе дорогу не своими непосредственными трагикомическими завоеваниями, а напротив, тем, что она порождала сплоченную и крепкую контрреволюцию, порождала врага, в борьбе с которым партия переворота только и вырастала в подлинно революционную партию» [19, с. 7].

Казалось бы, в соответствии с методологическими установками материалистического понимания закономерностей исторического процесса следовало начинать анализ с экономического положения Франции в этот период. Однако К. Маркс идет обратным путем, теоретически осваивая прежде всего отношения между партиями во французском парламенте, давая характеристику общественным группам, представленным в этом законодательном органе: мелкой буржуазии с ее колебаниями, утопическими стремлениями возвыситься над классовыми противоречиями; крестьянства с его внутренним расслоением и господством в его среде реакционных предрассудков, укрепляемых целенаправленной идеологической обработкой; крупной буржуазии с ее контрреволюционными антирепубликанскими настроениями; соперничающих монархических течений. Впоследствии Ф. Энгельс, касаясь подхода К. Маркса к исследованию сложившейся ситуации, разъяснял: «При суждении о событиях и цепи событий текущей истории никогда не удается дойти до *конечных* экономических причин. <...> Ясной картины экономической истории какого-нибудь периода никогда нельзя получить одновременно с самими событиями, ее можно получить лишь задним числом, после того как собран и проверен материал. <...> Поэтому материалистическому методу слишком часто приходится здесь ограничиваться тем, чтобы сводить политические конфликты к *борьбе интересов* (курсив наш. – В. Б.) общественных классов и фракций классов, созданных экономическим развитием, а отдельные политические партии рассматривать как более или менее адекватное политическое выражение этих самых классов и их фракций» [20, с. 529–530].

По-иному выглядит исследование Ф. Энгельсом «краеугольного камня немецкой истории» – Крестьянской войны в Германии (1524–1526) [21, с. 343–438], хотя понятие интереса и здесь остается центральным. Благодаря изысканиям немецких историков, прежде всего трудам В. М. Циммермана, в руках Ф. Энгельса оказалось достаточно фактического материала, чтобы судить об экономических причинах этого события. Поэтому его произведение «Крестьянская война в Германии» начинается с описания положения, сложившегося к началу XVI в. в немецкой промышленности, торговле, земледелии, транспорте,

¹Тугаринов В. П. Соотношение категорий диалектического материализма. Л., 1956; Кузьмин Е. С. Система онтологических категорий. Иркутск, 1958; Копнин П. В. Диалектика как логика. Киев, 1961; Шентулин А. П. Система категорий диалектики. М., 1967; Сагатовский В. Н. Основы систематизации всеобщих категорий. Томск, 1973; Диалектика научного познания. Очерк диалектической логики. М., 1978 и др.

денежном обращении. Затем дается характеристика различным социальным группам (классам, условиям), сложившимся в феодальной иерархии: князьям, дворянам, чиновникам, священникам, патрициям, бюргерам, крестьянам. Последние, за исключением городского плебса, находились в наихудшем положении. На крестьянина ложилась вся общественная пирамида. В условиях бурного роста городов и дальнейшего развития капиталистических отношений эксплуатация крестьян проявилась с новой силой. Массовый характер приобретало их крепостное закабаление. Неслучайно во время Крестьянской войны в Германии требование освобождения от крепостной зависимости сделалось самым общим лозунгом восставших.

Ф. Энгельс замечает, что многочисленные социальные группы «составляли чрезвычайно хаотическую массу с весьма разнообразными, во всех направлениях взаимно перекрещивающимися потребностями. Каждое сословие стояло поперек дороги другому и находилось в непрерывной, то скрытой, то открытой борьбе со всеми остальными» [22, с. 357–358]. Это наблюдение Ф. Энгельса существенно отличается от картины, нарисованной В. Циммерманом, который видит в классовой борьбе той эпохи «лишь угнетателей и угнетенных, злых и добрых и конечную победу злых» [23, с. 413] и, следовательно, ищет основания общественных отношений в сфере морального сознания. Ф. Энгельс

же пытается рассмотреть события с точки зрения материалистического истолкования истории, где принцип деятельности является главенствующим.

Метод К. Маркса находит приложения не только в сфере социогуманитарного познания. Убедительное подтверждение – современные синергетические изыскания. Фактически синергетика следует за марксизмом, утверждая, что проблема реальности неотделима от проблемы человеческого существования, что, в частности, «великие законы физики не являются “всего лишь” отражением реальности, как не являются и “всего лишь” социальными и историческими конструкциями» [24, с. 248]. Синергетические понятия хаоса и порядка, флуктуации, бифуркации, аттрактора мыслятся на фоне таких категорий диалектической логики, как деятельность, взаимодействие, детерминизм, развитие, необходимость и случайность, возможность и действительность и т. д.

Таким образом, мы являемся свидетелями того факта, что на рубеже XX–XXI вв. общественно-гуманитарные науки оказались в состоянии серьезного методологического кризиса. Под давлением социума и соответствующего идеологического воздействия поставлена под сомнение концепция материалистического понимания истории: ей на смену пришли разные вариации давно изжившего себя позитивизма. Преодоление кризиса связано с возвращением к диалектике в марксистском, деятельностно-практическом, понимании.

Библиографические ссылки

1. Освобождение духа / под ред. А. А. Гусейнова, В. И. Толстых. М., 1991.
2. Бузгалин А. В. Административная система – «мутант» марксизма // Освобождение духа / под ред. А. А. Гусейнова, В. И. Толстых. М., 1991. С. 294–298.
3. Философия / под ред. А. Ф. Зотова, В. В. Миронова, А. В. Разина. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2009.
4. Раиса Сидоренко о перспективах образования: учебники с новым подходом появятся уже в этом году [Электронный ресурс] // Новости «24 часа» / СТБ. 23.06.2016. URL: <http://www.ctv.by/raisa-sidorenko-o-perspektivah-obrazovaniya-uchebniki-s-novym-podhodom-poyavyatsya-uzhe-v-etom-godu> (дата обращения: 30.06.2016).
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М., 1960. Т. 23.
6. Постигание истории: онтологический и гносеологический подходы / под ред. В. Н. Сидорцова, О. А. Яновского, Я. С. Яскевич. Минск, 2002.
7. Науменко Л. К. «Наше» и «мое». Диалектика гуманистического материализма. М., 2012.
8. Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. М., 1981. Т. 42.
9. Усачев А. С. *Longue durée* российской историографии // Обществ. науки и современность. 2002. № 2. С. 102–113.
10. Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. М., 1981. Т. 29.
11. Шаблыко Т., Козлов И. Его превосходительство: кинолента судьбы // Беларус. думка. 2016. № 11. С. 43–51.
12. Деникин А. И. Поход на Москву. Очерки русской смуты. Минск, 1991.
13. Берков В. Ф. «Правд» – много, истина – одна // Беларус. думка. 2014. № 9. С. 56–56.
14. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М., 1974. Т. 42. С. 264–266.
15. Маркс К. Математические рукописи. М., 1968.
16. Алексеев И. С. Концепция дополнительности. Историко-методологический анализ. М., 1978.
17. Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. М., 1976. Т. 23.
18. Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. С. 5–110.
19. Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. С. 5–110.
20. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М., 1956. Т. 22.
21. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М., 1956. Т. 7. С. 343–438.
22. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М., 1956. Т. 7.

23. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М., 1960. Т. 16.

24. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. М., 1994.

References

1. Guseinov A. A., Toslykh V. I. (eds). [Liberation of the spirit]. Moscow, 1991 (in Russ.).
2. Buzgalin A. V. [Administrative system is a «mutant» of Marxism]. In: A. A. Guseinov, V. I. Toslykh (eds). [Liberation of the spirit]. Moscow, 1991. P. 294–298 (in Russ.).
3. Zotov A. F., Mironov V. V., Razin A. V. (eds). [Philosophy: textbook]. 6th ed. Moscow, 2009 (in Russ.).
4. Raisa Sidorenko o perspektivakh obrazovaniya: uchebniki s novym podkhodom poyavyatsya uzhe v etom godu. *Novosti «24 chasa»*. URL: <http://www.ctv.by/raisa-sidorenko-o-perspektivah-obrazovaniya-uchebniki-s-novym-podhodom-poyavyatsya-uzhe-v-etom-godu> (date of access: 30.06.2016) (in Russ.).
5. Marx K., Engels F. [Writings] : in 50 vol. 2nd ed. Moscow, 1960. Vol. 23 (in Russ.).
6. Sidortsov V. N. , Yanovski O. A., Yaskevich Y. S. (eds). [Comprehension of history: ontological and epistemological approaches]. Minsk, 2002 (in Russ.).
7. Naumenko L. K. [«Ours» and «mine»: dialectics of humanistic materialism]. Moscow, 2012 (in Russ.).
8. Lenin V. I. [Complete set of works] : in 55 vol. Moscow, 1981. Vol. 42 (in Russ.).
9. Usachev A. S. [Lonque durée of Russian historiography]. [Social sciences and modernity]. 2002. No. 2. P. 102–113 (in Russ.).
10. Lenin V. I. [Complete set of works] : in 55 vol. Moscow, 1981. Vol. 29 (in Russ.).
11. Shablyko T., Kozlov I. [His excellency: a film of fate]. *Belarusian reflections*. 2016. No. 11. P. 43–51 (in Russ.).
12. Denikin A. I. [Moscow campaign. Essays on the Russian disturbance]. Minsk, 1991 (in Russ.).
13. Berkov V. F. [Many «truths», one verity]. [Belarusian reflections]. 2014. No. 9. P. 56–56 (in Russ.).
14. Marx K. [Theses on Feuerbach]. In: K. Marx, F. Engels. [Writings]. 2nd ed. Moscow, 1974. Vol. 42. P. 264–266 (in Russ.).
15. Marx K. [Mathematical manuscripts]. Moscow, 1968 (in Russ.).
16. Alekseev I. S. [The concept of complementarity. Historical and methodological analysis]. Moscow, 1978 (in Russ.).
17. Lenin V. I. [Complete set of works] : in 55 vol. Moscow, 1976. Vol. 23 (in Russ.).
18. Marx K. [Class struggle in France from 1848 to 1850]. Marx K., Engels F. [Writings] : in 50 vol. 2nd ed. Moscow, 1956. Vol. 7. P. 5–110 (in Russ.).
19. Marx K. [Class struggle in France from 1848 to 1850]. Marx K., Engels F. [Writings] : in 50 vol. 2nd ed. Moscow, 1956. Vol. 7. P. 5–110 (in Russ.).
20. Marx K., Engels F. [Writings] : in 50 vol. 2nd ed. Moscow, 1956. Vol. 22 (in Russ.).
21. Engels F. [The peasant war in Germany]. Marx K., Engels F. [Writings] : in 50 vol. 2nd ed. Moscow, 1956. Vol. 7. P. 343–438 (in Russ.).
22. Marx K., Engels F. [Writings] : in 50 vol. 2nd ed. Moscow, 1956. Vol. 7 (in Russ.).
23. Marx K., Engels F. [Writings] : in 50 vol. 2nd ed. Moscow, 1960, Vol. 16 (in Russ.).
24. Prigozhin I., Stengers I. [Time, chaos, quantum]. Moscow, 1994 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 01.06.2017.
Received by editorial board 01.06.2017.

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 316.334.2

МОНЕТАРНОЕ МЫШЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

О. Н. ГАВРИЛИК^{1), 2)}

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Необходимость изучения монетарного мышления населения обусловлена как процессами реформирования экономической сферы, так и трансформацией общественного сознания. Представлены результаты комплексного исследования особенностей монетарного мышления населения Республики Беларусь, проводившегося с июля 2016 г. по март 2017 г. Применялись качественные и количественные методы исследования: глубинное интервью, экспертный опрос и анкетирование. Полученные данные дополнены опытом белорусских ученых. Прослежена динамика ценностей населения на основе сравнения результатов анкетного опроса (2017) и Европейского исследования ценностей (2008–2009). Выявлены представления населения о деньгах как предмете социальных отношений, преобладающий тип экономического поведения, отношение к предпринимателям и финансовым институтам. Установлены различия в монетарном мышлении различных категорий населения.

Ключевые слова: монетарное мышление; деньги; тип экономического поведения; доверие финансовым институтам; предпринимательство.

Образец цитирования:

Гаврилик О. Н. Монетарное мышление населения Республики Беларусь // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 2. С. 95–102.

For citation:

Haurlyk A. N. Monetary thinking of the population of the Republic of Belarus. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 2. P. 95–102 (in Russ.).

Автор:

Оксана Николаевна Гаврилик – преподаватель кафедры социологии и специальных социологических дисциплин факультета истории, коммуникации и туризма¹⁾; аспирантка кафедры социологии факультета философии и социальных наук²⁾. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент Л. В. Филинская.

Author:

Aksana Haurlyk, lecturer at the department of sociology and special sociological disciplines, faculty of history, communication and tourism^a; postgraduate student at the department of sociology, faculty of philosophy and social science^b.
gavrilik.oksana@yandex.ru

MONETARY THINKING OF THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS

A. N. HAURYLIK^{a, b}

^aYanka Kupala State University of Grodno, Azheshka Street, 22, 230023, Grodno, Belarus

^bBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The need to study monetary thinking of the population is caused both by process of reforming the economic sphere, and the transformation of public consciousness. The article presents the results of complex research of features of monetary thinking of the population of Republic of Belarus, which was conducted between July 2016 to March 2017 with application of qualitative and quantitative research methods: deep interview, expert survey and questionnaires. The data obtained are supplemented by the information contained in the works of the Belarusian scientists, as well, the dynamics of the population of values based on a comparison of the results of a questionnaire survey, conducted in 2017, and the European Values Study, conducted in 2008–2009. Public perceptions were revealed about the money as a subject of social relations; predominant type of economic behaviour; attitude to entrepreneurs and financial institutions. It was also established differences in monetary thinking of different categories of population.

Key words: monetary thinking; money; type of economic behaviour; trust to financial institutions; business.

Монетарное мышление – неотъемлемый компонент системы денежных отношений, определяющий характер монетарного поведения субъекта. Важным условием успешности реформирования белорусской экономики выступает готовность населения принять новые модели поведения через осознание их значимости. Несмотря на актуальность изучения монетарного мышления, данная категория встречается в научной литературе крайне редко. Это обусловило необходимость в формулировании и раскрытии содержания понятия «монетарное мышление». В основе авторского подхода к его определению лежит подход Г. Н. Соколовой к определению экономического мышления. Данная категория включает в себя взгляды и представления, порожденные практическим опытом людей, их участием в экономической деятельности, связями в повседневной хозяйственной жизни [1, с. 201]. Исходя из этого, монетарное мышление мы определяем как систему представлений, сформировавшихся у индивида в результате участия в денежных отношениях. При этом монетарное мышление включает в себя следующие компоненты:

- 1) отношение индивида к деньгам как объекту социальной действительности;
- 2) место денег в системе жизненных ценностей;
- 3) удовлетворенность индивида своим уровнем дохода и готовность изменить свое материальное положение;
- 4) ориентацию на реализацию определенного типа экономического поведения, готовность к рискам в экономической деятельности, отношение к предпринимателям;
- 5) представления о возможных источниках дохода, способах получения денег, необходимых личностных качествах и условиях достижения материального благополучия;
- 6) установки в отношении распределения личных финансов, представления о достойных тратах, щедрости и бережливости;

7) представления о социально-экономической справедливости, богатстве и бедности и их причинах;

8) доверие денежным единицам, монетарной политике государства, финансовым институтам;

9) оценку финансово-экономической ситуации в стране и мире.

Следует отметить, что эмпирических данных по республике, касающихся пользования населением финансовыми инструментами, их знаний и представлений о финансово-экономической системе, недостаточно. Информация о монетарном поведении населения содержится в официальных отчетах Национального банка Республики Беларусь, результатах социологических исследований финансовой грамотности населения. Отдельные сведения, касающиеся монетарного мышления, можно обнаружить в работах белорусских ученых (И. А. Андрос, С. Т. Кавецкого, В. В. Кириенко, А. М. Сидоровой, Е. В. Скакуна). Однако отсутствие комплексных исследований монетарного мышления населения Республики Беларусь делает эту проблему крайне актуальной.

С июля 2016 г. по март 2017 г. нами было проведено комплексное исследование особенностей монетарного мышления населения Республики Беларусь путем сочетания качественной и количественной методологии. Соответственно, были использованы три метода исследования: глубинное интервью, экспертный и анкетный опрос. Обращение к качественной методологии позволило выявить представления о деньгах как о важнейшем элементе не только хозяйственных, но и социальных отношений, определить глубинные основания монетарного поведения населения. С помощью количественного метода была получена целостная картина о монетарном мышлении населения Республики Беларусь. Оценки экспертов дополнили субъективные мнения респондентов, позволили определить причинные факторы монетарного

поведения населения, разработать рекомендации в этом направлении.

В ходе интервьюирования было опрошено 30 человек, представляющих различные социальные категории. Структуризация генеральной совокупности и выделение социальных групп в эмпирическом исследовании осуществлялись на основе методологического подхода П. Бурдьё к определению класса как совокупности агентов, «занимающих сходную позицию, которые, будучи помещены в сходные условия и подчинены сходным обстоятельствам, имеют все шансы обладать сходными диспозициями и интересами и, следовательно, производить сходные практики и занимать сходные позиции» [6, с. 17]. Классы могут не существовать как реальные группы, но представители одного класса имеют схожие позиции, обусловленные объективным социальным положением. В авторском эмпирическом исследовании критерием выделения подобных классов или социальных групп является источник дохода субъекта. Таким образом, нами выделены шесть социальных групп:

- 1) студенты;
- 2) работники бюджетных организаций;
- 3) работники частных организаций;
- 4) предприниматели;
- 5) неработающие;
- 6) пенсионеры.

Выдвинута гипотеза о том, что источник дохода субъекта, подразумевающий способ получения дохода, систему мотивации, финансовое и социальное положение субъекта, влияет на его монетарное мышление. Разграничение работников бюджетных и частных организаций основывается на предположении о том, что в частных организациях заработная плата работников в большей степени зависит от эффективности работы отдельных лиц, их мотивации и инициативности.

В результате экспертного опроса было собрано 10 интервью со специалистами Национального банка Республики Беларусь, руководителями структурных подразделений коммерческих банков, экспертами по вопросам экономического развития государства. Проведен анкетный опрос жителей всех областей Беларуси (выборка составила 1000 человек). По Брестской области было опрошено 147 чел., по Витебской – 126, по Гомельской – 146, по Гродненской – 110, по Могилёвской – 112 чел., по г. Минску и Минской области – 359. Респонденты в возрасте от 18 до 29 лет составили 21 %, от 30 до 44 – 27 %, от 45 до 59 – 27 %, от 60 лет и старше – 25 %.

Обратимся к результатам исследования. Оказалось, что для населения республики деньги – это прежде всего возможности (так ответили 58,7 % респондентов), а потом уже свобода (11 %), социальный статус (10 %), безопасность (8,3 %), самоуваже-

ние (4,2 %), власть (3,5 %), добро (2,4 %), зло (1,8 %). Положительные функции денег респонденты видят в том, что они являются средством достижения целей, осуществления покупок, возможностью обеспечить себе и близким комфортное существование и ни в чем не нуждаться; заработанные своим трудом деньги стимулируют работоспособность, инициативность. Отрицательные функции денег, по мнению респондентов, заключаются в том, что материальные блага становятся легкодоступными, деньги развращают людей, подменяют моральные ценности, порождают алчность, эгоизм, ограничивают мышление, являются причиной конфликтов, могут приводить к криминальному, разгульному образу жизни, разрушению семьи, распущенности золотой молодежи. Примечательны следующие ответы респондентов: *Деньги – это главная проблема, то, за что все воюют*¹; *Деньги – зло, корысть, зависть; Людей могут унижать и ни во что не ставить, если у них нет денег.*

Часто респонденты не согласны с мнением о том, что все измеряется деньгами. С утверждением: *Нет ничего ценнее денег* не согласно 94 % населения республики, с утверждением: *Даже плохой поступок можно оправдать за деньги* – 87 % респондентов. Однако встречаются высказывания: *Почти все; В наше время – да, раньше было не так; В современном мире практически все измеряется деньгами; Люди все измеряют деньгами и везде ищут выгоду.* То есть существует представление о прошлом, в котором деньги не играли такой большой роли и не могли заменить человеческие отношения. Исследователи отмечают, что постсоветские общества охватил денежный фетишизм, деньги переместились на вершину ценностной иерархии, стоимость возобладала над ценностью [3, с. 475]. В противовес появились антирыночные настроения. Как пишет Э. Хобсбаум, «ностальгия россиян по СССР – это ностальгия по стране, в которой деньги и прибыль не были главными» [4, с. 34].

Широко распространено мнение о том, что деньги разрушают взаимоотношения с близкими людьми (так считают 48,7 % опрошенных). Речь идет о низком уровне заработной платы и легкой прибыли. При этом 32,8 % респондентов считают, что с помощью денег можно уладить конфликт, наладить хорошие взаимоотношения с людьми.

Для изучения динамики ценностей населения было проведено сравнение результатов Европейского исследования ценностей, проводившегося в Республике Беларусь в 2008–2009 гг., с данными анкетного опроса начала 2017 г. Выявлено, что иерархия ценностей жителей республики за данный промежуток времени не изменилась. На первом месте стоит семья: очень важна для 90,4 % респондентов, скорее важна для 8,4 %; в 2009 г. семья

¹Здесь и далее ответы респондентов даны курсивом. – О. Г.

была очень важна для 81,1 % и скорее важна для 16,9 % ответивших. На втором месте находится работа: 56,1/37,5 % и 52,9/35,5 % соответственно. На третьем месте – друзья и знакомые: 29,2/53,2 % и 32/55,3 % соответственно. Меньшее значение имеют досуг (важен для 74,7 % респондентов в 2017 г. и 77,7 % в 2009 г.) и религия (53 и 55,3 % соответственно), на последнем месте – политика (42,2 и 38 % соответственно). Таким образом, наблюдается снижение значимости работы, друзей, досуга, религии и возрастает роль семьи и политики в жизни населения.

Отмечены противоположные мнения относительно того, является ли высокий уровень дохода залогом счастливой жизни. Так, 4,4 % населения считает, что деньги являются главным условием счастливой жизни, 33,2 % респондентов согласны с тем, что деньги – это одна из ее составляющих. Так считают 45 % предпринимателей, 35,7 % работников частных организаций, 35,5 % студентов, 31,3 % пенсионеров, 31 % работников бюджетных организаций. Материальный достаток важен, но не является важным условием счастливой жизни для половины опрошенных. 11 % ответивших считают: *Чтобы быть счастливым, не нужно иметь высокий уровень дохода*. В большей степени такого мнения придерживаются пенсионеры (18,4 %), неработающие (14 %), работники бюджетных организаций (11,4 %), в меньшей степени – предприниматели (5 %), работники частных организаций (7,1 %) и студенты (8,5 %). Представленные данные подтверждают выдвинутую нами гипотезу о влиянии габитуса, обусловленного принадлежностью индивида к определенному социальному классу (в нашем случае основанием разделения на классы выступает источник дохода), на формирование представлений о важности денег и их роли в системе социальных отношений.

Средняя оценка удовлетворенности населения республики своим нынешним уровнем дохода по 10-балльной шкале составляет 4,8 балла. Среди пенсионеров данная оценка снижена до 4,4 балла, среди работников бюджетных организаций и неработающих граждан она составляет 4,6 балла. Наиболее высокая оценка – среди предпринимателей (5,8 балла).

Данные анкетного опроса показывают, что наиболее популярными стратегиями поведения населения в ситуации недостатка денег являются:

- 1) сокращение потребления, экономия (на это указали 77 % опрошенных);
- 2) использование сбережений (32,5 %);
- 3) поиск дополнительного заработка (26,8 %);
- 4) обращение за помощью к родственникам, друзьям, знакомым (22,8 %);
- 5) кредитование в банке (7 %);

6) попытка начать свое дело (3,5 %);

7) изымание необходимых сумм из своего бизнеса (1,9 %);

8) распродажа имущества (1,7 %)¹.

Тот факт, что экономия, использование сбережений и обращение за помощью к родственникам и друзьям являются доминирующими стратегиями в указанной ситуации, подтверждается и республиканским исследованием финансовой грамотности населения [5].

В ходе анкетного опроса 45,2 % респондентов указали на то, что придерживаются рыночного типа экономического поведения (стремление к максимизации дохода с приложением максимума усилий). Реализуют дорыночный тип экономического поведения (гарантированный доход ценой минимума затрат) 20,5 % респондентов, псевдорыночный тип (высокий доход ценой минимума затрат) – 13,2 % опрошенных. На данный вопрос затруднились ответить 21,1 % участвующих в исследовании. Несмотря на то что почти 50 % респондентов считают себя приверженцами рыночного типа экономического поведения, вряд ли можно с уверенностью сказать, что это действительно так, учитывая их доминирующие стратегии в случае нехватки денег и другие показатели экономического поведения.

Согласно данным опроса, проводившегося в 2003 г., жители Беларуси достаточно низко оценивают наличие у себя таких качеств, которые непосредственно связаны с рыночным типом экономического поведения, а именно: соревновательность, предприимчивость, расчетливость, стремление к личной свободе, независимость [6, с. 124]. Исследования экономической ментальности показывают, что для белорусов характерны: большая дистанция власти; низкий индивидуализм; сочетание рациональности с потребностью в эмоциональных контактах; избегание неопределенности; низкая готовность к рискам и нововведениям, что непосредственно отражается на уровне предпринимательской инициативы; патернализм. Данные особенности экономической ментальности объясняют, почему проводимые в стране рыночные реформы не всегда приводят к желаемому результату [7].

Рассмотрим подробнее, какого типа экономического поведения придерживаются представители различных социальных категорий. Дорыночного типа экономического поведения в большей степени придерживаются пенсионеры (так ответили 25 % опрошенных данной категории), работники бюджетных организаций (22,8 %). И, как ни странно, такой тип поведения реализуют 23,3 % опрошенных предпринимателей. Для них же характерен и псевдорыночный тип экономического поведения (21,7 %), как и для студентов (19,6 %) и работников частных организаций (18,2 %). Представители

¹Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа. – О. Г.

последних двух категорий в меньшей степени реализуют дорыночный тип экономического поведения (13 и 15,5 % соответственно) и в большей степени – рыночный (53,3 и 51,5 % соответственно). Таким образом, экономическое поведение студентов и работников частных организаций в большей мере отвечает требованиям рыночной экономики. И несмотря на то что именно предприниматели должны быть носителями рыночного типа экономического поведения, таковыми являются только 46,6 % опрошенных.

Среди объективных факторов экономического поведения населения участники экспертного опроса называют уровень заработной платы, безработицу, степень развитости финансового рынка. Среди субъективных факторов упоминаются незнание законодательства, требований банка, своих возможностей. Если иностранные граждане приходят в банк и требуют оказать необходимую им услугу, то жители Беларуси в этом плане более неуверенные, ненастойчивые. Как отмечается в монографии В. В. Кириенко, «трудно найти на свете человека менее требовательного, чем белорус» [6, с. 101]. Также можно отметить низкий уровень финансовой грамотности населения, отсутствие базовых знаний по ведению домашней бухгалтерии, организации своего дела. У старшего поколения сохранились негативные стереотипы, сложившиеся вследствие неудачного опыта участия в финансовых пирамидах, а также обесценивания вкладов в результате инфляции в 1990-е гг. Наблюдается негативное отношение к тем людям, которые зарабатывают больше, чем представители среднего звена. В то же время далеко не все готовы самостоятельно принимать решения и предпринимать какие-либо действия по улучшению своего материального положения, а ответственность за свои поступки склонны перекладывать на других.

Согласно данным анкетного опроса средняя готовность населения республики к предпринимательским рискам по 10-балльной шкале оценивается в 4,8 балла. Данная оценка ниже всего у пенсионеров (3,2 балла) и работников бюджетных организаций (4,5 балла). Свою готовность к рискам сами предприниматели в среднем оценили в 6,7 балла. Эксперты отмечают, что предпринимателями могут быть немногие люди, примерно 10 % населения. Те, кто попытался заниматься предпринимательской деятельностью и потерпел неудачу, испытывают разочарование, поэтому у них формируется негативное отношение к бизнесу.

В ходе исследования участникам анкетного опроса было предложено охарактеризовать предпринимателей. Согласно представлениям респондентов данной категории хозяйствующих субъектов присущи такие качества, как целеустремленность (ответили, что присущи, 77,1 % респонден-

тов, что скорее присущи – 21,1 %), сообразительность (71,5 и 27,2 % соответственно), хваткость (67,6 и 29,1 %), трудолюбие (65,5 и 31,6 %), склонность к риску (50,4 и 40,8 %). Видно, что склонность к риску не является наиболее выразительной чертой предпринимателей, хотя выступает неотъемлемой частью предпринимательской деятельности. Учитывая их оценку собственной готовности к предпринимательским рискам (6,7 балла), а также реализуемый ими тип экономического поведения, можно сделать вывод о том, что белорусские предприниматели не столь предприимчивы и не всегда готовы действовать в соответствии с правилами рыночной экономики. Вполне вероятно, что это является одной из причин (причем субъективного характера) трудностей в развитии предпринимательства в Республике Беларусь.

Согласно данным анкетного опроса к представителям крупного бизнеса в той или иной степени положительно относятся 85,3 % респондентов, к представителям среднего бизнеса – 91,1 %, представителям малого бизнеса – 89,7 %, индивидуальным предпринимателям – 89,3 % опрошенных. Следует отметить, что хуже всего к предпринимателям относятся пенсионеры: если в среднем негативную оценку высказывают 14,6 % респондентов по отношению к крупному бизнесу и 10,7 % – по отношению к индивидуальным предпринимателям, то среди пенсионеров данный показатель возрастает до 21,3 и 17 % соответственно. Лучшее отношение к предпринимателям относятся студенты, работники частных организаций и, конечно, сами представители данной формы деятельности.

Как отмечают С. Т. Кавецкий и Е. В. Скакун, одним из сдерживающих факторов развития предпринимательства в стране выступает настороженное отношение людей к частной собственности и предпринимателям, что является особенностью постсоветского менталитета [8, с. 125]. Причину неоднозначного отношения населения к негосударственному сектору экономики и предпринимателям В. В. Кириенко видит в глубинных социокультурных основаниях. Дело в том, что менталитет восточных славян трактует понятие «негосударственная экономика» как экономику, противопоставленную государству, что часто вызывает негативные эмоции. Категория «частный предприниматель» вызывает недоверие, так как в сознании восточных славян часть не может выполнять функции целого, соответственно, понятие «частник» несет в себе негативную эмоциональную нагрузку. Что касается категории «индивидуальный предприниматель», то индивидуализм определяется белорусами как одна из самых отрицательных характеристик, поэтому и наблюдается психологическое неприятие людей, представляющих этот социальный слой [6, с. 148].

Эксперты считают, что созданию положительного образа предпринимателя в глазах населения могут поспособствовать следующие факторы. С одной стороны, государство должно поднимать авторитет предпринимателей, подчеркивать, делать прозрачной информацию об их вкладе в национальную копилку. С другой стороны, сами предприниматели должны формировать положительный имидж, осуществлять связи с общественностью, заниматься благотворительностью и т. п. Вместе с тем специалисты отмечают, что у части населения будет сложно изменить негативное отношение к предпринимателям, потому что оно обусловлено ментальностью, которая очень медленно трансформируется. Также отрицательным фактором выступает большой разрыв в уровне доходов населения. Данные анкетного опроса подтверждают тот факт, что, чем выше уровень благосостояния респондента, тем лучше он относится к представителям бизнеса. Поэтому повышение уровня доходов населения могло бы способствовать позитивному отношению к предпринимателям.

Исследование показало, что для большинства населения в трудовой деятельности важны прежде всего достойная заработная плата, стабильность заработка, а потом уже хороший коллектив, интерес к выполняемой работе, реализация своего потенциала, условия труда. На первый план выходит вопрос не о постматериалистических ценностях (Р. Инглхарт), а о вполне материальных, денежных. Это подтверждают результаты анкетного опроса. Респондентам предлагалось отметить те характеристики работы, которые они считали важными (можно было выбрать несколько вариантов ответа). Набор из 17 характеристик был заимствован из инструментария Европейского исследования ценностей, проведенного в Республике Беларусь в 2008–2009 гг., что позволило проследить динамику трудовых ценностей населения. Представленные характеристики распределились в следующем порядке по убыванию их значимости для респондентов: высокая зарплата (отметили 73,7 % респондентов в 2017 г. и 92,8 % в 2009 г.), хороший коллектив (68,7 и 78,7 % соответственно), интересная работа (61,3 и 72,1 %), удобный график (40,1 и 61,9 %), гарантия не потерять работу (39 и 56 %), работа, на которой возможно чего-то достичь (32,7 и 52 %), работа, которая не ущемляет интересов семьи (31,6 и 54,8 %), равное отношение ко всем на рабочем месте (26,6 и 50,5 %), работа, которая соответствует способностям (27 и 54,6 %), приобретение навыков (24,9 % и 39,9 %), общение с людьми (24,4 % и 50,4 %), возможность проявить инициативу (22,6 и 38,3 %), продолжительный отпуск (18,2 и 47,9 %), полезная для общества деятельность (18 и 35,9 %), право голоса при приня-

тии важных решений (15,9 и 33,4 %), отсутствие жесткого контроля (13,9 и 30,5 %), ответственная работа (13,7 и 30,1 %). Как видим, иерархия трудовых ценностей во многом осталась прежней, за исключением повышения значимости карьерного роста, равного отношения к сотрудникам, приобретения навыков, возможности проявить инициативу и уменьшения значимости соответствия работы интересам семьи, способностям личности, возможности общения и предоставления продолжительного отпуска.

В ходе анкетирования респондентам предлагалось оценить, в какой степени важны различные факторы для того, чтобы «делать деньги». Опрос показал, что в той или иной степени важны: «мозги», талант, способности (так ответили 96,7 % опрошенных), трудолюбие, усердие (94,7 %), желание, амбиции (88 %), терпение, бережливость (85,7 %), связи, друзья (81,8 %), везение, удача (81,1 %), образование (78 %), риск, авантюра (61 %), нечестность, непорядочность (15,2 %), жадность, скупость (13,3 %). Можно наблюдать, какое сравнительно низкое место занимает фактор образования, а также фактор риска как важного условия приращения дохода.

Монетарное мышление населения ориентировано на бережливость, экономное расходование средств. Так, на вопрос: *Какие качества важнее воспитывать в детях – щедрость или бережливость?* респонденты отвечали, что необходимо воспитывать в первую очередь бережливость или оба эти качества. Только двое из 30 опрошенных однозначно указали на щедрость. Это связано с тем, что в современной европейской культуре щедрость воспринимается как неразумное использование средств, мотовство.

Также в монетарном мышлении населения присутствует понятие справедливости. Под социально-экономической справедливостью чаще понимается отсутствие расслоения общества на бедных и богатых, а также принцип получения дохода в соответствии с затраченными усилиями.

Важным компонентом монетарного мышления, определяющим поведение субъекта в финансовой сфере, является доверие финансовым институтам, в частности банкам. Согласно данным анкетного опроса полностью доверяет банкам, действующим в Республике Беларусь, 6,3 % населения, скорее доверяет 41 %. Скорее не доверяют банкам 28,6 % респондентов, полностью не доверяют 10,1 %. Затруднились ответить на данный вопрос 14 % участников исследования. Таким образом, банки республики пользуются доверием примерно у половины населения. Негативный опыт получения банковских услуг имеется у 28,4 % опрошенных.

Кроме того, респондентам было предложено охарактеризовать репутацию белорусской банковской системы. Треть из них затруднились дать

ответ. Остальные мнения распределились следующим образом. Наиболее популярно представление о банках как о замкнутой системе самообогащения узкого круга финансистов (такой вариант выбрали 27 % респондентов). Часть населения видит в банках важный инструмент стимулирования развития экономики страны (19,3 %), престижный и доходный вид бизнеса (14,3 %), важный инструмент охраны и приумножения денежных сбережений граждан (12,9 %), гарант финансовой стабильности в стране (11,2 %), источник благотворительности (2,6 %). Эти данные в определенной степени объясняют низкий уровень пользования населением банковскими услугами.

Что касается доверия денежно-кредитной политике государства, то здесь присутствуют различные оценки. Полностью ей доверяют 3,1 % опрошенных, скорее доверяют 28 %, скорее не доверяют 34,1 %, полностью не доверяют 12,7 %, затруднились ответить 21,8 % респондентов. Таким образом, около трети жителей Республики Беларусь доверяют денежно-кредитной политике государства. В то же время эксперты оценивают ее положительно. Отмечается сокращение денежной массы, снижение процентных ставок, инфляции, стабилизация валютных курсов, переход к электронным деньгам. По мнению экспертов, доверие к денежно-кредитной политике государства со стороны населения возрастает.

Респонденты оценивают экономическую ситуацию в мире как нестабильную, указывают на неравное экономическое положение стран, прогрессирующий разрыв между социальными слоями, рост безработицы. В целом представления респондентов об экономической ситуации в Республике Беларусь и других государствах очень поверхностные, поэтому многие затруднялись ответить на вопросы.

По результатам проведенного исследования монетарного мышления населения Республики Беларусь можно сделать следующие выводы. Денежный фетишизм не характерен для населения республики, деньги воспринимаются в первую очередь как возможности, средство достижения цели. В то же время осознается высокая значимость денег в жизни современного человека, не только в экономической сфере, но и в сфере социальных отношений. Отмечается их способность влиять на социальный статус, самоуважение, взаимоотношения людей, быть источником независимости, благополучия, счастья либо конфликтных ситуаций. Деньги не являются абсолютно безличным средством обмена, но наделяются социальными смыслами, например в зависимости от способа их получения, они приобретают эмоциональную окраску, являясь важнейшим условием удовлетворения потребностей человека.

Следует отметить, что отношение населения к деньгам достаточно противоречиво. Раскол общественного сознания, к которому ведет существование противоречащих друг другу позиций, олицетворяет сложившуюся антиномию ввиду следующих обстоятельств. С одной стороны, деньги являются безусловной необходимостью человека в современном обществе, с их помощью конструируется жизнь: питание, проживание, образование, перемещение, социальное положение, влияние, взаимоотношения с людьми и т. д. С другой стороны, этические нормы христианства, а затем и советская идеология воспитали в людях осуждение богатства, стремления к накопительству, ростовщичества, торговли, потребления предметов роскоши. Продолжая оказывать значительное влияние на монетарное мышление белорусов, данные нормы вошли в противоречие с широко развернувшейся в 1990-е гг. и нарастающей свои обороты и по сей день коммерческой рекламой, которая формирует ложные потребности, навязывает новые стандарты жизни западного образца, играет на присущем всем людям желании обладать. Таким образом, потребности населения растут, затраты на их удовлетворение превышают доходы, несоответствие доходов и расходов втягивает людей в долговую яму, как результат – низкая удовлетворенность своим материальным положением, а вместе с тем нарастание напряженности и в других сферах жизнедеятельности. От резкого осуждения богатства люди обратились к другой крайности – возвеличиванию успешных финансистов, превознесению ценности денег, культу золотого тельца. Поэтому нередко респонденты отмечали, что сегодня деньгами измеряется все или почти все. Распространению рыночного поведения, развитию предпринимательства во многом препятствуют указанные ментальные факторы. Люди, которые в своей хозяйственной деятельности нацелены на увеличение прибыли, нередко наталкиваются на общественное осуждение. На наш взгляд, перед обществом стоит задача создать непротиворечивую концепцию денег, которая позволит личности гармонично сочетать свои потребности, монетарное поведение и его этическую оценку, что, в свою очередь, будет способствовать росту благосостояния отдельных домохозяйств и устойчивому экономическому развитию страны в целом.

Монетарное мышление различных социальных категорий респондентов отличается. Так, предприниматели, работники частных организаций и студенты (в отличие от работников бюджетных организаций и пенсионеров) в большей степени отмечают важность высокого уровня дохода как условия счастливой жизни; они более склонны релятивизировать рыночный и псевдорыночный типы экономического поведения; у них выше оценка

удовлетворенности своим материальным положением и готовности к предпринимательским рискам; они позитивнее относятся к представителям бизнес-среды.

Несмотря на то что в ходе исследования почти половина населения указала на то, что придерживается рыночного типа экономического поведения, анализ различных показателей не позволяет полностью согласиться с данным утверждением. Следует отметить, что значительная часть жителей республики реализуют дорыночный и псевдорыночный типы экономического поведения, что не способствует быстрому развитию финансово-экономической сферы государства. Необходимо значительное расширение программ по повышению финансовой грамотности населения. непонимание принципов работы финансовых институтов, незнание своих возможностей как участников финансового рынка, превратное отношение к данным субъектам хозяйствования не позволяют реализовать экономический потенциал граждан и отрицательно сказываются на функционировании экономики страны.

Банкам, предпринимателям и государству как хозяйствующему субъекту необходимо принять меры по повышению доверия населения, созданию положительного образа финансовых институтов, в том числе рекламировать свою деятельность в средствах массовой информации, особенно в социальных сетях, которым молодые люди доверяют в большей степени, нежели другим источникам информации. Конкретные примеры успешных бизнесменов, активно используемые в информационном пространстве, также могут стать хорошим стимулом вовлечения населения в предпринимательскую деятельность. На наш взгляд, осознание социально-экономической роли предпринимательства в деле расширения потребительского предложения, создания рабочих мест, модернизации инфраструктуры, увеличения национального богатства и благосостояния отдельных граждан поможет сформировать у населения позитивный образ предпринимателя и в большей степени задействовать человеческий и финансовый капитал страны.

Библиографические ссылки

1. Соколова Г. Н. Экономическая социология. Минск, 2013.
2. Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов» // Социология социального пространства / пер. с франц.; ответ. ред. пер. Н. А. Шматко. М., 2007. С. 14–48.
3. Федотова В. Г., Федотова Н. Н., Колпаков В. А. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М., 2008.
4. Хобсбаум Э. Ностальгия россиян по СССР – это ностальгия по стране, в которой деньги и прибыль не были главными... // Свобод. мысль. 2011. № 11. С. 31–36.
5. Кройтор С., Ображей О., Подвальская В. Финансовая грамотность населения Республики Беларусь: факты и выводы. Январь–февраль 2016. Минск, 2016.
6. Кириенко В. В. Менталитет современных белорусов. Гомель, 2004.
7. Сидорова А. М. Влияние экономической ментальности на проведение рыночных реформ в Республике Беларусь // Новая экономика. 2015. № 2. С. 196–202.
8. Кавецкий С. Т., Скакун Е. В. Социологический барометр предпринимательства в приграничных районах Брестской области // Социология. 2016. № 2. С. 124–131.

References

1. Sokolova G. N. [Economic sociology]. Minsk, 2013 (in Russ.).
2. Burd'e P. [Social space and genesis of «classes»]. In: N. A. Shmatko (transl.). *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva*. Moscow, 2007. P. 14–48 (in Russ.).
3. Fedotova V. G., Fedotova N. N., Kolkpakov V. A. [Global capitalism: three great transformation]. Moscow, 2008 (in Russ.).
4. Khobsbaum E. Nostalgia of Russians across the USSR is a nostalgia about the country in which money and profit weren't main... *Svobodnaia mysl'*. 2011. No. 11. P. 31–36 (in Russ.).
5. Kroitor S., Obrazhei O., Podval'skaia V. [The financial literacy of the population of the Republic of Belarus: facts and conclusions. January–February 2016]. Minsk, 2016 (in Russ.).
6. Kirienko V. V. [Mentality of modern Belarusians]. Gomel', 2004 (in Russ.).
7. Sidorova A. M. Influence of economic mentality on carrying out market reforms in Republic of Belarus. *Novaya ekon.* 2015. No 2. P. 196–202 (in Russ.).
8. Kavetskii S. T., Skakun E. V. Sociological barometer of business in border areas of the Brest region. *Sotsiologiya*. 2016. No. 2. P. 124–131 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 15.05.2017.
Received by editorial board 15.05.2017.

УДК 316.74:2(476)

ВОВЛЕЧЕННОСТЬ В РЕЛИГИЮ КАК ЖИЗНЕННАЯ ЦЕННОСТЬ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ

С. Г. КАРАСЕВА¹⁾, Е. В. ШКУРОВА¹⁾, С. И. ШАТРАВСКИЙ²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Минская духовная академия, ул. Зыбицкая, 27, 220030, г. Минск, Беларусь

Представлены результаты оценки значимости религии в жизни последователей разных конфессий Беларуси (оценка значимости религии является одним из показателей многомерной модели религиозности, используемой для изучения поликонфессиональной среды). Согласно данным исследования религиозное население Беларуси – независимо от исповедной принадлежности – достаточно высоко оценивает значимость религии в своей жизни, однако при этом фиксирует не столько экзистенциальную, смыслозадающую ее функцию, сколько абстрактно-нормативную, социально-регулирующую.

Ключевые слова: религиозность; многомерная модель религиозности; религия; кросс-конфессиональный подход; степени религиозности; оценка значимости религии.

INVOLVEMENT IN RELIGION AS A VITAL VALUE: STUDY OF THE RELIGIOUS POPULATION IN BELARUS

S. G. KARASSYOVA^a, E. V. SHKUROVA^a, S. I. SHATRAUSKI^b

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

^bMinsk Spiritual Academy, Zybickaja Street, 27, 220030, Minsk, Belarus

Corresponding author: S. G. Karassyova (karassyova@mail.ru)

The article presents the results of evaluating of the significance of religion in the life of the followers of different faiths in Belarus. The significance of religion is one of the indicators of a multidimensional model of religiosity, used to study the multi-confessional environment. According to the study, Belarusian religious population, regardless of confessional affiliation, sufficiently appreciates the importance of religion in the life, but it captures not so much the existential, notional its function as an abstract-normative, social and regulatory.

Key words: religiosity; multidimensional model of religiosity; religion; cross-confessional approach; degree of religiosity; value of religion.

Образец цитирования:

Карасева С. Г., Шкурова Е. В., Шатравский С. И. Вовлеченность в религию как жизненная ценность: результаты исследования религиозного населения Беларуси // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 2. С. 103–110.

For citation:

Karassyova S. G., Shkurova E. V., Shatrauski S. I. Involvement in religion as a vital value: study of the religious population in Belarus. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 2. P. 103–110 (in Russ.).

Авторы:

Светлана Геннадьевна Карасева – кандидат философских наук; доцент кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Елена Валерьевна Шкурова – кандидат социологических наук; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Сергей Иосифович Шатравский – кандидат богословия; доцент кафедры апологетики.

Authors:

Svetlana Karassyova, PhD (philosophy); associate professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social science.
karassyova@mail.ru

Elena Shkurova, PhD (sociology); associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social science.

Sergei Shatrauski, PhD (divinity); associate professor at the department of apologetics.

Поликонфессиональность религиозной сферы Беларуси требует исследовательского подхода, который позволил бы сопоставить позиции разной конфессиональной/исповедной принадлежности населения. Такой подход является кросс-конфессиональным и требует разработки многомерной модели религиозности [1–3].

Кросс-конфессиональное исследование религиозности проводится в Беларуси с 2012 г. (подготовка к нему проводилась в 2012–2013 гг., сбор и обработка информации осуществлялись в 2014–2015 гг., интерпретация данных производилась в 2016–2017 гг.) [4; 5]. Объект исследования – религиозное население. Цель – выявление основных **типов** религиозности, сформировавшихся в современном белорусском обществе. В качестве **типа** выступает сочетание **степеней** выраженности **универсальных характеристик** религиозности.

Религиозность представляет собой **вовлеченность в религию**, ее универсальные характеристики задаются на основе определения последней. **Религия** – это **двухаспектный феномен**, включающий **опыт** (внутренний аспект) и **систему артикуляции** опыта (внешний аспект). Опыт определяется как источник и русло передачи трансцендентной идеи и трактуется в двух смыслах – **узком** (состояние, при котором человек обнаруживает себя пребывающим в живом и непосредственном единстве с трансцендентным) и **широком** (любой акт участия человека в религиозной жизни). Система артикуляции опыта образует единство универсальных и не сводимых друг к другу измерений религиозности: **представлений** (выражают идею религии), **деятельности** (воплощает стремление к религиозному идеалу), **институтов** (закрепляют статусы и функции в сообществе последователей идеи). Соответственно, **религиозность** трактуется как **вовлеченность в каждый из указанных аспектов и измерений**, ее комплексное значение выводится на основе сочетания степеней выраженности каждого из них. В свою очередь, в каждом измерении задается набор универсальных показателей. Это позволяет сопоставить вовлеченность в религию представителей разных исповеданий [1–4]. В рамках модели было задано девять показателей, раскрывающих религиозность по каждому из трех измерений, плюс два показателя, отражающих внешние по отношению к содержанию религиозности, но связанные с ней факторы: *обстоятельства обращения к религии* и *влияние религиозной позиции на образ жизни* (рисунок).

Каждый показатель представлен переменными, которые соответствуют гипотетическим степеням вовлеченности в религию. Последовательность степеней задается в диапазоне от **номинальной** (заявление о приверженности религии) через **слабую** (абстрактное признание значимости религии или использование ее в житейских целях) и **среднюю**

(частичное следование религии при светском образе жизни) до **сильной** (бескорыстное и всецелое служение религиозному идеалу) (см. рисунок, табл. 1) [4].

Для выявления респондентов разных степеней религиозной вовлеченности сбор первичных эмпирических данных (методом анкетного опроса) проводился в дни праздничных священнослужений, во время культурных мероприятий религиозных общин, когда собирается большое количество не только постоянных членов религиозных сообществ, но и редких, случайных посетителей.

Отбор респондентов осуществлялся с учетом числа лиц, которые относят себя к представителям *традиционных доминирующих* конфессий, имеющих значительное число последователей, а также *традиционных недоминирующих* и *нетрадиционных* с точки зрения норм белорусского законодательства конфессий, имеющих малое число последователей. Определение численности представителей различных конфессий осуществлялось на основе исследований Центра социологических и политических исследований БГУ за 2008 г., Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь за 2012–2015 гг., Информационно-консультативного центра по вопросам новых религиозных движений им. преподобного Иосифа Волоцкого за 1990–2010 гг. и др. [6–10].

Для учета количественных пропорций конфессиональной самоидентификации населения, установленных предшествующими исследованиями [6–15], было рассчитано две подвыборки – для представителей традиционных для Беларуси и доминирующих в ней конфессий (православие, католицизм) и для остальных. Такое разделение осуществлялось в связи с необходимостью выделить группу религиозного населения, относящего себя к традиционным недоминирующим (иудаизм, лютеранство, ислам) и нетрадиционным (баптисты, пятидесятники, мессиане, адвентисты, последователи евангелических церквей, Свидетели Иеговы, мормоны, вайшнавы, бахаи и др.) конфессиям, суммарная численность которых в общей структуре населения незначительна. Отбор респондентов осуществлялся в каждой подгруппе с учетом численности зарегистрированных религиозных организаций в каждой из областей Республики Беларусь.

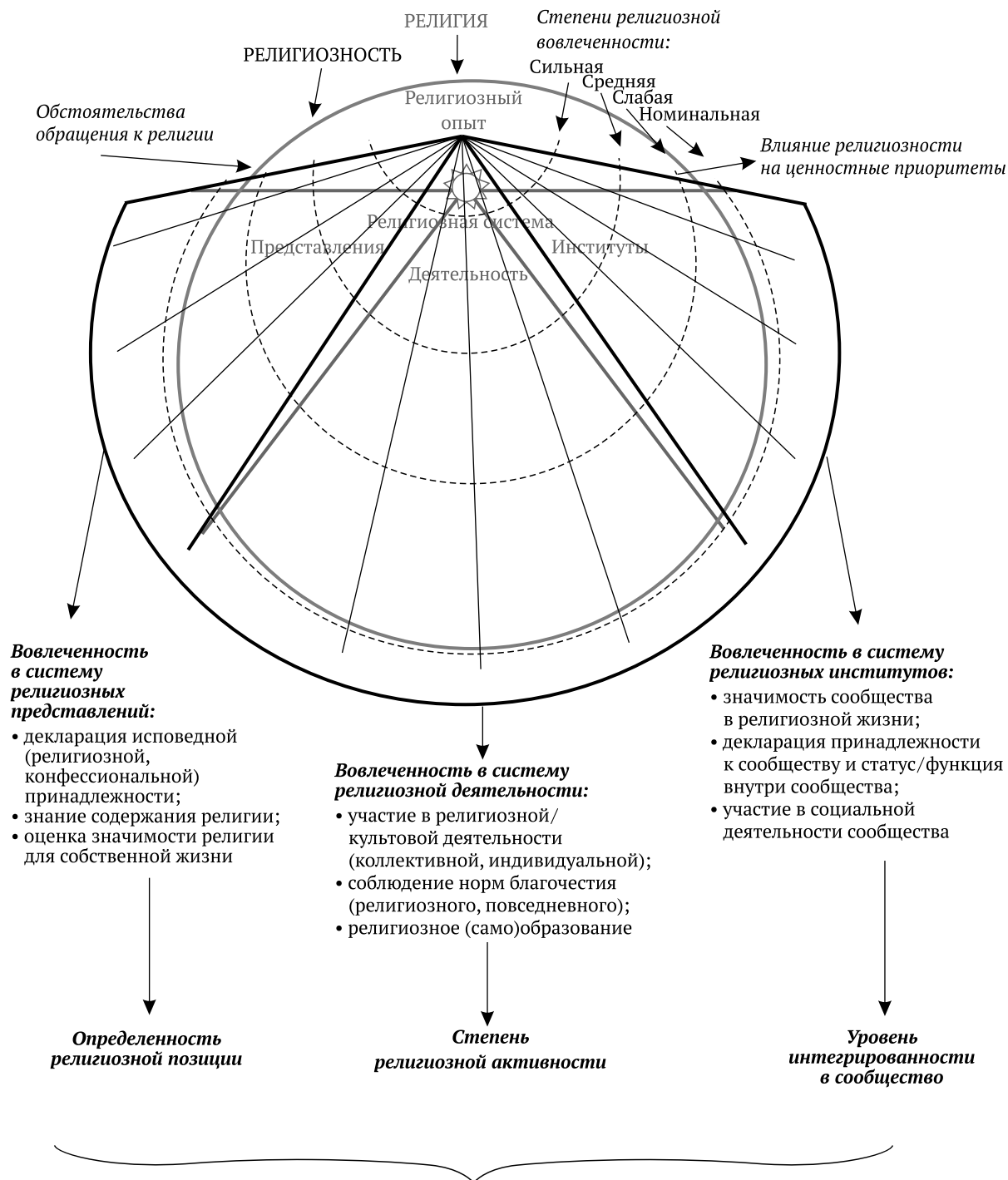
В ходе исследования опрошено 2723 респондента из всех областей Беларуси соответственно численности зарегистрированных религиозных организаций в каждом регионе. Из них 2013 респондентов относят себя к представителям традиционных доминирующих конфессий (ошибка выборки = 0,02, доверительная вероятность = 95 %), 710 – к представителям других конфессий (ошибка выборки = 0,04, доверительная вероятность = 95 %). Опрошенные являются представителями 19 кон-

фессий, в том числе 17 зарегистрированных и 2 незарегистрированных.

Выступая лишь компонентами комплексной характеристики религиозности, отдельные показатели модели, тем не менее, могут быть предварительно описаны отдельно от всего массива данных. В частности, автономно может быть представлена **оценка респондентами значимости религии**, отражающая наряду с другими показателями **опре-**

деленность религиозной позиции (см. рисунок). Она выявляется на основе следующего набора переменных (и, соответственно, раскрывающих их индикаторов – вопросов анкеты):

- *определение значения религии в своей жизни;*
- *готовность к самоотдаче в следовании религии;*
- *вероятность отказа от своей религии при определенных обстоятельствах.*

Интегральное значение религиозности

Многомерная модель религиозности
The multidimensional model of religiosity

В оценке респондентами значения религии в их жизни можно выделить два доминирующих типа отношения к религии (табл. 2): как к *ценностному ориентиру* (на это указали 43,5 % респондентов) и как к *определяющему жизненному смыслу* (40,6 %). Значительно меньшее, хоть и заметное число респондентов воспринимает религию как *символ культурно-исторической идентичности* (отметили 12,3 % опрошенных). Поскольку значимость ре-

лигии определяется на основе самооценки, очевидно, что полученные значения могут отражать как деятельную вовлеченность в религию, так и абстрактные представления о том, что следовать ей – правильный выбор. Абстрактная декларация должного отношения к религии может быть сопоставлена – для выявления ее действительного содержания – с *готовностью к самоотдаче ради религии*.

Таблица 1

Степени религиозности

Table 1

Degrees of religiosity

Степени религиозности	Значение	Содержание
Номинальная	Религия как социально-культурный символ	Декларация религиозной позиции на словах, без намерения следовать ей
Слабая	Религия как абстрактная ценность	Признание значимости религии, но отсутствие стремления следовать ей
Средняя	Религия как практическая ценность	Сочувствие религиозным идеалам и стремление по возможности следовать им
Сильная	Религия как личный смысл	Жизнь в соответствии с религиозными идеалами

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Какое значение имеет вера (религия) в Вашей жизни?»

Table 2

Distribution of respondents' answers to the question:
«What does faith (religion) matter in your life?»

Вариант ответа	Частота ответа, чел.	Частота ответа, %
Моя вера (религия) напоминает мне о моих исторических и культурных корнях	321	12,3
Моя вера (религия) дает мне идеалы и ценности, на которые я ориентируюсь	1133	43,5
Моя вера (религия) полностью определяет мою жизнь	1058	40,6
Другое	12	0,5
Затрудняюсь ответить	80	3,1
Всего	2604	100,0

Мера *готовности к самоотдаче в следовании религии* выявлялась в диапазоне от настроенности защищать ее в спорах, проповедовать ее, жить в соответствии с ее идеалами – через решимость жертвовать материальными, социально значимыми, иными жизненными благами – вплоть до полного самопожертвования. Один блок позиций готовности (рассказывать о религии и защищать ее в спорах в случае необходимости; проповедовать ее; жить в соответствии с религиозными идеалами) отражает следование религии на уровне слов и намерений. Другой блок готовности (жертвовать материальными благами, работой, карьерой,

социальным статусом, семейными отношениями, жизнью) подразумевает способность к жертвенному (в той или иной мере) поступку. По результатам опроса видно, что респонденты в целом выражают достаточно высокую степень готовности к самоотдаче ради религии. При этом в наибольшей степени они стремятся жить в соответствии с идеалами своей религии (на это указали 87,6 % респондентов), способны защищать ее в спорах (85 %), а также рассказывать о ней (73,7 %), т. е. в основном заявляют о своей приверженности словами и намерениями. В несколько меньшей степени респонденты готовы ради своей религии отказаться от чего-либо

существенного, при этом от личных благ им отказаться проще (61,3 % опрошенных), чем от социальных (54,5 %). Наименьшее количество респондентов – 33,6 % – готовы жертвовать ради религии семейными отношениями. Но при этом 44,3 %

опрошенных готовы отдать за нее жизнь. Таким образом, позиции, связанные со следованием религии на уровне слов и намерений, несколько выше (в среднем 82,1 %), чем позиции, выражающие готовность к поступку (в среднем 48,4 %) (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«На что Вы готовы ради веры (религии)?», %

Table 3

Distribution of respondents' answers to the question:
«What are you ready for your faith (religion)?», %

Ради своей веры (религии) я готов...	Готовность респондентов						
	Вообще не готов	Скорее не готов	Затрудняюсь ответить	Скорее готов	Полностью готов	Среднее арифметическое значений	Мне это не нужно
...защищать ее в спорах в случае необходимости	2,0	3,3	5,0	40,7	44,3	82,1	4,8
				85,0			
...рассказывать о ней другим, проповедовать ее	4,7	8,9	8,7	41,5	32,2		4,0
				73,7			
...жить в соответствии с тем, во что верю, с учением своей религии	1,1	3,9	6,3	45,5	42,1		1,2
				87,6			
...пожертвовать материальными благами	3,8	10,4	21,5	36,7	24,6	48,4	2,9
				61,3			
...пожертвовать работой, карьерой, положением в обществе	5,3	12,7	22,8	28,1	26,4		4,8
				54,5			
...пожертвовать семейными отношениями	11,7	17,6	28,6	18,6	15,0		8,6
				33,6			
...отдать жизнь за свою веру (религию)	9,7	11,3	31,0	22,9	21,4	3,7	
				44,3			

Для выявления общей тенденции выбора респондентами вариантов ответа о готовности к самоотдаче («Вообще не готов» ... «Полностью готов») был рассчитан соответствующий коэффициент, который изменяется в диапазоне от –1 (полное отсутствие готовности) до +1 (полная готовность). Распределение значений коэффициента представлено в табл. 4. *Высокая* степень готовности (в диапазоне значений коэффициента от 0,75 до 1) не проявляется ни в одной из заданных переменных. *Умеренно высокая* степень (в диапазоне от 0,5 до 0,75) выражена в готовности жить в соответствии с идеалами религии и защищать ее в спорах в случае необходимости. *Умеренная* (в диапазоне от 0,25 до 0,5) – связана с рассказами другим о своей религии, с проповедованием ее, а также с отказом ради нее от материальных благ. *Низко* выражена (в диапазоне 0,25 до 0) готовность жертвовать социально значимыми благами (работой, карьерой, положением в обществе) и жизнью. Готовность жертвовать семейными отношениями ради религии выражена в *крайне низкой* степени (коэффициент стремится к 0).

Общий смысл представленных значений показателя степени *готовности к самоотдаче* отражает отчетливое намерение респондентов служить своей религии. Силу намерения можно охарактеризовать в целом как умеренную (табл. 5), но имеющую потенциал (см. табл. 4). Понятно, что, выражая потенциальную готовность, человек по тем или иным причинам может отклониться от нее в ситуации реального поступка, но при этом его понимание правильного (с точки зрения следования идеалу) образа действий может снизить вероятность отклонения.

В составе показателя *значимости религии* присутствует также оценка респондентами *вероятности отказа от религии при определенных условиях*. Поскольку к участию в опросе привлекались лица разной степени вовлеченности в религию, предполагался целый спектр ответов. Однако в ходе опроса респонденты разделились резко полярно, при этом крайне неравномерно: 95,5 % опрошенных не допустили возможности отказа от религии, 4,5 % – признали ее (см. табл. 5). Таким образом, в приве-

денных ответах выражена не столько актуальная позиция отвечающих, сколько их нормативное согласие с неким абстрактным кодексом верности идеалу. Действительно, традиционно считается правильным не отступать от того, чему следуешь (от принципов, святынь, обязательств и т. д.). Можно сказать, что в данном случае выражено априорное отношение к религиозной позиции как к основанной на кардинальном решении, необратимой. Это значит, что религия воспринимается респондентами как мощная нормативная инстанция, т. е. служит для большинства не внутренним смыслом, а внешней регулирующей рамкой, нормой.

Примечательно также, что далеко не все из тех, кто допустил возможность отказа (4,5 % опрошенных), смогли указать его причины (см. табл. 5). Практически каждый седьмой из признавших воз-

можность отказа респондентов не попытался назвать причину. Из попытавшихся назвать причины 13,7 % (0,6 % от общего числа респондентов) затруднились с ответом относительно их характера. Можно предположить, что не объяснившие причин и затруднившиеся с ответом в совокупности образуют группу тех, кто либо не готов пока брать на себя религиозные обязательства, либо вообще не считает религию неотъемлемой частью своей жизни.

Причины отказа смогли объяснить 73,2 % опрошенных из допустивших его (82 респондента из 112, или 3,01 % от общего числа респондентов). Среди указанных обстоятельств: *сознательный уход или реконверсия, угроза собственной жизни или жизни близких, неспособность противостоять жизненным обстоятельствам* (табл. 6).

Таблица 4

Готовность респондентов к самоотдаче (согласно значениям коэффициента)

Table 4

Structure of readiness for self-sufficiency (according to coefficient values)

Вариант ответа на вопрос: «На что Вы готовы ради своей веры?»	Значения коэффициента (от -1 до +1)	Степень готовности
[Значения переменных не представлены]	1,00	Высокая
Жить в соответствии с тем, во что верю, с учением своей религии	0,62	Умеренно высокая
Защищать ее в спорах в случае необходимости	0,61	
Рассказывать о ней другим, проповедовать ее	0,43	Умеренная
Пожертвовать материальными благами	0,34	
Пожертвовать работой, карьерой, положением в обществе	0,23	Низкая
Если понадобится, отдать жизнь	0,18	
Пожертвовать семейными отношениями	0,038	Предельно низкая

Таблица 5

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Допускаете ли Вы отказ от Вашей веры (религии)
при определенных обстоятельствах?»**

Table 5

**Distribution of respondents' answers to the question:
«Do you accept the rejection of your faith (religion) under certain circumstances?»**

Вариант ответа	Частота ответа, чел.	Частота ответа, %
Да	112	4,5
Нет	2384	95,5
Всего	2496	100,0

Таблица 6

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Если Вы допускаете отказ от Вашей веры (религии),
то при каких обстоятельствах?»

Table 6

Distribution of respondents' answers to the question:
«If you accept the rejection of your faith (religion) under certain circumstances,
please indicate under what circumstances?»

Вариант ответа	Частота ответа, чел.	Частота ответа, %
Сознательный уход или реконверсия	35	36,8
Угроза собственной жизни или жизни близких	25	26,3
Неспособность противостоять жизненным обстоятельствам	14	14,7
В случае нехватки сил следовать религиозному идеалу	8	8,4
Затрудняюсь ответить	13	13,7
Всего	95	100,0

Эти ответы можно трактовать двояко: либо как абстрактные (отвлеченное рассуждение религиозно незаинтересованных людей о том, что могло бы оправдать отход от однажды принятой кардинальной линии жизни), либо как глубоко включенные. В последнем случае эти ответы могли бы выражать искреннее и трезвое признание респондентами невозможности достижения полноты религиозного идеала и при этом твердого намерения следовать ему. В связи с этим можно предположить, что только эти 3,01 % (от общего числа респондентов) действительно осознают, что значит быть религиозными, и открыто признаются в том, что пока не отвечают этой позиции. Основная суть религии – быть смыслом жизни, полностью ее определять. Однако в представленных ответах о причинах отказа религия теряет свое первостепенное по отношению к жизни значение и выступает лишь дополняющим ее моментом. Это происходит в случаях, когда религиозное самоопределение либо еще не завершено (т. е. человек находится в состоянии исканий или на пороге обращения), либо состоялось как формальное и утилитарное (т. е. человек использует религию как код социально-культурной идентичности или как средство решения житейских проблем). Однако следует заметить, что открытое признание вероятности отказа от религии с указанием причин может свидетельствовать об осмысленном процессе самоопределения. Так что при условии выраженных значений религиозности по другим показателям респондентов, назвавших

причины возможного отказа от религии (3,01 %), можно охарактеризовать как глубоко религиозных.

В целом показатель **значимости религии для жизни** среди религиозного населения Беларуси выражен достаточно явно. Об этом свидетельствует высокая численность респондентов, признавших **значение** для них **религии**, выразивших **готовность к самоотдаче** ради нее и **невозможность отказа** от нее (см. табл. 3, 4, 5). Но поскольку данные по этим показателям, во-первых, основаны на самооценках респондентов, а во-вторых, при более подробном анализе (см. табл. 5, 6) выглядят менее однозначно, можно предположить, что религия воспринимается ими в качестве хоть и **значимой**, но **абстрактной** ценности. Это может проявляться по крайней мере в двух позициях: либо в стремлении присоединиться к религии лишь как к общественно одобряемой норме, чтобы уже в статусе принадлежности приобщаться (возможно, и нет) к нормам религиозного образа жизни, либо в абстрактном признании идеалов религии без намерения следовать им.

Такая ситуация закономерна в условиях, когда общество переживает ценностную дезориентацию, нравственную аномию. В этом случае религия выступает как рамка общественно и нравственно допустимого, т. е. выполняет роль социального контролера. Можно предположить, что в современном белорусском обществе основной функцией религии является не собственно религиозная – экзистенциальная, смыслозадающая, а сопутствующая религии внешним образом – социально-регулирующая, нормативная.

Библиографические ссылки

1. Фолкнер Д., Де Йонг Г. Религиозность в пяти измерениях: эмпирический анализ // Социол. исслед. 2011. № 12. С. 69–76.
2. Glock C. Y., Stark R. Religion and society in tension : in II parts. Chicago ; N. Y. ; San Francisco ; London, 1965. Part I. Religion as a social phenomenon.

3. Пруцкова Е. В. Операционализация понятия «религиозность» в эмпирических исследованиях // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2. С. 268–293.
4. Карасева С. Г., Шкурова Е. В. Многомерный кросс-конфессиональный подход к исследованию религиозности в Беларуси: актуальность и концептуализация // Социология. 2012. № 3. С. 123–133.
5. Карасева С. Г., Шкурова Е. В., Шатравский С. И. и др. Некоторые особенности религиозного населения Беларуси (по материалам исследования «Типология религиозности в современной Беларуси», 2012–2015 гг.) // Философия и социал. науки. 2016. № 1. С. 82–91.
6. Морозова С. А. Религия // Ценностный мир современного человека. Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей» / под ред. Д. М. Булынько, А. Н. Данилова, Д. Г. Ротмана. Минск, 2009. С. 137–164.
7. Республика Беларусь в зеркале социологии : сб. материалов социол. исслед. за 2012 г. / под общ. ред. Л. Е. Криштаповича. Минск, 2014.
8. Республика Беларусь в зеркале социологии : сб. материалов социол. исслед. за 2015 г. / под общ. ред. А. П. Дербина. Минск, 2016.
9. Республика Беларусь в зеркале социологии : сб. материалов социол. исслед. за 2014 г. / под общ. ред. А. П. Дербина. Минск, 2015.
10. Статистика нетрадиционной религиозности в Беларуси на 1 января 2017 года [Электронный ресурс] // Unconventional Religiosity. URL: <http://unrel.org/index.php/ro/main/statistika-nrd.html> (дата обращения: 11.02.2017).
11. Новикова Л. Г. «Религиозный бум» в Беларуси: миф или реальность // Социология. 1999. № 2. С. 29–36.
12. Новикова Л. Г. Религиозность в Беларусь на рубеже веков: тенденции и особенности проявления (социологический аспект). Минск, 2001.
13. Пирожник И. И., Новикова Л. Г., Озем Г. З. и др. Беларусь после «религиозного бума»: что изменилось? // Социология. 2006. № 4. С. 46–55.
14. Котляров И. В. Вера в человеческом измерении. Социологические модели верующих // Философ. думка. 2013. № 10. С. 90–95.
15. Республика Беларусь в зеркале социологии : сб. материалов социол. исслед. за 2011 г. Минск, 2012.

References

1. Folkner D., De Jong G. [Religiosity in five dimensions: empirical analysis]. *Sotsiologicheskie issled.* 2011. No. 12. P. 69–72 (in Russ.).
2. Glock C. Y., Stark R. Religion and society in tension : in II parts. Chicago ; N. Y. ; San Francisco ; London, 1965. Part I. Religion as a social phenomenon.
3. Prutskova E. V. [The concept of religiosity: operationalization in empirical research]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom* [State, religion and church in Russia and worldwide]. 2012. No. 2. P. 268–293 (in Russ.).
4. Karasheva S. G., Shkurova E. V. Multi-dimensional cross-confessional approach to study of religiosity in Belarus: actuality and conceptualization. *Sotsiologiya* [Sociology]. 2012. No. 3. P. 123–133 (in Russ.).
5. Karasheva S. G., Shkurova E. V., Shatrauski S. I. et al. [Some features of the religious people in Belarus (based on the study «Typology of religiosity in the modern Belarus», 2012–2015)]. *Filosofiya i sotsialnye nauki* [Philosophy and Social Sciences]. No. 1. 2016. P. 82–91 (in Russ.).
6. Morozova S. A. [Religion]. In: D. M. Bulynko, A. N. Danilov, D. G. Rotman (eds). [Values of the modern person: Belarus in the European Values Survey project]. Minsk, 2009. P. 137–164 (in Russ.).
7. Krishtapovich L. E. (ed.). [The Republic of Belarus in the mirror of sociology: collection of materials of sociological studies of 2012]. Minsk, 2014 (in Russ.).
8. Derbin A. P. (ed.). [The Republic of Belarus in the mirror of sociology: collection of materials of sociological studies of 2015]. Minsk, 2016 (in Russ.).
9. Derbin A. P. (ed.). [The Republic of Belarus in the mirror of sociology: collection of materials of sociological studies of 2014]. Minsk, 2015 (in Russ.).
10. [New religious movements statistics]. URL: <http://unrel.org/index.php/ro/main/statistika-nrd.html> (date of access: 11.02.2017) (in Russ.).
11. Novikova L. G. [Religious boom' in Belarus: myth or reality?]. *Sotsiologiya* [Sociology]. 1999. No. 2. P. 29–36 (in Russ.).
12. Novikova L. G. [Religiosity in Belarus at the turn of the centuries: trends and peculiarities of expression (sociological aspect)]. Minsk, 2001 (in Russ.).
13. Pirozhnik I. I., Novikova L. G., Ozem G. Z. et al. [Belarus after the religious boom: what has changed?]. *Sotsiologiya* [Sociology]. 2006. No. 4. P. 46–55 (in Russ.).
14. Kotlyarov I. V. [Belief in human dimension. Sociological models of believers]. *Filosofskaja dumka* [Philosophic Thought]. 2013. No. 10. P. 90–95 (in Russ.).
15. [The Republic of Belarus in the mirror of sociology: collection of materials of sociological studies of 2011]. Minsk, 2012. P. 44–46 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 29.05.2017.
Received by editorial board 29.05.2017.

УДК 32:316+351/354

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ЭЛИТЫ: АВТОНОМИЯ ИЛИ ПОДЧИНЕНИЕ?

И. ПАНЬКОВ¹⁾

¹⁾Институт политологии Польской академии наук, ул. Полна, 18/20, 00-625, г. Варшава, Польша

Представлены результаты исследований формирования административной элиты в современной Польше. Особое внимание уделяется взаимодействию между политиками и чиновниками. Показано, как административные элиты воспринимают свои задачи и обязанности. Эмпирическую основу анализа составляют 50 глубинных интервью, проведенных в 2013 г. с директорами и заместителями директоров департаментов в польских министерствах¹.

Ключевые слова: административная элита; политика и администрация; ответственность; автономия; подчинение.

ADMINISTRATIVE ELITES: AUTONOMY OR SUBMISSION?

I. PANKOV^a

^aThe Institute of Political Studies of the Polish Academy of Sciences, Polna Street, 18/20, 00-625, Warsaw, Poland

The results of the study aimed at learning the formation of administrative elite in modern Poland are submitted. Special attention is paid to the interaction between the politics and public officials. The objectives and duties of the administrative elite are shown from the viewpoint of the latter. The empiric basis of the analysis is 50 in-depth interviews carried out in 2013 with the directors and deputy directors of the departments in Polish ministries.

Key words: administrative elite; relationships between politics and administration; responsibility; autonomy; submission.

Введение

Формируется ли в современной Польше сознательная и самостоятельная административная элита? На каких принципах строится этот процесс? О самостоятельности элиты, в том числе административной, свидетельствуют сферы ее влияния. Предметом нашего внимания являются символические ресурсы административной элиты. Они будут отображены с позиций:

- общих рассуждений о политике и взаимодействиях «политика – администрация» и «чиновники – политики», а также о миссии/ответственности административной элиты. Эмпирической основой анализа являются глубинные интервью с директорами и вице-директорами департаментов.
- анализа формирования административных элит. Используются веберовские понятия и кате-

¹Материал эмпирического анализа был собран в процессе исследования в рамках гранта Национального центра науки «Административные элиты и политические государства: профессиональная самоидентификация, взаимодействие» (№ 2011/03/B/HS5/00825).

Образец цитирования:

Паньков И. Административные элиты: автономия или подчинение? // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 2. С. 111–118.

For citation:

Pankov I. Administrative elites: autonomy or submission? *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 2. P. 111–118 (in Russ.).

Автор:

Ирэна Паньков – доктор политических наук; профессор.

Author:

Irena Pankov, doctor of science (political science); professor.
oteresch@tut.by

гории: «политика», «бюрократия», «ответственность», «легитимация». Современная социальная психология является в данном случае естественным подспорьем в попытках понять исследуемые явления.

Автопрезентация респондентов подчиняется психологическим закономерностям, что имеет значение с позиций самоутверждения и самолеги-

тимизации. В статье приведены схемы мышления членов исследуемой общности о ней самой, а именно восприятие собственной роли, ее специфики, общественных и политических ожиданий, а также ситуации в сфере политики. В конфигурации этих схем предполагается выявить контуры легитимационных схем, являющихся символическими ресурсами членов административных элит.

Подчинение – автономия – соотношение

Административные элиты функционируют в институциональном устройстве государства и политики и представляют собой элемент функционирования государства [1; 2]. Административные элиты – сегмент управляющей элиты, их статус по отношению к политическим элитам находится между полюсами подчинения и автономии. Задачей управляющей элиты в современном обществе является разрешение общественных проблем, т. е. реализация публичной политики. Административная же элита призвана имплементировать эту политику [3].

Элиты – это лица или группы лиц, которые, занимая определенный статус, обладают способностью формировать и проводить политику страны [4, с. 152]. Ева Эциони-Халеви (Eva Etzioni-Halevy) определяет элиту как группу людей, которые обладают властью и осуществляют контроль над разнообразными ресурсами [5, с. 115]. В качестве символических ресурсов автор рассматривает знания, информацию и возможности такой компоновки символов, чтобы для других – не входящих в элиты – людей они становились реальностью. Сюда же могут быть причислены личностные характеристики: харизма, личное время, мотивация, интересы.

Директора и вице-директора департаментов, как чиновники высокой ступени, принимают важные государственные решения. Ежедневная деятельность членов административных элит обусловлена их участием (местом) в политической системе, разделением власти, а также взаимодействием с представителями политики. Современные теории бюрократии обращают особое внимание на власть бюрократии как актора в процессе принятия решений, а также на рост влияния государственных чиновников, ведущий прямым к их участию в принятии политических решений – «правительствам чиновников», по выражению Макса Вебера [6, с. 439]. Похожее умозаключение убедительно для своего времени сформулировал Макс Вебер [1], согласно которому реальное господство – в руках чиновников. Современные концепции демократического элитизма делают акцент на факте сосуществования, взаимного сотрудничества, взаимоконтроля и автономности элит [5; 7]. Фактором формирования элиты как относительно самостоятельной категории и эмпирическим показателем

ее автономности может быть именно измерение легитимизации. В теории формула легитимизации должна отражать, с одной стороны, функции и характер элиты, с другой – политическую роль и общественные ожидания. В предыдущих исследованиях [8] мы уже отмечали, что классик элитизма Гаэтано Моска выделял такие ключевые характеристики элиты, как самосознание, сплоченность, таинственность. Они являются предпосылкой формирования корпоративного духа элиты, в том числе административной. Однако, как свидетельствуют Ева Налевайко (Ewa Nalewajko) и Барбара Пост (Barbara Post) [9], исследуемые нами представления директоров об этосе государственной службы не верифицированы и относительно слабо выражены.

Культурно-цивилизационные изменения, складывающиеся в процессе модернизации в Польше, напоминают явления, описанные в свое время Максом Вебером. Он провел детальный анализ политики и бюрократии на фоне общественных изменений. Здзислав Краснодубский (Zdzisław Krasnodębski) в предисловии к работе Макса Вебера «Политика как профессия и призвание» подчеркивает верность сформулированного им мнения: сегодня в определенных отношениях мы ближе ко временам Макса Вебера [10, с. 11].

Немецкого ученого интересовали факторы, влияющие на формирование современного западного общества, бюрократизация которого стала историческим наследием современного порядка. Эльжбета Скотницка-Илласиевич (Elżbieta Skotnicka-Illasiewicz) [11] представила чиновников как модернизаторов, которые быстро учатся современному порядку Европейского союза и внедряют новшества в массы. Главные цивилизационные тренды, которым подлежало общество того времени, создавали в совокупности явление, которое Макс Вебер назвал «расколдовыванием мира». По его мнению, техническая рациональность проникает во все сферы бюрократии, охватывает всю социальную жизнь, экономику и политику [1, с. 61]. То есть бюрократия и ее нормы в эпоху Макса Вебера должны были выражать дух времени. Важным явлением в рамках этого направления должна была стать автономизация отдельных элит и их сегментов, а также сфер действия политики и бюрократии.

В веберовской концепции бюрократия и чиновники являются спикерами рациональных действий, реализуют процесс «расколдовывания мира». Это может приводить к изменению уклада власти: власть переходит в руки чиновников. Похожей точки зрения придерживается современный исследователь взаимодействия политики и бюрократии Роберт Патнем (Robert Putnam) [12]. На его взгляд, в современных обществах Запада правят бюрократы. Это обусловлено наличием технических знаний, а также знаний о реальных ограничениях политики, которую позиционируют бюрократы. Они оказывают доминирующее влияние на принятие решений и формулирование законов.

Рост бюрократии в демократических структурах крупных государств Макс Вебер признавал необходимостью и (подобно современным исследователям) утверждал, что формирование слоя профессиональных чиновников стало участью всех современных демократий [1, с. 145]. При этом он указывал не только на вытекающие отсюда выгоды, но и на угрозы для демократической политики.

На значение бюрократии в процессе «расколдовывания мира», прежде всего в области политики, проливает свет также веберовская концепция типов легитимности, связанных с типами господства. В современном мире место традиции и харизмы в легитимировании политической власти занимает легальность. Следовательно, в «расколдованном мире» господствуют безличные нормы установленного права, действия подчиняются рациональным правилам, калькуляции; бюрократия усваивает такой порядок вещей, вмешивается в политику, например через бюрократизацию партийных организаций. Теоретически администрация является составляющей исполнительной власти, ресурсом политической элиты. Можно констатировать, что она представляет собой исполнительный сегмент исполнительной власти. Благодаря администрации *общая политика* правительства приобретает *конкретное* измерение, *абстрактные* политические идеи воплощаются в реальных юридических решениях. Следовательно, политика определяет цели, а администрация – рациональные средства их реализации. Формулирование политических целей (*общая политика*) должно иметь аксиологические основания, рациональность их реализации должна выражаться в выборе соответствующих приемов.

Фактически симбиоз «политика – администрация», а также взаимодействие между чиновническими и политическими элитами в аспекте раз-

деления задач (на политическую формулировку целей и бюрократическую подборку средств их осуществления) представляют собой сложный организм. Современные исследователи описывают соотношение указанных сегментов элит в институциональном измерении, так как искусственное разделение функций между администрацией и политикой слабеет, а лица, которые занимаются администрированием, принимают решения, руководствуясь политическими аргументами [13, с. 19]. Независимость политической администрации от политической системы является политическим девизом [14, с. 166].

Исходная дихотомия «политика – администрация» может быть по-разному истолкована и конкретизирована. В нашем исследовании это соотношение подвергнуто осторожному и косвенному изучению через метафорический вопрос о влиянии политического ритма на работу респондента¹. Перед нами стояла задача услышать мнения, сформировавшиеся на основе собственного опыта респондентов. Термин «политический ритм», предложенный в вариантах ответов открытого интервью, давал доступ к собственному опыту респондентов, т. е. был метафорическим термином, апеллировал к воображению, ведь, по сути, респонденты делали выводы, исходя из собственных впечатлений, разговаривали не на языке теорий (например, теории управления), а на языке своей осведомленности. В ходе общения с респондентами только в двух случаях наблюдалась инспирированная теорией (и возникающая из сравнения) критика бюрократии Польши: в одном случае речь шла о чрезмерной (по сравнению с британской моделью) политизации, в другом – о недостатке самостоятельности руководящих кадров, обоснованной теорией общественного управления. Необходимо в то же время отметить, что вопрос о политическом ритме оправдал себя лишь отчасти, полученный материал достаточно скуп, если сравнивать его, например, с анализируемым далее вопросом о миссии.

Невзирая на упомянутые ограничения, дипломатическое нежелание обсуждать тему политического ритма, нам удалось выяснить, что политика проявляется в профессиональной жизни чиновников, воплощаясь в следующих состояниях:

- неуверенность и беспокойство при политических перестановках;
- атмосфера доброго сотрудничества, взаимопонимания;
- давление, использование;
- страх перед внешней силой, которая потенциально может повлечь потерю должности;

¹Стоит напомнить, что соотношение «политика – администрация» нами освещается односторонне, с позиции административных элит.

- угроза стабильности внутри самого министерства (при реструктуризации, ликвидации департамента);
- искажение смысла принимаемых решений на политическом этапе их подготовки (во время которого учитываются многие интересы);
- энтузиазм, который быстро гаснет с приходом нового министра;
- общая ориентация правительства (либеральная, просоциальная и др.);
- шанс на достойную оценку действий чиновника.

Более глубокий анализ разнообразных тем, вызванных вопросом о политике, позволяет выделить повторяющиеся схемы взаимодействия «политика – администрация» («политик – чиновник»). Представим их.

• **Политика как «сумасбродный аэродром»** – именно такая картина представляется одному из респондентов в процессе описания вмешательства политики в его работу. Такая ассоциация указывает на то, что сфера политики, работая на других, более быстрых, чем сфера бюрократии, оборотах, нарушает ритм работы чиновника, вынуждает прибегнуть к спешке, главным образом в мелких задачах и производстве законов. Другой респондент указывает на более серьезную угрозу: *Политическая обработка делает решения необъективными*¹. В данном случае речь не идет о поспешном ритме работы, угрожающем качеству ее результатов, а о том, что в ходе обсуждения предлагаемого решения в политических кругах оно теряет смысл, а респондент (его автор) – ощущение контроля, в итоге принятое решение не устраняет проблему. Чаще всего, однако, метафора «сумасбродный аэродром», относящаяся к взаимодействию «чиновник – политик» («администрация – политика»), означает, что чиновник в любой момент может быть привлечен к выполнению неожиданных задач, поставленных политиком, что нарушит бюрократический ритм работы. В такой ситуации возникает угроза рутине и даже рациональности. Можно догадаться, что работа, осуществляемая *время от времени*, не требует особого профессионализма. Каково же самоощущение рассказавших об этом представителей административной элиты? Угрожает ли оно их автономии? По сути, этот вид влияния политиков на чиновников не посягает на автономию респондентов. Последние воспринимают свое положение как подчинение политике как таковой, а не отдельным политикам и их воле.

• **Подчинение, разделение ролей.** Образной иллюстрацией данной интерпретационной схемы является следующая: *Я являюсь чиновником, который получил «ноты» и должен «сыграть» то, что*

получил. В данном случае, как и в предыдущем, наблюдается подчинение политике, одобрение ее моделирующего влияния. Одобрение подчинения связано со спецификой работы чиновника. В отличие от предыдущей интерпретационной схемы вмешательство политики в действия администрации – юридически установленная схема взаимодействия, предполагающая относительно медленный политический ритм. К возможным изменениям в политической стратегии чиновник должен приспосабливаться. Подчинение интерпретируется формально (в юридических рамках), другая сторона медали – юридически гарантированная сфера автономии.

• **Сила выдержки.** Данный тип интерпретации может быть отражен следующим высказыванием: *Я пережила 11 или 13 министров*. Такой ответ встречался неожиданно часто, т. е. можно констатировать, что респонденты осознают угрозу потери должности в результате политических перетурбаций. Данную схему подтверждают опасения, касающиеся угроз, связанных как с изменением правительства / управляющей коалиции, так и с перестановками политических должностей в определенном ведомстве.

• **Взаимодействие, субъективные обязанности.** В данном случае зафиксирован факт взаимодействия и взаимных обязанностей с социальной субъективностью и ощущением своих обязанностей. Эмпирической иллюстрацией такой схемы является цитата: *Меня наиболее захватывает то, что я могу сам*.

Напряженный ритм политики, связанный с выборами и изменениями на должностях, а также зависимость политиков от влияния интересов и мнений могут представлять собой предметную и субъективную угрозу рациональности принимаемых решений и, соответственно, угрозу содержанию работы. В результате работа превращается в «сумасбродный аэродром». Но это не должно угрожать результативности профессиональной деятельности. Опасения по поводу того, что политика угрожает рациональности работы, высказывались редко. В целом политический ритм, по-разному понимаемый респондентами, не угрожает ощущению собственной ценности руководителей департаментов, а взаимодействие мира бюрократии с миром политики позволяет им самоопределиваться. Кроме того, это помогает чиновникам осознать себя представителями административных элит, понять собственную индивидуальность, выявить потенциал собственных символических ресурсов. Даже схема «сумасбродного аэродрома» не служит поводом для критики политики, а дает чиновникам возможность получить дополнительные навыки.

¹Здесь и далее мнения респондентов даны курсивом. – И. П.

Миссия и ответственность

Вопрос о миссии, по сравнению с вопросом о политическом ритме, вызвал широкий резонанс среди респондентов. Спектр суждений, касающихся предназначения административных элит, обширен. Участники опроса трактуют миссию как узко понимаемый институциональный курс государства, политики и политической элиты в направлении общественных идентификаций. Ответы на вопросы о миссии и о политическом ритме взаимно дополняются и тесно связаны с категорией «ответственность».

По мнению Макса Вебера, этика ответственности представляет собой критерий оценки политика, является ключевым понятием для политика по призванию. Политик по призванию – это руководитель, деятельность которого не может ограничиваться администрированием, его долг – нести ответственность за свои действия, а также за деятельность своих подчиненных. И здесь важно различать понятия «политический руководитель» и «чиновник-специалист». Чиновник должен действовать беспристрастно, он не может занимать чью-то сторону [1, с. 75]. Но свободен ли он от моральных дилемм, почти неминуемых в действиях политиков? Долг чиновника, утверждает Макс Вебер [1, с. 75], основывается на том, чтобы выполнить каждое поручение, даже неправильное. Без надлежащей моральной дисциплины и способности чиновника пренебречь своими убеждениями распался бы весь аппарат. Чиновник, который руководствуется этикой ответственности, должен быть способен к отказу от своих убеждений на благо политических целей. Это его профессиональный долг во имя сплоченности учреждения. Политики же остаются на первой линии контактов с гражданами, несут ответственность за выбор целей, а также последствия своих действий и последствия действий чиновников.

Невзирая на жалобы (немногочисленные) на непонимание и необъективность медиа, чиновники по сравнению с политиками находятся в более комфортном положении: ответственность за последствия их действий лежит на политиках.

С ответственностью и автономией чиновников тесно связано понятие миссии. В современном публичном (а также в научном) дискурсе миссия имеет две основные трактовки: традиционную и современную – «заколдованную» и «расколдованную». В традиционной трактовке миссия отождествляется с общественной службой, самопожертвованием, важным для исполнения заданием, особенной ответственностью. Прагматичную интерпретацию миссии предлагает социология организации: миссия является точным высказыванием (на языке, понятном для работников и конкретной организации)

далеко идущих намерений и стремлений, это формулировка видения основной стратегии [15, с. 235]. Прагматически сформулированная миссия оправдывает себя в организациях, нацеленных на получение выгоды. Государство и его структуры не являются такой организацией. Публичная бюрократия действует в политической сфере, где выгоды и потери калькулируются в дифференцированных и усложненных категориях власти, политики и программных приоритетов [14, с. 167]. Исключение составляют новейшие теории и практики управления, позволяющие конкретно просчитать эффекты действий бюрократии. Их обсуждает, в частности, Эндрю Хейвуд (Andrew Heywood) [6]. Эта проблема в сознании наших респондентов отсутствует.

Богдан Мах (Bogdan Mach) и Станислав Моцек (Stanisław Mocek) [16] в своем исследовании, посвященном интеллигенции современной Польши, доказали стойкость традиционного понимания ею задач, интеллигентской миссии в новом укладе. Проведенный анализ общественного (общего и в сегменте интеллигенции) мнения убеждает в том, что интеллигенция – по-прежнему избранная группа, от которой можно ожидать большего. Это большее означает, что кроме выполнения профессиональной деятельности представители этого социального слоя должны делать что-то сверх установленного, заниматься общественной работой. Также, по мнению респондентов, интеллигенция призвана осуществлять взаимодействие с политической властью. Другой исследователь интеллигенции, Ержи Микулowski-Поморски (Jerzy Mikułowski-Pomorski) [17], выделил три категории интеллигентов: те, что олицетворяют собой совесть народа; те, что проповедуют интеллигентские ценности, а также новые профессионалы. В Польше нередко организуются публичные дискуссии на тему положения и роли интеллигенции, и относительно редко в этих обсуждениях появляется фигура чиновника. Один из участников подобных дебатов, Бронислав Свидерски (Bronisław Świdorski) [18], констатировал: часто можно услышать мнение о том, что чиновники никоим образом не олицетворяют собой интеллигенцию, настоящим представителем которой должен быть писатель, философ, учитель, артист, ученый. Польский исследователь поднял ряд других важных вопросов. Во-первых, представил точку зрения, которая свидетельствует о двух традициях польской интеллигенции: бюрократической – плохой и искалеченной (из-за долговременной нехватки суверенной государственности), а также образованной (либеральной). Во-вторых, показал беспокойство Запада перед вступлением Польши в Европей-

ский союз, касающееся (не)готовности польских чиновников. В-третьих, напомнил о значимости романтического наследия, которое заключается в отделении интеллигенции от политико-административной практики [18]. По мнению исследователей [18–20] преодоление романтического наследия, а также ликвидация разделения на интеллигентов и чиновников наступили в период II Речи Посполитой (1918–1939). Интеллигенты с ощущением ответственности за общество и государство заняли должности чиновников.

Что же думают о миссии и ответственности представители административных элит? Их высказывания вписываются в «заколдованную» (традиционно-интеллигентскую) или «расколдованную» (прагматично-менеджерскую) интерпретацию?

Наши респонденты, по-видимому, не стремятся быть совестью народа. Однако, как мы видим, большинство из них не трактует свою работу как что-то обычное. Их деятельность специфическая, предполагает внеурочное участие. Постараемся идентифицировать присутствие и способы проявления этого участия среди директоров департаментов. Можно предположить, что в «расколдованном мире» бюрократии правят специалисты и нет места «заколдованным речам». Вопрос, в котором появилось слово «миссия», вызвал комментарии, связанные с пониманием самого понятия.

Самый простой из них (и редкий) тип реакции – отрицание, отказ от использования слова «миссия» в его возвышенном значении.

Другой, более популярный тип реакции – контролируемый пафос. Наблюдается понимание самобытности категории, ее возвышенный характер. В целях смягчения такой интерпретации респонденты используют формулировки, выражающие дистанцию и ослабляющие или уменьшающие пафос: *Я не люблю употреблять высокие слова; Я не хочу, чтобы это громко прозвучало.*

Термин «миссия» в описании задач административной элиты воспринимается респондентами с одобрением. Более того, изложение мнений на эту тему позволяет понять, что миссия обусловлена описанием выполняемых задач.

В некоторых высказываниях присутствует **неконтролируемый пафос**. В таком контексте респонденты сами себя называют романтиками и идеалистами.

В результате исследования общественного мнения можно выделить четыре типа миссии:

- миссия как совершенствование реальности (проведение определенной политики, написание законов, претворение в жизнь идей, воплощение принципов в конкретных действиях);

- миссия как служба государству (работа в целях достойного функционирования учреждения, служба его интересам и целям, безопасности, работа в интересах министров, премьера, президента);

- миссия как служба обществу, реакция на общественные проблемы;

- миссия как самопожертвование, энтузиазм.

- **Миссия как совершенствование реальности.** Иллюстрацией этой интерпретационной схемы является высказывание: *Я способствую изменению страны к лучшему.* Такое восприятие собственной работы через категорию миссии выразительно очерчено и охватывает ряд форм активности, описываемых как создание государственных учреждений, реализация проектов, регуляция определенной сферы жизни, создание законов, разработка политической стратегии, участие в принятии важных решений и т. д. Респонденты осознают, что принадлежат к немногочисленной группе, которая принимает решения о насущных вопросах. *Мы создаем идею, чтобы затем повсеместно ее реализовать; Мы обязываем общество следовать четким указаниям.* В этом случае на первый план выдвигается собственная креативная роль.

- **Миссия как служба государству.** Примером такой интерпретации являются следующие высказывания: *Хочу служить государству; Я не хочу, чтобы так громко звучало, но это работа на благо государства.* Конечно, такие формулировки могли бы встретиться в высказываниях любого чиновника, ведь речь идет о службе прежде всего государству. Относительно часто государственная миссия выступает на первый план, и респонденты на нее инстинктивно ориентируются. Миссия, понимаемая таким образом, охватывает ряд важных задач: функционирование государственных учреждений, служение его делам, работа в интересах государства, реализация политики на местах, внедрение региональных политических стратегий, реализация задач департамента и т. д. Описание задач показало, что респонденты в работе выполняют функции руководителя (управление, консультирование, инспирация, влияние, контроль, репрезентация, посредничество, анализ и разработка документов и т. д.). Склонность респондентов к употреблению высокопарных слов обусловлена высокой ответственностью работы. Один из респондентов представил данное обстоятельство следующим образом: *Это важные дела.*

- **Миссия как служба обществу.** Обсуждение этого типа миссии требует некоторых разъяснений. Представление чиновником своей службы для общества зависит не только от воображения респондента, но и от специфики департамента, где он работает. Департаменты, которые определяются респондентами как «горизонтальные» (осуществляют контроль), работают в интересах государственных учреждений и политиков. Их работа не направлена на обычных людей и общественных партнеров. Поэтому данный тип миссии руководители «горизонтальных» департаментов не упоминают. Работа других («вертикальных») де-

партаментов направлена именно на обычных людей, поэтому их сотрудники охотно рассказывают о своей службе обществу. Независимо от задач департамента часть респондентов проводит различие между непосредственным получателем и целевым получателем результатов работы. В первом случае это работа в интересах государственных учреждений и политиков (министра, премьера), во втором – в интересах общества.

• **Миссия как энтузиазм.** Подобный тип миссии встречается относительно редко. Однако, если к этим непосредственным рассказам мы прибавим описываемую ранее схему «сумасбродного аэродрома», легко понять, что в этом аспекте профессиональная деятельность ассоциируется с некой страстью в работе, с чувством выполнения важной роли. При этом материальная сторона вопроса не выступает ключевой. Одно из мнений по данному поводу: *Деньги являются средством удовлетворения, основой, но этого недостаточно.*

В завершение представим ряд целей и ценностей, формулируемых респондентами, которые при определенной интерпретации позволяют воссоздать общий горизонт ответственности польских чиновников высокого ранга. В описываемой группе мы находим следующие характеристики:

- законность;
- нормальное функционирование государства;
- содействие экономическим интересам Польши;
- создание политического образа Польши;
- репрезентация и защита интересов Польши;
- разработка и проведение польской зарубежной политики и политики безопасности;
- четкое функционирование судов;
- цивилизационный прогресс;
- здравоохранение, забота о здоровье общества;
- защита интересов социальных групп;
- сохранение социального мира через мудрое взаимодействие с общественными партнерами;
- формирование положительного образа Польши.

Указанные характеристики свидетельствуют о существовании в распоряжении административной элиты больших символических ресурсов, а также умения «компоновки символов», т. е. использования этих ресурсов в формулировании авторитетизации. Это касается как создаваемой чиновниками картины своей ежедневной ответственности, так и представлений о «заколдованной», или «возвышенной», миссии.

Заключение

Таким образом, система взаимодействий «политика – бюрократия» имеет довольно скромный потенциал легитимизации относительно административных элит. Респонденты не считают, что политика чрезмерно угрожает их автономии.

Члены административной элиты не являются интегрированной, осознанно конспирирующейся по отношению к политической элите группой, а представляют, скорее, сообщество автономных единиц. Их автономия защищает право и обеспечивают профессиональные компетенции. Респонденты склонны понимать автономию как самостоятельность и ответственность.

С другой стороны, демонстрация чиновниками собственной ценности не строится на демонстрации своего преимущества по отношению к политикам. Таким образом, они не сигнализируют о том, что в современной Польше дошло до господства чиновников. Так каким будет ответ на вопрос: автономия административной элиты или ее подчинение политике? Правильной будет такая формулировка: автономия и подчинение, а прежде всего сотрудничество в зависимости от конкретной ситуации и конкретного решения.

Кроме автономии, для идентификации чиновников важно ощущение индивидуальности испол-

няемой ими роли и наличие определенного статуса. Ощущение собственной ценности респонденты черпают из своей работы, которую склонны описывать как миссию.

Символические ресурсы легитимизации в большей степени связываются с индивидуальным ощущением собственной ценности, а также традиционной интеллигентской миссией, чем с ощущением принадлежности к избранной группе административной элиты¹.

Вес порученных дел, широкие сферы влияния и груз ответственности объединяет директоров департаментов в сообщество субъектов с политическими обязанностями. В типологии Ержи Микуловского-Поморского [17] их можно причислить одинаково как к категории интеллигентов, которые обращаются к интеллигентским ценностям, так и к категории новых профессионалов. Главные формулы легитимизации опираются на индивидуальные ресурсы респондентов, на их ответственность, а также ощущение миссии, которая выражается в создании политики, государственной и общественной службе и личном самопожертвовании.

Антони Камински (Antoni Kamiński) [20] и Кристофер Лаш (Christopher Lasch) [21] наблюдали

¹О сплоченности коллектива может косвенно свидетельствовать недостаток критичности по отношению к собственной группе: из всей выборки только один респондент критикует чиновников за пассивность.

и убедительно описали опасное явление бунта или дезертирства административных элит, что выражается прежде всего в сужении ответственности за общество. Такой точки зрения наши респонденты не подтвердили. Их самоощущение базируется в большей степени на декларируемом (думаем, что и переживаемом) ощущении ответственности, как ответственности **перед**, так и ответственности **за**. И хотя они сами, по сути, «делают политику», можно судить о том, что часть ответственности **за** поручают именно политикам. Это важный фактор, благотворно сказывающийся на самоощущении административных элит.

В своем исследовании мы не стремились выявить психологические механизмы, которые кроются за анализируемыми высказываниями. Мы имеем в виду задокументированные в современной обще-

ственной психологии механизмы, управляющие автопрезентацией, защитой ощущения собственной ценности, механизмы рационализации и редукции познавательных диссонансов. Самочувствие членов элиты связано с ощущением собственной ценности. Наверное, сильнейшим (чуть ли не физиологическим) мотивом, как утверждает Богдан Войцизке (Bogdan Wojciszke) [22, с. 22], является собственное достоинство, стремление сохранить и укрепить хорошее мнение о себе. В принятом нами подходе высказывания респондентов не просеиваются через призму психологических знаний, но принимаются с добрыми намерениями. Стоит, однако, отметить, что эти знания полезны для понимания анализируемого эмпирического материала, так как в свете этих знаний легче понять самоощущение польских административных элит.

References

1. Weber M. *Polityka jako zawód i powołanie*. Kraków, 1998.
2. Hausner J. *Zarządzanie publiczne*. Warszawa, 2008.
3. Zybała A. *Polityki publiczne. Doświadczenia w tworzeniu i wykonywaniu programów publicznych w Polsce i w innych krajach. Jak działa państwo, gdy zamierza/chce/ musi rozwiązać zbiorowe problemy swoich obywateli?* Warszawa, 2012.
4. Field L. G., Higley J., Burton M. G. A New Elite Framework for Political Sociology. *Rev. Européenne des Sci. Sociales*. 1990. Vol. 28. P. 149–182.
5. Etzioni-Halevy E. O autonomii elit w demokracjach zachodnich. In: J. Szczupaczyński (wybór i oprac.) *Władza i społeczeństwo*. Warszawa, 1998.
6. Heywood A. *Politologia*. Warszawa, 2006.
7. Peffley M., Rohrschneider R., Elite Beliefs and the Theory of Democratic Elitism. In: R. J. Dalton, H. D. Klingeman (eds). *The Oxford Book of Political Behavior*. Oxford, 2007.
8. Pańków I. Elita polityczna w teoriach i percepcji polskich parlamentarzystów. *Studia Polit.* 2008. No. 20. S. 205–227.
9. Nalewajko E., Post B., Dobre państwo i dobry urzędnik – krystalizacja wzorów normatywnych w środowisku rządowych elit administracyjnych. *Studia Polit.* 2014. No. 3 (35). S. 83–106.
10. Krasnodebski Z. Maxa Webera projekt socjologii rozumiejącej. *Studia Socjologiczne*. 1985. No. 1. S. 231–242.
11. Skotnicka-Illasiewicz E. Administracja rządowa i jej elity w warunkach członkostwa Polski w Unii Europejskiej. *Studia Polit.* 2014. No. 3 (35). S. 129–152.
12. Putnam R. The Political Attitudes of Senior Civil Servants in Western Europe. A Preliminary Report. *Br. J. Political Sci.* 1993. Vol. 3, No. 3. S. 257–290.
13. Peters B. G. *Administracja publiczna w systemie politycznym*. Warszawa, 1999.
14. Żyro T. *Wstęp do politologii*. Warszawa, 2006.
15. Obłój K. *Strategia organizacji*. Warszawa, 2001.
16. Mach B., Mocek S. Rola współczesnej inteligencji w porządku demokratycznym. In: I. Pańków (red.). *Meandry legitymizacji*. Warszawa, 2011.
17. Mikułowski-Pomorski J. (red.). *Między tradycją a wyzwaniem współczesności*. Kraków, 2005.
18. Świdorski B. Konfrontacja «cienia» z «panem», Plus Minus, Rzeczpospolita 7 X 2000 głos w dyskusji Czy zmierzch inteligencji? 2000.
19. Ajnenkiel A. *Administracja w Polsce. Zarys historyczny*, Książka i Wiedza. Warszawa, 1977.
20. Kamiński A. *Dezercja elit. Konsolidacja ustroju politycznego w pokomunistycznej Polsce*. Warszawa, 2014.
21. Lasch Ch. *Bunt elit*. Kraków, 1997.
22. Wojciszke B. *Człowiek wśród ludzi. Zarys psychologii społecznej*. Warszawa, 2003.

Перевод с польского доктора социологических наук, профессора В. И. Русецкой и кандидата социологических наук, доцента О. В. Терещенко.

Статья поступила в редколлегию 12.10.2016.
Received by editorial board 12.10.2016.

УДК 314.172:[314.92+314.93]

УРБАНИЗАЦИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОРЫ ВОЗРАСТНОЙ СПЕЦИФИКИ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

А. А. БЕЛОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируется характер влияния урбанизации и образования на уровень рождаемости в Республике Беларусь. Исследование проводилось на материале переписи населения 2009 г. Рассматриваются кумулятивные коэффициенты рождаемости в условном поколении женщин в зависимости от уровня образования и типа поселения. Проводится количественная оценка влияния каждого из рассматриваемых факторов на уровень рождаемости. Делается вывод о том, что оба фактора оказывают наибольшее влияние посредством увеличения возраста начала реализации репродуктивных установок.

Ключевые слова: репродуктивное поведение; урбанизация; уровень образования; кумулятивный коэффициент рождаемости; условное поколение.

URBANIZATION AND EDUCATION AS FACTORS OF THE AGE SPECIFICITY OF REPRODUCTIVE BEHAVIOUR

A. A. BELOV^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article is devoted to study of impact of urbanization and education on the fertility rate in the Republic of Belarus. The study was conducted on the basis of the population census. Cumulative fertility rates are considered in the hypothetical generation of women, depending on educational levels and the types of settlement. A quantitative estimation of effects on the fertility rate of each of the factors under consideration is carried out. It is concluded that both factors exert the greatest influence on the level of fertility through the increase in the age at which the reproductive attitudes begin to be realized.

Key words: reproductive behaviour; urbanization; educational level; cumulative fertility rate; hypothetical generation.

Введение

Важнейшими факторами сокращения рождаемости в Беларуси во второй половине XX в. стали урбанизация и повышение уровня образования жителей нашей страны. Проведенный ранее анализ итоговых коэффициентов рождаемости выявил, что значительные и устойчивые различия показателей репродуктивного поведения в зависимости от уровня образования и раз-

мера населенного пункта характерны для всего периода наблюдений. При этом изменение образовательной и поселенческой структуры в поколениях 1934–1969 гг. р. по самой минимальной оценке обусловило 36,8 % от общего снижения уровня рождаемости в данных когортах [1].

Тенденция изменения образовательной и поселенческой структуры белорусского общества

Образец цитирования:

Белов А. А. Урбанизация и образование как факторы возрастной специфики репродуктивного поведения // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 2. С. 119–127.

For citation:

Belov A. A. Urbanization and education as factors of the age specificity of reproductive behaviour. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 2. P. 119–127 (in Russ.).

Автор:

Андрей Александрович Белов – аспирант кафедры социологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор А. Н. Данилов.

Author:

Andrei Belov, postgraduate student at the department of sociology, faculty of philosophy and social science. *belov88@tut.by*

в пользу групп населения, имеющих более высокий образовательный статус и проживающих в более крупных населенных пунктах, обуславливает необходимость дальнейшего изучения указанных факторов. Именно от этих групп населения зависит демографическое будущее Беларуси.

Методические замечания

Исследование основано на материалах переписи населения 2009 г. Изучаются показатели репродуктивного поведения женщин в возрасте от 24 до 36 лет. Выбор указанных границ обусловлен предметом исследования. Так, не вполне корректно анализировать зависимость рождаемости от образовательного статуса для женщин младше 24 лет, поскольку до этого возраста происходит процесс формирования образовательной структуры возрастных когорт. Рассматривая 7 лет в качестве типичного возраста начала школьного обучения и учитывая, что ожидаемая продолжительность обучения для женщин в Беларуси составляет около 16,1 года [2], можно сделать вывод о том, что к 24 годам для большинства женщин завершается процесс приобретения образовательного статуса.

Выбор верхней границы на уровне 36 лет определяется общими закономерностями рождаемости в Беларуси. Этот возраст рассматривается как верхняя граница наиболее активной стадии репродуктивного периода. Так, около 95 % всех детей рождается у женщин в возрасте до 36 лет включительно (в 2009 г. – 95,7 %; в 2015 г. – 93,7 %) [3]. Более того, по данным переписи, у женщин 1973 г. р. в 36 лет (т. е. в год переписи) в среднем насчитывалось 1,51 ребенка. При этом суммарный коэффициент рождаемости (далее – СКР) за этот же год составил те же 1,51 ребенка. Таким образом, средний уровень рождаемости в реальном поколении к 36 годам в точности отразил значение СКР за соответствующий год.

В работе анализируется взаимосвязь следующих показателей.

Кумулятивные коэффициенты рождаемости к определенному возрасту в рамках данного исследования – это среднее число детей в расчете на одну женщину к определенному возрасту. В числителе данного показателя – общее количество детей, рожденных женщинами одного возраста за всю жизнь, в знаменателе – общее количество женщин одного года рождения. При последующем анализе

Несмотря на особенности каждого из рассматриваемых факторов, существуют общие черты их влияния на репродуктивное поведение. Оба фактора воздействуют на возрастную специфику рождаемости. Анализ характера этого воздействия и является целью данной статьи.

женщины, которым на момент переписи населения было от 24 до 36 лет, рассматриваются как представители одного условного поколения.

Вероятность рождения детей n -й очередности к определенному возрасту в рамках данного исследования – это доля женщин, родивших не менее n -го количества детей к определенному возрасту на момент переписи населения. Так, например, если женщина родила двоих детей, она будет учитываться в числителе и при расчете вероятности родить хотя бы одного ребенка.

Тип населенного пункта определяется на основании числа жителей и административного деления. В рамках данного исследования выделяется три типа населенных пунктов. К первому относятся сельские населенные пункты. Число жителей в них составляет менее 2000 чел., при этом для так называемых рабочих поселков верхняя граница снижена до 500 жителей. Ко второму типу отнесены городские поселения, которые насчитывают менее 200 000 жителей. Это поселки городского типа, малые и средние города (далее – малые и средние города). Наконец, третью группу образовали населенные пункты, где проживает более 200 000 жителей. В эту группу вошли столица Беларуси и пять областных центров (далее – крупные города).

Уровень образования определяется в соответствии с формой учета Национального статистического комитета Республики Беларусь. Согласно данной форме различается семь образовательных уровней: «образование отсутствует», «начальное образование», «базовое общее», «среднее общее», «профессионально-техническое», «среднее специальное» и «высшее образование». Однако вследствие крайней малочисленности первых трех групп они объединены со средним общим образованием в одну группу – «среднее общее и ниже», что допустимо, поскольку ни один из объединяемых уровней не обеспечивает получение профессии или специальности (т. е. данная группа ограничена школьным уровнем).

Результаты

В ходе исследования установлено, что к 24 годам, т. е. к моменту формирования образовательно-поселенческой структуры поколения, формируются устойчивые различия уровней рождаемости основных групп населения. Во всех случаях среднее

количество детей имеет наименьшие значения у женщин с самым высоким образовательным статусом и уменьшается по мере увеличения размера населенного пункта. При этом в младших возрастах различия между группами носят максимальный

характер. Так, например, в 24 года среднее количество детей у женщин с высшим образованием в крупных городах более чем в 4 раза меньше по сравнению с аналогичным показателем у женщин со средним общим образованием из сельской местности. Примерно с 25 до 33 лет уровень различий

между группами стремительно падает, окончательно стабилизируясь к 35 годам. Так, к 33 годам среднее количество детей у женщин с высшим образованием в крупных городах только в 1,75 раза меньше, чем у женщин с самым низким уровнем образования из сельской местности (табл. 1).

Таблица 1

Кумулятивные коэффициенты рождаемости у женщин от 24 до 36 лет
в зависимости от уровня образования и типа населенного пункта

Table 1

Cumulative fertility rates for women aged 24–36
depending on education level and type of the settlement

Образование	Возраст женщин на момент переписи 2009 г.												
	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35	36
<i>Крупные города</i>													
Высшее	0,26	0,39	0,51	0,62	0,73	0,82	0,91	0,99	1,05	1,11	1,15	1,18	1,23
Среднее специальное	0,52	0,65	0,78	0,89	0,98	1,06	1,12	1,18	1,23	1,28	1,31	1,33	1,36
Профессионально-техническое	0,55	0,66	0,77	0,85	0,95	1,02	1,11	1,13	1,17	1,20	1,24	1,31	1,32
Среднее общее и ниже	0,54	0,70	0,80	0,90	0,96	1,06	1,10	1,16	1,23	1,24	1,30	1,32	1,32
<i>Малые и средние города</i>													
Высшее	0,40	0,52	0,66	0,77	0,87	0,97	1,08	1,14	1,20	1,27	1,32	1,35	1,38
Среднее специальное	0,67	0,82	0,92	1,04	1,13	1,21	1,28	1,34	1,38	1,43	1,46	1,48	1,53
Профессионально-техническое	0,75	0,86	0,96	1,04	1,12	1,21	1,26	1,33	1,37	1,40	1,43	1,49	1,50
Среднее общее и ниже	0,79	0,92	1,03	1,12	1,22	1,28	1,35	1,40	1,45	1,49	1,53	1,54	1,56
<i>Сельские населенные пункты</i>													
Высшее	0,38	0,52	0,67	0,78	0,91	1,03	1,15	1,20	1,35	1,42	1,49	1,55	1,60
Среднее специальное	0,75	0,91	1,04	1,19	1,29	1,40	1,50	1,57	1,66	1,72	1,76	1,82	1,87
Профессионально-техническое	0,91	1,03	1,16	1,24	1,35	1,47	1,55	1,65	1,69	1,77	1,85	1,90	1,94
Среднее общее и ниже	1,09	1,24	1,36	1,49	1,60	1,68	1,75	1,80	1,90	1,95	1,98	2,02	2,09

Можно утверждать, что с 25 до 33 лет наблюдается компенсаторная рождаемость у женщин, которые под влиянием объективных обстоятельств (обучение, трудоустройство, решение жилищного вопроса) были вынуждены отложить реализацию своих репродуктивных установок на более поздний срок. Однако интервал времени, в который происходит подобная компенсация, слишком мал для полного исключения образовавшихся различий.

Из предыдущих исследований известно, что для Республики Беларусь характерен один из самых низких в Европе уровней бездетности. Это означает, что почти каждая женщина к концу репродуктивного периода рождает как минимум одного ребенка. Однако это обстоятельство не предохраняет нашу страну от низкого уровня рождаемости, поскольку решающее влияние оказывает частота рождения вторых и третьих детей [4]. Среди выде-

ленных нами образовательно-поселенческих групп ни в одном случае рождаемость не оставалась на уровне меньше одного ребенка. Минимальный показатель составил 1,23 ребенка. Вместе с тем женщины из выделенных групп в разное время выходят на среднее значение рождаемости на уровне одного ребенка и, соответственно, оставляют для себя разный запас времени для рождения детей более высокой очередности. Это обстоятельство оказывает наиболее значительное влияние на формирование итогового значения рождаемости.

Наибольшее количество лет, остающихся в резерве для рождения вторых и третьих детей, характерно для женщин из сельской местности с наиболее низким уровнем образования. Эта группа выходит на пороговый уровень (1,0 ребенка на одну женщину) к 24 годам. Таким образом, в их распоряжении остается еще 12 лет, чтобы реализовать

свои установки на рождение детей более высокой очередности. Как следствие, для этой группы характерна наиболее высокая вероятность рождения второго (71,6 %) и третьего ребенка (29,2 %). В результате рождаемость на уровне простого воспроизводства поколений достигается к 35 годам.

Наименьшее количество лет для рождения вторых и третьих детей остается в распоряжении женщин с высшим образованием, которые проживают в крупных городах. Представительницы этой группы выходят на средний уровень 1,0 ребенка только к 32 годам, когда до окончания активной стадии репродуктивного периода остается всего 4 года. За это время наблюдается прирост среднего количества детей всего на 0,18. Таким образом, подавляющее большинство женщин (около 65 %) не успевают родить второго ребенка. В свою очередь, рождение третьего ребенка в данной подгруппе носит единственный и исключительный характер (табл. 2).

Следует отметить, что жители разных типов населенных пунктов отличаются не только продолжительностью резервного периода времени для рождения вторых и третьих детей. Также наблюдаются существенные различия среднегодовой рождаемости, которые характерны для женщин разных поселенческих групп после достижения среднего уровня рождаемости в 1,0 ребенка. Так, например, женщины из крупных городов (независимо от образования) в возрасте от 32 до 36 лет рожают в среднем 0,04 ребенка в год. С учетом такой полезности одного года жительницам крупных городов понадобилось бы не 4 года (как это происходит фактически), а 20 лет для достижения уровня простого воспроизводства (2,0 ребенка). Таким образом, активную стадию репродуктивного периода пришлось бы повысить до возрастов старше 50 лет, что невозможно даже гипотетически, поскольку подобная ситуация предполагает массовый выход за биологические границы репродуктивного возраста.

В малых и средних городах резерв времени для рождения вторых и третьих детей колеблется от 6 до 10 лет в зависимости от образования женщин. Однако независимо от уровня образования средняя полезность одного года составляет 0,05 ребенка. В результате после достижения среднего количества детей на уровне 1,0 ребенка для выхода на значение простого воспроизводства в среднем необходимо еще около 18 лет. Таким образом, у женщин с высшим образованием активный период деторождения должен продолжаться до 48 лет, а у женщин с более низким уровнем образования – примерно до 45 лет.

Для сельской местности характерен не только наибольший запас времени на рождение вторых и третьих детей, но и самые высокие показатели полезности этого времени. Так, после достижения среднего количества детей на уровне 1,0 ребенка

каждый последующий год в среднем приносит по 0,08 ребенка. Причем данная величина практически не зависит от уровня образования женщин. В результате для повышения рождаемости до уровня простого воспроизводства поколений в сельской местности достаточно повысить верхнюю границу активной стадии репродуктивного периода до 41 года в случае с высшим образованием и до 37 лет в случае со средним специальным и профессионально-техническим образованием.

С помощью *детерминированного факторного анализа* можно определить относительный вклад каждого фактора в снижение итогового уровня рождаемости, достигаемого к 36 годам. В рассматриваемом случае итоговую величину можно представить в виде *смешанной (мультипликативной и аддитивной) модели*. Итоговый коэффициент рождаемости может быть выражен с помощью следующей формулы:

$$CFR_{36} = \sum_{i=1}^k W_i (BasicCFR_i + Q_i E_i), \quad (1)$$

где CFR_{36} – кумулятивный коэффициент рождаемости к 36-летнему возрасту; k – количество выделенных подгрупп женщин (всего выделяется 12 подгрупп в зависимости от уровня образования и типа населенного пункта); W_i – удельный вес i -й подгруппы среди всех женщин в возрасте 36 лет; $BasicCFR_i$ – значение кумулятивного коэффициента рождаемости в возрасте, когда среднее количество детей в расчете на одну женщину впервые превышает 1,0 ребенка; Q_i – резерв времени для рождения вторых и третьих детей, т. е. количество лет, которое остается у i -й подгруппы женщин с момента, когда впервые достигается среднее количество детей на уровне 1,0 ребенка, до окончания активной стадии репродуктивного периода (до 36 лет); E_i – средняя полезность резервного года для i -й подгруппы женщин, которая определяется как среднегодовой прирост количества детей в расчете на одну женщину в течение резервного времени Q_i .

Как отмечалось, образование и тип поселения влияют на уровень рождаемости посредством изменения величин Q_i и E_i . В соответствии с эмпирическими данными максимальные значения наблюдаются для подгруппы женщин из сельской местности с самым низким уровнем образования, т. е. когда оба фактора принимают наименьшие значения. Если бы повышение уровня образования и увеличение размера поселения не оказывали никакого влияния на рождаемость, то для каждой подгруппы женщин показатели Q_i и E_i приняли бы максимальные значения. В таком случае по формуле (1) кумулятивный коэффициент рождаемости для всех женщин к 36-летнему возрасту составил бы 2,048 ребенка. Это означает, что оба фактора обусловили сокращение среднего уровня рождаемости на 0,535 ребенка (с 2,048 до 1,513).

Показатели, отражающие влияние урбанизации и образования
на возрастную специфику репродуктивного поведения

Table 2

Influence indicators of urbanization and education on age-specific fertility

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Образование	Возраст достижения среднего уровня 1,0 ребенка	Значение в возрасте достижения среднего уровня 1,0 ребенка	Резерв времени для рождения вторых и третьих детей, кол-во лет: 36 лет – столбец 2	Вероятность рождения к 36 годам не менее двоих детей, %	Вероятность рождения к 36 годам не менее троих детей, %	Коэффициент рождаемости к 36 годам	Полезность одного года резерва: (столбец 7 – столбец 3) / столбец 4	Необходимый резерв лет для достижения уровня простого замещения поколений: (2,0 – столбец 3) / столбец 8
<i>Крупные города</i>								
Высшее	32	1,05	4	34,9	3,3	1,23	0,04	22,2
Среднее специальное	29	1,06	7	40,6	4,5	1,36	0,04	22,0
Профессионально-техническое	29	1,02	7	38,2	4,8	1,32	0,04	23,0
Среднее общее и ниже	29	1,06	7	38,3	6,4	1,32	0,04	24,9
<i>Малые и средние города</i>								
Высшее	30	1,08	6	44,0	4,5	1,38	0,05	18,3
Среднее специальное	27	1,04	9	51,8	6,0	1,53	0,05	17,8
Профессионально-техническое	27	1,04	9	49,6	7,4	1,50	0,05	18,6
Среднее общее и ниже	26	1,03	10	51,8	10,2	1,56	0,05	18,4
<i>Сельские населенные пункты</i>								
Высшее	29	1,03	7	59,3	9,0	1,60	0,08	12,0
Среднее специальное	26	1,04	10	70,4	16,9	1,87	0,08	11,5
Профессионально-техническое	25	1,03	11	70,6	21,0	1,94	0,08	11,7
Среднее общее и ниже	24	1,09	12	71,6	29,2	2,09	0,08	10,9

Поскольку рассматриваемые факторы действуют на рождаемость двумя способами, а именно через продолжительность Q_i и величину E_i , целесообразно оценить вклад каждого из возможных способов влияния. В соответствии с методом цепной подстановки такая оценка проводится по следующим формулам:

$$\Delta_Q \text{CFR}_{36} = \left(\sum_{i=1}^{12} W_i (Q_i E_{\max}) \right) - Q_{\max} E_{\max}, \quad (2)$$

$$\Delta_E \text{CFR}_{36} = \left(\sum_{i=1}^{12} W_i (Q_i E_i) \right) - \left(\sum_{i=1}^{12} W_i (Q_i E_{\max}) \right), \quad (3)$$

где $\Delta_Q \text{CFR}_{36}$ – изменение кумулятивного коэффициента рождаемости за счет изменения резерва времени для рождения вторых и третьих детей (Q) под влиянием повышения уровня образования и увеличения размера населенного пункта; $\Delta_E \text{CFR}_{36}$ – изменение кумулятивного коэффициента рождаемости за счет изменения средней полезности одного резервного года (E) под влиянием увеличения уровня образования и размера населенного пункта; $Q_{\max}$ и $E_{\max}$ – максимальные значения Q_i и E_i , которые достигаются при условии, что переменные «уровень образования» и «тип населенного пункта» принимают наименьшие значения (сельская местность + общее среднее или ниже образование).

В соответствии с формулами (2) и (3) уменьшение резерва времени для рождения вторых и третьих детей, которое происходит под влиянием повышения уровня образования и увеличения размера на-

селенного пункта, обуславливает сокращение уровня рождаемости на 0,343 ребенка. В свою очередь, уменьшение средней полезности одного резервного года обуславливает снижение уровня рождаемости на 0,192 ребенка.

Как отмечалось, уменьшение средней полезности одного резервного года не зависит от уровня образования. Этот показатель различается только по типам населенных пунктов, тогда как внутри каждого типа принимает одни и те же значения для разных уровней образования (табл. 2). В свою очередь, продолжительность резервного времени зависит как от типа населенного пункта, так и от уровня образования. Для оценки относительного влияния уровня каждого фактора на продолжительность резервного времени были изменены данные для расчетов по формуле (2). Рассмотрена ситуация, при которой полностью исключается влияние уровня образования. Для этого внутри каждого типа населенных пунктов величина Q_i принималась на уровне общего среднего образования. То есть анализировался сценарий, при котором женщины не получают никакого образования после школы. В результате установлено, что переменная «тип населенного пункта» снижает уровень рождаемости в среднем на 0,225 ребенка посредством уменьшения резервного времени на рождение вторых и третьих детей. Таким образом, отрицательный эффект от уровня образования составляет 0,118 ребенка. Итоговая оценка влияния каждого фактора на уровень рождаемости приведена в табл. 3.

Таблица 3

Оценка влияния учтенных факторов на уровень рождаемости

Table 3

The influence estimation of accounted factors on the fertility rate

Показатель	Значение	В том числе за счет	
		образования	типа поселения
Кумулятивный коэффициент рождаемости к 36 годам при исключении влияния уровня образования и типа поселения	2,048	-	-
Изменение посредством уменьшения резервного времени на рождение вторых и третьих детей	-0,343	-0,118	-0,225
Изменение посредством уменьшения средней полезности резервного года	-0,192	-	-0,192
Суммарное изменение кумулятивного коэффициента рождаемости к 36 годам за счет влияния уровня образования и типа поселения	-0,535	-0,118	-0,417
Фактический кумулятивный коэффициент рождаемости к 36 годам	1,513	-	-

Обсуждение результатов

Установлено, что основным механизмом, посредством которого уровень образования и тип поселения влияют на рождаемость, является сни-

жение продолжительности времени на рождение вторых и третьих детей. Соответствующее уменьшение интервала происходит за счет смещения его

нижней границы в сторону более поздних возрастов. При повышении уровня образования и увеличении размера населенного пункта повышается возраст начала реализации репродуктивных установок. В то же время верхняя граница активной стадии репродуктивного периода практически не меняется и ограничивается возрастом 35–36 лет. Подобная ситуация полностью соответствует данным социологического исследования репродуктивных установок населения г. Минска, в рамках которого изучались идеальные возраста рождения детей разной очередности (табл. 4).

Указанное исследование проводилось в 2013 г. в четырех загсах города Минска (Ленинского, Октябрьского, Фрунзенского и Центрального районов) посредством анкетного опроса во время регистрации новорожденных детей. Объем выборочной совокупности составил 675 респондентов (344 женщины и 331 мужчина). На последнем этапе формирования выборочной совокупности во всех перечисленных загсах проводился сплошной опрос родителей новорожденных детей в течение двух рабочих недель. Корректность достигнутой

выборки контролировалась на основании четырех признаков: средние возраста женщин при рождении первого ребенка, структура рожденных детей по очередности рождения (доли первенцев, вторых, третьих детей и более), структура рожденных детей по уровню образования матери. По всем перечисленным признакам не зафиксировано статистически значимых расхождений с параметрами генеральной совокупности. Оценка смещений во всех случаях проводилась на уровне статистической значимости $\alpha = 0,05$.

В результате социологического исследования установлено, что независимо от пола и уровня образования жители крупнейшего города Беларуси в среднем считают идеальным периодом реализации своих репродуктивных установок возраст до 35 лет. При этом для женщин с высшим образованием характерен более высокий идеальный возраст рождения детей. Однако эти различия сокращаются по мере увеличения очередности рождения. Так, если для первого ребенка разница составляет 2,55 года, то для третьего – всего 0,45 года. Похожая тенденция наблюдается и среди мужчин.

Таблица 4

**Установки жителей г. Минска относительно идеальных возрастов рождения детей
разной очередности в зависимости от пола и уровня образования респондентов**

Table 4

**Attitudes of Minsk population on ideal age for childbearing
by birth order depending on sex and education of respondents**

Очередность рождения	Возраст женщин		Возраст мужчин	
	С высшим образованием	С другим образованием	С высшим образованием	С другим образованием
Первый ребенок	25,90	23,35	27,45	25,33
Второй ребенок	30,11	27,87	31,70	29,71
Третий ребенок	32,99	32,54	34,97	33,29

Характер установок жителей г. Минска относительно идеальных возрастов рождения детей в целом отражает фактическую ситуацию. Как на уровне установок, так и для реального поведения населения с высшим образованием характерен более поздний возраст рождения первого ребенка. При этом для всех женщин независимо от уровня образования свойствен примерно один и тот же средний возраст, после которого активная стадия репродуктивного возраста завершается. В то же время реальное поведение существенно отличается от установок тем, что фактический возраст рождения первого ребенка значительно смещается. В результате это приводит к большой доли нереализованных установок, поскольку верхняя граница их реализации не повышается в достаточной мере.

Следует отметить, что по сравнению с другими странами Европы для Беларуси характерен доста-

точно низкий вклад поздних возрастов в общее количество рожденных детей. Так, в 28 странах Европейского союза 13,6 % от общего количества детей рождается у матерей в среднем в возрасте 37 лет и старше [5]. При этом в таких странах, как Испания, Италия и Ирландия, вклад женщин указанного возраста превышает 20 %. В Беларуси этот показатель составляет 6,3 %, что является достаточно низким значением даже по меркам стран Восточной Европы (рис. 1).

Вместе с тем для большинства стран Европы можно выделить верхнюю границу активной стадии репродуктивного возраста. Так, в среднем в странах Европейского союза около 95 % детей рождается у матерей в возрасте до 39 лет включительно. Максимальный вклад женщин после 39 лет в общее количество новорожденных характерен для Италии, но и в этой стране данный показатель составляет всего 8,3 % (рис. 2).

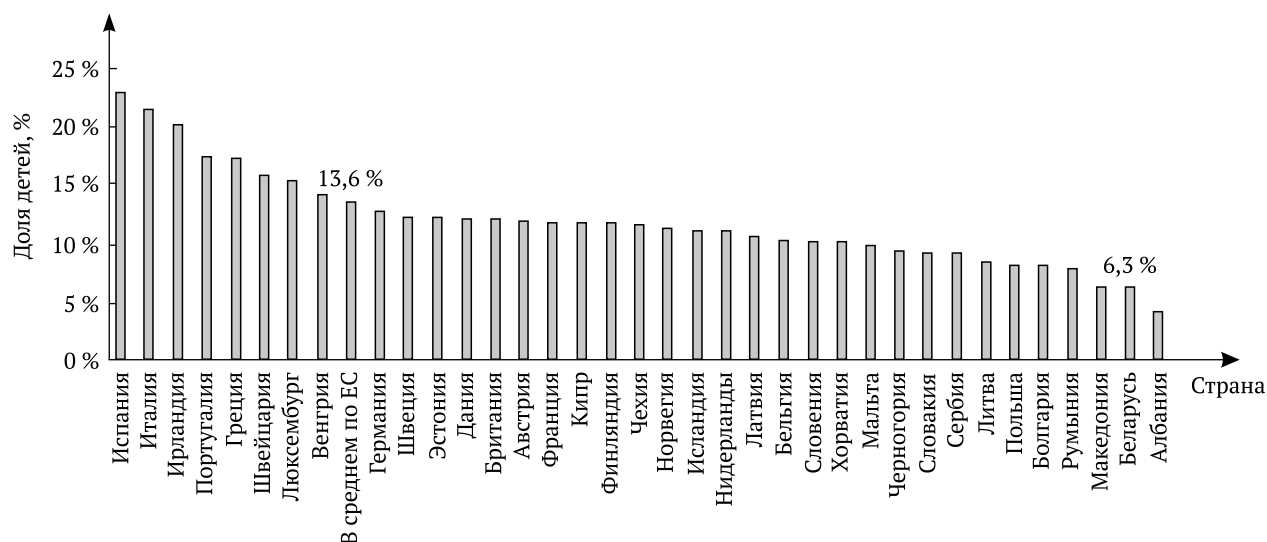

Рис. 1. Доля детей, рожденных женщинами в возрасте 37 лет и старше, в странах Европы (по данным 2015 г.)

Fig. 1. The proportion of children born to women aged 37 years and older in European countries (as of 2015)

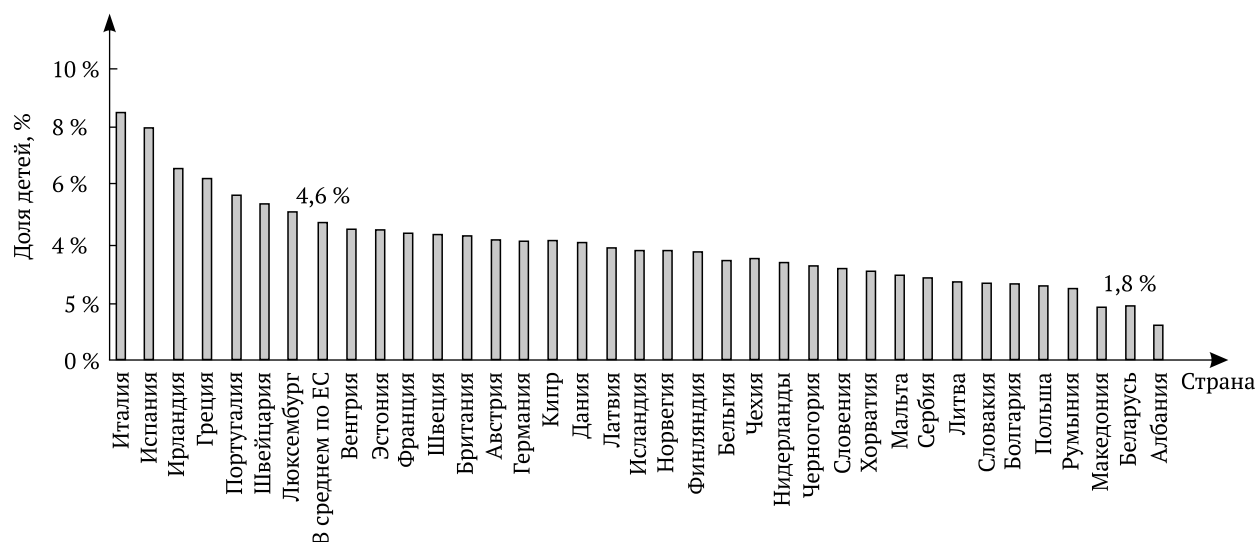

Рис. 2. Доля детей, рожденных женщинами в возрасте 40 лет и старше, в странах Европы (по данным 2015 г.)

Fig. 2. The proportion of children born to women aged 40 years and older in European countries (as of 2015)

Можно сделать вывод о том, что в Беларуси имеется потенциал для некоторого повышения верхней границы активного периода репродуктивного возраста. Исходя из опыта других стран, наиболее вероятно, что эта граница может повыситься примерно на 3 года и составить около 39 лет. Однако даже по самому оптимистичному сценарию подобное изменение не позволит решить проблему низкой рождаемости в нашей

стране. Так, если предположить, что при увеличении верхней границы активной стадии репродуктивного периода нижняя граница не повысится, а также не изменится полезность одного резервного года, то кумулятивный коэффициент рождаемости к 39-летнему возрасту составит 1,682 вместо фактического значения 1,513 к 36-летнему возрасту по состоянию на момент последней переписи населения.

Заключение

Резюмируя, можно отметить, что исследование позволило провести количественную оценку влияния уровня образования и размера населенного пункта на уровень рождаемости в Республике Бела-

русь. Установлено, что рассматриваемые факторы влияют на репродуктивное поведение посредством двух основных механизмов – сокращения продолжительности резерва времени для рождения вто-

рых и третьих детей, а также снижения средней полезности одного резервного года. Так, к 24 годам за счет разного времени начала реализации репродуктивных установок формируются значительные различия показателей рождаемости у женщин с разным уровнем образования и типом поселения. В последующие годы величина этих расхождений сокращается, однако полной компенсации не происходит. Отмеченные различия определяют время, когда разные образовательно-поселенческие группы достигают средней рождаемости на уровне одного ребенка. Соответственно, для разных

групп характерен свой средний запас времени для рождения вторых и третьих детей (от 4 до 12 лет). Уменьшение резерва этого времени обуславливает снижение рождаемости в среднем на 0,343 ребенка, из которых 0,225 определяется размером населенного пункта и 0,118 – уровнем образования. В свою очередь, для женщин из разных типов поселений характерны различия по продуктивности использования оставшегося времени на рождение вторых и третьих детей. В данном случае также наблюдается обратная зависимость, которая обуславливает сокращение рождаемости в среднем на 0,192 ребенка.

Библиографические ссылки

1. Белов А. А. Регрессионная модель сокращения уровня рождаемости в Республике Беларусь // Социология. 2016. № 1. С. 117–128.
2. Human Development Indicators [Электронный ресурс] // Human Development Reports. URL: <http://hdr.undp.org/en/countries/profiles/BLR> (date of access: 11.05.2017).
3. Число родившихся по возрасту матери (годовые данные) / База данных по статистике населения [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: <http://demdata.belstat.gov.by/olap.html> (дата обращения: 11.05.2017).
4. Белов А. А. Нематериальные факторы рождаемости. О влиянии пронаталистских ценностей на репродуктивное поведение в странах Европы // Беларус. думка. 2017. № 2. С. 58–64.
5. Live births by mother's age and newborn's sex [Электронный ресурс] // Eurostat. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (date of access: 11.05.2017).

References

1. Belov A. A. Regression model of the birth rate decline in the Republic of Belarus. *Sotsiologiya [Sociology]*. 2016. No. 1. P. 117–128 (in Russ.).
2. Human Development Indicators. *Human Development Reports*. URL: <http://hdr.undp.org/en/countries/profiles/BLR> (date of access: 11.05.2017).
3. [Live births by age of mother (annual data)]. [*The National Statistical Committee of the Republic of Belarus*]. URL: <http://demdata.belstat.gov.by/olap.html> (date of access: 11.05.2017) (in Russ.).
4. Belov A. A. [Intangible factors of fertility. Impact of values on reproductive behavior in European countries]. *Belaruskaya dumka*. 2017. No. 2. P. 58–64 (in Russ.).
5. Live births by mother's age and newborn's sex. *Eurostat*. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (date of access: 11.05.2017).

Статья поступила в редколлегию 05.06.2017.
Received by editorial board 05.06.2017.

КУРС ПО ВЫБОРУ

OPTION COURSE

Приходится исходить из того, что все, связанное с эротическими проявлениями человека, рассматривается Средневековьем в контексте греховности. Отторжение чувственности как таковой, понимание сексуальности сугубо в контексте грядущей кары – все это, накладываясь на осознание невозможности преодолеть искушение, порождает перманентное чувство вины и приводит к тому, что источник этого искушения подвергается, мягко говоря, негативной оценке. Стоит ли удивляться, что в логическом своем завершении этот вектор приводит ко столь характерному для европейского Средневековья антифеминизму, который – увы! – дает о себе знать и по сей день.

Это объяснимо: не будем забывать о том, что Средневековье – культура мужчин и тексты в средневековой Европе писались сплошь мужской рукой. Писали бы женщины – в качестве сосуда скверны, вовлекающего во грех, был бы назван мужчиной...

М. А. Можейко

УДК 177.6:130.2-047.48(4-15)

ЖЕНЩИНА ГЛАЗАМИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ: АНТИФЕМИНИЗМ КАК ФОБИЯ

М. А. МОЖЕЙКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Посвящена одному из серьезных последствий того аксиологического ostracism, которому был подвергнут феномен любви земной в средневековой европейской культуре, а именно формированию антифеминизма. Показано, что данный феномен выходит далеко за пределы бытовых инвектив в отношении женщин, формируя не только и не столько глубинную культурную установку средневекового мировоззрения, сколько характерную для Средневековья фобию. Рассматриваются два ракурса проявления этой фобии: с одной стороны, восприятие женской сексуальности как многогранно опасной, с другой – устойчивое связывание в массовом сознании феномена женщины с магией и колдовством.

Ключевые слова: женщина; соблазн; искушение; грех; фобия; колдовство; ведьмы; инкубы; суккубы; антифеминизм; демонизация; инквизиция; аутодафе.

Образец цитирования:

Можейко М. А. Женщина глазами средневековой культуры: антифеминизм как фобия // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 2. С. 128–138.

For citation:

Mojeiko M. A. Woman in eyes of medieval culture: antifeminism as fobia. J. Belarus. State Univ. Sociol. 2017. No. 2. P. 128–138 (in Russ.).

Автор:

Марина Александровна Можейко – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии и методологии гуманитарных наук факультета культурологии и социокультурной деятельности.

Author:

Marina Mojeiko, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of philosophy and methodology of humanities, faculty of culturology and sociocultural activities.
marina-mojeiko@yandex.by

WOMAN IN EYES OF MEDIEVAL CULTURE: ANTIFEMINISM AS FOBIA

M. A. MOJEIKO^a

^a*Belarusian State University of Culture and Arts, Rabkorawskaia Street, 17, 220007, Minsk, Belarus*

The article is devoted to one of the most serious consequences of axiological ostracism, which has been subjected to the phenomenon of earthly love in Medieval European culture – namely, the formation of antifeminism. It is shown that this phenomenon extends far beyond the ordinary household invectives against women, because it had formed not only the deep cultural setting of the medieval worldview, but real phobia. This article discusses two directions of its realization: the negative perception of female sexuality as dangerous, on the one hand, and sustainable binding in the mass consciousness of the phenomenon of women with magic and sorcery – on the other.

Key words: woman; temptation; temptress; sin; phobia; witchcraft; witches; incubus; succubus; antifeminism; demonization; the Inquisition; autodafe.

Средневековое сознание повседневности характеризуется формированием такой мировоззренческой установки, как антифеминизм. Сразу уточним, что речь идет не о подчиненном положении женщины в средневековом обществе и урезанности открытого ей социального пространства – по оценке медиевистов, «место женщины – семья и брак» [1, с. 270–281], – не о ее юридическом бесправии, не о минимальном участии женщин в культурном процессе, практически исчерпывающемся их объектной ролью, не о недостаточном развитии женской идентичности, не о так называемом «молчании женщин» в средневековой культуре [2], а именно об установке активного антифеминизма.

Антифеминизм Средневековья – активный и острый, тотальный и всеобъемлющий, столь глубокий и фундаментальный, что его невозможно списать на имплицитную идею мужского доминирования в общем контексте традиционной культуры или

эксплицитную идею мужского первородства в общехристианской системе отсчета.

Согласно библейской традиции «горче смерти женщина, потому что она – сеть, и сердце ее – силки, руки ее – оковы; добрый перед Богом спасется от нее, а грешник уловлен будет ею» (Еккл. 7: 26). Именно на женщине лежит проклятье первородного греха: руками Евы дьявол срывает запретный плод и ее устами искушает Адама: «Нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы <...> мужчину одного из тысячи я нашел, а женщины между всеми ими не нашел» (Еккл. 7: 20, 28).

Разумеется, эту аксиологическую установку нельзя сбрасывать со счетов, однако в сознании повседневности Средневековья на этом основании созревает нечто гораздо более радикальное: женщина осмысливается не только как порочное существо, а как олицетворение порока, не просто как носитель зла, а как воплощенное зло. Марбод Реннский пишет:

Женщина, корень беды, ствол порока, зловредный отросток.
В мире повсюду она без числа порождает соблазны;
Всякие свары, вражду и междоусобные распри
Будит и старых друзей до кровавых доводит раздоров,
Губит она и любовь, сынов разлучает с отцами.
Этого мало: царей и властителей гонит с престола,
Войны заводит, крушит города, разрушает столицы,
Множит убийства и яд смертельный в кубки вливает;
Села, поместья огнем пожаров она истребляет.
Словом, такого нет зла на всем белом свете, в котором
Женщина быть не могла хотя бы отчасти виновной... [3, с. 230].

Такая парадигма восприятия женщины практически универсальна для Средневековья. «Книга пословиц» Отлоха Эммерамского изобилует примерами антифеминистской позиции: «Всякая злость мала в сравнении со злостью жены»; «Жестокое животное – сердце порочной женщины» [4, с. 152]. Как предостерегает Секунд, «женщина есть <...> ненасытное животное, постоянное беспокойство, непрерывная борьба, повседневный ущерб, буря в доме, препятствие к исполнению обязанностей» [5, с. 256–259].

Существенно то обстоятельство, что антифеминистская установка Средневековья не исчерпывается аксиологически негативным отношением к женщине, хотя это, бесспорно, имеет место.

Классическими для Средневековья являются сюжеты о дурных женах. Широко распространенный *exempla* (пример для проповеди) содержит рассказ о том, как в одном городе избирали наиболее мучительный способ казни для ужасного злодея: предлагалось сжечь его, привязать к лошадиным

хвостам, содрать с него кожу заживо, но муж дурной жены посоветовал: «Дайте ему мою жену, худшей казни быть не может» [5, с. 249].

Типичным является широко распространенный сюжет о муже, чьи три жены (одна за другой) повесились на дереве в его саду: «один человек сказал ему: "...Дай, прошу тебя, три отростка от этого дерева, я хочу их поделить между соседями, чтобы у каждого из них было дерево, на котором могла бы удавиться его жена"» [6, с. 59]. В целом в *exempla* представлен широчайший спектр инвектив по отношению к женщинам: от нападок на суетность,

любопытство, упрямство, болтливость дочерей Евы до рассказов о том, как сжигаемая огнем разнузданности распутница, проходя по улицам в своем развратном наряде, сожгла весь город [5, с. 168, 246–247, 255–256].

По общей оценке А. Я. Гуревича, в *exempla* «среди многочисленных рассказов о женщинах лишь изредка встречаются такие, в которых они не выглядят моральными монстрами» [5, с. 250]. Марбод Реннский, описывая женщину, предоставляет читателю прямо-таки энциклопедически полный перечень грехов и пороков:

Этот завистливый пол, легкомысленный, яростный, жадный,
И до вина непомерно охоч, да и крайне прожорлив;
Радостно мстит и во всем других одолеть он стремится,
Правдой и кривдой достичь своего неумно желая;
Что ему сладко, на том никакого не знает запрета.
Вечно приветлив на вид, а способен на всякую низость,
Лжив и бесстыден всегда и готов на любые обманы;
То его к деньгам влечет, то жжет его похоти пламя,
Он суетлив и болтлив, а к тому же еще и заносчив... [3, с. 230].

Разумеется, оборотной стороной антифеминизма выступает позитивный аксиологический акцент на мужчине как таковом, славном уж тем, что он не женщина. Например, казалось бы, в системе средневекового аскетизма клирик, согрешивший против целибата, должен выступать символом предельного морального падения. Между тем даже в этой ситуации срабатывает парадигма антифеминизма: громы и молнии общественного мнения обрушиваются не на давшего обет безбрачия и нарушившего его, а именно на женщину. Содержание *exempla* ярко иллюстрирует этот контраст (напомним, речь идет не о действительной позиции церкви в отношении оступившихся монахов, а лишь о выраженном в *exempla* общественном мнении). Так, например, священник, шедший в ночь на Рождество из одной деревни

в другую, чтобы отслужить мессу, согрешил в пути с женщиной и когда утром начал службу, в храм якобы влетел голубь и унес гостию, выпив кровь из чаши, которую должен был поднять священник [5, с. 221]. Как видим, наказание ограничивается чисто символическим намеком на служебное несоответствие, в то время как конкубины священников (так называемые *священницы*) клеймятся общественным мнением беспощадно: им даже отказывают в *поцелуях мира*, которыми прихожане обмениваются по окончании службы. Считается, что обменявшийся таким поцелуем со *священницей* лишается своей доли в мессе [5, с. 245]. Нравственный статус *священницы* оказывается ниже даже статуса продажной женщины. Из текста Матвея Вандомского очевидно, что ее могут осудить любые пари:

С клириком жить – незавидный удел: народ попрекает,
Шут смеется в лицо, блудные девки язвят.
Всем я позорище, черни посмешище, людям потеха;
Чудище видят во мне, пальцами кажут мне вслед... [7, с. 444].

Аналогичный посыл – в формулировке Отлоха Эммерамского: «лучше жестокий мужчина, чем услужливая женщина» [4, с. 154].

В устах инквизиторов антифеминизм обретает новый фундаментальный аргумент: «Да будет прославлен Всевышний, по сие время охранивший мужской род от такой скверны. Ведь в мужском роде он хотел для нас родиться и страдать» [8, с. 132].

Однако средневековая культура демонстрирует в отношении женщины нечто гораздо более глубокое и фундаментальное, нежели бытовые инвективы. В рамках сознания повседневности антифеминизм Средневековья – не столько аксиологическая установка на дискриминацию женщины, сколько

собственно фобия. Наиболее распространенной средневековой фобией, выражающей общий страх Средневековья перед сексуальностью, выступает именно боязнь женщины.

Если обобщить все инвективы средневековой культуры в адрес женщины, обнаруживается, что страх перед ней и вытекающий из него антифеминизм Средневековья базируются на двух основных моментах и, соответственно, можно обозначить два вектора проявления указанной фобии: с одной стороны – негативное восприятие женской сексуальности как многогранно опасной, с другой – устойчивое связывание в массовом сознании феномена женщины с магией и колдовством.

Искусительницы и погубительницы

Итак, вектор первый. Он связан с тем, что в цивилизации мужчин, каковой, безусловно, является средневековая Европа, именно женщина мыслится как носитель сексуальности и уже по одному этому в глазах мужчин-современников нечиста и опасна.

В глазах Средневековья *дочери Евы* – не только средоточие, но и источник иррадирующего греха, от которого даже праведнику нет спасенья. Как предостерегает Секунд, «женщина есть смущение мужчины» [5, с. 256]. Понимание сексуальности сугубо в контексте греховности и грядущей кары, с одной стороны, и осознание невозможности преодолеть искушение, с другой, порождают неизбывное чувство вины.

Средневековье – культура мужчин – говорит мужскими голосами, а потому именно женщина видится как источник искушения, искусительница, сознательно вовлекающая во грех, не только как причина греха, но и как причиняющая грех. Хотя корректнее в этом контексте было бы использовать кантианскую терминологию и говорить не о провоцирующем, а об *аффицирующем* чувственность факторе, причем *аффицирующем* не сознательно и тем более не злокозненно, а объективно (и не *самим фактом своего существования*, а ракурсом видения женщины мужскими глазами).

Следует также иметь в виду, что авторы средневековых текстов – это не просто мужчины, а грамотные мужчины, носители глубинных установок и ценностей средневековой культуры, а потому тексты в полной мере проникнуты идеями аскезы, отторжения чувственности, соблюдения запретов и боязнью загробной кары, основанной на глубоком и остром осознании собственной греховности. Эти тексты продиктованы страданиями души, мятущейся между жадой безгрешия и греховным соблазном. Неслучайно И. Н. Голенищев-Кутузов неоднократно отмечал, что тексты средневековых авторов представляют большой интерес для психоаналитика [9]. Уместно вспомнить в этом контексте и мысль А. Адлера: «Я не встречал еще ни одного мужчину-невротика, который в той или иной форме не подчеркивал бы или не пытался бы доказать неполноценность женщины» [10, с. 222]. В этом плане в основе антифеминизма как фобии лежат

подавленность эротического компонента культуры Средневековья, вытесненность его за границы дозволенного.

Данная общая ситуация имеет еще и конкретную спецификацию, обретая особую остроту в контексте монашеского celibата: для монаха, связанного обетом безбрачия, чрезвычайно болезненным является тот факт, что даже безукоризненное соблюдение celibата не компенсирует греховности помыслов, которыми постоянно живет средневековый клирик именно в силу своей нормативной аскезы. Например, Иероним признается: «...о, сколько раз, уже будучи отшельником и находясь в обширной пустыне <...> служащей мрачным жилищем для монахов, я воображал себя среди удовольствия Рима! <...> Я, тот самый, который из страха перед геенной осудил себя на такое заточение в сообществе только зверей и скорпионов, я часто был мысленно в хороводе девиц. Бледнело лицо от поста, а мысль кипела страстными желаниями в охлажденном теле, и огонь похоти пылал в человеке, который заранее умер в своей плоти. <...> Я боялся самой кельи моей, как сообщницы помышления <...> окаянной плоти» [11, с. 37]. Х. Л. Гонсалес пишет об Иерониме как об «одержимом терзаниями плоти», о «плотских желаниях, не оставлявших его»: «...от бремени плоти он надеялся избавиться, став монахом. Но сновидения и воспоминания о римских танцовщицах продолжали преследовать его» [12, разд. 16]. Таких сюжетов можно привести множество: средневековая литература изобилует таковыми.

Исследователи достаточно единодушны в оценке этого момента. Как пишет М. М. Шейман, «по житийным рассказам о том, как “бесы искушали” монастырских жителей, можно увидеть, какова на самом деле была жизнь в монастырях. <...> По своим пикантным подробностям они так и просятся <...> в число <...> новелл Боккаччо» [13, с. 66].

Фигура клирика, терзаемого запретным вожделением, столь типична для массового сознания Средневековья, что даже в «Письмовнике» представлена заготовка письма *клирика девушке*, причем отнюдь не назидательно-духовного содержания:

Ночью на ложе моем испускаю стенанья и стоны;
Изголодавшись во сне, влажно блуждают глаза.
Ночью воочью стоишь предо мною – люблюсь любимой <...>
Шеей, лилей белей <...>
Мнятся мечте поцелуи твои, объятия манят,
Праздной влекусь я мечтой к ложу стыда твоего.
Мнятся Венерины царства, еще не покрытые пухом <...>
Царства, таящие сласть в недрах медовых своих <...>
Вид твой питает мой взор и дразнит мое осязанье –
Сладость вкушают глаза, голодом мучится ум... [7, с. 440–441].

Тут двоякий вектор страдания: и неутоленное вожделение, и – мало того! – боль погубленной этим вожделением души. Потому антифеминизм, возможно, единственная защита для клирика в этом положении. Неслучайно А. Я. Гуревич называет средневекового монаха «антифеминистом по определению» [5, с. 241].

В итоге в средневековой культуре складывается следующая ситуация. Очевидно, что центральным идеологическим институтом в средневековой Европе выступает церковь, стало быть, мировоззренческие ориентиры культуры задаются преимущественно клиром. Вместе с тем это абстрактное множество состоит из конкретных людей, чьи состояния и массовые настроения могут выражать не только официальную позицию христианской церкви. Однако именно проповедь выступает в культуре Средневековья как средство масштабного тиражирования и распространения той или иной мировоззренческой парадигмы, в силу чего позиция клира в рассматриваемом вопросе могла оказать и оказала влияние на развитие массового антифеминистского настроения. В этом контексте особое значение для понимания средневековой культуры повседневности обретают разрабатываемые клириками *exempla*, используемые в проповедях в качестве иллюстративного аргумента. Как отмечает А. Я. Гуревич, «человек, с точки зрения проповедника, по преимуществу мужчина. Свой монастырский мирок – мужскую общину – он подсознательно принимает за модель общества вообще» [5, с. 242], потому женщина, отторгаемая монашеской аскезой, видится как отторженная вообще. Именно в силу этого *exempla*, составляемые средневековыми клириками, тиражируемые в рукописях и широко распространяемые посредством проповедей, становятся своего рода рупором средневекового антифеминизма.

Они изображают подавленное влечение монаха, лежащее в основе его отвращения к женщине. Один из них содержит сюжет о том, как, переноса через реку родную мать, отшельник обертывает руку в плащ, чтобы не коснуться ее тела, и на возмущение матери отвечает: «Не гневайся, матушка, плоть женская – огонь». Аналогичны и следующие моральные сентенции *exempla*: как повар не может долго стоять у огня, не рискуя перегреться, как нельзя пребывать под жаром, не будучи сожжен-

ным, так и человек не может находиться рядом с женщиной без того, чтобы не произошло нечто грязное и греховное; с приближающимся к женщине непременно случится то же, что с глупцом, который схватил обнаженный меч, или со входящим в пылающий огонь [5, с. 242].

Именно массив *exempla* такого рода формирует сознание повседневности средневековой Европы, разорванное (в гегелевской терминологии) сознание, причем разорванное весьма болезненно. С одной стороны – нормативная аскеза клира, с другой – подавляемый, но не подавленный эротизм, понятый в сложившейся системе отсчета как нелегитимный, греховный и грязный. По оценке И. Р. Григулевича, «Молот ведьм» мог быть порожден только развращенным умом и садизмом авторов [14, с. 158]. Показательно, что папа Иннокентий VIII, издавший буллу «*Summis desiderantes affectibus*» (с лат. – «Всеми силами души»), провозглашавший необходимость искоренения ереси и колдовства в Рейнской области и фактически наделивший авторов «Молота ведьм» Якоба Шпренгера и Генриха Инститориса неограниченными полномочиями, характеризуется современниками как «грубый развратник, мечтавший лишь о женщинах»; С. Г. Лозинский, анализируя этот памятник, отмечает, что в нем «самый дикий фанатизм сплетается с извращенной похотью» [15, с. 243–244].

В целом, по оценке медиевистов, «отвращение монаха к женщине и его страх перед нею выдают его подавленное влечение» [5, с. 242]. Но в сухом осадке – все-таки отвращение и страх. Все, что нужно для формирования антифеминизма.

В итоге женщина трактуется негативно в самом глубинном, сущностном (прямо-таки онтологическом) смысле: как формулируется в «Молоте ведьм», женщина «скверна по своей природе» [8, с. 130] и «имеет недостатки как в душе, так и в теле» [8, с. 129]. Она видится как губительно опасная и для тела, и для души (в первую очередь для души!), и потому в отношении женщины в средневековой культуре однозначно складывается то, что Ж. Даларен очень точно обозначил как «образ врага» [16, с. 28–32].

Женщина осуждается Средневековьем как таковая, причем особенно – женщина любящая. Так, по оценке Алана Лилльского:

Если безумье любви обуяет женскую душу,
Нет преступлений таких, чтобы ее утешить!
Дочь – отца, и брата – сестра, и замужняя – мужа
Губит коварной рукой... [17, с. 346].

В глазах Средневековья сама любовь женщины дурного свойства: женщина в ней и похотлива,

и продажна, и по определению неверна. Как пишет Марбод Реннский:

Ловко пленяя мужей, их огнем распалает любовным,
Но совершенно в ней нет ни верности, ни постоянства;
Жуткая похоть ее пуста и бессмысленна вовсе... [3, с. 231].

Именно «из-за ненасытности женщин к плотским наслаждениям человеческая жизнь испытала неисчислимым вред», и – чего уж мелочиться! – «поч-

ти все государства были разрушены из-за женщин» [8, с. 131]. А по определению «Письмовника» Матвея Вандомского, женщины неспособны на любовь:

Может ли кто сказать: «Я любим»? Никого не полюбят,
Если подарка не дашь: любят не давших, а дань... [7, с. 442].

В итоге любовь тем и плоха, что в ней «женская слабость побеждает, а мужская мощь посрамлена бывает» [18, с. 84]. Вот он, женский голос Средневековья (это слова Хротсвиты Гандерсгеймской, и трактовать их можно неоднозначно). И потому, полагает Секунд, «нужно избегать общения с женщиной, во-первых, потому что она запутывает мужчину, во-вторых, потому что она оскверняет его, и, в-третьих, потому что она лишает его имущества и добродетелей» [5, с. 259].

В этом и заключается главная связанная с женщиной (более того, исходящая от нее) опасность: именно через женщину входят в мир соблазн и грех. Излюбленными цитатами из Библии становятся в средневековых текстах вырванные из контекста формулировки: «...женщины развратят разумных» (Сирах. 19: 2), а потому «не отдавай женщинам сил твоих, ни путей твоих губительницам...» (Притч. 31: 3); там, где речь шла о блудницах, начинают подразумеваться женщины как

таковые, а то обстоятельство, что «губительницам царей» противопоставляется «добродетельная жена», просто обходится вниманием. В восприятии женщины носителем массового средневекового сознания эротичность и достоинство соотносятся по принципу Гейзенберга: или одно, или другое, но никогда одновременно. Неслучайно в ряду типажей, исчерпывающих для художника XIII в. современную ему социальную структуру, представлено лишь два женских персонажа: королева (выступающая для носителя массового сознания скорее в качестве символа, нежели женщины из плоти и крови) и блудница. Иного в мировоззренческой системе отсчета Средневековья просто не дано.

В глазах Средневековья *блудница* не статус, а сама сущность женщины. Показательно, что в «Книге десяти глав» Марбод Реннского глава, посвященная женщине как таковой, носит название «О блуднице»:

Женщина – сладкое зло, одновременно мед и отравы,
В сотах скрывая свой меч, она им пронзает и мудрых.
Кто ведь запретным плодом соблазнил впервые супруга?
Женщина... Только женщина, нежно ласкаясь... [3, с. 231].

Хочется посочувствовать автору: похоже, *мудрый* Марбод пишет явно не априори: «Полная всех этих зол, всем миром женщина вертит...» [3, с. 230].

Казалось бы, от П. Абеляра меньше всего можно было ожидать инвектив по отношению к женщинам. Тем не менее он пишет: «Я уверен, что мое поведение не должно возмущать никого <...> кто только помнит, что от первых времен существования человечества неудержимо попадали под власть женщины даже и самые величайшие мужи» [19, с. 297]. То есть не сам согрешил, а попал под

власть женщины. Для сравнения у Г. Гейне: «Добродетельным всякий может быть в одиночку: для порока же всегда нужны двое» [20].

Именно в этом видит Средневековье опасность женщины: полностью бесправная в мире мужчин, она, тем не менее, выступая в глазах мужчин-праведников носителем сексуальности, против их воли и желания (не будем задаваться вопросом о ее воле и желаниях) в силу самого факта своего существования мешает им реализовать свою праведность. Это серьезное основание для антифеминизма именно как фобии.

Ведьмы и суккубы

Не менее важным вектором проявления антифеминизма как фобии выступает демонизация женщины: последняя есть зло не просто сама по себе – в своей сексуальности женщина является орудием Сатаны. В средневековом искусстве распространен мотив искушения святого: дьявол пытается ввести

его в соблазн, посылая к нему женщину. Сюжет из *exempla*: блудница хотела совратить отшельника, мучимый вожделением, он сжег себе пальцы на руках, и она в ужасе умерла [5, с. 243].

В средневековом мировоззрении связь с нечистой силой инкриминируется женщине конкретно

и устойчиво: даже, казалось бы, за частными обвинениями неизбежно усматривается их общее демоническое основание. Так, например, нападки на женщин за излишнюю приверженность к модным туалетам варьируются от анекдота о том, как муж, устремляясь по улице за юной красоткой, обнаруживает, что преследовал свою старую нагримированную жену, до отвращения перед собирающими пыль и блох длинными шлейфами. Однако все эти бытовые на первый взгляд выпады упираются в угрожающее заключение о том, что женщины на своих шлейфах возят дьявола [5, с. 247]. Цезарий Гейстербахский в «Беседе о чудесах» описывает целую группу дьяволят на шлейфе щеголихи: «Они были ростом с крысу и черны, как эфиопы; скаля свои морды, они хлопали в ладоши и прыгали, точно рыбы в неводе» [21, с. 626].

Мало того, женщина – отнюдь не пассивное оружие в руках нечистой силы, она сознательно и целенаправленно вступает в союз с дьяволом. В *exempla* описывается, как нечестивая крестьянка встала в таз и выпрыгнула из него спиной вперед со словами: «Прыгаю так из власти Бога во власть дьявола», и на глазах всей деревни нечистый подхватил ее на воздух и унес в неизвестном направлении [5, с. 263]. Движение против хода солнца, как противоположное традиционно принятому (*нормальному*), – атрибут дьявола: неслучайно ведьмы, по средневековым поверьям, могут как подниматься, так и спускаться по дымоходу, на шабашах якобы танцуют, повернувшись спиной друг к другу и т. п. [8, с. 31].

Существенно, что союз женщины с дьяволом мыслится средневековой культурой именно как сексуальный. В «Молоте ведьм» совершенно определенно указывается на то, что ведьмы – это «не простые еретики, а отступницы, которые не только отрекаются от веры, но и отдаются телом и душою демонам, а также присягают им на верность» [8, с. 154]. Это представление основывается на аксиоме о гипертрофированной женской сексуальности, которая якобы заставляет женщин прибегать «к помощи дьявола, чтобы утишить свои страсти» [8, с. 132]. Фома Аквинский также полагает, что «дьявол может принимать <...> образ мужчины и совокупляться с женщиной» [22, вопр. 51 (а, 3)].

Как писал Вольтер об инквизиции, священной обязанностью считалось подвергать допросу девушек, чтобы заставить их сознаться, будто они спали с Сатаной и тот при этом имел образ козла. Все подробности свиданий фиксировались в судебных процессах этих несчастных. «В результате их сжигали, безразлично, сознавались они или отпирались» [24, с. 91–92]. Действительно, Наставление по допросу ведьм, входящее в состав Баденского земского уложения 1588 г., содержит вопросы, ко-

торые должно было адресовать допрашиваемым женщинам: «Как обстоит дело насчет союза с нечистым? Было ли тут простое обещание или оно скреплено было клятвой? <...> Пожелал ли он брака с ней или простого распутства? <...> Давно ли она праздновала свадьбу со своим любовником? Как свадьба эта была устроена?» и т. д., включая подробнейший допрос о том, как вела она себя на брачном ложе с бесом и что именно предпринимал этот бес [24, с. 13–14]. В силу этого показания, данные под пыткой жертвами инквизиции, практически унифицированы. Первой была сожжена инквизицией в 1274 г. аристократка из Тулузы Анжела Лабарт, вынужденно признавшаяся, будто бы она еженощно совокуплялась с дьяволом и родила от него чудовище с волчьей головой и хвостом дракона [8, с. 32]. Более чем через 300 лет 67-летняя Клара Гейслер, арестованная в 1597 г. по обвинению в сожительстве с тремя чертями, говорила под пытками: «Я более сорока лет распутничала со множеством чертей, которые являлись ко мне в виде кошек и собак, а то в виде червяков и блох. <...> Я родила от своих чертей 17 душ детей» [24, с. 21–22]. По наблюдению А. Я. Гуревича, в *exempla* XIII в. «термины *incubus* и *succubus* <...> встречаются редко, но сами инкубы и суккубы фигурируют в “примерах” неоднократно» [5, с. 288]. Например, один бес склонил красавицу ко греху и довел ее до безумия, а пытавшегося изгнать его священника убил со словами: «Почто отнял у меня мою жену?» [5, с. 289]. С суккубами связан и мотив рождения чудовищ, характерный для *exempla*: типичен, например, мотив о том, что жену рыцаря познал дьявол, она зачала и родила трех редкостных чудовищ [5, с. 262].

В оценке средневековой ментальности женщина вступает в близость с дьяволом ради приобретения сверхъестественных способностей, которые затем может использовать для колдовства. И эта якобы причастность женщины к магии – второй столп оформления средневекового антифеминизма в качестве фобии.

«Молот ведьм» включал в реестр женских злодеяний оборотничество, способность придавать людям звериный облик, наведение стихийных бедствий, убийство людей молнией, пожирание убиенных младенцев – список бесконечен. Вильям Мальмсберийский в «Истории английских королей» рассказывает о таком случае колдовства: «...на людной улице, ведущей в Рим, жили две старухи <...> обе были искушены в колдовстве. Если случалось одинокому путнику забрести к ним, они обращали его в лошадь или свинью, или в какое-нибудь другое животное и выставляли купцам на продажу» [25, с. 394]. Следуя пенитенциалии Беды Достопочтенного, исповедник должен был задавать при-

хожанкам вопросы: «Не поступала ли ты так, как в обычае у некоторых женщин, повинующихся дьявольским повелениям? Они выслеживают следы христиан и их отпечатки, берут из следа кусок дерева и сторожат его, надеясь таким образом лишить человека здоровья или жизни» [26, с. 151]. Злодеяния ведьм широко перечисляются в Булле папы Иннокентия VIII «*Summis desiderantes affectibus*»: «...пренебрегая собственным спасением и отвратившись от католической веры, впали в плотский грех с демонами <...> и своим колдовством, чарованиями, заклинаниями и другими ужасными суеверными, порочными и преступными деяниями <...> насылают порчу <...> и лишают мужей и жен способности исполнять свой супружеский долг» [15, с. 174–175].

В силу своей причастности к магии женщина – постоянный источник опасности для мужчины: она опасна уже в силу своего пола, опасна своей женской сексуальной силой, но наряду с этим средневековое мировоззрение приписывает женщине еще и сознательную злокозненность, злонамеренный maleficiūm – причинение зла – в отношении к мужчине. Различные его варианты широко представлены в пенитенциалиях: от колдовских способов привлечь к себе мужчину и разжечь его вожделение до наведения на него порчи, а именно магического лишения мужской силы. «Молот ведьм» включает в себя специальные главы: «О способе, коим женщины лишают мужчин полового члена», «Средства врачевания для тех, чья способность к соитию околдована» и т. п. [8, с. 194–198, 234–235]. Наставление по допросу ведьм из Баденского земского уложения 1588 г. включает в себя вопросы: «Как они делали мужчин неспособными к брачному сожитию? Какими средствами? И чем им можно опять помочь?» [24, с. 14]. Парадоксальное мышление средневекового обывателя: казалось бы, асексуальность и безгрешие тем самым достигнуто... Чем же плохо? Зачем помогать? Вернуться ко греху? В этой размытой логике определено только одно: в любом случае виновата она, женщина.

Как видим, оба названных вектора средневекового антифеминизма как фобии тесно связаны между собой. По легенде, каждый шабаш ведьм непременно включает в себя оргию, во время которой ведьмы и черти предаются чудовищному блуду. Черная сатанинская обедня, которой якобы завершается каждая Вальпургиева ночь, включает в себя фаллическую символику; как утверждает «*Corrector*» Бурхарда Вормского, на шабашах служат «языческой богине Диане» [26, с. 146], и следует иметь в виду, что римское имя Диана в Средние века ошибочно отождествлялось с греческим именем Диона, одним из наименований Афродиты. Согласно булле

папы Григория IX (1233) эти «отвратительные оргии принимали чрезвычайно противоестественное течение» [8, с. 31].

«Молот ведьм» выводит даже эксплицитно зафиксированную прямую зависимость: «чем больше <...> женщины одержимы страстью к плотским наслаждениям, тем неудержимее склоняются они к чародеяниям» [8, с. 132].

Таким образом, антифеминизм Средневековья – продукт не столько неприятия, сколько боязни всего, что связано с женщиной: от сексуальности как таковой, в которой усматривался источник искушения и греховности, – до сопрягаемой с ней магии и вытекающей отсюда демонизации женщины.

Следует отметить, что тенденция демонизации женщины развивается в средневековой культуре по экспоненте. Относительно раннего Средневековья можно сказать, что осуждались ложные языческие фантазии женщин, одурманенных нечистой силой и верящих, что верхом на зверях они якобы покрывают по воздуху огромные пространства и участвуют в ночных шабашах. Эдикт лонгобардского короля Ротара 643 г. налагал на христиан запрет на веру в то, что женщины якобы могут быть вампирами, и содержал указание судьям не допускать, чтобы заподозренным был нанесен какой-либо вред. Аналогично и более поздний Саксонский капитулярий Карла Великого 787 г. предусматривал смертную казнь тому, кто, будучи одуроченным дьяволом, верил подобно язычнику в существование пожирающих людей ведьм и убивал этих мнимых преступников [8, с. 8–9]. Пенитенциалии осуждают утверждения «многих женщин, сбитых с толку Сатаной»: якобы «пока муж на ложе сна воображает, что покоится в объятиях жены, она способна под покровом ночи в своем телесном обличье ускользнуть сквозь закрытые двери и, перелетев земные пространства, вместе с иными женщинами, подпавшими под власть такого же заблуждения, умерщвлять без всякого видимого оружия крещеный люд и, сварив их мясо, поедать его, а вместо сердца вложить в тело солому или деревяшку, или что-либо подобное и сделать их снова живыми» [26, с. 146]. Бурхард Вормский сокрушается, описывая «преступных женщин, поддавшихся Сатане»: «Увы, если бы они были единственными жертвами своего неверия и не увлекались бы за собой многих других на путь губительной заразы! Ибо неисчислимое множество людей, соvrращенных их ложными фантазиями, убеждено в истинности всего этого. <...> Но кто настолько глуп и неразумен, что принимает виденное во сне за существующее не только в духе, но и телесно?» [26, с. 144].

Что же касается более позднего периода, то, как отмечает И. фон Деллингер, богословы доминикан-

ского ордена уже пытались «измыслить свою теорию о любовных связях между людьми и дьяволами и их побочных детях» [27, с. 285–286].

Уже к XV в. осуждаемые пенитенциалиями «ложные фантазии» нетвердых в вере женщин принимаются за истину: караются не поверившие в них, а напротив, усомнившиеся. Как пишет И. фон Деллингер, «кто выражал сомнение в действительности ведьм и чародейства или осмеливался обнаружить обман, о том утверждали, что он находится под влиянием злого духа и заслуживает или пожизненного заключения в тюрьме, или смертного приговора» [27, с. 285]. Конкретно фиксируются даже дата и место Вальпургиевой ночи: с 30 апреля на 1 мая близ города Броккена [28, с. 212]. Авторы «Молота ведьм» открыто определяют цель написания текста: «цель труда заключается в том, чтобы <...> инквизиторы Верхней Германии по мере сил и с помощью Бога искоренили ведьм нашей области» [8, с. 249]. Охота на ведьм хронологически выходит далеко за рамки Средневековья, охватывая и эпоху Возрождения, и даже Просвещения.

Как известно, XV–XVII вв. прошли в Европе в дыму костров инквизиции [14]. По данным Х. А. Льюренте, индивидуальные преследования подозреваемых в колдовстве к XVI в. сменяются массовыми расправами [29, с. 350–351]. Епископом Савойи, например, за один раз было осуждено 800 женщин; по самым скромным подсчетам, общее число жертв гонений на ведьм достигает 9 млн человек [30]. Впрочем, как не без оснований утверждает А. Леманн, «невозможно определить, сколько вообще людей было казнено в течение нескольких веков по подозрению в чародействе, но известно, что <...> это дело велось так широко, что <...> когда прекратились преследования, в Германии оказались целые округа, в которых остались в живых только по две женщины» [31, с. 120].

В целом феномены антифеминизма и демонизации женщины едва ли можно рассматривать как сугубо средневековые: оформившаяся культурная установка продолжает функционировать еще определенное время после исчезновения породивших ее предпосылок, самовоспроизводясь и воссоздавая для себя пространство реализации.

Приведем для иллюстрации прецедент уже из XX в. В работе «Пол и характер» О. Вейнингер демонстрирует яркий пример антифеминизма: «и жен-

щина не чувствует никакого стремления к истине» [32, с. 261], и женский тип мышления находится «совершенно вне всяких понятий» [32, с. 255], и «у женщины нет своего “я”» [32, с. 255], и она настолько чужда морали, что ее поведение можно назвать не антиморальным (как у мужчины, который, даже нарушая моральную норму, все же отдает себе в этом отчет), но аморальным, «которое никакого отношения к морали не имеет» [32, с. 265]. И в целом позиция О. Вейнингера не может быть оценена иначе, нежели позиция мизогина.

Разумеется, обратная сторона мужского шовинизма представлена в полной мере: «Ибо фантазия женщины – заблуждения и ложь, фантазия же мужчины, как художника или философа, есть высшая истина» [32, с. 261].

Из чего проистекает такая позиция? С одной стороны, О. Вейнингер демонстрирует четкую аскетическую установку: «“платоническая” любовь существует, несмотря на протесты профессоров психиатрии. Я скажу больше: существует только платоническая любовь. Все прочее, что обозначают именем любовь, есть просто свинство. Есть только одна любовь: любовь к Беатриче, преклонение перед Мадонной. Для полового акта есть только вавилонская блудница» [32, с. 340]. Примечательный языковой нюанс: в немецком языке слово *женщина* может обозначаться как нейтральным *frau*, так и негативно окрашенным *weib* (баба). О. Вейнингер практически всегда пользовался вторым. Но при этом женщина для него – это «универсальная сексуальность»: в последней главе своей книги «Женщина и человечество» он эксплицитно формулирует вывод о том, что женщина – «первородный грех мужчины» [32, с. 487–509].

Вспомним уже знакомый нам по Средневековью и пронесенный культурой до постиндустриализма конфликт между отрицанием чувственности и невозможностью уйти от нее. О. Вейнингер ушел в прямом смысле: покончил с собой в гостиничном номере, выстрелив себе в сердце. Его биограф Г. Свобода в работе «Смерть Отто Вейнингера» выдвигает идею о том, что к самоубийству его привел конфликт между проповедуемым аскетизмом, с одной стороны, и собственной чувственностью, с другой [33]¹.

Раз возникшие культурные тенденции не уходят в одночасье и не изживаются бесследно, а оставляют глубокие отпечатки на многие столетия.

¹Разумеется, все, как всегда, и сложно, и неоднозначно: исследователи отмечают и религиозную подоплеку самоубийства О. Вейнингера (переход из иудаизма в христианство не принес ему удовлетворения), и этнонациональную причину (будучи евреем, он был антисемитом), и возможность его латентного гомосексуализма (оценка В. В. Розанова [34]), и причину, связанную с переживанием «культурной неполноценности» (оценка Г. Чхартишвили [35]). Все возможно... Но и тот аспект, который интересен нам в контексте анализа антифеминизма, также просматривается в его высказываниях достаточно ясно и демонстрирует очевидный изоморфизм с тем, что мы наблюдали в средневековых текстах.

Библиографические ссылки

1. *Опитц К.* Как жили в позднем Средневековье // История женщин на Западе : в 5 т. / под общ. ред. К. Клапеш-Зубер. СПб., 2009. Т. II. Молчание Средних веков. С. 265–307.
2. История женщин на Западе : в 5 т. ; под общ. ред. К. Клапеш-Зубер. СПб., 2009. Т. 2. Молчание Средних веков.
3. *Марбод Реннский.* Из «Книги десяти глав» // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1972. С. 230–232.
4. *Отлох Эммерамский.* Книга пословиц // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1972. С. 150–156.
5. *Гуревич А. Я.* Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII века). М., 1989.
6. Римские деяния // Зарубежная литература средних веков / сост. Б. Пуришев. М., 1974. С. 58–59.
7. *Матвей Вандомский.* Из «Письмовника» // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1972. С. 440–446.
8. *Шпренгер Я., Институтис Г.* Молот ведьм / пер. с лат. Н. Цветкова ; предисл. С. Лозинского. М., 1932.
9. *Голенищев-Кутузов И. Н.* Средневековая латинская литература Италии. М., 1972.
10. *Адлер А.* Практика и теория индивидуальной психологии / пер. с нем. и вступ. ст. А. М. Боковой. М., 1995.
11. *Иероним.* Письмо к Евстохии // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX вв. / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1970. С. 36–42.
12. *Гонсалес Х. Л.* История христианства : в II т. ; пер. Б. Скороходов. СПб., 2001. Т. I. От основания Церкви до эпохи Реформации.
13. *Шейнман М. М.* Вера в дьявола в истории религии. М., 1977.
14. *Гризулев И. Р.* Инквизиция. 3-е изд. М., 1985.
15. *Лозинский С. Г.* История папства. М., 1986.
16. *Даларен Ж.* Глазами Церкви // История женщин на Западе : в 5 т. ; под общ. ред. К. Клапеш-Зубер. СПб., 2009. Т. 2. Молчание Средних веков. С. 24–50.
17. *Алан Лилльский.* Плач природы // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1972. С. 333–347.
18. *Хротсвита Гандерсгеймская.* Предисловия к драмам // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1972. С. 83–85.
19. *Абеляр П.* История бедствий абеляровых, описанная им в письме к другу // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1972. С. 294–302.
20. *Гейне Г.* Мысли и афоризмы // Unatices.com : [сайт]. URL: <https://unotices.com/book.php?id=126018&page=5> (дата обращения: 01.03.2017).
21. *Ардашев П.* Цезарий Гейстербахский (черты средневекового настроения и мировоззрения) // Книга для чтения по истории средних веков / отв. ред. Г. П. Виноградов. М., 1897. С. 620–630.
22. *Фома Аквинский.* Сумма теологии : в 2 ч. СПб., 2003. Ч. I. Вопр. 44–74.
23. *Вольтер.* Бог и люди. Статьи, памфлеты, письма : в 2 т. М., 1961. Т. 1.
24. *Сперанский Н.* Вѣдьмы и вѣдовство. Очеркъ по исторіи церкви и школы в Западной Европѣ. М., 1906.
25. *Вильям Мальмсберийский.* История английских королей // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспаров. М., 1972. С. 390–402.
26. *Гуревич А. Я.* Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.
27. *Янус (Деллингер И. фон).* Папа и собор. Берлин, 1870.
28. *Мелетинский Е. М.* Вальпургиева ночь // Мифы народов мира : в 2 т. ; ред. С. А. Токарев. М., 1980. Т. 1. С. 212.
29. *Льоренте Х. А.* Критическая история испанской инквизиции : в II т. ; пер. А. Пеллье ; предисл. С. Г. Лозинского. М., 1936. Т. I.
30. *Ли Г. Ч.* История инквизиции : в 3 т. ; пер. с фр. А. И. Башкирова ; под ред. С. Г. Лозинского. СПб., 1912. Т. 2. История инквизиции в Средние века.
31. *Леманн А.* Иллюстрированная история суеверий и волшебства от древности до наших дней : пер. с нем. М., 1900.
32. *Вейнингер О.* Пол и характер. М., 2012.
33. *Свобода Г.* Смерть Отто Вейнингера : пер. с нем. Симферополь, 1912.
34. *Розанов В. В.* Опадавшие листья. Короб первый. М., 2015.
35. *Чхартишвили Г.* Писатель и самоубийство : в 2 кн. М., 2008.

References

1. Opitts K. [How they lived in the Late Middle Ages]. In: Ch. Klapesh-Zuber (ed.). [The History of Women in the West] : in 5 vol. Saint Petersburg, 2009. Vol. 2. [Silence of the Middle Ages]. P. 265–307 (in Russ.).
2. Klapesh-Zuber Ch. (ed.). [The History of Women in the West] : in 5 vol. Vol. 2. [Silence of the Middle Ages]. Saint Petersburg, 2009 (in Russ.).
3. *Marbod Rennskii.* [From the «Book of ten chapters»]. In: M. E. Grabar'-Passek, M. L. Gasparov (eds). [Memorable texts of Medieval Latin literature of the 10th–12th centuries]. Moscow, 1972. P. 230–232 (in Russ.).
4. *Otloh Jemmeramskij.* [The book of proverbs]. In: M. E. Grabar'-Passek, M. L. Gasparov (eds). [Memorable texts of Medieval Latin literature of the 10th–12th centuries]. Moscow, 1972. P. 150–156 (in Russ.).
5. *Gurevich A. Ja.* [Culture and society of medieval Europe through the eyes of contemporaries (Exempla of the XIII century)]. Moscow, 1989 (in Russ.).
6. [Roman Acts]. In: B. Purishev (ed.). [Foreign literature of the Middle Ages]. Moscow, 1974. P. 58–59 (in Russ.).

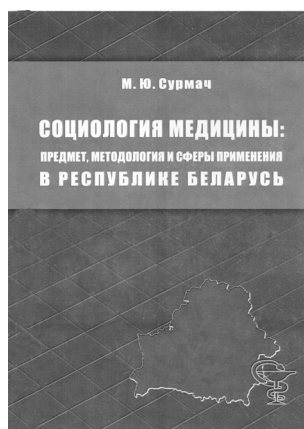
7. Matvej Vandomskij. [From the «Book of Letters»]. In: M. E. Grabar'-Passek, M. L. Gasparov (eds). [Memorable texts of Medieval Latin literature of the 10th–12th centuries]. Moscow, 1972. P. 440–446 (in Russ.).
8. Shprenger Ja., Institoris G. [The hammer of witches]. Moscow, 1932 (in Russ.).
9. Golenishhev-Kutuzov I. N. [Medieval Latin literature in Italy]. Moscow, 1972 (in Russ.).
10. Adler A. [Practice and theory of individual psychology]. Moscow, 1995 (in Russ.).
11. Ieronim. [Letter to Eustochia]. In: M. E. Grabar'-Passek, M. L. Gasparov (eds). [Memorable texts of Medieval Latin literature of the 4th–5th centuries]. Moscow, 1970. P. 36–42 (in Russ.).
12. Gonsales H. L. [History of Christianity] : in II vol. Saint Petersburg, 2001. Vol. I. [From the foundation of the Church to the Era of the Reformation] (in Russ.).
13. Sheinman M. M. [Faith in the devil in the history of religion]. Moscow, 1977. P. 112 (in Russ.).
14. Grigulevich I. R. [The Inquisition]. 3rd ed. Moscow, 1985 (in Russ.).
15. Lozinskii S. G. [The history of the Papacy]. Moscow, 1986 (in Russ.).
16. Dalaren Zh. [By Eyes of the Church]. In: Ch. Klapesch-Zuber (ed.). [The history of women in the West] : in 5 vol. Saint Petersburg, 2009. Vol. 2. [Silence of the Middle Ages]. P. 24–50 (in Russ.).
17. Alan Lill'skii. [Lament of nature]. In: M. E. Grabar'-Passek, M. L. Gasparov (eds). [Memorable texts of Medieval Latin literature of the 10th–12th centuries]. Moscow, 1972. P. 333–347 (in Russ.).
18. Khrotsvita Gandersgeimskaya. [Foreword to the dramas]. In: M. E. Grabar'-Passek, M. L. Gasparov (eds). [Memorable texts of Medieval Latin literature of the 10th–12th centuries]. Moscow, 1972. P. 83–85 (in Russ.).
19. Abelyar P. [The history of the calamities of the Abelarian, described by himself in a Letter to a Friend]. In: M. E. Grabar'-Passek, M. L. Gasparov (eds). [Memorable texts of Medieval Latin literature of the 10th–12th centuries]. Moscow, 1972. P. 294–302 (in Russ.).
20. Geine G. [Thoughts and aphorisms]. URL: <https://unotices.com/book.php?id=126018&page=5> (date of access: 01/03/2017) (in Russ.).
21. Ardashev P. [Tsezary of the Geisterbakh: features of the medieval mood and outlook]. In: G. P. Vinogradov (ed.). [A book for reading on the history of the Middle Ages]. Moscow, 1897. P. 620–630 (in Russ.).
22. Foma Akvinskii. [The Sum of theology] : in 2 parts. Saint Petersburg, 2003. Part 1. Questions 44–74 (in Russ.).
23. Vol'ter. [God and people. Articles, pamphlets, letters] : in 2 vol. Moscow, 1961. Vol. 1 (in Russ.).
24. Speranskii N. [Witches and witchcraft. Feature article on the history of the Church and school in Western Europe]. Moscow, 1906 (in Russ.).
25. Vil'yam Mal'msberiiskii. [History of English Kings]. In: M. E. Grabar'-Passek, M. L. Gasparov (eds). [Memorable texts of Medieval Latin literature of the 10th–12th centuries]. Moscow, 1972. P. 390–402 (in Russ.).
26. Gurevich A. Ya. [Problems of medieval folk culture]. Moscow, 1981 (in Russ.).
27. Yanus (Dellinger I. fon). [The Pope and the Cathedral]. Berlin, 1870 (in Russ.).
28. Meletinskii E. M. [Walpurgis night]. In: S. A. Tokarev (ed.). [Myths of the Peoples of the World] : in 2 vol. Moscow, 1980. Vol. 1. P. 212 (in Russ.).
29. Lorente Kh. A. [Critical history of the Spanish Inquisition] : in 2 vol. Moscow, 1936. Vol. 1 (in Russ.).
30. Li G. Ch. [History of the Inquisition] : in 3 vol. St. Petersburg, 1912. Vol. 3. [History of the Inquisition in the Middle Ages] (in Russ.).
31. Lemann A. [Illustrated history of superstition and magic from Antiquity to the present day]. Moscow, 1900 (in Russ.).
32. Veininger O. [The gender and the character]. Moscow, 2012 (in Russ.).
33. Svoboda G. [Death of Otto Weininger]. Simferopol, 1912 (in Russ.).
34. Rozanov V. V. [Fallen leaves. The first box]. Moscow, 2015 (in Russ.).
35. Chkhartishvili G. [Writer and suicide] : in 2 books. Moscow, 2008 (in Russ.).

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

CRITICS, BIBLIOGRAPHY

Сурмач М. Ю. **Социология медицины: предмет, методология и сфера применения в Республике Беларусь.** Гродно : ГрГМУ, 2016. 316 с.

Surmach M. U. **The sociology of medicine: the subject, methodology and scope of application in the Republic of Belarus.** Grodno : GrGMU, 2016. 316 p.

Рецензирование монографии, особенно претендующей на пионерскую миссию в определенной области социологической науки, – ответственная задача. Необходимо детально разобраться в содержании книги, оценить авторский вклад и научную новизну, прочувствовать, следуя за авторской мыслью, все основные выводы и результаты,

полученные в процессе напряженной творческой работы. Поэтому мы настроены представить рецензирование монографии М. Ю. Сурмач не в формате критического разбора, а как хороший повод для обсуждения социологами, профессионалами в области здравоохранения и управленцами актуальных научных и общественных проблем, касающихся системы охраны здоровья в целом и вопросов интеграции медицинского и социологического знания в частности.

Выход в свет научной монографии – всегда заметное событие как для научного сообщества, так и для самого автора. Особенно если в названии книги заложена заявка на методологию, а в содержании представлен развернутый понятийный аппарат. Это касается и рецензируемой монографии. Автор предлагает изучать новую дисциплину – социологию медицины – как синтез социологии и медицины, в котором полученные новые научные результаты двух взаимодействующих научных сфер интегрируются и одновременно привносят

новизну в друг друга. Предложенные М. Ю. Сурмач методологические принципы социологии медицины являются авторскими, опираются на принцип междисциплинарности и ориентированы на практику, на что сегодня обращается особое внимание. В основу исследования автор закладывает медико-социологические данные статистики и эмпирические данные, полученные в результате социологического исследования. Такой подход – интеграция медицинского и социологического знания – позволяет на макроуровне изучить специфику влияния медико-социальных процессов на здравоохранение, обосновать социально-эффективные управленческие решения, а на микроуровне – выстроить приемлемую для врача и пациента модель взаимоотношений в системе «врач – пациент».

Актуальность и своевременность появления книги М. Ю. Сурмач обусловлена еще и тем, что имеющиеся в области социологии медицины научные сведения отличаются малочисленностью и некоторой разрозненностью. Данное обстоятельство повышает ценность представленной работы и позволяет рассматривать ее в качестве приоритетной. Книга будет полезна всем, кому приходится выступать перед широкой аудиторией, поскольку одним из основных достоинств рецензируемой монографии следует назвать исчерпывающую переработку научных литературных источников по истории становления и развития социологии медицины. По мнению автора, единство и тесная взаимосвязь исторического развития медицины и социологии, а также схожесть их предметов изучения и научной направленности исследований служат одним из доказательств социальной природы социологии медицины.

Анализируя дискуссию, которая развернулась вокруг названия науки «социология медицины» и ее предмета, М. Ю. Сурмач дает свое видение этой темы. Автор предлагает курс по социологии медицины в рамках предмета «Социология медицины и здравоохранения», где систематизированы и проанализированы знания о здоровье, роли

и месте медицины и здравоохранения в жизни общества, сущности системы охраны здоровья, представлены методы социологического изучения здоровья и здравоохранения. Предложенный курс был впервые успешно введен в учебно-образовательные планы студентов специальности «Социология» Белорусского государственного университета. Теперь студенты-социологи приобретают новые компетенции в изучении роли медицины и здравоохранения в социуме, а также в решении проблем здоровья населения и эффективности здравоохранения как важных задач в обеспечении демографической безопасности Республики Беларусь.

Данная монография, безусловно, углубляет наше представление об исследуемом предмете, раскрывает его новые черты. Автор умело разбирается в особенностях методологических подходов к изучению здоровья и болезни в зависимости от факторов, влияющих на здоровье (духовность, стресс, трудовая мотивация). Причем М. Ю. Сурмач приводит результаты авторского исследования, доказывающего зависимость некоторых факторов здоровья и качества жизни подростков Беларуси от различных характеристик семьи, что дополняет и расширяет понимание влияния поведенческих факторов репродуктивного здоровья подростков. Делается вывод о том, что на выработку стереотипов поведения у подростков в сфере здоровья влияет в наибольшей степени наличие вредных привычек у родителей. Поэтому микроклимат семьи и степень ее сплоченности серьезно воздействуют на формирование личностных ценностей подростков, которые формируют поведение ребенка в сфере здоровья. Этим автор монографии подчеркивает главенствующую роль семьи в сохранении и укреплении здоровья детей.

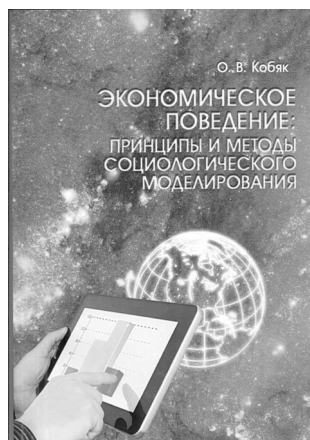
Отдельная глава книги посвящена значимости государства в социальной системе медицины. Сравнительный анализ эффективности систем здравоохранения показал, что во всех без исключения странах в различной степени присутствуют проблемы высоких расходов и недостаточной доступности медицинских услуг. Беларусь выбрала государственную систему здравоохранения, что позволяет обеспечивать финансовую стабильность отрасли. Однако автор отмечает, что в целях повышения эффективности системы здравоохранения Беларуси необходимо активнее внедрять программы, направленные на профилактику заболеваний, развивать центры реабилитации, открывать школы медико-гигиенического обучения.

В целом монографию М. Ю. Сурмач «Социология медицины: предмет, методология и сферы применения в Республике Беларусь» можно охарактеризовать как творческую работу, выполненную на высоком научном и педагогическом уровне. Учитывая структуру книги и достаточно емкое содержание материала, не сомневаемся, что представленная информация будет востребована в ведомственных, образовательных и научных учреждениях. Данную монографию как настольную книгу могут использовать те специалисты в области здравоохранения, которые стремятся обогатить свои теоретические знания, расширить практические умения при проведении медико-социологических исследований. В заключение хочется пожелать автору дальнейших творческих успехов в развитии такой важной специальной социологической теории, какой является социология медицины.

И. А. Андрос,
кандидат социологических наук, доцент

Кобяк О. В. **Экономическое поведение: принципы и методы социологического моделирования**. Минск : РИВШ, 2015. 240 с.

Kabiak A. V. **Economic behaviour: principles and methods of sociological modeling**. Minsk : RIVSH, 2015. 240 p.

Научный интерес доктора социологических наук О. В. Кобяка к исследованию проблематики, связанной с использованием принципов и методов социологического моделирования экономического поведения, обусловлен необходимостью понимания глубинной природы этого феномена общественной жизни. Научно обоснованные представления о факторах его формирования являются обязательным условием подготовки квалифицированных специалистов в области социально-экономического управления, способных разрабатывать эффективные программы развития территорий и экономики в целом. Результаты представленной работы создают основания для выработки механизмов управления экономическим поведением хозяйствующих субъектов, что свидетельствует о высокой степени актуальности заявленной темы.

Представленная монография приобретает особое звучание в связи с тем, что уровень разработанности проблемы является далеко неадекватной ее актуальности, что обусловлено спецификой и сложностью междисциплинарного подхода, отсутствием целостного представления о механизмах социологического моделирования экономического поведения. В целом анализ данной проблематики представляет собой еще недостаточно оформившееся исследовательское направление, в рамках которого идет поиск адекватных научных подходов, и многие проблемы еще недостаточно изучены. Благодаря работе, проделанной автором, внесен весомый научный вклад в изучение принципов и методов социологического моделирования в сфере экономики.

Структура монографии соответствует принципам формирования логики научной работы. В первой главе раскрываются методологические основания социологического моделирования экономического поведения. Поднимается вопрос об ограничениях, с которыми сталкивается исследователь, приступая к социологическому моделированию. Отвечая на этот вопрос, автор отстаивает тезис о том, что важным ограничением в построении социологической модели может быть незна-

чительное количество субъектов, составляющих генеральную совокупность объекта моделирования. Следует согласиться с исследователем в том, что ограничением является и нераспространимость принципа однозначной детерминации на жизнедеятельность социального объекта моделирования. Несомненным достоинством первой главы является удачная актуализация идей понимающей социологии М. Вебера применительно к проблематике экономического поведения.

Во второй главе представлены социологические модели экономического интереса, социального стереотипа, экономической культуры и экономического мышления. Автор детально описывает каждую из моделей, механизм их формирования и сопровождает свои выводы аналитическими схемами и, что особенно редко встречается в трудах монографического характера, выдержками из литературных произведений и периодической печати, что вызывает особый читательский интерес. Автор монографии делает обоснованный и вполне применимый к анализу российской ситуации вывод о том, что в условиях постсоветского рынка ситуация такова, что запросы развивающейся экономики значительно опережают психологическую готовность субъектов экономического поведения к удовлетворению этих запросов.

Особого внимания заслуживает третья глава, в которой обобщаются результаты ряда социологических исследований и представлена типология экономического поведения населения Беларуси в социологическом дискурсе. Обширный эмпирический материал, оптимальная для выбранной тематики теоретико-методологическая база позволили автору выделить четыре типа экономического поведения: активный, адаптивный, пассивный, отстраненный. Предложенная типология может рассматриваться как научно обоснованная и достоверная, подтвержденная анализом социологических данных.

В четвертой главе монографии автор презентует новые методы социологического моделирования (координатный, комплементарный, квазипанельный, динамический), позволяющие детально исследовать глубинную природу экономического поведения субъектов социально-экономических отношений. Отметим, что автор не просто описывает эти методы, а предлагает алгоритмы их использования, что обеспечивает возможность использования авторских новаций в научно-исследовательской работе. Указанные методы моделирования дают возможность всесторонне изучить объект исследования в аспектах социального поведения и вероятных перемен в поведении социального субъекта.

Резюмируя сказанное, подчеркнем, что монография О. В. Кобяка «Экономическое поведение:

принципы и методы социологического моделирования» имеет новаторский характер и отличается глубиной научного анализа. Обоснованность и достоверность выводов, сделанных автором, определяется безупречной логикой, методологической выверенностью исследования, адекватностью и точностью использованных методов. Содержание монографии свидетельствует о том, что проведенное исследование полностью соответствует уровню современной науки, имеет фундаментальный характер, посвящено изучению весьма важной научной проблемы, характеризуется высоким уровнем достоверности результатов, наличием грамотно подобранной теоретической базы. Практическая значимость работы несомненна, поскольку

выводы, полученные в результате исследования, могут быть использованы в деятельности органов государственной власти, занимающихся вопросами управления экономическим поведением хозяйствующих субъектов, послужить основой для разработки соответствующих программ развития территорий. Стиль, глубина и точность анализа и изложения материала дают основания утверждать, что исследование проведено и представлено на высоком научном уровне и, несомненно, отражает процесс приращения научного знания в области социологии.

А. Л. Кузеванова,
доктор социологических наук, профессор
(Волгоград, Россия)

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ...

IN ORDER TO REMEMBER...

ВЛАДИМИР АБУШЕНКО: ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ 60...

VLADIMIR ABUSHENKO: HE WOULD BE 60...

Владимиру Леонидовичу Абушенко 22 апреля исполнилось бы 60 лет. Его жизненный путь неожиданно и безвременно прервался буквально на взлете 26 сентября 2015 г. Трудно понять и тем более принять, когда талантливый и многообещающий ученый неожиданно уходит в самом расцвете сил... Он многое успел сделать за свою по-

философски короткую жизнь. Жил всегда на пределе возможностей, через «не могу», без должного признания, чаще непонимания и даже недоверия. Тихо сгорел на работе, которую любил и ненавидел одновременно...

Родился В. Л. Абушенко в Пинске. В 1979 г. окончил философское отделение исторического факультета Белорусского государственного университета. Работал преподавателем на кафедре философии Белорусского политехнического института (1979–1981), учился в очной аспирантуре Института социологических исследований Академии наук СССР (1981–1984), был научным сотрудником Института философии и права Академии наук БССР (1985–1990), трудился на кафедре социологии БГУ (с 1990 г.). С 2002 г. работал в Институте социологии Национальной академии наук Беларуси в должности заместителя директора по научной работе. В 1985 г. в Москве успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Проблемы постро-

ения системы показателей духовной деятельности личности в концепции социалистического образа жизни. Теоретико-методологический аспект» (научный руководитель – доктор философских наук, профессор И. Т. Левыкин).

Владимир Леонидович был в первой пятерке преподавателей кафедры социологии, которая открылась на новом философско-экономическом факультете БГУ. Можно сказать, что содержательное и методическое наполнение подготовки первых профессиональных белорусских социологов происходило с его непосредственным участием. Решения у нас во все времена принимались быстро, и исполнять их приходилось без должной подготовки. Не было никаких стандартов, планов и учебных программ. Не говоря уже об учебной литературе, пособиях, хрестоматиях. Отрабатывалось все на ходу в процессе преподавания, вместе с методистами и студентами одновременно.

В самом начале 1980-х гг. у Владимира Абушенко был московский период. Как видно, счастливый... О нем он всегда вспоминал с большой теплотой. Будущие классики делились всем, что успели наработать, в спорах, дискуссиях за чашечкой кофе, а иногда и покрепче рождалась истина. Он как губка впитывал новые знания, атмосферу творческих исканий... В Москве он существенно укрепил теоретически, основательно пополнил свой научный багаж новыми знаниями, «поварился» в академической, интеллектуально-насыщенной среде, приобщился к творческому процессу. И вместе с тем ощутил счастье самостоятельного мышления, услышал свой голос. Эта московская «прививка» академической вольницы, в чем-то беззаботной жиз-

ни свободного художника осталась в нем навсегда. Прийти к неожиданному результату или мысли, перелопатить еще груды книг и не одного товарища «пытать» с пристрастием, но докопаться до истины – вот такой был Владимир Абушенко...

Он достаточно рано определился с направлением своих научных изысканий. Его словно магнитом тянуло к огромному непознанному матерiku под названием «философия культуры», и он открыл для себя культурсоциологию. Увлёкся и много интересного и нового обнаружил в этой области. Социология не просто выделилась из философии – она никогда от нее и не отходила. Только исследовав огромное многовековое наследие философии, можно было созидать в социологии культуры, пытаться диагностировать общество эмпирически. Счастье – иметь такое наследие.

Смотришь на академическое коллективное фото после возвращения В. Л. Абушенко в Минск: все как на подбор статные, симпатичные и отчаянно молодые. Минск встретил молодого ученого приветливо и многообещающе... Радости и огорчения, победы и неудачи, заполненные до предела интересной работой будни, новые исследования, дискуссии и споры, командировки, конференции, свобода поиска наполнили до краев его жизнь. Владимир был верен себе: много читал, выступал, спорил до хрипоты, искал свой философский камень... Он выделялся среди академического сообщества целеустремленностью и глубиной погружения в проблемы социума, желанием расширить предмет еще только чуть обозначившейся специализации, был харизматичен, обладал достаточно выраженными лидерскими качествами.

Как ученый и преподаватель В. Л. Абушенко запомнится своей неповторимой, свойственной только ему логикой подачи материала, добрым и отзывчивым характером. Он любил общение и не жалел на это времени. Общение с ним обогащало собеседника и было неким неформальным университетом... Ему приходилось много писать всякого рода казенных бумаг, бюрократических отчетов, программ, планов. Как человек, безусловно, одаренный и творческий, он все время пытался освободить пространство для научной работы, но это ему, увы, не так часто удавалось. Он даже не догадывался, что время безвозвратно уходит, а фактически его не остается совсем...

Он создал свою неформальную лабораторию: его беседы, лекции, семинары со студентами и аспирантами становились отдушиной, которая питала его и давала возможность выплеснуть все начитанное и осмысленное, наработанное пытливым умом ученого, что не успевал записать и до

конца встроить в свою систему познания... Любил писать энциклопедические, небольшие формы, с удовольствием редактировал со своим другом Александром Грицановым огромные тематические энциклопедии, перелопачивал много материала в поисках лаконичных и точных формулировок и очень радовался, когда получалось... Трудился без устали, его можно было застать в кабинете с раннего утра до позднего вечера. Хотел и мог удивлять своих коллег и слушателей оригинальными идеями и энциклопедичными познаниями.

Владимир Леонидович никогда не думал о своем авторитете, величии, но с годами, я полагаю, к нему все же приходило понимание своей значимости, он не мог не видеть, не чувствовать своего влияния на молодых и начинающих... Но это влияние никак не афишировалось и даже наоборот: если он кого-то принимал, то в нарушение всех педагогических норм и правил максимально приближал к себе. Встречи с ним превращались в некий бесконечный мозговой шторм... Приходили те, кто хотел разобраться в сложности читаемого им материала, его лабиринтах мысли, необычности интерпретаций, его свободе и оригинальности. Для них он был чаще непонятен и непостижим, но в то же время был своим, открытым и доступным. После ухода Владимира Абушенко благодаря ученикам и уже последователям началась его «жизнь после смерти». По инициативе учеников, коллег, друзей в 2016 г. увидели свет две книги В. Л. Абушенко: «Основания культурсоциологии: избранные труды» и «Современная социология: проблемы, рамки, основания». Были также подготовлены их публичные презентации, появились первые отклики, рецензии...

С уходом Владимира Абушенко образовалась, по сути, невосполнимая ниша. Потеряли мы все и одновременно каждый в отдельности: его близкие, друзья, коллеги, студенты, аспиранты... Он не любил обращаться к врачам, много курил, мало двигался и всегда был под завязку загружен. Не без оснований считал, что завершит монографию, которая давно стояла в издательском плане, защитит докторскую диссертацию и еще много полезного и нужного сделает в этой жизни, но, увы, не суждено. Смерть настигла его в полете, в самом расцвете творческих сил.

Владимира Леонидовича Абушенко уже не вернуть... Он ушел, чтобы остаться в истории социологии, в памяти друзей и коллег. Он останется навсегда кумиром для тех, кто его боготворил, кому он был особенно близок, кто его понимал и верил ему беззаветно...

А. Н. Данилов

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN THE BSU

УДК 005.57(075.8)+316.77(075.8)

Стволыгин К. В. **Деловое общение и коммуникации** [Электронный ресурс] : учеб.-метод. комплекс для специальности: 1-86 01 01 «Социальная работа (по направлениям)» направления специальности 1-86 01 01-02 «Социальная работа (социально-психологическая деятельность)» / К. В. Стволыгин ; ГИУСТ БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2017. 147 с. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/173905>. Загл. с экрана. Деп. 09.06.2017, № 004609062017.

Учебно-методический комплекс «Деловое общение и коммуникации» подготовлен в целях учебно-методического обеспечения студентов первой ступени получения высшего образования ГИУСТ БГУ специальности 1-86 01 01 «Социальная работа (по направлениям)» направления специальности 1-86 01 01-02 «Социальная работа (социально-психологическая деятельность)». Учебно-методический комплекс включает 4 раздела: теоретический, практический, контроля знаний и вспомогательный, которые содержат базовый курс лекций для теоретического изучения учебной дисциплины «Деловое общение и коммуникации» в объеме, установленном типовым учебным планом, тематику семинарских занятий по курсу, проверочные тесты и задания, примерные вопросы итоговой аттестации, перечень учебных изданий, рекомендуемых для изучения учебной дисциплины.

УДК 364-786.4-056.24(476)(075.8)

Васильева Л. П. **Профориентация и реабилитация** [Электронный ресурс] : учеб.-метод. комплекс для специальности: 1-86 01 01 «Социальная работа (по направлениям)» направления специальности 1-86 01 01-03 «Социальная работа (социально-реабилитационная деятельность)» / Л. П. Васильева ; ГИУСТ БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск, 2016. 177 с.: ил. Библиогр.: с. 174–177. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/173142>. Загл. с экрана. Деп. 29.05.2017, № 003629052017.

Учебно-методический комплекс содержит краткий конспект лекций, а также программу дисциплины и контрольные вопросы. Предназначен для студентов специальности «Социальная работа» по направлению «Социально-реабилитационная деятельность» Государственного института управления и социальных технологий БГУ.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

<i>Шавель С. А.</i> Методологические основания исследования роли неэкономических факторов в системном развитии общества.....	4
<i>Кобяк О. В.</i> Методологические основы социологического моделирования поведения социальных субъектов в контексте теории М. Вебера	17
<i>Зборовский Г. Е.</i> Междисциплинарность и плюрализм методологических подходов в социологическом исследовании	25

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Титаренко Л. Г.</i> Фрагментация социологического рынка России: размышления и выводы	32
<i>Антонович И. И.</i> Столетие русских революций 1917 г. (статья вторая).....	41
<i>Михайловский В. М.</i> Развитие марксизма: методологические возможности синергетики	52
<i>Шуман А. Н.</i> Роевая рациональность и искусственные сети филаментов актина.....	59

БИОГРАФИИ УЧЕНЫХ

<i>Максимчик А. Н.</i> Малоизвестные страницы биографии и деятельности профессора С. З. Каценбогена (1889–1946)	65
---	----

ДИСКУССИЯ

<i>Берков В. Ф.</i> На путях преодоления методологического кризиса в социально-гуманитарных науках	87
--	----

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

<i>Гаврилик О. Н.</i> Монетарное мышление населения Республики Беларусь.....	95
<i>Карасева С. Г., Шкурова Е. В., Шатравский С. И.</i> Вовлеченность в религию как жизненная ценность: результаты исследования религиозного населения Беларуси	103
<i>Паньков И.</i> Административные элиты: автономия или подчинение?.....	111
<i>Белов А. А.</i> Урбанизация и образование как факторы возрастной специфики репродуктивного поведения.....	119

КУРС ПО ВЫБОРУ

<i>Можейко М. А.</i> Женщина глазами средневековой культуры: антифеминизм как фобия.....	128
--	-----

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Андрос И. А.</i> Сурмач М. Ю. Социология медицины: предмет, методология и сфера применения в Республике Беларусь	139
<i>Кузеванова А. Л.</i> Кобяк О. В. Экономическое поведение: принципы и методы социологического моделирования	141

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ...

<i>Данилов А. Н.</i> Владимир Абушенко: исполнилось бы 60... ..	143
Аннотации депонированных в БГУ работ	145

CONTENTS

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

<i>Shavel S. A.</i> Methodological grounds for researching the role of non-economic factors in the systemic development of society.....	4
<i>Kabiak A. V.</i> Methodological foundations of sociological modeling of behaviour of social actors in the context of Max Weber theory.....	17
<i>Zborovskii G. E.</i> Interdisciplinarity and pluralism of methodological approaches in sociological research	25

ARTICLES AND REPORTS

<i>Titarenko L. G.</i> Fragmentation of sociological market in Russia: thoughts and conclusions	32
<i>Antonovich I. I.</i> One hundredth anniversary of the Russian revolutions of 1917 (second article).....	41
<i>Mikhailouski V. S.</i> Marxism development: methodological possibilities of synergetics	52
<i>Schumann A. N.</i> Swarm intelligence and artificial networks of actin filaments	59

BIOGRAPHIES OF SCIENTISTS

<i>Maksimchik A. N.</i> Little known pages of biography and activities of professor S. Z. Katsenbogen (1889–1946).....	65
--	----

DISCUSSION

<i>Berkov V. F.</i> Methodological crisis in the social and human sciences and ways to overcome the crisis	87
--	----

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

<i>Haurylik A. N.</i> Monetary thinking of the population of the Republic of Belarus.....	95
<i>Karassyova S. G., Shkurova E. V., Shatrauski S. I.</i> Involvement in religion as a vital value: study of the religious population in Belarus	103
<i>Pankov I.</i> Administrative elites: autonomy or submission?	111
<i>Belov A. A.</i> Urbanization and education as factors of the age specificity of reproductive behaviour	119

OPTION COURSE

<i>Mojeiko M. A.</i> Woman in eyes of medieval culture: antifeminism as fobia.....	128
--	-----

CRITICS, BIBLIOGRAPHY

<i>Andros I. A.</i> Surmach M. U. The sociology of medicine: the subject, methodology and scope of application in the Republic of Belarus	139
<i>Kuzevanova A. L.</i> Kabiak A. V. Economic behaviour: principles and methods of sociological modeling....	141

IN ORDER TO REMEMBER...

<i>Danilov A. N.</i> Vladimir Abushenko: he would be 60... ..	143
Indicative abstracts of the papers deposited in the BSU	145

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по социологическим, политическим и философским наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. Социология.
№ 2. 2017**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: ул. Кальварийская, 9, каб. 636, 637,
220004, г. Минск.

Тел. 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: vestnikbsu@mail.ru
vestnikbsu@bsu.by

«Журнал Белорусского государственного
университета. Социология» издается с сентября 1997 г.
До 2017 г. выходил под названием «Социология»
(ISSN 2071-0968).

Редактор *Е. В. Жерносек*
Технические редакторы *Ю. А. Тарайковская,*
Т. А. Караневич
Корректор *М. А. Подголина*

Подписано в печать 04.07.2017.
Тираж 220 экз. Заказ 509.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского
государственного университета».
ЛП № 02330/117 от 14.04.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.

© БГУ, 2017

**Journal
of the Belarusian State University. Sociology.
No. 2. 2017**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: Niezaliežnasci Ave., 4,
220030, Minsk.

Correspondence address: Kalvaryjskaja Str., 9, office 636, 637,
220004, Minsk.

Tel. 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: vestnikbsu@mail.ru
vestnikbsu@bsu.by

«Journal of the Belarusian State University. Sociology»
published since September, 1997.
Until 2017 named «Sotsiologiya»
(ISSN 2071-0968).

Editor *E. V. Zhernosek*
Technical editors *Y. A. Taraikouskaya, T. A. Karanevich*
Proofreader *M. A. Podgolina*

Signed print 04.07.2017.
Edition 220 copies. Order number 509.

Publishing Center of BSU.
License for publishing No. 02330/117, 14 April, 2014.
Čyrvonaarmiejskaja Str., 6, 220030, Minsk.

© BSU, 2017